

ББК 63.3(2)

Ш 34

*Незабвенной памяти моего отца
Николая Николаевича Повало-Швейковского*

*Издание выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 96-01-16236)*

ШВЕЙКОВСКАЯ Е. Н.

Ш 34 Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. —
М.: Археографический центр, 1997. — 285 с.
ISBN 5-86169-058-9

Монография выполнена в русле общей исторической проблемы — власть и общество. Новый ракурс рассмотрения темы по вертикали социальных отношений (государство — черносошные крестьяне) позволил осветить имущественно-правовые стороны их землевладения, нормы обычного права, существовавшие при господстве государственного законодательства и права, установить сферы взаимодействия государственной и земско-выборной ветвей власти, охарактеризовать ментальные представления крестьян о земле и власти.

Для историков, преподавателей и студентов гуманитарного профиля и читателей, интересующихся прошлым России.

Ш 0503020200-53 Без объявл.
8Д0(03)-097

ББК 63.3(2)

ISBN 5-86169-058-9

© Е. Н. Швейковская, 1997
© Археографический центр,
оформление 1997

ВВЕДЕНИЕ

Узловая проблема общественного бытия — власть и собственность, власть и общество — занимала и будет занимать умы историков. Для России XV — середины XIX в. она конкретизируется как государство и сословия и вызывает повышенный интерес. Феодализму, при всей его целостности, за длительную эпоху существования были присущи разные социальные формы. Одну из них представляли общественные отношения, при которых занятые сельскохозяйственным производством крестьяне, называемые черносошными, лично не зависели от власти частного феодала, работали на земле, которая была по существу государственно-корпоративной разновидностью феодальной собственности. В XV–XVI вв. она, по-разному сочетаясь с частнофеодальной (вотчинной, поместной), домениальной (дворцовой), была смешанно распространена по территории Северо-Восточной Руси. Протекавший в эти столетия процесс поглощения черных земель частнофеодальными владениями (вотчиной и затем поместьем) постепенно вытеснял черносошное землевладение на периферию от Москвы. Активные раздачи земли во втором десятилетии XVII в. практически свели его на нет в Замосковном крае¹. В XVII в. север Европейской России оставался средоточием черносошных крестьян (испомещение не продвинулось севернее Белозерского и Вологодского уездов). Именно эта категория крестьян, находившаяся в орбите государственно-централизованной эксплуатации, стала предметом внимания.

¹ См.: Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. М., 1937. С. 223–230.

Россия в XVII в. представляла собой унитарное государство, а по форме правления была сословно-представительной монархией. В течение XVII в. политические институты государственной власти эволюционировали к абсолютной монархии. Отражением этого процесса было затухание активной деятельности Земских соборов, все более сильная централизация местного управления². Обеспечение функционирования политического режима, регулирование социальных отношений во избежание нарушения равновесия и высвобождения деструктивных сил, поддержание правопорядка — таковы основные задачи государства. В то же время оно способствует развитию и упрочению господствующих экономических отношений, и этим целям служат органы властвования и управления. Через административно-судебные и фискальные органы местного и центрального управления происходили контакты черносошных крестьян с феодалами, и не непосредственно, как в частной вотчине, а опосредованно. Отсутствие на черносошном Севере между крестьянами и государством хозяйственно-управленческого звена (а такое было на государственных землях Сибири — приказчики, слободчики), дистанцирование черносошных крестьян от феодалов создавало условия внешне проявлявшейся свободы.

Почти четверть века длилась дискуссия о природе землевладения черносошных крестьян, ее на протяжении 1960–1970-х гг. интенсивно вели московские и ленинградские ученые и, по преимуществу, в области экономических отношений, выясняя особенности землевладения и сущность налоговых взиманий. Такой ракурс изучения предопределил трактовку темы как бы в горизонтальной плоскости: специфика землевладения — своеобразие социального положения черносошных крестьян. Возможно и целесообразно расширить исследовательское поле за счет политико-правового рассмотрения и по вертикали взаимосвязей: государство — крестьяне. Двухуровневое изучение придаст новое звучание проблеме, устремленной, в конечном счете, к познанию многогранности российского феодализма.

Основными направлениями в раскрытии темы стали следующие вопросы. Во-первых, земельные отношения, главным образом между самими крестьянами, при сосредоточении на таком важном и пока слабо изученном аспекте, как имущественные и правовые отношения; они покоились на обычном праве и слабо подверга-

² См.: Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

лись воздействию законодательства. Вместе с тем прослеживаются взаимоотношения черносошных крестьян с государством как верховным собственником земли, проявлявшиеся через устойчивые связи с представителями политико-властных органов. Именно эти вопросы — наиболее дискуссионные в историографии.

Во-вторых, сосуществование в рамках государственного законодательства обычно-правовых норм, которыми крестьяне руководствовались на практике, регулировали разнообразные хозяйственно-бытовые ситуации, и в то же время они отражали правосознание крестьян. Эта задача непосредственно вытекает из первой и практически не исследована.

В-третьих, интеграция общинного самоуправления в систему государственной власти, выявление сфер взаимодействия земского самоуправления и государственного администрирования, и настоятельная необходимость определения положения общинной власти в системе местной государственной администрации.

Необходимый компонент при анализе социально-экономического положения черносошных крестьян — показ проявления свободы при сословной непривилегированности и несвободе. Черносошные крестьяне лично не были закрепощены и уже в силу этого располагали большей свободой, чем помещико-вотчинные. Известна активность общин на черносошных землях, в том числе в поземельных делах, тяглом обложении, самоуправлении. Однако в границах имевшейся свободы прослеживались реальные варианты феодальной зависимости. Нагляднее всего они подчеркнуты казенной десятинной пашней в Сибири.

Район исследования — поморский Север — задан существованием именно в нем черносошного крестьянства. Поморье в XVI–XVII вв. представляло собой историко-географическую область, связанную общностью развития и определенными хозяйственно-культурными особенностями. Одной из отличительных черт была земледельческо-промысловая ориентация крестьянского хозяйства, что придавало своеобразие району. Это обстоятельство позволяет рассматривать Поморье как самостоятельную географо-экономическую единицу. Однако, как во всякой крупной зоне, в Поморье существовали внутренние порайонные различия, сформированные местными условиями. Последние варьировали направленность хозяйства от промыслового на севере зоны до земледельческого с промысловыми элементами на ее юге. В регионе вы-

явилось несколько крупных областей, подробную характеристику которых дал П. А. Колесников³.

Непосредственный район изучения — южные и юго-восточные области центрального Поморья, где сельское хозяйство играло существенную роль и дополнялось промыслами. Они в XVII в. составили территории Тотемского, Устюжского, Сольвычегодского уездов и Устьянских волостей. Все они, а также Чарондская округа, входили в ведомство Устюжской четверти, управлявшей ими, что также повлияло на избрание территории для исследования. По социальной принадлежности это уезды преобладания черносошных крестьян с вкраплением монастырских и частнофеодальных (Строгановы) земель и крестьян, которые составляли от 1 до 7%; только в Сольвычегодском у. монастырские владения достигали 13%, а находившиеся здесь вотчины Строгановых — 6%.

Хронологически работа, в принципе, охватывает 20–70-е гг. XVII в. К 20-м гг. правительство справилось с последствиями Смутного времени, в том числе казацкими походами, от которых пострадали изучаемые уезды. В эти же 20-е гг. оно вело усиленную кадастровую деятельность для выявления экономических, финансовых и людских ресурсов страны. Черносошным крестьянам правительство отводило немалую роль в наполнении государственной казны, испытывавшей хронический дефицит. После ряда мероприятий — введения соляной пошлины в 1646 г., чеканки медной монеты, ходившей по курсу серебряной в 1654–1663 гг., не приведших к увеличению фискальных поступлений, а, наоборот, дестабилизировавших экономику, правительство реформировало в 1679 г. систему прямых налогов, унифицировав их и, главное, сменив поземельный принцип обложения на подворный. Это постепенно привело к финансовой упорядоченности, ликвидации недоимок⁴, способствовало упрочению хозяйства. Податная реформа конца 70-х гг. — важная веха для социально-экономического развития России в целом и региона в частности. Хронологические рамки, естественно, не ограничиваются означенным периодом, они подвижны в обе стороны.

Материалом для написания работы стали по преимуществу архивные источники из фондов Российского государственного архива древних актов. Это громадный фонд Приказные дела старых

³ Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 48–62.

⁴ См.: Мацук М. А. Крестьяне Коми края в конце XVI–XVII в. Феодальная эксплуатация. М., 1990.

лет (ф. 141), хранящий столбцы и книги приказного делопроизводства, в том числе Устюжской четверти. Интересный по документальному составу фонд Боярские и городовые книги (ф. 137), где сосредоточились финансово-налоговые источники центральных учреждений и документы, возникшие в местных, но присланные в центральные. Писцовое описание 1625 г. из фонда Поместного приказа (ф. 1209). Источники разноплановые, требующие каждый своего методического подхода, разных приемов обработки и анализа сведений.

В первую очередь разбору подверглись поземельные акты — купчие, меновные, закладные и другие грамоты, оформлявшие различные сделки крестьян. Поземельный акт возникает и существует в сфере социально-имущественных отношений. Он появляется в результате сделки контрагентов, которая имеет договорный характер. Участниками сделки были лица как одного социального статуса — либо феодалы, либо непосредственные производители, так и разного, когда непосредственному производителю противостоял феодал. Актам, регистрировавшим переход крестьянской земли к феодалам, уделено в историографии достаточно внимания в связи с изучением социально-экономического развития страны в XV — первой половине XVI в. Хорошо известны в этой области исследования Л. В. Черепнина, А. Д. Горского, Н. Н. Покровского, С. М. Каштанова, Ю. Г. Алексеева, Л. И. Ивиной, В. Б. Кобрин и других ученых.

Акцент в работе сделан на грамотах, оформлявших сделки на недвижимое имущество в межкрестьянской среде, ибо они изучены гораздо слабее, чем те, о которых говорилось выше. Акты поземельных сделок между крестьянами и феодалами, как известно, сохранились в составе архивов северных монастырей. Грамоты по Подвинью из монастырских архивов, «куда они передавались вместе с землями, отчужденными крестьянами в пользу монастырей», изучал А. И. Копанев⁵. Эти документы говорят прежде всего о приобретении монастырями крестьянских участков, росте монастырских земельных владений и в конечном счете о поглощении феодальной вотчиной крестьянских земель в черносошных волостях. В XVI–XVII вв. волостные земли на Севере переходили в частнофеодальную собственность, т. е. продолжался процесс, столь интенсивно протекавший в среднерусских уездах в XV — первой половине XVI в. И хотя вместе с актом отчуждения на земельный

⁵ Копанев А. И. Крестьянство в XVI в. С. 13.

участок монастырь получал от крестьянина документы предыдущих сделок, конечный акт в корне менял статус земли. Сосредоточиться на изучении поземельных сделок между крестьянами важно еще и потому, что в момент их совершения не присутствовали представители государственной феодальной администрации. Поземельные отношения крестьян при этом предстают в наиболее чистом виде, не осложненные сторонним влиянием.

Для предпринятого исследования акты межкрестьянских поземельных сделок целенаправленно выявлялись среди столбцов ф. Приказные дела старых лет. Их было извлечено около 600, и характеристика актов по разновидностям дается в соответствующей главе. Замечу, что акты отложились в делах Устюжской четверти, а относятся главным образом к Сольвычегодскому у. Они представляют собой по преимуществу списки с подлинных актов, предъявленных в приказ — центральную судебную инстанцию при разборах поземельных тяжб.

Источниковедческая характеристика поземельных актов, касающихся крестьянского землевладения, имеется в литературе. Н. Н. Покровский основательно разобрал разновидности актов XIV–XVI вв., относящиеся к Центру и Подвинью. Он показал, как со временем в актах появлялись становившиеся обязательными сведения о районе, в котором находился объект сделки, об обосновании права на владение землей, датировка сделки. Для каждого вида документов ученый раскрыл их назначение, цель составления, краткое содержание, участников сделки⁶. А. И. Копанев, предвзято выходя своей книги о крестьянах севера в XVI в., опубликовал отдельную статью, посвященную дипломатической характеристике поземельных актов Подвинья XVI в. В центре его внимания — формуляр грамот, контрагенты и объекты сделок. Вид преобладающей сделки, подтверждение права на держание отчуждаемой земли (наследование, приобретение, труд), причина реализации земли, уплата налогов, безвозвратность сделки и другие вопросы подробно рассмотрены исследователем⁷. Специально дипломатике новгородского частного акта посвящена работа В. Ф. Андреева⁸. Из этих источниковедческих разборов, дающих

⁶ Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973. С. 47–62.

⁷ Копанев А. И. Дипломатика поземельных актов двинских крестьян XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VI. Л., 1974; он же. Крестьянство в XVI в.; он же. Крестьяне в XVII в.

⁸ Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. Л., 1986. Здесь же дана историография вопроса.

также и историографию вопроса, поземельные акты, в том числе и крестьянские, как вид источника предстают достаточно ясно, и потому нет необходимости развернуто их характеризовать.

Привлеченные к исследованию писцовые книги 1625/26 г. и другой отложившийся в деятельности писцов материал также не нуждаются в специальной аттестации. Ведь почти столетие занимают историки изучением писцовых книг, и исследовательский интерес к ним не затухает, а в отдельные периоды вспыхивает с новой силой. Так было, например, в 70-е гг., когда коллектив ленинградских историков массированно работал с новгородскими писцовыми книгами, создавая аграрную историю северо-западного региона России конца XV–XVII в. В последние два-три десятилетия редкая работа по социально-экономической истории России XVI–XVII вв. обходится без обращения к писцовым книгам. Из этого «животворного» источника историки черпают сведения для изучения конкретных вопросов землевладения и хозяйства (например, земельной обеспеченности как феодалов, так и крестьян, величины и тяжести обложения последних), собственно источниковедческих штудий, а также таких исторических дисциплин, как топо-, антропо-, гидронимия. Историки, правда, обращаются к ним в таких целях не столь часто, хотя хорошо известны работы М. В. Витова, В. А. Кучкина и других исследователей по локализации поселений. Н. Н. Масленникова по антропонимическим данным показала стабильность зависимого населения в феодальном владении. Антропонимия класса феодалов и определенные генеалогические наблюдения также прослеживаются по писцовым книгам⁹. Ярko вырисовывается по ним гидрографическая сеть, имевшая немаловажное значение при выяснении колонизационных процессов.

Каждый исследователь, работавший с писцовыми книгами, хорошо знает строгий порядок подачи сведений в них и их четкие формулировки. Эта особенность книг — весьма характерна, хотя

⁹ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962; он же. Северорусская топонимия XV–XVIII вв. // Вопросы языкознания. 1967. № 4; Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984; Масленникова Н. Н. Опыт изучения крестьянских переходов в XVI в. по данным топо- и антропонимии // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вып. 1. Вологда, 1976; Кобрин В. Б. Генеалогия и антропонимика (По русским материалам XV–XVI вв.) // История и генеалогия. М., 1977; он же. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995.

они различаются подробностью информации, что зависело, как известно, в немалой степени от личных качеств писцов и их отношения к делу. Во всяком случае, в тексте каждого описания легко выделяются структурные элементы, и формализация текста высока. Данное обстоятельство позволяет группировать данные книг в разных сочетаниях, а также подойти к самой записи как актовому формуляру. Именно такая оценка сведений писцовых книг сделана авторами коллективной монографии «Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия», которые применили приемы дипломатики частных актов и к источнику, не имеющему, казалось бы, ничего общего с актами¹⁰.

Писцовые книги — полифункциональны по своему характеру, они сочетают принципы земельного кадастра и обложения. Форма фиксации сведений в них подчинена кадастровой задаче. Отсюда и выразительность содержательных статей, дающая возможность манипулировать их данными. Для суждений, например, о числе землевладельцев и количестве угодий (пахотных, сенокосных, лесных), числе поселений и зависимого населения в том или ином уезде конкретные сведения книг достаточно просто группируются для статистической обработки.

Однако при всей однозначности материала в книгах имеется информация, дополняющая их основное содержание и не вполне укладывающаяся в основные структурные элементы. Таковы, например, данные о приобретении землевладельцами деревень и крестьян, о переводе последних из одного владения в другое, о беглых дворовых людях и крестьянах при описании земель феодалов, об изменении основания владения (по какой-либо сделке), пользовании дополнительными оброчными угодьями, росчистями при описании черносошных деревень.

Писцовые книги Сольвычегодского у. середины 20-х гг. XVII в. использованы для ответа на до сих пор не ставившийся на их материале вопрос, а именно: о способах приобретения и тех условиях, по которым крестьяне владели своими землями. В них, в отличие от описаний центрально-русских уездов с частнофеодальным землевладением, вслед за именами дворохозяев в каждой деревне сообщается, почему, каким образом крестьянин владеет тем или иным участком. Ученые, занимавшиеся социально-экономической историей Севера, не обращали внимания на эти сведения. После них писцы дают обычные для всех писцовых книг данные о

¹⁰ Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. М., 1986. С. 87–89.

размере пашни паханой, перелог, окладе живущего и т. д. Отмечу попутно, что выписи из писцовых книг, сделанные по какому-нибудь конкретному поводу, например в Устюжской четверти, опускают указание на основание владения. Писцовые книги и поземельные акты в совокупности дали массовый материал для убедительного суждения о характере землевладения черносошных крестьян.

Самостоятельную группу составили приходные и расходные книги разных общественных ячеек, источники учетного характера. Во-первых, книги Устюжской четверти, приходные за 1625/26, 1652/53 гг. и расходные 1626/27, 1653/54 гг., а также смета 1626/27 г. Наряду с ними привлечена приходная книга 1620/21 г., опубликованная в издании «Приходные и расходные книги московских приказов 1619–1621 гг.» (М., 1983). Во-вторых, книги земских миров: прихода-расходная 1653/54 г. Сольвычегодска, расходная 1666/67 г. Устюга, приходные и расходные 1675/76 г. Тотмы. обстоятельная источниковедческая характеристика книг, их классификация и типология составили самостоятельный параграф работы. Такая попытка классификации приходных и расходных книг разных типов и видов предпринята впервые. Сознаю, что она далека от совершенства, и надеюсь, что со временем эти источники, не менее богатые по содержанию, чем писцовые книги, не только шире войдут в арсенал исторических исследований, но и станут предметом источниковедческого изучения, а также пополнят публикации документов.

Приходные и расходные книги четвертей, в данном случае Устюжской, — официальные правительственные документы финансового назначения. Они характеризуют поступление и расходование государственных средств, а также социальную направленность фискальной политики. Говоря о последней, наши исследования чаще имеют в виду тяжесть налогового пресса для плательщиков. Не менее важно знать социальный аспект расходования полученных казной средств. И если на вопрос, в чьих интересах тратились государственные доходы, априорно можно ответить, то каков механизм их распределения по статьям расхода, какие социальные слои и группы и в каком виде и размере черпали деньги из казны, наименее ясен. Оценить вклад черносошных крестьян в поступления казны и узнать, какие из расходов ими покрывались, именно в таком новом ракурсе использованы материалы приходных и расходных книг Устюжской четверти. Замечу попутно, что книги не только велики по объему, но и весьма трудоемки в обработке.

Приходные и расходные книги всеуездных миров велись в городах. Однако это совсем не значит, что своим происхождением они обязаны только посадскому миру. Земская изба была конечной инстанцией, куда стекались мирские платежи каждого крестьянина, поступавшие из волостей на основании разубов. Каждый волощанин был соучастником поступлений во всеземскую кассу и трат, производившихся из нее. Расходные книги земских властей раскрывают каждодневные отношения мира и местной государственной администрации — воеводы и аппарата приказной избы.

Естественно, что наряду с перечисленными группами источников использованы разнохарактерные документы, отложившиеся в результате работы Устюжской четверти, — грамоты, разнообразные отписки, выписи из писцовых книг, из отпусков грамот самой четверти, грамоты, отсылаемые на места по совершенно различным вопросам, например, о новоприбылых доходах, жалованье местной администрации и т. д., судные дела, начиная с исковой челобитной и кончая решением по земельным и иным имущественным конфликтам, и другие делопроизводственные материалы.

Историографическая разработка хозяйствования и своеобразного положения поморских крестьян имеет давнюю традицию. Дореволюционные историки накопили большой фактический материал о категориях сельского населения, размерах деревни, величине крестьянских дворов, видах землевладения (черносошного, монастырского, и церковного, частновладельческого), местном самоуправлении, сферах его действия и судьбах, об обложении, разверстке и взимании налогов. Это давно используемые труды А. Я. Ефименко, П. А. Соколовского, П. И. Иванова, М. М. Богословского, М. А. Островской, П. Н. Милюкова, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Б. Веселовского.

Советские историки, подходя к разным группам сельского населения как к сословным категориям феодального общества, продолжили исследование положения черносошных крестьян как Центра, так и Севера России. К настоящему времени хорошо выяснены: уровень и интенсивность земледельческого освоения, влияние миграционных потоков на развитие производительных сил Поморья (П. А. Колесников); социальная и поземельная структура поморской деревни, существо которой состояло в подворно-участковом, а не долевым (как полагала А. Я. Ефименко) владении, хозяйственные занятия крестьян (земледелие, животноводство, промыслы), степень налогового гнета, общественная жизнь волости (А. И. Копанев); принципы землевладения черносошных

общин на Севере (наряду с Центром) с правом распоряжения землями (Л. В. Данилова, Н. Н. Покровский, А. И. Копанев, Н. Е. Носов); развитие промыслов и ремесла, а также товарного производства в таких, например, центрах, как Устюг, Соликамск; отраслевая специализация областных рынков, формирование местных и межобластных товарооборотов и связей, втянутость в эти процессы посадских и сельских жителей (Н. В. Устюгов, А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов); социальная дифференциация, переходящая в «расслоение», посадских людей и черносошных крестьян, стимулированная обращением земли между ними (Н. В. Устюгов, А. А. Преображенский, А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов, П. А. Колесников, А. И. Копанев); разносторонняя хозяйственная деятельность Строгановых в земледелии, промыслах, торговле (А. А. Введенский, Н. В. Устюгов). Изученные вопросы, которые, конечно, не исчерпываются перечисленными, очерчены суммарно, более же основательное рассмотрение литературы, которое предвзает изложение конкретных положений работы, отнесено в главы.

Необходимо подчеркнуть следующий момент. Несмотря на незатухающий интерес историков к проблемам землевладения и самоуправления черносошных крестьян, остаются аспекты, не получившие достаточного освещения. Изучение характера черносошного землевладения, интенсивно проводившееся в 60–70-е гг. и выявившее противоположные взгляды на принципы владения крестьянами землей и степень их свободы, как раз и позволили обратить внимание на имущественно-правовой аспект крестьянского землевладения, включенность крестьянина через общину и ее представителей в самоуправление и в отношения с чинами местной государственной администрации, на осознание крестьянами своего места в вертикали сословно-общественной иерархии. Эти сюжеты наименее изучены для темы о черносошном землевладении крестьян, а также в приложении к другим категориям сельского населения феодальной России XVI–XVIII вв.

Так как историки накопили достаточно обоснованных суждений, например, о социальной структуре северной деревни (крестьяне, половники, бобыли), о подворной величине деревень, их населенности, семейном составе и числе жителей во дворе, обеспечении двора землей, размере тягла и налоговых платежей, способах раскладки и взимания налогов, в данной работе показалось не целесообразным сосредоточивать на них специально еще раз внимание. А имея в виду и обобщая, когда это необходимо, уже накопленные историографией данные, интерпретировать их и

подключать к раскрытию поднимаемых в работе сюжетов, стараясь больше отвечать на вопросы «как» и «почему», нежели «что».

Монография логически продолжает исследование мною северорусской группы крестьян. В книге «Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в.» (М., 1976) на материале о частнофеодальных — монастырских и архиепископских, а также помещичьих — крестьянах Вологодского у. были изучены рабочий потенциал двора (структура, численность крестьянской семьи, число работников в ней), обеспеченность его земель. При этом двор как низовая хозяйственная ячейка рассматривался в единой системе с вотчиной и через нее — с государством. Другая система социальных связей крестьянского двора была выявлена через земельные отношения в общине. Не только формам землевладения и регулированию землепользования, но и видам распоряжения землей было уделено внимание. Монастырские и архиепископские крестьяне практиковали завешание, разделы, обмены, куплю-продажу земельных наделов в пределах феодальной вотчины. Тем самым они реализовали свое право распоряжения имуществом как лица, обладавшие гражданской дееспособностью, но ограниченную личной зависимостью от феодала.

Получение принципиального по своему значению результата по вопросу, не имевшему до тех пор ясности в историографии, стало импульсом для обращения к другой категории крестьян — черносошной. Их распорядительные сделки с землей были явной реальностью, однако по-разному оцениваемой и интерпретируемой в историографии. Именно факт распоряжения крестьян землей служил главным аргументом в доказательствах одних ученых, считавших черносошных крестьян собственниками своих земель в XV–XVI вв. и терявших право собственности на них с подпаданием под частнофеодальную юрисдикцию, и других, видевших в мобилизации крестьянских земель источник развития раннекапиталистических отношений в XVI–XVII вв.

Попыткой разобраться, поискать новые пути и подходы к трактовке дискуссионной проблемы и стала предлагаемая работа.

* * *

Завершение книги совпало с переломными событиями 1991–1992 гг., и сюжеты о принципах владения землей, ее налогообложении, бюджете, местном самоуправлении приобрели современное звучание. Историк России далеких эпох не безучастен к современной ему жизни, которая воспринимается острее, а порой тревожнее, от встречающегося в наше время забвения прошлого.

Его незнание «неизбежно приводит к непониманию настоящего»¹¹. Живым и заинтересованным было обсуждение монографии моими коллегами и сотрудниками, за что я признательна Н. Ф. Демидовой, Л. В. Даниловой, С. М. Каштанову, А. И. Клибанову, Е. И. Колычевой, В. Д. Назарову, Н. И. Никитину, А. А. Преображенскому, М. А. Рахматуллину, А. Л. Хорошкевич и всем высказавшим свои суждения. Моя особая благодарность Н. А. Горской за постоянное содействие и поддержку. Ценными замечаниями поделились мои коллеги В. И. Буганов, Ю. А. Тихонов, В. А. Кучкин, Л. В. Милов, Б. Н. Флоря, В. М. Панях, А. П. Павлов, П. А. Колесников, А. В. Камкин. Я благодарна своим друзьям И. Л. Беленькому, Л. И. Грацианской, Е. А. Мельниковой, А. Б. Каменскому, А. В. Юрасовскому, В. Я. Росоловскому и безвременно ушедшим С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславскому, С. Я. Серову за добрые советы и неизменную помощь. Сотрудники РГАДА любезно содействовали мне при работе над хранимыми ими бесценными материалами.

Эта книга рождалась в постоянном творческом общении с В. А. Александровым, моим наставником и другом, поддерживавшим меня в трудностях и сомнениях, умевшим разделить мои успехи и радости. Светлую память о нем я бережно храню.

¹¹ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 27.

ГЛАВА 1

АГРАРНЫЙ ПЕЙЗАЖ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ КРАЯ

Аграрный пейзаж

Территория европейского Севера, раскинувшаяся на громадном пространстве от границ Финляндии до Уральских гор и от широты Вологды до Баренцева моря, естественно распадалась на несколько областей. Обонежье и Заволочье — обширнейшие зоны влияния Новгородской феодальной республики, а Устюжская земля — сфера влияния Ростово-Суздальского княжества. Так во времена русского средневековья столкнулись на Севере два мощных потока колонизации. XVII век застаёт здесь органически сложившееся областное деление. «Административная карта Поморья в XVII в., — писал в своей фундаментальной работе М. М. Богословский, — это причудливый узор, выведенный историей, создавшей местные разнообразия, а не геометрический чертёж, построенный законодателем, руководившимся началом единства и стиранием все местные особенности»¹. Действительно, при взгляде на карту региона видишь оазисы расселения, вкрапленные среди таежного леса и привязанные к рекам и озерам.

М. М. Богословский впервые в исторической науке обстоятельно изложил состояние административно-территориального де-

ления Поморья в XVII в. Он показал его на двух уровнях — уездном и волостном, а отправной точкой для этого стало распределение уездов по ведомствам Устюжской и Новгородской четвертей. С пристальным вниманием ученый рассмотрел состав населения, городского и сельского, ввел читателя в северную деревню, показав ее как тип поселения. М. М. Богословский подчеркнул неразрывность понятий, аккумулярованных в термине «деревня», а именно: поселения и совокупности угодий, прежде всего пахотных и сенокосных. Наблюдения и выводы исследователя по этому кругу вопросов, принятые впоследствии историографией, имели значение не только для исторических сочинений, но и для дисциплин, оформившихся как самостоятельные гораздо позже публикации труда М. М. Богословского, — исторических географии и демографии.

Территориальное деление Поморья, характер расселения и поселений обусловлены природными факторами, и с учетом их взаимосвязи они рассмотрены М. М. Богословским. Такие данные стали необходимыми компонентами, характеризующими географическую среду.

Сюжеты о ней, а также о социальной общности Поморья (наряду с его районированием) находим в работе, написанной многие десятилетия спустя после книги М. М. Богословского и посвященной северной деревне в XV — первой половине XIX в. Ее автор П. А. Колесников совершенно справедливо пишет, что значение труда М. М. Богословского «трудно переоценить» и невозможно изучать историю севера XVII в., «не пользуясь фактическим материалом этой книги»². П. А. Колесников за длительный хронологический отрезок показывает административно-территориальное деление, заселение края, сельские поселения и численность разных групп сельского населения. Исследователь поднимает также ряд важных вопросов: для исторической демографии — это миграции населения и их причины, а для социально-экономического развития — сельскохозяйственное освоение земель, его интенсивность в разные временные периоды, системы земледелия, уровень земледельческого производства. Эти две работы имеют сквозные и взаимодополняющие сюжеты, от них можно оттолкнуться и попытаться нарисовать аграрный пейзаж избранного района.

Взаимодействие человека с природой, а конкретнее — с окружающим его ландшафтом, проходит через два этапа: сначала сам человек приспосабливается к природе, а затем приспособлива-

¹ Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909. С. 9.

² Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 15.

ет природу, активно воздействуя на нее. Земледельческая деятельность человека, как никакая другая, подвержена природным катаклизмам — засухам, заморозкам, наводнениям, ураганам и т. д., наносящим ущерб урожаям. В средневековье человек и плоды его труда зависели от природы гораздо сильнее, чем сейчас, в пору развитой индустрии и международного сотрудничества.

Материальная жизнь в аграрной стране подчинена сезонно-циклическим климатическим колебаниям и непрерывным вариациям атмосферного давления, температур, осадков. В XVII в. произошло значительное похолодание, волна которого распространялась из Арктики, где во второй половине XVII в. увеличивалась ледовитость арктических морей³. Суровых снежных зим в первую половину века было 12, а во вторую — 19, проливных дождей и наводнений — 7 и 14 соответственно, голодных лет в каждой половине столетия — по 12-ти⁴. Климатические экстремумы 1601–1603 гг., приведшие к страшному голоду, постигшему страну в результате катастрофического неурожая, хорошо известны. Цена на хлеб в Сольвычегодске осенью 1601 г. была в 6 раз выше, чем в Центре России, и в 30–40 раз выше, чем до голода (она выросла с 2,5–3,75 коп. до рубля за четверть ржи)⁵. В 1669 г. неожиданно «о Ильине дни (20 июля ст. ст.) выпал снег выше колена и лежал на полях трои сутки», и, разумеется, «хлеб ржаной и яровой подавило без остатку». Снегопад сопровождался «градом и морозом»⁶. Даже если крестьяне Тотемского и Устюжского уездов несколько сгустили краски, говоря об этом природном явлении, то снег и заморозки в июле никак не способствуют созревающим злакам. Поморье, конечно, сильнее, чем центральные уезды, подвергалось неблагоприятным климатическим явлениям.

Географическая среда региона не обладает условиями для оптимального сельскохозяйственного развития. Ведущим компонентом поморского ландшафта был лес, «дикий», «черный», т. е. коренной, едовый и бескрайний. Он прорезан реками, в поймах которых — очаги земледелия. Сухона и Северная Двина — гидрографический нерв центрального Поморья, а также основная маги-

страль крупнейшего района Севера. Именно эта водная дорога связывала самый север — Подвине через Вологду с центром России.

Таежный лес и реки — это те природные константы, которые определяли освоение и природопользование региона. В отличие от зон лесостепной, лесной с ее обширными опольями, где проложить и поддерживать сухопутные дороги много легче, чем в таежной зоне Севера, в последней именно реки были трассами освоения и коммуникации. Речные системы по сравнению с другими природными объектами подвергались и более интенсивному антропогенному воздействию. В. С. Жекулин обратил внимание на то обстоятельство, что историческая оценка природных условий часто не совпадает с современной. Например, в XIV–XV вв. в Новгородском крае наиболее плодородными почвами считались песчаные и иловатые (легкие и «теплые», удобные для обработки), а дерново-карбонатные, потенциально наиболее богатые почвенные разновидности, в силу своих неблагоприятных физических свойств к «добрым» не причислялись⁷. Местности с «теплыми» почвами располагались вдоль рек и озер, и их осваивали крестьяне в первую очередь. На втором этапе они обживали места, хорошо дренированные со слабоподзолистыми почвами, а также слабо дренированные с отдельными участками, удобными для ведения сельского хозяйства. В. С. Жекулин квалифицировал их как местности сплошного и выборочного освоения⁸.

Почти все реки Поморья текут в меридиональном направлении с юга на север, и почвы в их долинах поэтому несколько теплее, чем на водоразделах. Реки полноводны, летом медеют мало. Истоки многих из них подходят близко друг к другу, что обеспечивало сравнительно простую систему волоков. Водораздельные пространства покрыты по преимуществу хвойными лесами и болотами. Первопоселенцы, будь то новгородцы или ростово-суздальские выходцы, неся с собой прочные земледельческие навыки, оседали в речных долинах, подчиняясь природным ландшафтам.

Именно такой способ расселения подтверждается списком Двинских земель, который был составлен в великокняжеской кан-

³ Борисенков Е. И. Климат и деятельность человека. М., 1982. С. 23, 29.

⁴ Бучинский И. Е. О климате прошлого Русской равнины. Л., 1957. С. 103; ср.: Дулов А. В. Географическая среда и история России. Конец XV — середина XIX в. М., 1983. С. 15.

⁵ Корещий В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975. С. 123–124.

⁶ АПД. IV. С. 126–127, 148.

⁷ Жекулин В. С. Историческая география: предмет и методы. Л., 1982. С. 39.

⁸ Там же. С. 51. Об особенностях расселения и колонизации Севера см. также: Макаров Н. А. Население русского Севера. М., 1990. С. 125–134; он же. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 43–50, 66–67; Башенькин А. И. Новые аспекты славянского освоения Европейского Севера по археологическим источникам V–XIII вв. // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Межвузовский сб., посвященный П. А. Колесникову. Вологда, 1992. С. 16–20.

целярии в 70-х гг. XV в.⁹ Его проанализировал В. А. Кучкин для установления владений ростовских князей вне пределов собственно Ростовского княжества. Эти владения в ареале Подвинья лежали двумя массивами. Один из них располагался по верхнему и среднему течению Ваги и в бассейнах ее левых притоков Пежмы, Вели, Леди, Сюмы, а также отчасти правых — Кулоя, Кокшеньги; второй — по нижнему течению Ваги и среднему течению Северной Двины с их притоками¹⁰. Впоследствии эти территории составили Важский у. и Устьянские волости. М. К. Любавский, очертив на основе актов первой половины XVI в. и данных летописей границы и состав Устюжской земли, перечислил волости, привязанные к рекам¹¹. В XVII в. эти местности вошли в Устьянские волости, Тотемский, Устюжский и Сольвычегодский уезды.

Н. Е. Носов, прослеживая ход отмены кормлений и упразднение в уездах наместников и волостелей, рассматривал в числе других регионов Поморье. Он говорил о расположении его волостей — по бассейнам рек и отождествил Устьянские волости, Тотемский, Устюжский и Вычегодский уезды с Устюжской землей, «как обычно называли весь этот обширный и богатый край»¹².

Неоценима проделанная М. М. Богословским работа по локализации волостей по всему Поморью на основании источников XVII в. Составленным им списком пользовались и В. А. Кучкин, и Н. Е. Носов для ретроспективного определения территорий поморских «земель» в XV–XVI вв. и, конечно же, исследователи истории Севера XVII в. В этом столетии также по крупным, средним и мелким рекам располагались и, как правило, назывались поморские волости. Тотемский у. раскинулся по среднему течению Сухоны с ее правыми и левыми притоками, гранича на западе с Вологодским у. по р. Векшенге и с Устюжским у. на востоке по рекам Сученге слева и Брусенице справа. Самые верховья рек Ваги и ее притока Кулоя также в составе Тотемского у. Вол. Старая Тотьма, например, лежала по р. Сухоне и ее правым притокам Тотьме и Камчуге и левым притокам Единге, Норинге и Пелшме. Устюжский у., стариннейшее приобретение ростовских князей, а затем московских государей, распространился по нижнему тече-

⁹ АСЭИ. Т. 3. № 16.

¹⁰ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 267–279.

¹¹ Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 103.

¹² Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 512–521.

нию Сухоны от пограничных с Тотемским у. рек Сученги и Брусеницы, по р. Юг с ее многими разветвленными притоками, пространству от слияния Сухоны с Югом до впадения р. Вычегды и далее ниже по обе стороны Северной Двины — до впадения в нее справа р. Верхней Тоймы, разграничивающей Устюжский и Двинской уезды. По низовьям р. Ерги, правому притоку Двины, и по р. Сондоге, правому притоку Ерги, находилась вол. Нижняя Ерга; прочие волости также занимали пространства по течению малых и средних рек, притоков более крупных. Сольвычегодский у. расстилался по р. Вычегде в ее нижнем течении от впадения в нее рек Лупьи слева и Чаколки справа до слияния с Двиной, по левому притоку Вычегды — Виледи, по обеим сторонам Двины вверх по ее течению от устья Вычегды до слияния Сухоны и Юга и по правому притоку Юга — Лузе. Волости уезда Вилегодская, Лальская, Учецкая и другие лежали по одноименным рекам. Непосредственно гранича с Тотемским и Устюжским уездами в верховьях р. Ваги с ее притоками — левыми Велью и Пежмой и правым Устьей — и впадающими в нее Кокшеньгой, Чадромой, Соденгой, Мехренгой и Волюгой, располагались 9 волостей, называвшиеся Устьянскими по р. Устье. Волости Чарондской округи занимали местности вокруг оз. Воже и рекам, в него впадающим, — Солзе, Вожге с Чужгой и Тавеньгой, а также по южным притокам оз. Лаче — Шильде, Свиди, Волошке¹³.

Уже эти немногочисленные сведения (а привести их можно много больше и не только по исследуемым уездам) показывают, что административно-территориальное деление Поморья было подчинено разветвленной гидрографической сети. Селения по берегам средней и небольшой реки составляли мелкую единицу — волость (стан, погост). «По этой магистрали и по ее разветвлениям располагались волости, сеть которых точно соответствовала сети речного бассейна. В образовании северных русских волостей реки играли ту же роль, которую в образовании швейцарских общин играли горные долины и ущелья»¹⁴. Большая река с притоками, по берегам которых находились волости, образовывала уезд. Собственно говоря, уезд в Поморье — это бассейн крупной реки с ее многочисленными притоками, которые постепенно осваивались на протяжении веков.

Исследуемые уезды в XVII в. значительны по занимаемой площади. Наиболее обширны из них, как видно из табл. 1, Ус-

¹³ См.: Богословский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 21–28; Приложение I. С. 45–60.

¹⁴ Там же. С. 35.

тюзский и Сольвычегодский. Площадь района, куда вошли эти уезды, отнесенные П. А. Колесниковым к центральному Поморью (кроме Чарондского, а он — к западному), составляла в рамках административного деления XVII — начала XVIII в. 241,6 тыс. кв. верст¹⁵, из которых 100,5 тыс. кв. верст приходилось на означенные уезды (без Чарондской округи). Центральное Поморье, по наблюдению П. А. Колесникова, к началу XVII в. было наиболее населенным как район старой колонизации. В изучаемых уездах на 1678 г. числилось около 90 тыс. чел. м. п., что составляло примерно 23–25% от всего населения (400 тыс.) Севера¹⁶.

Таблица 1

Плотность селений в 20–70-х гг. XVII в.

Уезд	Площадь в тыс. кв. верст	Число селений		Верст на одно селение*	
		20-е гг.	70-е гг.	20-е гг.	70-е гг.
Тотемский	15,5	591	606	26,2	25,5
Устюжский	48,0	2838	2574	17,0	18,6
Сольвычегодский	32,0	1476	1330	21,7	24,0
Устьянские волости	5,0	293	319	7,0	15,6
Чаронда	12,0	509	494	23,5	24,2

Таблица составлена по: Колесников П. А. *Северная деревня*. С. 64, 78, 95.

* Подсчет мой.

Из табл. 1 видно, что гуще были заселены Устюжский у. и Устьянские волости, а менее плотно — Тотемский у. и Чарондская округа. Последние сильно пострадали от событий Смутного времени. В них и больше всего запустевших селений и пустошей. Процент пустых селений и пустошей по отношению к жилым и хозяйствующим селениям составил в начале XVII в. по уездам: Тотемский — 53%, Чарондская округа — 40,7%, Сольвычегодский — 10,8%, Устьянские волости — 9,2%, Устюжский — 7,2%¹⁷. В 70-х гг. столетия это соотношение претерпело изменение. В Тотемском у. число пустошей хотя и сократилось, но оставалось достаточно большим — 45,5% и опережающим остальные уезды. Про-

центное соотношение пустошей к жилым поселениям в 70-х гг. выразилось по уездам: Тотемский — 45,5%, Сольвычегодский — 36%, Устюжский — 19%, Устьянские волости — 10,3%. Запустошение не обошло ни одного из уездов.

П. А. Колесников считал этот процесс следствием не только усиления фискального гнета, но и «расслоения поморской деревни» (и факторам социально-экономического порядка он отдает предпочтение), что в конечном счете вело к миграции населения¹⁸. А. И. Копанев видел причину массовой миграции крестьян северных уездов во все возрастающей эксплуатации их феодальным государством, выражавшейся в росте налогов и повинностей¹⁹. Во всяком случае, увеличение запустевших селений и угодий сказалось и на плотности поселений в уездах. Она немного повысилась в Тотемском у. и Устьянских волостях и сократилась в Устюжском, Сольвычегодском уездах и Чарондской округе.

Естественно-географические условия края способствовали прибрежно-речному заселению местности. Характерность такого расселения состояла в том, что деревня вытягивалась в ряд вдоль берега реки. Эту специфику Поморья в XVI–XVII вв. исследователи давно отметили. А. Я. Ефименко в свое время писала, что удобные земли лежат исключительно по берегам рек. Следуя за такими землями население расположилось «почти исключительно по берегам больших рек и их притоков»²⁰. Последующее специальное изучение процессов расселения на европейском Севере подтвердило наблюдение исследовательницы, основанное не только на изучаемых документах, но и на визуальном, сейчас бы мы сказали, полевом, опыте; ведь хорошо известно, что А. Я. Ефименко объездила многие места Архангельской губ. М. В. Витов, не ограничиваясь констатацией роли ландшафтных условий для расселения по речным долинам, назвал экономические причины, приведшие к столь характерному типу заселения местности в Поморье. Их четыре: во-первых, отсутствие тележных дорог, а реки и озера единственно удобные трассы; во-вторых, реки и озера, изобилующие рыбой, источник промысла; в-третьих, расположение удобных для сельского хозяйства земель по берегам рек, причем узкой лентой (через 100–200 метров от реки иногда начинался уже «сузем», т. е. водораздел с таежным лесом и болотами); в-четвертых, по

¹⁵ Колесников П. А. Указ. соч. С. 64.

¹⁶ Водарский Я. Е. Население русского Севера в конце XVII — первой четверти XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сб. Вып. III. Вологда, 1973. С. 160–173.

¹⁷ Подсчет мой по: Колесников П. А. Указ. соч. С. 78.

¹⁸ Колесников П. А. Указ. соч. С. 100; см. также С. 235, 253–257.

¹⁹ АИСЗР. Т. IV. С. 42.

²⁰ Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. Вып. I: Обычное право. М., 1884. С. 200, 202.

речным поймам лежали луга, база для животноводства. Н. А. Макаров сформулировал требования первопоселенцев к месту, выбираемому для селения: близость к «большой воде», к устью реки (в него заходит на нерест рыба), свободная от леса пойма, ровная площадка на песчаном основании. Урочища, удовлетворявшие этому перечню, позволяли колонистам завести промыслово-земледельческое хозяйство²¹.

Естественно-географическая среда в сочетании с экономическими причинами предопределили очаговое или оазисное расселение деревнями малых размеров, располагавшимися полосами по речным берегам. Специально изучавшая расселение в Устюжском крае И. В. Власова показала, что и в начале XVIII в. (на момент первой ревизии 1719 г.) в Верхнедвинском бассейне продолжал существовать прибрежно-речной тип заселения, освоены были все крупные реки, а их притоки заселены в среднем и нижнем течении. Выход на водоразделы только начинался, и такой тип расселения, как водораздельный, представлен единичными случаями²².

Ландшафтную типологию сельского расселения предложил В. С. Жекулин, ее преимущества он видит в «учете конкретных природо-экономических условий», влиявших на расселение в прошлом и настоящем. Прибрежно-речной, линейный по сути, тип планировки селений, встречавшийся в различных ландшафтах, был широко распространен (по типологии исследователя), во-первых, в приречных (преимущественно мелкоречных, уточняет Жекулин), хорошо и умеренно дренированных равнинных местностях, сложенных карбонатными и бескарбонатными глинами и суглинками; во-вторых, на низменных, плохо дренированных равнинных участках, подстеленных суглинками и глинами, озерно-ледниковыми и флювиогляциальными песками, кроме расселения вдоль рек, а оно в таких случаях преобладает, по отдельным суходолам среди болот стояли селения гнездового типа; в-третьих, на возвышенных, слабо дренированных зандровых и озерно-ледниковых равнинах вдоль рек; и, наконец, по берегам крупных рек и озер²³.

Рядовая прибрежная планировка селений с ориентацией на реку возникла уже при освоении русскими поморских земель²⁴.

²¹ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 94–95; Макаров Н. А. Население русского Севера. С. 118; он же. Русский Север. С. 52, 67, 70–71.

²² Власова И. В. Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII — первой четверти XX в. М., 1976. С. 25.

²³ Жекулин В. С. Указ. соч. С. 46–51.

²⁴ Витов М. В. Указ. соч. С. 157.

А. Я. Дегтярев, суммируя имеющиеся в историографии исследования, попытался дать общую характеристику сельского расселения феодальной Руси. Касаясь типов расселения, встречавшихся на северо-западе страны в XV — первой половине XVI в. (долинного, водораздельного, озерного), он говорит о длительной их эволюции, «в ходе которой господствующим сначала, если судить по археологическим данным, был приречный и в меньшей степени озерный типы расселения. И только позднее оно сделало решительный шаг на водоразделы»²⁵.

Прежде всего крестьяне заселяли речные берега, развернутые к югу и прикрытые с севера стеной леса. Примерно 75% всех поселений XVI–XVII вв. на р. Сухоне, которая течет в северо-восточном, местами восточном направлениях, находятся на ее левом берегу; а селения вдоль правого «дикого» ее берега размещались чаще всего в устьях правых притоков²⁶, также по южной стороне. Наряду с прибрежно-рядовыми существовали селения «беспорядочного» плана, где усадьбы не подчинялись никакой планировочной организации. Конечно, для XV–XVI вв., когда было много однодворных поселений, трудно говорить о какой-либо их форме, однако в XVII в. и позже преобладала рядовая планировка. Северные поселения не стояли обособленно, а находились иногда совсем близко в полу-, километре друг от друга, иногда на расстоянии 2–3-х километров. Они смыкались в группы, образуя гнезда из нескольких селений²⁷. Такие гнезда могли быть сравнительно недалеко одно от другого, а могли отделяться десятками километров.

Суровость зим, глубокое промерзание рек, их мощные ледоходы и разливы смывали берега, примывали песок к материку, заносили сельскохозяйственные угодья песком и илом. Намытые участки — «присады» со временем зарастали травой и кустарником, органично соединялись с материковой землей, так что крестьяне не всегда могли их различить, в особенности, если участок примыло много лет или десятилетий назад.

²⁵ Дегтярев А. Я. Советская историография сельского расселения феодальной Руси (XV–XVII вв.) // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Межвузовский сб. Л., 1983. С. 144; ср.: Юшко А. А. Московская земля IX–XIV вв. М., 1991. С. 28–30, 32, 49.

²⁶ Колесников П. А. Указ. соч. С. 75.

²⁷ Витов М. В. Указ. соч. С. 159–164; Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974. С. 152; Власова И. В. Сельское расселение в Устюжском крае. С. 21; АИСЗР. Т. III. С. 43, 45, 63.

✓ Экстремальные разливы рек попали в летописи. Так, в апреле 1516 г. «шла река Сухона велми грозно. Вода была велика, такова и не бывала. Лед город стерл, и посад по всему берег[у] обрыло. И много дворов поносило, и много людем беды починило, и много людем жита и добра истопило, и много соли вологоцкия истопило, по людем ставленья». Но не только Сухона столь бурно «разыгралась» в эту весну, а и р. Юг. По обеим рекам «деревень изрыло водою, и дворов поносило бесчисленно много». Конечно, такой необычайно большой паводок был и на их притоках, и на Северной Двине, в которую выносило «великую воду». Масштабы разрушения, можно представить, были значительны и охватили не только Устюжский, но и другие уезды. Однако весенним половодьем не исчерпались беды 1516 г. В ноябре была в Сухоне «вода велика; яко же и в весне лед ломила»; необычность явления в том, что к этому ледолому «уже две недели стояла Сухона река»²⁸. Осенне-зимнее половодье было вызвано, вероятно, резким потеплением, сопровождавшимся, возможно, дождями.

Писцовые книги 1626 г., например Сольвычегодского у., отмечают смытые реками деревни и угодья. В Алексинском стане «сметало всю рекою» д. Гришинскую Полянку на р. Двине, а было в ней пашни паханой 3 чети в поле²⁹. В Вилегодской вол. при трехдворной д. Путятино вырос «выставок на реке Виляди», возникший потому, что «рознеслись те жильцы от воды, что у них деревню сметало рекою Вилядью». В той же волости в д. Семеновской та же река смыла пашни на 6 четв. и образовала «озерко новое»³⁰.

Река Вилядь на каком-то участке изменила и русло. «Сметав» два двора д. Слободки, река пощадила угодья, во всяком случае, 2 чети без полуосьмины пахали наездом жители соседней д. Деминской. Под этими деревнями были спорные с другими деревнями места, «где шла старая река Вилядь, а ныне занесло песком». Намытые песчаные участки, называемые «присыпами», «присадками», были довольно значительны по своим размерам и различались по давности намыва. «Голого песку на новой речки Виледи» 3 дес., «да на другой стороне новой реки Виледи повыше того голого песку 4 десятины. Да на старой реке Виледи около Ивашковских поль, а Деминская тож песку с ывнягом 5 деся-

тин»³¹. У д. Дурманова, вернее «против деревни голого песку у реки Виляди», было 10 дес., а за соседней д. Зыково находилась «присада», поросшая молодым ивняком «по смете» на 4 дес. Смытые реками деревни, как Косовская на Виляди в Пачеозерском стане, трудно восстанавливались, что видно из описания³². Реки не только меняли русла, примывали берега, вырывали озера, но и намывали острова. Под д. Малетино в Алексинском стане «остров, присадка на Двине», довольно значительный по размеру на 200 копен сена³³. Все эти «голые пески», отмели, острова — потенциальные сенокосные угодья, со временем зараставшие травой и ивняком, размер которых исчислялся от 4–6 до 10–15 дес. и которые крестьяне брали на оброк, в частности у писцов, а последние учитывали «и те пески», которые «на оброк не взял никто»³⁴.

В 1648 г. посадские люди и крестьяне Сольвычегодского у. в своей мирской челобитной на имя Алексея Михайловича объясняли причины крупных недоимок в уплате государственных налогов тем, что «против того вытного окладу наших земель нет, потому что у нас земли плохие и места тесные, меж болоты, и реками мечет, и песками засыпает, и пашень прибавить негде, и хлеб позябает»³⁵.

Порой реки наносили большой урон хозяйству, вынуждая крестьян переносить деревни и поля. В 1681 г. крестьянин Устюжского у. хлопотал о новоприсадном участке «старые речки Уфтюги подошва». Он объяснял, что после писцов Н. Вышеславцева с товарищем (т. е. после 1624–1626 гг.) р. Уфтюга шла «под мою деревню Завасевскую, и тое деревни свалило и снесло пашенные наземные одворные земли по смете чети на две и больши есть... и тое землю валило и несло на низ в тое в речную подошву, да в Притеребском лугу на осмьдесят копен пожню свалило ж и снесло все в тое ж в речную подошву». Река прошла по угодьям за столетия не один раз. «Да в те же лета вново прошла Уфтюга-река по моей же земле деревни Завасевские ис Притеребского лугу, и пашенную землю 3 деревню розмыло на-двое, и тое землю по обе стороны мыет и валит рекою и по се число». Измерившая речную подошву комиссия из сотского и старожиллов определила размеры и качественную пригодность угодья: «а по мере той речной подошвы в длину — голого песку с полдесятины, а кошеного

²⁸ Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 107–108.

²⁹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 237, 239.

³⁰ Там же. Л. 710 об., 712 об.

³¹ Там же. Л. 896, 897.

³² Там же. Л. 644, 699, 916 об.

³³ Там же. Л. 241.

³⁴ Там же. Л. 152 об. – 154.

³⁵ АПД. III. С. 53.

места полтретей десятины, а поперег — полторы десятины, а под лесом и под водою до усть-речки Куромши по смете — десятина»³⁶.

Происходившие во владениях Троице-Гледенского монастыря досмотры угодий, переживших стихию, говорят о бывшей в 1663 г. большой воде, когда «сенники, и заплоты, и житницу, и овин, и баню льдом сломало, разнесло водой... поля местами льдом изрыло и песком засадило». В 1694 г. в д. Голубцове «сметало рекою Югом на двести копен... присадило вместо той сметной земли песок и кустами тот песок порастает... а мерою того новоприсыпного песку и с кустами в той окружной меже... будет по смете 10 десятин»³⁷. Такие досмотры, вызванные природным характером рек, проводили комиссии из общинных должностных лиц и крестьян-старожилов (а в монастырских владениях присутствовал еще посельский) в рамках землеустроительной деятельности. Писцовые книги, регистрируя состояние землепользования, отмечали и его изменения от одного описания до другого, тем самым фиксировали как антропогенное, так и естественно-природное изменение ландшафта.

Реки на Севере были основными транспортными магистралями, средствами коммуникации, они — источник рыболовства, в их поймах луга — база для животноводства, выше на покатой береговой террасе — селения и пашни.

Преобладающим типом поселения была деревня. На Севере, так же как и в Центре, деревня — понятие комплексное, означающее не только место обитания крестьян, но и сферу приложения их труда: пахотную землю и сельские угодья. Неразрывность двух понятий — обрабатываемой земли и хозяйственно-жилых построек крестьянского двора — была, по представлениям того времени, настолько очевидной, что продать деревню означало, как правило, продать землю. Этот обычай явственно отразили межкрестьянские поземельные акты XVI–XVII вв.

Деревня — уже сложившееся и стабильное в экономическом функционировании селение. Однако каждое земледельческое поселение в своем развитии переживает обязательную стадию становления, а при феодализме всегда возможен его упадок. Починок (заимка), деревня и пустошь были тремя этапами в длительном

существовании одного и того же селения. Починок имел постоянно живущее в нем население в одном-двух крестьянских дворах, но его земледельческая база (и главным образом пашня) находилась в начальной стадии разработки и не была еще достаточно крепкой. Запустевшая по какой-либо причине деревня, даже если утрачивала жилые и хозяйственные строения, сохраняла разработанную когда-то землю. Она (если, конечно, не зарастала лесом в «бревно») имела большую сельскохозяйственную ценность по сравнению с целиной, ибо требовала меньших затрат труда, чем подъем нови.

Северные деревни были малодворными. В Подвинье XVI в. они насчитывали в среднем около трех дворов, в 20-х гг. XVII в. — три-пять, а в 70–80-х гг. этого же столетия — четыре-шесть дворов³⁸. Общее число дворов в юго-восточных уездах центрального Поморья и количество их на деревню в 20-х и 70-х гг. XVII в. отражает табл. 2.

Таблица 2

Численность дворов в уездах и на одно селение в 20–70-х гг. XVII в.

Уезд	Число дворов		Число дворов на одно селение*	
	20-е гг.	70-е гг.	20-е гг.	70-е гг.
Тотемский	2593	3344	4,4	5,5
Устюжский	7374	9412	2,5	3,6
Сольвычегодский	4044	3505	2,8	2,6
Устьянские волости	1977	2324	6,7	7,2
Чаронда	1875	2695	3,6	5,4

Таблица составлена по: Колесников П. А. Северная деревня. С. 79, 85.

* Подсчет мой.

Из табл. 2 видно, что жилых дворов, ведущих хозяйство, стало больше во всех уездах, кроме Сольвычегодского. Также увеличилась численность дворов в среднем на поселение, опять-таки за исключением Сольвычегодского у. Наиболее крупными были деревни в Устьянских волостях — 6–7 и Тотемском у. — 5–6 дворов. В Чарондской округе деревни состояли из 4–6 дворов, а в уездах к востоку деревни были мельче: в Устюжском у. — 3–4 и Сольвычегодском у. — 2–3

³⁶ Там же. IV. С. 237, 239. Н. А. Макаров, опираясь на предания старожилов о переносе устюжских деревень на новое место, находил селища XII–XIII вв. (см.: Макаров Н. А. Русский Север. С. 57).

³⁷ Цит. по: Огризко З. А. Из истории крестьянства на Севере феодальной России XVII в. М., 1968. С. 73.

³⁸ Копанев А. И. Крестьянство в XVI в. С. 118–119; АИСЗР. IV. С. 44–45.

двора. К 70-м гг. XVII в. число дворов на деревню несколько увеличилось в уездах Тотемском, Устюжском и Чарондском, примерно в 1,5 раза, в Устьянских волостях незначительно, а в Сольвычегодском у. оно немного сократилось. В целом же деревни укрупнялись при сокращении числа самих поселений. А. Я. Дегтярев, изучавший эволюцию расселения в XV–XVII вв., заключил, что оно на Севере начинало соответствовать «общерусским тенденциям»³⁹.

Интересно также выяснить, как в течение столетия соотносились жилые и запустевшие селения и дворы (см. табл. 3).

Таблица 3

Соотношение жилых и запустевших селений и дворов в 20–70-е гг. XVII в.

Уезд	Поселений (%)				Дворов (%)			
	жилых		пустых и пустошей		жилых		пустых	
	20-е гг.	70-е гг.	20-е гг.	70-е гг.	20-е гг.	70-е гг.	20-е гг.	70-е гг.
Тотемский	65,3	69,2	34,7	30,8	95,0	90,0	5,0	10,0
Устюжский	93,3	83,6	6,7	16,4	95,7	90,0	4,3	10,0
Сольвычегодский	90,6	73,5	9,4	26,5	91,1	70,0	8,9	30,0
Устьянские волости	91,5	91,2	8,5	8,7	97,2	97,9	2,8	2,1
Чаронда	69,0	100*	31,0	•	92,2	100*	7,8	•

Таблица составлена по: Колесников П. А. Северная деревня. С. 78, 79, 95. Подсчет процента мой.

*О пустых нет данных.

Из табл. 3 видно, что сильнее всего запустел Сольвычегодский у., в нем сократилось как число селений, так и дворов, причем дворы пустели несколько быстрее деревень. Стабильно положение в Устьянских волостях. В Устюжском у. в 20-х гг. жилые селения и дворы находились в состоянии, близком к равновесию (93,3% и 95,7%). К 70-м гг. увеличилось число запустевших и селений, и дворов, при этом последние пустели медленнее, чем первые. Другими словами, если в Сольвычегодском у. запустению

³⁹ Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV–XVII вв. Л., 1980. С. 94.

сильнее были подвержены дворы, то в Устюжском у. — селения, при возрастающей дворности жилых деревень.

Иная картина в Тотемском у., в котором в течение всего XVII в. запустевших селений было больше, чем в остальных уездах. В 20-х гг. — их 34,7%, т. е. более трети, в почти двух третях или 65,3% жилых селений сосредоточено 95% жилых дворов. На запустевшие селения приходилось лишь 5% дворов. Это означает, что в уезде к моменту писцового описания 1623–1625 гг. преобладали пустоши старой пустоты. И действительно, дозор 1619 г. застает 479 селений и 343 пустоши, для 185 из которых указано время их запустения, и 66,9% из них запустели в 50–70-х гг. XVI в.⁴⁰ К 70-м гг. самих селений стало больше, и при общем абсолютном (см. табл. 2) увеличении жилых дворов процент их сократился, ибо выросло число пустых со 127 в 20-х до 456 дворов в 70-х гг. Выше было показано, что дворность деревень в уезде росла, стало быть, возрождающиеся деревни были очень мелкими, и рост поселений опережал увеличение числа дворов.

Схожее с Тотемским у. положение было в Чарондской округе в 20-х гг. XVII в. В ней более двух третей — 69,0% поселений сосредоточивали 92,2% жилых дворов. За период с 1612 по 1617 г. край четырежды подвергался набегам литовских людей и казаков⁴¹. В декабре 1614 — январе 1615 г. он был весь занят казаками, Чаронда стала местом сбора многих казачьих отрядов. Посад, села и деревни были сожжены, «лутчие люди повисечены, и животи их пограблены, а молотчие-де крестьяне огнем сожжены з женами и з детьми»⁴². Деревни запустели, а пустоши «застаревали», если можно так выразиться. Из-за отсутствия сведений о запустевших селениях и дворах в 70-х гг. можно сказать только об увеличении числа поселений и дворов в них.

Оценивая состояние и эволюцию поселений в течение XVII в., следует констатировать, что количество селений сокращалось, а число дворов на одно селение возрастало. Однако этот процесс не был прямолинейным, ибо в то же самое время происходило запустение, по-разному проявлявшееся в уездах. Оно корректировало происходившее после Смуты восстановление и укрупнение селений.

⁴⁰ Колесников П. А. Указ. соч. С. 91.

⁴¹ См.: Мюллер Р. Б. Крестьяне Чарондской округи в XVII в. // Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни. Вып. IV. Вологда, 1973. С. 281.

⁴² Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 126–127.

двора. К 70-м гг. XVII в. число дворов на деревню несколько увеличилось в уездах Тотемском, Устюжском и Чарондском, примерно в 1,5 раза, в Устьянских волостях незначительно, а в Сольвычегодском у. оно немного сократилось. В целом же деревни укрупнялись при сокращении числа самих поселений. А. Я. Дегтярев, изучавший эволюцию расселения в XV–XVII вв., заключил, что оно на Севере начинало соответствовать «общерусским тенденциям»³⁹.

Интересно также выяснить, как в течение столетия соотносились жилые и запустевшие селения и дворы (см. табл. 3).

Таблица 3

Соотношение жилых и запустевших селений и дворов в 20–70-е гг. XVII в.

Уезд	Поселений (%)				Дворов (%)			
	жилых		пустых и пустошей		жилых		пустых	
	20-е гг.	70-е гг.	20-е гг.	70-е гг.	20-е гг.	70-е гг.	20-е гг.	70-е гг.
Тотемский	65,3	69,2	34,7	30,8	95,0	90,0	5,0	10,0
Устюжский	93,3	83,6	6,7	16,4	95,7	90,0	4,3	10,0
Сольвычегодский	90,6	73,5	9,4	26,5	91,1	70,0	8,9	30,0
Устьянские волости	91,5	91,2	8,5	8,7	97,2	97,9	2,8	2,1
Чаронда	69,0	100*	31,0	*	92,2	100*	7,8	*

Таблица составлена по: Колесников П. А. Северная деревня. С. 78, 79, 95. Подсчет процента мой.

*О пустых нет данных.

Из табл. 3 видно, что сильнее всего запустел Сольвычегодский у., в нем сократилось как число селений, так и дворов, причем дворы пустели несколько быстрее деревень. Стабильно положение в Устьянских волостях. В Устюжском у. в 20-х гг. жилые селения и дворы находились в состоянии, близком к равновесию (93,3% и 95,7%). К 70-м гг. увеличилось число запустевших и селений, и дворов, при этом последние пустели медленнее, чем первые. Другими словами, если в Сольвычегодском у. запустению

сильнее были подвержены дворы, то в Устюжском у. — селения, при возрастающей дворности жилых деревень.

Иная картина в Тотемском у., в котором в течение всего XVII в. запустевших селений было больше, чем в остальных уездах. В 20-х гг. — их 34,7%, т. е. более трети, в почти двух третях или 65,3% жилых селений сосредоточено 95% жилых дворов. На запустевшие селения приходилось лишь 5% дворов. Это означает, что в уезде к моменту писцового описания 1623–1625 гг. преобладали пустоши старой пустоты. И действительно, дозор 1619 г. застает 479 селений и 343 пустоши, для 185 из которых указано время их запустения, и 66,9% из них запустели в 50–70-х гг. XVI в.⁴⁰ К 70-м гг. самих селений стало больше, и при общем абсолютном (см. табл. 2) увеличении жилых дворов процент их сократился, ибо выросло число пустых со 127 в 20-х до 456 дворов в 70-х гг. Выше было показано, что дворность деревень в уезде росла, стало быть, возрождающиеся деревни были очень мелкими, и рост поселений опережал увеличение числа дворов.

Схожее с Тотемским у. положение было в Чарондской округе в 20-х гг. XVII в. В ней более двух третей — 69,0% поселений сосредоточивали 92,2% жилых дворов. За период с 1612 по 1617 г. край четырежды подвергался набегам литовских людей и казаков⁴¹. В декабре 1614 — январе 1615 г. он был весь занят казаками, Чаронда стала местом сбора многих казачьих отрядов. Посад, села и деревни были сожжены, «лутчие люди повисечены, и животи их пограблены, а молотчие-де крестьяне огнем сожжены з женами и з детьми»⁴². Деревни запустели, а пустоши «застаревали», если можно так выразиться. Из-за отсутствия сведений о запустевших селениях и дворах в 70-х гг. можно сказать только об увеличении числа поселений и дворов в них.

Оценивая состояние и эволюцию поселений в течение XVII в., следует констатировать, что количество селений сокращалось, а число дворов на одно селение возрастало. Однако этот процесс не был прямолинейным, ибо в то же самое время происходило запустение, по-разному проявлявшееся в уездах. Оно корректировало происходившее после Смуты восстановление и укрупнение селений.

⁴⁰ Колесников П. А. Указ. соч. С. 91.

⁴¹ См.: Мюллер Р. Б. Крестьяне Чарондской округи в XVII в. // Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни. Вып. IV. Вологда, 1973. С. 281.

⁴² Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 126–127.

³⁹ Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV–XVII вв. Л., 1980. С. 94.

Наряду с генеральной линией развития поселений — их укрупнением — шло становление новых деревень. Возникновение починков и превращение их в деревни совершалось с неодинаковой интенсивностью и в разное время в отдельных местностях Поморья. Так, в областях наиболее старого заселения — Двинском и Важском уездах — к середине XVI в. были введены в сельскохозяйственный оборот почти все годные для этого земли⁴³, и образование починков с середины XVI в. здесь затухает. В последующее время, если появляются новые селения, то на пустошах, — возобновляя прежние очаги земледелия.

Крестьяне Тотемского, Сольвычегодского и Устюжского уездов заводили починки, что отразило писцовое описание 20-х гг. Так, в Тотемском у. починков было около 11% от всех селений, Сольвычегодском — 7,3%, в Устьянских волостях они составляли около 3%, в Устюжском у. — не менее 1%⁴⁴. Эти починки возникли на мелких притоках основных рек той или иной волости. Земледелец как бы «плыл» от устья притока к его среднему течению, расширяя ареал освоения. В Сольвычегодском у. разрабатывались земли вдоль рек Лузы, Лалы, Виляди и их притоков; в Тотемском у. притоки притоков Сухоны — Вотча, Илеза, Мола. К 70-м гг. столетия строительство починков ослабевало. Они составляли по отношению к жилым селениям в Тотемском у. 2,8%, Сольвычегодском у. — 3,8%, Устюжском у. — 2,6%⁴⁵. Образование починков отражало неодинаковое хозяйственное освоение земель в уездах, продолжавшееся вовлечение их в сельское хозяйство в Сольвычегодском и Устюжском уездах, и практически прекратившееся в Устьянских волостях и Чарондской округе.

О земледельческом освоении региона, насчитывавшем почти три столетия к началу XVII в., позволяют судить описания 20-х и 70-х гг. (см. табл. 4).

Из табл. 4 следует, что в уездах Устюжском и Сольвычегодском пахотные площади сокращались, причем в последнем значительно, в 1,8 раза, в Тотемском у. они немного приросли. Характерно, что пашня тяглая убавилась во всех уездах, и в то же время оброчная увеличилась в Устюжском в 2,8, в Тотемском — в 1,6 раза; в Сольвычегодском у. происходил спад как тяглой, так и оброчной пашен, первая уменьшилась почти в 1,5 раза, а вторая

⁴³ Копанев А. И. Крестьянство в XVI в. С. 144–145; АИСЗР. III. С. 62.

⁴⁴ Колесников П. А. Указ. соч. С. 78–79. Подсчет процента мой.

⁴⁵ Там же. С. 95. В Устьянских вол. из 319 селений было 2 починка, а в Чарондской округе писцы не отметили ни одного починка. Подсчет процента мой.

— более чем вдвое. Площади сенокосов свертывались в Устюжском и Сольвычегодском уездах, а в Тотемском они незначительно приросли. Выше говорилось о том, что в Сольвычегодском у. (см. табл. 3) сократились число деревень и дворов, и, как убеждаемся, пахотные и сенокосные угодья.

Таблица 4

Распределение угодий в 20–70-х гг. XVII в. (в дес.)

Уезды	Устюжский ^а		Сольвычегодский		Тотемский ^а	
	20-е	70-е	20-е ^б	70-е ^б	20-е	70-е
Пашня:						
тяглая	47795	35376	17897	12295	13409	11984
оброчная	5690	16210	22065	9723	6686	10082
Всего	53485	51586	39962	22018	20095	22066
Сенокосы	22137	20426	25723	22817	3325	4179
Лес	37603	38145	7125	—	15526	13691

Таблица составлена по: ^а Колесников П. А. *Северная деревня*. С. 150–151, 158, 160; ^б *Северная Русь*. С. 111–113.

Перераспределение видов пашни тяглой и оброчной (уменьшение первой и увеличение второй), хотя и меняло аграрный пейзаж, однако не столь явно, как запустошение угодий. На месте пахотных и нередко сенокосных участков появлялись заросли кустарников, мелкокося, лес поглощал результаты труда человека. Старопахотные участки поступали в перелог, становились резервом для будущего восстановления. Дворы в деревнях, деревни в волостях в течение всего XVII в. имели запустевшие участки земли разной давности, годной к повторной разработке.

Взглянем попристальнее на деревню. Само селение стоит на береговом возвышении, между ним и рекой, если она образует пойменную долину, как Двина, находятся луга, если же берега известняковые и потому обрывистые, как на Сухоне, то береговая полоса неширока, в ней, конечно, могут быть сенокосные места, но в основном они — между полями. От деревни к реке сбегает бани. Поля лежали сразу за дворами. Д. Онкудиновская в Ратмировской вол. Сольвычегодского у. «над речкою над Фроловкою», в ней «двор старой от речки Максима и Григория Калистратовых детей Якимовых»⁴⁶. В том же уезде в Окологородной вол. в д. Поздышево на р. Нюбе «поле от двора Мысовое, да другое от

⁴⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1627, № 81. Л. 9, 13.

двора к Язинец кондом, а в межах с Агафоновыми детьми... да два поля дворные к Язинец кондом, а в межах с Агафоновыми же детьми... Да поле за болотом и за Бережницею... А что та земля около двора з дядьями... в розделе за межами»⁴⁷ — таковы участки одного дворохозяина; на другой жеребей в той же деревне приходилось в Мысовом поле «треть, а середняя полоса», в задворном поле «середняя полоса земли, а в межах та полоса земли с Мартеньяном Никитиным да с Борисом Шетневым, а з другую сторону с Иваном Ермолиным да с Семеном Тючкиным. А в третьем поле за гумном... половина полосы от гумна к еле, а другая полоса за болотом... узкой конец, а третья полоса на Бережнице по край Язинец. А в межах те полосы с Иваном Ермолиным да с Семеном Тючкиным»⁴⁸. Еще один двор имел участки в упомянутых уже полях и еще за «Язинец веретя пашенная да луговая, а с Мартеньяном да с Семеном вместе не в делу», т. е. эти пахотные и сенокосные угодья находились в совладении. Также «поскотина под двором с суседьми вместе не делу»⁴⁹. Приведенные свидетельства достаточно красочно показывают топографию полей, для устройства которых крестьяне использовали окружающие микроландшафты. Мысовое поле, скорее всего, образовано выпадающей в р. Ньюбу речкой Язинец, к которой примыкало еще одно поле, начинавшееся непосредственно у дворов. Третье поле находилось в некотором отдалении от деревни за болотом и речкою, вероятно, Бережницею. Разрабатываются возвышенные участки — веретя пашенная и луговая за речкой Язинец.

Пашни, расположенные на возвышенных местах неподалеку от дворов, назывались «горными», на низменных пойменных участках — «луговыми орами», «юрмольскими» землями⁵⁰. Возвышенные участки были по преимуществу старопахотными землями, освоенными ранее других в силу их естественного удобства.

Угодья северных деревень были мелкими по площади, так как удобных мест для крупных полей и лугов встречалось немного, а также потому, что их приращение шло за счет небольших полосок, «лоскутов», полянок, лужков, поженок. «Лоскутность и распыленность пахотных участков отражала трудный путь разработки пашенной земли, отмечала отдельные его этапы», — писал исследователь сельского хозяйства Руси XIV–XV вв. Г. Е. Кочин

⁴⁷ Там же. Л. 12, 13.

⁴⁸ Там же. Л. 15.

⁴⁹ Там же. Л. 17.

⁵⁰ Там же. Л. 99, 100; 1628, № 72. Л. 182.

в отношении поморского Севера. Направление развития земледелия шло по пути вытеснения подсеки полями, «часто очень малыми по размеру, но такими пахотными участками, которые регулярно обрабатывались, чтобы постоянно заниматься под посев хлебов»⁵¹. Время мало изменяло сельскохозяйственный процесс, крестьянин отвоевывал у леса и торфяников участки и превращал их в «польца». И в XVI в. топография деревенских полей отражала постепенное приращение земельных угодий, разбросанность участков каждого владельца. Мозаичность и чересполосность расположения мелких участков земли наблюдались в хозяйстве каждого крестьянина, причем число таких полос и клочков во владении двора достигало двух, а порой трех десятков⁵². Даже угодья однодворной деревни не представляли собой единого массива, а состояли также из отдельных участков и соседствовали с землями других деревень.

А. И. Копанев подчеркивал, что наиболее выразительно ландшафтно-топографическую разбросанность деревенских угодий показывают веревные книги. Действительно, поземельные акты говорят об угодьях одного дворохозяина в деревне, и их сведения много беднее веревных книг, которые фиксировали скрупулезно вымеренные земельные «лоскуты» каждого двора в деревне. Веревные книги, как известно, сохранились только по Подвинью. Веревную книгу Паниловской вол. 1612 г. рассмотрела в 80-х гг. прошлого века А. Я. Ефименко⁵³. Она установила по ней владение каждого двора в каждом поле и в каждой смене угодий. А. И. Копанев привлек в тех же самых целях веревную книгу Николо-Косшинской вол. 1678 г., из которой следует, что угодья 30 деревень располагались не только в двух-трех десятках мест, но даже в 50-ти, а в одной деревне — в 103. Он также показал, что в конце XVII в. земли деревни-однодворки состояли из 13 участков, гранича с землями других деревень⁵⁴. Несомненно, что подобная дробность пахотных и сенокосных угодий присуща деревням изучаемых уездов⁵⁵.

На старопахотных «присельных» землях существовала парозерновая система земледелия в форме трехполья с регулярным удобрением почвы, а на низких или островных местах — двупо-

⁵¹ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М., Л., 1965. С. 97.

⁵² Копанев А. И. Крестьянство в XVI в. С. 128–129.

⁵³ Ефименко А. Я. Указ. соч. С. 212, 217, 295–305.

⁵⁴ Копанев А. И. Крестьяне в XVII в. С. 99; Васильев Ю. С. Некоторые источниковедческие проблемы материалов писцового делопроизводства // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. С. 29.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626, № 45-I. Л. 87; № 45-II. Л. 61.

ля. Сырые, подвергавшиеся затоплению участки крестьяне осушали, прокапывая каналы, водотоки, «борозды» и отводя воду с полей, причем ширина и глубина таких канав зависела в каждом конкретном случае от местоположения участка. Мелиорация была одним из обычных агротехнических приемов северного земледелия. О таких работах больше говорят порядные грамоты Николо-Коряжемского, Троице-Гледенского, Антониево-Сийского монастырей, чем крестьянские поземельные акты. Для стока воды, чтобы поля не «топило» вешней и дождевой водой, крестьяне обязаны были ежегодно в паровых полях «борозды подчищать», «починивать» их, конечно же, прокапывать вновь, причем в необходимых случаях пропахивать такую борозду «через» полосу. Порядная грамота на пустошь, ключник Коряжемского монастыря предписывал вокруг нее «прокопати борозды вновь, поперег аршин, а глубота — восемь, выпустить в старую борозду, старую борозду прокопать и вода выпустити»⁵⁶. Кроме мелиоративных работ крестьяне должны были вычищать и выжигать поросль — «леторосник», которая ежегодно поднималась по краям полей и не только засоряла их, но и затеняла хлеба, а под увеем хлеба чахлее и реже, в чем наглядно убеждаешься и сейчас.

Наряду со старопахотными землями каждое крестьянское хозяйство имело участки, сравнительно недавно введенные или вводимые в сельскохозяйственное хозяйство на расчищаемых из-под леса землях. Эти многочисленные «нивки», «заполки», «гоны», «польца» обрабатывались без удобрения почвы с применением многолетних паров. Такие «полянки», нередко огораживаемые, находились за основными полями, засеивались рожью (например, «на полпята меры»), со временем присоединялись к регулярной пашне и тогда удобрялись⁵⁷. Не только в XVII в., но и ранее, а также позднее, в XVIII в., в хозяйстве черносошных крестьян сочетались земли разной освоенности. Расчистки были непременным условием северной агрикультуры. Крестьяне расчищали землю и под пашни, и под сенокосы. О расчистке последних сведения попадают в поземельных актах реже, чем о разделке пашен. Сенокосные пожни, так же как пашни, находились недалеко от деревни — «домашние», а расчистные «гаревые», вероятно, были несколько

⁵⁶ Островская М. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI–XVIII вв. СПб., 1913. С. 248–249; Огризко Э. А. Указ. соч. С. 72; Образцов Г. Н. Оброчные и порядные записи Антониево-Сийскому монастырю // Исторический архив. Т. VIII. М., 1953.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626. № 45-II. Л. 100, 101.

удалены⁵⁸. Конечно, они не углублялись в подступающий к деревне «дикий» лес, о чем свидетельствует «подсогорная» пожня, упоминаемая рядом с пожней в заполице⁵⁹.

Вновь расчищенные земли — «новины», «причисти», «закраины» — эксплуатировались по подсечной системе до истощения почвы. А земля истощалась на севере не через 3–5 лет, как в северо-восточной Руси, а через 2–3 года⁶⁰. Крестьяне Сольвычегодского у. с «новинных» участков, разделанных в заболоченных лесах, «в три года симают один хлеб, а в четвертый год в песте мечут, для того что хлеба не родитца». В Тотемском у. крестьяне «секали наш черный лес, отходя от своих деревень верст по пяти и по десяти и больши, под один хлеб». На этих расчистках в «большом черном диком лесу» (т. е. лесу коренном, еловом, сыром) они сеяли, «лес эжегши и опрятав, сойдем один хлеб, и то место и покинем». «А на тех местах другой хлеб не родитца, и не сеют»⁶¹. Поземельные акты пестрят указаниями на подсечные новины, отражая поэтапность приготовления лесного участка под пашню. «Леса сырые» — только что срубленные деревья и оставленные для подсыхания, «леса сухие» — готовые к сжиганию, чтобы получить обильную золу, «пальники» — участки с уже сожженным лесом, «сечища», «сеченые новины» — такова разнообразная терминология подсек. Видимо, нередко для приготовления «большой новины» крестьяне объединяли свои усилия с однопоселенцами или непосредственными соседями — «с товарищи»⁶².

В XV–XVII вв. подсеки, во-первых, сопутствовали становлению деревень, превращаясь в постоянную пашню, во-вторых, их не всегда забрасывали после прекращения посева, а либо продолжали чистить для покоса, либо оставляли как «поляны», пригодные и для посева. Существовая как элемент северной агрикультуры на протяжении всего рассматриваемого времени, подсека как система земледелия дополняла парозерновую и совмещалась с ней. Она не имела на Севере самодовлеющего значения, что уже видно из документов XV–XVI вв., и служила средством для постепенного расширения и увеличения пахотных площадей.

Непременным признаком сельского пейзажа наряду с пашнями были сенокосы, а также выгоны, т. е. угодья для поддержания и

⁵⁸ Там же. Л. 89.

⁵⁹ Там же. Л. 86–87. Согра — болотистая тайга.

⁶⁰ История северного крестьянства. Т. I. Архангельск, 1984. С. 47.

⁶¹ АПД. I. С. 405; II. С. 274; III. С. 62.

⁶² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626. № 45-I. Л. 95; № 45-II. Л. 22, 23, 25, 26.

обеспечения домашнего животноводства. Тесно связанное с земледелием, оно служило восстановлению плодородия почв и, естественно, снабжало крестьян мясо-молочными продуктами. Площадь сенокосных угодий, как тяглых, так и оброчных, в Устюжском, Сольвычегодском и Тотемском уездах показана в табл. 4. На единицу пашни приходилось сенокосов соответственно по уездам: 0,4 дес., 0,7 дес. и 0,1 дес. Однако судить о сенокосах только по показаниям писцовых книг о «сене в копнах», включая и завытное, трудно, ибо сенные угодья находились и в местах, входивших в «лес пашенный и непашенный». П. А. Колесников подробно рассмотрел виды угодий и обеспеченность ими крестьян северных уездов, в том числе и сенокосами, по писцовым книгам, и потому отошлю читателя к его работе⁶³. Каждый из поземельных актов сообщает о продаваемых вместе с землей сенокосных угодьях: пожнях, поженках, ложках, лужочках, наволочках, полянках. Думаю, что уменьшительный суффикс всех этих обозначений сенокосных мест не случаен, и говорит он об их действительно малом размере. Сенокосам была присуща та же лоскутность, что и пашням. Расчищаемые под пожни участки требовали значительного труда нескольких крестьян, которые впоследствии продолжали совместно косить их — «концы косим по годам». В. С. Жекулин, давая ландшафтное подразделение пригодных для сенокосов мест, отметил существование подробной типологии пожен и использование под сенокос самых разнообразных, даже неудобных низинных и каменистых местоположений⁶⁴. Наиболее ценными на Севере были наволоки (так назывались в Поморье мысы речных или морских берегов) в речных поймах, луга, прилегавшие к ним, пожни близ рек и озер, затопляемые в весеннее половодье. Они давали самые высокие укусы сена⁶⁵. Далее шли низинные луга и затем суходольные. Крестьяне поддерживали сенокосы в порядке, регулярно подчищая их, не давая им зарости кустарником. Из-за характера северных рек сенокосные участки исчезали в одних местах, появлялись на примытых песчаных наволоках в других.

Выгоны-поскотины издавна существовали в Поморье. Там, где позволяло пространство и деревни стояли небольшими группами, поскотины были общими на две-три деревни, но были они и «особными», принадлежавшими одному владельцу. Располагались поскотины в зависимости от микроландшафта, среди них встреча-

⁶³ Колесников П. А. Указ. соч. С. 145–149.

⁶⁴ Жекулин В. С. Указ. соч. С. 119–120.

⁶⁵ Кочин Г. Е. Указ. соч. С. 267; Крестинин В. Исторические начатки о двинском народе... Ч. I. СПб., 1784. С. 37–38.

лись «горные» и «подгорные»⁶⁶, т. е., так же как пашни, они находились на возвышенной береговой террасе и ниже по берегу. Как выпас могли использоваться участки, находившиеся под паром. Поскотины обносились изгородью — «огородом», что позволяло крестьянам обходиться без пастухов. Изгороди устанавливались вокруг полей, поскотин, они отделяли поля от сенокосных мест. Все угодья находились в общем осеке, отгораживающем деревню как совокупность жилых строений и угодий от леса. Все изгороди — огороды и осеки — по мере надобности чинились и обновлялись, поддержание их в порядке было необходимейшей обязанностью крестьян, вошедшей в судебники 1497, 1550 и 1589 гг.

Земледельческое освоение края

Земледельческие территории Севера, равно как и других регионов России (до широкого освоения плодородных пространств «дикого поля»), располагались, как правило, в лесной зоне. Благодаря неустанному труду крестьян менялся вид местных ландшафтов, приобретая аграрный облик. Первостепенную роль в этом изменении играло освоение земель. Оно на многие века стало делом крестьян с их традиционными орудиями труда, сельскохозяйственными навыками, поведенческими нормами, выработанными под влиянием земледельческо-природных циклов. Освоение земель как экономический процесс заключалось не только в продвижении сельскохозяйственного производства и агрикультуры на новые территории, но и в дальнейшем, продолжающемся окультуривании в староземледельческих районах. Хотя к XVII в. рассматриваемые уезды представляли собой области давнишней колонизации, однако в них существовали места, годные для вовлечения в земледельческое производство. Напомним, что они находились по течением малых рек и их притоков.

События Смутного времени задели, но в значительно меньшей степени, чем центральные области России, поморские уезды. Однако и в последних налицо следы «литовского разорения», особенно явные в Тотемском у. Во всяком случае, дестабилизация хозяйства захватила эти районы. Дозор 1619/20 г. учел в черных деревнях Тотемского у. 10411 дес. тяглой пашни, а описание 1623–1625 гг. — уже 12888 дес., т. е. примерно за 5 лет было вос-

⁶⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626, № 45–II. Л. 89; 84–85.

становлено около 2,5 тыс. дес. пашни⁶⁷. Как и в центре, разруха проявлялась в демографических изменениях, запустении деревень и сельскохозяйственных угодий, наступлении леса на них. В 20-х гг. XVII в., судя по писцовым книгам, пашня (тяглая и оброчная) составляла в Тотемском у. 67,2%, а перелог (с льготными пустошами) — 32,8%; в Устюжском у. пашня и перелог составляли соответственно 75% и 25%⁶⁸. Перелог же в сопоставлении с пахотными угодьями занимал половину в Тотемском у. и треть в Устюжском у. К 70-м гг. столетия пахотные площади, как было показано (см. табл. 3, 4), сократились. Увеличилось число пустых участков в деревнях, запустевших деревень. Так, в Сольвычегодском у. пустых дворов, дворовых мест в жилых деревнях в 20-х гг. было 405, а в 70-х — 1511, пустошей соответственно по годам 158 и 478, среди них пустошей «старой» пустоты также соответственно по годам было 143 и 286⁶⁹.

Пустоши, длительное время сохранявшие свою основу — окультуренную землю, подразделялись по времени запустения. Писцы XVII в. различали пустоши «старой» и «новой» пустоты, появившиеся в период между двумя описаниями⁷⁰. Именно пустоши (специально не оставляемые в перелог) в первую очередь попадали в орбиту хозяйственной инициативы крестьян и служили восстановлению и расширению пахотных площадей. Распахивание пустошей присуще всему периоду феодализма, оно происходило постоянно, ведь в сельском хозяйстве всегда были запустевшие земли⁷¹. Возобновление земледелия на пустошах, думаю, можно считать особым направлением развития в аграрной экономике феодальной России.

Крестьяне начинали восстанавливать пустоши, во-первых, с распахивания их «наездом». Такая пашня, как известно, в отличие от присельной могла быть нерегулярной, и писцы не включали ее в состав облагаемой. Во-вторых, заводили починки так же, как и на вновь осваиваемых землях. В качестве зарождавшегося земледельческого хозяйства починок существовал какое-то время, пока не набирал крепости земледельческой базы, которая обеспечивала ведение полноценного хозяйства и его тяглоспособность.

⁶⁷ Северная Русь. С. 93–94.

⁶⁸ Подсчитано по: Колесников П. А. Указ. соч. С. 158, 160.

⁶⁹ См.: Там же. С. 78, 96.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 155–156 об.; Северная Русь. С. 17, 20, 21, 23, 25, 26, 28, 33, 45.

⁷¹ Соображения о способах земледельческого освоения изложены мною в соответствующем разделе: История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2: Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. М., 1990. С. 400–402.

В триаде: починок–деревня–пустошь, приложимой к каждому поселению, только средняя величина постоянна (по прочности земледелия), а две крайние переменны. Природно-климатические катаклизмы и социально-политическая нестабильность ослабляли и подрывали экономические, фискальные и демографические силы малодворных поселений Севера. Почти каждая деревня могла несколько раз за многовековой период своего существования проходить путь от починка к деревне, затем превращаться в пустошь и вновь возродиться в починке и укрепиться в деревню. Допустимо говорить поэтому о пульсирующей жизни деревни. В период восстановления экономики, какими были 20–40-е гг. XVII в., северные поселения, впрочем, так же как и центрально-русские, переживали возрождение. Восстановление деревень затухает к 50-м гг. XVII в., когда в уездах местная администрация вновь стала фиксировать запустевающие участки в деревнях, целые деревни и даже волости⁷².

Сельскохозяйственные угодья, разрабатываемые крестьянами в ходе длительного освоения, подразделялись прежде всего по ландшафтному местоположению. Пашни, покотины, как уже упоминалось, были на возвышенных и низинных местах, сенокосы располагались «меж полем», на пожнях, которые также имели ландшафтную градацию. Затем — по территориальной удаленности от деревни: они были присельные, «одворинные», т. е. располагались прямо возле жилых построек и в непосредственной близости к деревне; также отхожие и наезжие. Отхожие пашни заводились на разном расстоянии от деревни: «версты за две и за три, и за десять, и больше»⁷³. И хотя до участка на десятиверстном удалении можно дойти приблизительно часа за два (ведь человек проходит 4–6 км в час), возможно, такие пашни и сенокосы становились наезжими.

П. А. Колесников предпринял классификацию сельскохозяйственных угодий. Он предложил их группировать, так же как и селения, «по отношению к уже введенным в оборот землям, так и по отношению к целинному земельному фонду». В одну категорию вошли три группы угодий, составившие «фонд старопахотных земель», различаемых по производственному принципу⁷⁴. Вновь вводимые в хозяйство земли за счет лесной целины ученый отнес во вторую категорию. Наряду с такой классификацией П. А. Ко-

⁷² См.: АПД. III. С. 65; IV. С. 140–144; Северная Русь. С. 18–54; РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. № 61.

⁷³ АПД. III. С. 62.

⁷⁴ Колесников П. А. Указ. соч. С. 128–129.

лесников рассмотрел угодья с точки зрения систем земледелия, сгруппировав их «по месту в господствовавшей трехпольной системе земледелия». Он выделил угодья, обрабатывавшиеся по этой системе, а за «пределы трехполья вынесены элементы подсечной и переложной систем, все переложные земли, а также вновь вводимые в сельскохозяйственный оборот». И, наконец, ученый сгруппировал угодья по характеру землепользования, среди них — «все полнотяглые и льготно-оброчные угодья, владение которыми определяло основные платежи и повинности»; «все угодья, используемые на условиях индивидуального льготно-оброчного держания, а также покупные и все когда-то бывшие в хозяйственном обороте, но никем не взятые в пользование»; третью группу составили «государственные земли»⁷⁵. Все три схемы в классификации ученого, безусловно, самоценны, они взаимно дополняют друг друга. Они нацелены на выяснение уровня хозяйственного освоения земель Поморья и сельскохозяйственного производства в регионе.

В то же самое время эта классификация показывает, как многозначны объекты (в данном случае угодья), подверженные типологизации. Отсюда и вариативность группировок, и их условность, как при всякой классификации. В данном случае я имею в виду оставшиеся вне охвата свойства и значения объекта классификации, проявляющиеся через его связи и в самих этих связях с окружающей средой и антропогенным воздействием на нее.

Один и тот же объект может рассматриваться, конечно же, с разных сторон, в ином, чем прежде, ракурсе, в качестве основного может быть избран другой доминирующий признак, в зависимости от целей, поставленных исследователем.

Предложу более общую группировку сельскохозяйственных угодий, основывающуюся не только на производственно-земледельческом принципе. Пожалуй, я не решусь назвать ее классификацией, так как последняя предполагает проработку не только основных, но и детальных признаков.

Итак, угодья подразделяются по: I — местоположению 1) ландшафтному, 2) территориальной удаленности: а/ при-сельные, б/ отхожие, наезжие. II — системам земледелия 1) на старопахотных трехпольных землях, 2) переложных и подсечных участках. III — условиям землепользования А. 1) подворно-участковые /отводные, наделные в частнофеодалных вотчинах/ 2) арендные /вненаделные в частнофеодалных вотчи-

нах/ 3) льготные; Б. 1) индивидуальные, 2) складнические, 3) общинные. IV — принципам землевладения 1) потомственно-наследственные, 2) приобретенные по сделкам: купли-продажи, залога, отдачи и др. V — фискально-податной обязанности 1) тяглые, 2) оброчные.

Такое подразделение открыто для дальнейшего заполнения подрубик и детализации. Думаю, что предложенная группировка может стать ориентиром для классификации угодий в феодальных владениях, так как в ней тесно связаны выделенные признаки, действующие одновременно, отражающие целостность предмета, придающие в жизни ему многогранность.

Каждое крестьянское хозяйство сочетало земли, отвечавшие если не всем, то части этих признаков, которые соответствовали многофункциональным связям с внешней средой. Крестьянский участок, например, Якима прозвищем Пятой Фомина сына Шешукова в д. Прислон Ратмировской вол. Сольвычегодского у. до продажи его в 1627 г. состоял из полей, пожен, поскотины, притереб, путиков, «что к тому пятому жеребью исстари прилегло», а также пожен «в Онянце и Подсогорице половина в межах с Семеном Ведровым, и в пожне Жаровой свой жеребей, и с мелкими ложками»⁷⁶. Угодья, «исстари прилегшие» — на давно окультуренных землях, это старопахотные полевые, сенокосные, выгонные участки; притеребы, скорее всего, из запустевших, опять-таки старопахотных земель. Такие «живущие», положенные в вытное тягло угодья были мерилем государственных налогов и мирских платежей. Они же находились в подворно-участковом наследственном владении, подчинялись общинным сервитутам, которые не исключали права распоряжения. Две поименованные пожни, в которых Якиму принадлежала половина, были в совладении с другим крестьянином, вероятно, на расчищенной совместно земле и размежеванные, а пожня Жаровая, в которой у Якима «свой жеребей», скорее всего уже поделена складниками между собой; «мелкие ложки» расчищены самим Якимом. Все эти сенокосные угодья, по терминологии писцовых книг «завытные», эксплуатировались за оброчную плату, они — в индивидуальном владении крестьян, расчистивших их когда-то.

Наличие всех или большинства (или части) слагаемых (признаков в предложенной схеме подразделения угодий) в каждом конкретном крестьянском хозяйстве свидетельствует о доста-

⁷⁵ Там же. С. 172–173, 176–177.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1627, № 81. Л. 1.

точном наборе угодий, необходимых для полноценного его ведения (я оставляю в стороне в данном случае их размер), а отсутствие какой-то их части говорит о пониженном уровне. Приведенная систематизация угодий позволяет тем самым судить о социальной стратификации крестьянских хозяйств.

Что касается присельных пашен, то их статус ясен. Крестьяне держат их из соответствующей доли тяглого оклада, занесенного в писцовые книги, участки переходят потомственно от одного поколения жителей двора к другому. С расчищенными землями дело обстоит несколько сложнее. Имеет значение то обстоятельство, на каких землях они произведены. При восстановлении запустевших жеребьев из старопахотных земель в жилых деревнях расчищенные земли пополняли массив тяглой пашни и включались в него как эксплуатируемые по подворно-участковой системе. Пашни и сенокосы на пустошах, близких или дальних, представлявшие собой окультуренные когда-то земли, входившие в состав тяглых, по истечении льготного срока также вливались в них. За счет расчисток на таких землях сокращались пустоши «старой» и «новой» пустоты.

В крестьянском хозяйстве всегда были еще и росчисти, не входившие в состав тяглых облагаемых земель. Они могли быть разделаны либо на лесной целине, либо на участках, пустовавших многие десятилетия (50–70 лет, например) и заросших лесом «в бревно». Они эксплуатировались из оброка, не подлежали общинным сервитутам и находились в индивидуальном владении расчистивших их крестьян. Правда, такое владение могло варьировать от действительно индивидуального до складнически-группового, что все-таки, не меняло принципиального характера владения. Совладение, обусловленное объединением трудовых усилий крестьян, предполагало пользование расчищенным участком в соответствии со складническим договором⁷⁷.

Расчищенные земли, восстанавливаемые или вновь вводимые в земледелие, пополняли собой как бы разные массивы, разные с точки зрения пользования ими и податной ответственности. Писцовые книги 20-х гг. XVII в. Сольвычегодского у. в специальном разделе учитывают оброчные угодья, по преимуществу сенокосные, а восстановленные пашни показывают при каждой деревне как примерные. Таких в Окологородной вол. было, например, 139 дес. на 807 дес. пашни паханой, или 16%. Оброчные пожни, разнообразные по размеру — от 5–10 до 200 и даже 400 копен сена, составляли 2593 дес., в то время

⁷⁷ Там же. 1626. № 45–II. Л. 93, 100, 105.

как сенокосы к «живущим вьтям» только 181 дес.⁷⁸ П. А. Колесников пишет о подразделении вятских станов и волостей на тяглые и оброчные, которое не носило территориального характера. «Оброчные и тяглые деревни размещались чересполосно в одном и том же стане», — поясняет ученый. Пример Вятского у. интересен тем, что в оброчных станах доминировали вводимые в хозяйственный оборот целинные земельные площади, а не запустевшие⁷⁹. Поземельный кадастр отделял друг от друга участки разной податной ответственности, которая определялась степенью освоенности угодий и вытекающей из нее системой землепользования.

Оброчные сенокосы в Сольвычегодском у. во много раз превышали вытные, чего не наблюдалось в других уездах⁸⁰. Сенные угодья нередко комбинировались с небольшими пашнями. «Пожня Березник... сена 50 копен. Да на той же пожне пашни полдесятины... оброку с сена и с пашни три алтына»; «Пожня Чища... сена 15 копен. Да на той же пожне пашни осмина... оброку семь денег». Эти угодья конкретно названы пожнями, и их наименования красноречиво говорят об их росчистном происхождении. На пожне Троецкой в Еремине наволоке «ропахано вново на той пожне пашни четыре чети с четвериком, оброку два алтына», — фиксируют положение вещей писцы. Совершенно неопределенно с сегодняшней точки зрения показаны угодья «у деревни Моноковы за крестьянином за Федкою Шуваевым сена по речке по Нимянде по наволочкам 30 копен да пашни в тех же наволочках две десятины. Оброку с пашни и с сена полчетверта алтына». Также по «речке Нимянде по наволочкам» укашивали по 80 копен крестьянин д. Омельяновские Митка Гусев «с товарищи», и у них «отхожие пашни в тех же наволочках десятина»⁸¹. Ясно, оброчные пожни и пашни — это участки, расчищенные и расчищаемые крестьянами на удаленных от деревень отхожих местах. Такие угодья оставались оброчными многие десятилетия. В Окологородной вол. крестьяне д. Дурницыной Якунко да Тихонка Горяиновы владели «на Пугине острову» пашней на «три чети без четверика» и сенокосом на 150 копен, а «владеют по купчим 106 (1597/98) году»⁸². Этот случай четвертьвекового пользования об-

⁷⁸ Там же. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 154–155.

⁷⁹ Колесников П. А. Указ. соч. С. 179.

⁸⁰ Там же. С. 180.

⁸¹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 140, 142, 148. Подробнее о владении оброчными угодьями будет сказано в гл. 3.

⁸² Там же. Л. 131 об.

рочным угодьем интересен и показателен, однако владение угодьем в течение десяти–пятнадцати лет было в порядке вещей⁸³.

Вовлекаемые путем расчисток в сельское хозяйство участки пополняли массивы либо тяглой, либо оброчной земли, на которых существовали разные системы землепользования. Берясь за восстановление или подъем участка, крестьянин хорошо знал, на какой путь в дальнейшем он вступал, сообразовывал свои ресурсы (рабочую и тягловую силы) с предстоящими податными обязанностями, тяглыми или оброчными. Крестьяне, конечно, учитывали и общую социально-экономическую конъюнктуру в крае, своем уезде, сводя порой к минимальным размерам тяглую пашню и расширяя оброчную. Так что восстановление земель в жилых деревнях и за пределами «вытнх пашен» — качественно отличающиеся друг от друга процессы, однако не с точки зрения агрикультуры (тут нет принципиального различия), а последующего полноценного функционирования участка.

Писцы или представители местной администрации, фиксировавшие и оформлявшие изменения — убыль и приращение — земельного фонда, отводя пустующие или целинные земли крестьянам под обработку, получали и накапливали информацию в масштабах уезда о таких изменениях. Эта информация собиралась в приказах–четвертях, отлагаясь в приходных книгах. Благодаря чему центральное учреждение было осведомлено о размерах поступлений по той или иной статье, а через его постоянный контакт с Боярской думой правительство могло предполагать казенный приход и расход.

Труд — традиционное право крестьян на обладание землей

Крестьяне проявляли инициативу в сельском строительстве (будь то освоение или восстановление земли), которую поощряли как государство, так и частные феодалы стимулирующими мерами — льготой, ссудой. Сезонная цикличность сельскохозяйственных работ и весь уклад крестьянского хозяйства способствовали занятости в нем всех трудоспособных членов семьи. Судить о ее рабочих ресурсах позволяет изучение структурно-численного состава и типологических форм семьи. Для крестьянского хозяйства важны обеспеченность как полноценными работниками, так и землей, скотом и

инвентарем. Семейный трудовой коллектив регулировал свои рабочие ресурсы, при необходимости концентрируя их, например, при усилении тяглого обложения, прекращая семейные разделы. В семье существовало половозрастное разделение труда, обеспечивавшее производственно-хозяйственные нужды. Участие всех членов семьи в посылках для их возраста работ привлекало внимание ученых.

Еще во второй половине XIX в. возник взгляд на крестьянскую семью как трудовую ассоциацию. Он получил развитие особенно в 80–90 гг. этого столетия и оформился как «трудовая теория», или теория «трудового начала». Представители ее в лице П. С. и А. Я. Ефименко, И. Тютрюмова, а позже К. Р. Качоровского и др. полагали цементирующим признаком крестьянской семьи не ее кровнородственную связь, а труд и хозяйственно-имущественные отношения ее членов; семья для них прежде всего была трудовой ассоциацией. Сторонники «трудовой теории» различались по своим взглядам в отношении взаимосвязей и имущественных прав членов ассоциаций. Пожалуй, все они трактовали принципы «трудового начала» расширительно, распространяя их на всю жизнь сельской общины, включая и правовые представления, действовавшие в ней.

Теория «трудового начала» породила большую литературу, которая долгое время не была востребована нашей исторической наукой. Лишь в 60–70-е гг. в связи с возобновлением исследовательского интереса к истории общины среди отечественных историков и этнографов эта литература конкретно, и шире историко-юридическая, стала входить в арсенал современной историографии. Обстоятельная оценка такой литературы дана в монографии В. А. Александрова «Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в.». По мнению ученого, роль импульса для теории «трудового начала» сыграла «славянофильская теория об общине как изначальной и самобытной форме русской народной жизни». В дальнейшем она испытала влияние народнических идей о значении общинной организации в жизни крестьянства. «Авторы теории “трудового начала” и их последователи, доказывая самобытность обычного права, игнорировали социальные и хозяйственные процессы, столь бурно протекавшие в деревне и, безусловно, отражавшиеся в правовых воззрениях крестьян-общинников»⁸⁴.

Так что сам труд как организующее начало и порождаемые им связи в семье и общине не абсолютно новы в качестве предмета

⁸³ АПД. IV. С. 211–214.

⁸⁴ Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России: XVIII — начало XIX в. М., 1984. С. 25.

познания. История крестьянской семьи начала интенсивно изучаться в советской историографии также с 60-х гг.⁸⁵ Трудовые ресурсы крестьянской семьи, будучи одним из слагаемых экономической мощности крестьянского хозяйства, стали тем из аспектов при исследовании семьи, о котором мне уже приходилось писать⁸⁶.

В документах, характеризующих социально-экономические процессы, конечно, не только XVII в., но и XV–XVI вв., разбросаны крупницы сведений, говорящих о трудовых и хозяйственных процессах, а чаще обязанностях крестьян. Самые многословные в таком смысле — порядные, льготные грамоты; судебно-следственные материалы, касающиеся поземельных отношений и споров, дают также некоторую информацию по этому вопросу. В большинстве своем свидетельства о трудовой деятельности, в актовом материале например, отрывочны, скупы, лаконичны и однообразны, — и в своей однообразности — стереотипны. Частая их повторяемость из акта в акт показывает масштабность протекавших процессов, отраженных в документах.

Трудовая деятельность крестьян мало зависит от времени, будь то XV или XVII в. Испокон веков земледелец совершает одни и те же действия: пашет, сеет, жнет (или косит). Техника ведения сельского хозяйства на протяжении эпохи феодализма изменялась очень медленно. Трудовые навыки, приемы и способы ведения хозяйства, передаваясь в семье из поколения в поколение, оставались принципиально одинаковыми на протяжении столетий. Углубление хронологии поэтому вполне допустимо, тем более, что сельскохозяйственно-хозяйственная жизнь крестьян XV–XVI вв. хорошо освещена в литературе, характеризующей природу черной волости как в Центре, так и на Севере.

Экономическому процессу в России свойственны периоды особенно интенсивного сельскохозяйственного развития. В XV — первой половине XVI в. массово возникали, «ставились», по выражениям актов, починки и деревни. То же самое, в сущности, проис-

⁸⁵ Разработка структуры семьи широко развернулась в западной историографии с середины 60-х гг. См.: *Бессмертный Ю. Л.* Новая демографическая история // *Одиссей. Человек в истории*. М., 1994. С. 244. Историографический аспект проблем исторической демографии, в том числе и семьи как ячейки воспроизводства населения в IX–XVIII вв., исследован в монографии: *Горская Н. А.* Историческая демография России эпохи феодализма. М., 1994. С. 61–74, 123–134, 179–185.

⁸⁶ *Швейковская Е. Н.* Крестьянские семья и община как категории социальной структуры феодальной России (конец XV–XVII в.) // *Социально-демографические процессы в Российской деревне (XVI — начало XX в.)*. Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Вып. 1. Таллин, 1986. С. 8–12.

ходило в первой половине XVII в., с той разницей, что земледелие восстанавливалось на ранее окультуренных землях, запустевших в годы Смуты. Светские и духовные феодалы в XV–XVI вв. использовали предприимчивость крестьян, активно привлекая их в свои вотчины. Они не препятствовали крестьянской инициативе, а поощряли ее, «сажая» крестьян на участки земли, предоставляя им льготы.

Инициатива, и главное труд, вкладываемый в подъем нового участка, постройку двора, становление полноценного сельскохозяйственного хозяйства, закреплялись в названии сначала починка, а потом деревни по имени крестьянина-пионера. Писцовые книги XVII в. прекрасно это удостоверяют. В Сольвычегодском у. деревни, что были починки — Беляевской, Спиридоновской, Микляевской, Нестеровской, Обросовской, деревни Мишутина, Наволок Данилов, Михалева, и многочисленные Матвеевские, Тарасовские, Алешинские, Тимошинские, Федковские, Степановские⁸⁷.

Среди приобретаемых Троице-Сергиевым монастырем в XV в. разными путями (вкладом, покупкой) сел и деревень в разных уездах России встречаем починки Мануковский, Заиркин, Брюхачев, Лукьянов, Максимовской, Дорофейков, деревни Юркино, Петраково, Давыдовская, Савкина, названные по именам и прозвищам крестьян⁸⁸. Деревня, обитаемая и хозяйствующая, носит имя своего основателя, и его потомки помнят и хранят это название.

Труд, вложенный в землю первопоселенцем и его семьей, овеществлялся в разработанных полях и дворовых постройках. В восприятии и представлениях крестьян деревня, как уже упоминалось, — это совокупность пахотных, сенокосных, лесных угодий, а также место обитания — двор. В самом слове «деревня» укоренено действие по расчистке крестьянином земли из-под леса, производное от глагола «драть». Термин «деревня» синонимичен слову «земля»: «тое деревню орали под ярь...», — прямо свидетельствует один из актов. Выясняя принадлежность нескольких земельных владений в Костромском у., оспариваемых черными крестьянами у Троице-Сергиева монастыря в 90-х гг. XV в., судья спрашивал свидетелей, «...чь то земля, на которой стоим?» Один из них ответил: «та... господине земля Мичково... волосная, ... жил... тут Мичко...». Свидетель другой, монастырской, стороны

⁸⁷ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 832–836 об., 475–480 об., 579–585; Северная Русь. С. 16–28, 72–79.

⁸⁸ АСЭИ. Т. I. № 185, 205, 230, 286; см. также № 302, 408 и др.

утверждал, что спустя десять лет «в той земле — в Мичкове — отец мой жил, ... а на старца... троецкого половничал»⁸⁹.

В XV–XVII вв. существовало немало причин для запустения деревень. Превратившись в пустошь, бывшее поселение надолго сохраняло в памяти окрестных крестьян самое ценное, а именно: разработанную землю. Характерно, что даже тогда, когда разрушились постройки и не было, как явствует из акта 1491 г., «на тех пустошах двора, ни кола»⁹⁰, а поля заросли кустарником и лесом «в бревно», пустошь продолжала именоваться по-прежнему. Среди полученных в середине XV в. Троице-Сергиевым монастырем в Новоторжском у. 14-ти пустошей при селе Вознесенском видим Куземкино, Мартюхово, Федорково, Яковиково, Степаниково и т. д., а в Московском у. из 12-ти пустошей — Онуфрейково, Леоново, Козино, Огаревская, Власово, Максимовское, Степановское, Кондратово⁹¹. В 1506 г. состоялся отвод земель тому же монастырю в Угличском у. слугой (слободчиком) угличского князя Дмитрия Ивановича — двух сел с 54-мя деревнями и починками. Среди деревень с антропонимическими названиями — Митина, Плетеня, Ефимово, Антоново и т. д. — починки носят конкретные наименования своих основателей: починок Ивашки Софопова, Гриди Рязанцева, Пашки Захарова, Луки Обухова, Михаля Коркодинова⁹².

И в XVII в. продолжал действовать тот же принцип. Пустошь, помнится, «что была деревня Митки Пашкова»; не только починки именуются в притяжательной форме — Еремин, Мишутин, Дерягин, но и деревни, недавно поставленные, называются полным именем своего основателя. Примечательно, что название поселения не оторвалось от личности крестьянина, указывает на принадлежность конкретному лицу — «Игнатов починок Непоседова», «деревня Ивашки Панова», «деревня Кузьмы Лямикова»⁹³.

Не только существующие селения и пустоши имели антропонимические названия, но и участки земли, которые крестьяне начинали культивировать и обрабатывать, а также не вошедшие в массив деревенского трехполья. Они обозначались нередко в документах как «земля», в разной стадии обработки и удаленности. Так, межи пустошей в Переяславском у. шли в одном случае «по

Костины покосы», в другом — «по Филин покос» и от «Пентины земли»⁹⁴. А. Д. Горский отмечал, что «большинство этих “земель”, “селищ”, “закозов”, “лугов”, “наволоков”, “пожней”, “нив”, “полос”, “пустошей”, “репищ”, “веретей”, “кулиг” и т. д. носили имена крестьян, обрабатывавших их, владевших ими»⁹⁵. Отсюда видно, что объекты приложения крестьянского труда довольно разнообразны и по своей величине, и по давности культивирования.

При поземельных спорах крестьян с феодалами, разбиравшимися княжескими судами, крестьяне доказывали принадлежность им того или иного участка земли и попутно говорили о его разработке. Крестьяне Троице-Сергиева монастыря во Владимирском у. подтверждали, что поженка, хмельничек, за озерком поженка-росчисть и еще раскос — все эти пахотные и сенокосные участки культивированы в разное время. И крестьяне прекрасно знали и помнили, кем и когда освоены и обрабатывались угодья. «А розсекал... те поженки и тот хмельничек ткнул и хмель спущал Иван Кусак, Межаков отец, да Степан, Козлов отец, тех ответчиков отцы; а жили... в монастырском сельце на Перове изстарины. А уж... тому сорок лет, как вышел Степан за великого князя в деревню в Богороцкое, Козлов отец; а Иван Кусак на Перове и умерл; а уж тому восемь лет, как Межаков отец умер», — говорили свидетели на суде⁹⁶.

Крестьяне помнили о вложенном в землю труде на протяжении поколений. Не только те, которые фигурировали в документах, расчищали пашни и пожни, пахали и косили их, а и их отцы и деды, что ясно из помещенных выше свидетельств. Приведем еще несколько, относящихся к концу XV в. Крестьяне Белозерского у. подтверждали относительно земли Кочевинской, что на ней «отцы наши... да и мы... те розсечи секли... а те гари были кочевинские», и «Кочевинскую пустошь пахали отцы наши да мы...»⁹⁷. В споре из-за озера Муково и болота в Суздальском у. один из тяжущихся крестьян доказывал: «...отца моего подели и покосы, а те... есть, а в том болоте; ... а после отца своего яз те покосы делаю». Эти крестьяне не только косили здесь, но и проводили мелиоративные работы, предохраняя озеро от дальнейшего

⁸⁹ Там же. № 585.

⁹⁰ Там же. № 563.

⁹¹ Там же. № 186, 205; см. также № 230, 302, 444–446, 550, 581 и др.

⁹² Акты Русского государства 1505–1526 гг. (далее: АРГ). М., 1975. № 21.

⁹³ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 94 об., 102 об., 231, 350, 475, 587, 593, 606 об.

⁹⁴ АСЭИ. Т. I. № 18, 20. Примеры могут быть многократно увеличены.

⁹⁵ Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960. С. 145.

⁹⁶ АРГ. № 10. С. 19.

⁹⁷ АСЭИ. Т. 2. № 285, 290.

заболачивания. «А то озеро отец мой Муково пушал двоича и чистил; ...а во се... копани старые»⁹⁸.

После отцов крестьяне нередко «живут» на своих землях по много лет: 10, 20, 30 и даже «с сорок»⁹⁹. Долговременная, на протяжении поколений, и потому прочная связь крестьян с обрабатываемым участком, сохранялась даже тогда, когда черная земля становилась собственностью частного феодала или один феодал сменял другого. Если такая связь существовала в период крестьянского выхода, то в XVII в. она проявлялась гораздо сильнее. И дело заключалось не только в прикреплении крестьян, а и в самом характере земледельческого труда, требовавшего больших затрат (в особенности в тех естественно-географических и климатических поясах, в которых располагалась Россия) и окупавшегося не сразу, а через несколько лет.

Длительное владение участками, переходившими из поколения в поколение, вырисовывается из сделок купли-продажи, заключенных черносошными крестьянами XVII в. Крестьяне говорят о своих деревенских держаниях как «о деда и отца моего» или «отца... благословенье», «земля... прадеда моего»¹⁰⁰. Один из сольвычегодских крестьян в 1631 г. владел участком в $\frac{1}{6}$ выти, которая «от дедов от наших и от отцов... шла», а была приобретена предками в 1591 г.¹⁰¹ Хозяйствование двух-трех поколений крестьян на одном участке (деревне), иногда в течение почти столетия¹⁰², было обыкновенно как для черносошных, так и частнофеодальных крестьян. Потомственному держанию земли в немалой степени способствовала трудовая деятельность крестьян, прекрасно осведомленных о вкладе каждого поколения и каждой семьи в общий земледельческий массив деревни.

Хранителями и носителями коллективной памяти были «люди добрые старожилы». Это крестьяне, помнившие принадлежность крестьянских держаний, их перетасовку давностью в 20, 40, 50, 70 лет. И они не только «помнили», но в случае необходимости подтверждали на суде. Компетентность таких крестьян, называвшихся «знахори», в порядках владения и пользования землей была не пассивной, она была глубже просто осведомленности и

⁹⁸ Там же. Т. 1. № 485.

⁹⁹ Горский А. Д. Указ. соч. С. 146; Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 102; АРГ. № 40.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626, 45-л. Л. 34–35, 38–39, 58, 97.

¹⁰¹ Там же. 1630. № 85. Л. 1, 5.

¹⁰² АСЭИ. Т. 2. № 299.

перерастала в «знание». Ограничусь одним ярким примером, число которых, конечно, может быть увеличено.

В конце 90-х гг. XV в. великокняжеский писец К. Г. Заблоцкий разбирал тяжбу Троице-Сергиева монастыря с черными крестьянами в Юрьевском у. Обе стороны представили свидетелей — «знахорей», которым по очереди писец задавал один и тот же вопрос «...чья то земля, на которой стоим?» Пятеро «знахорей» монастырской стороны «помнили»: один — «за 80 лет», другой — «за 60 лет», третий — 50, четвертый — 40 и пятый — «за 20 лет», что спорное селище было третьим полем той деревни, которую монастырь приобрел по вкладу в 70-х гг. XV в. «Знахорь» черных крестьян заявил: «Сказывал ми... дед мой, ... что сидел на том селище бортник великого князя; а почал его... пахати Иван Шило от Суздальского бою (после 1445 г. — Е. Ш.), а ... лет з 20, как манастырские пашут»¹⁰³. Как видим, память крестьян хранила отдельные эпизоды хозяйственной деятельности, передававшиеся из поколения в поколение. Слагаясь за более чем полувековой период, такие отдельные факты, эпизоды крестьянской жизни составляли единую ткань мира крестьянской повседневности.

Крестьянское хозяйство в деревне, деревня в волости и все они совокупно в общине совместным трудом постепенно наращивали массив обрабатываемых земель, обеспечивая потребности каждого самостоятельного хозяйства. Такой массив по своему землеустройству представлял собой сложную мозаичную картину. Крестьянам-старожилам были ведомы границы каждого лоскута и участка земли, межевые знаки на них, а также междеревенские межи. Знание межей, умение отвести их, отстоять перед судьями, а главное, знание и охрана комплекса земель общины и феодального владения, были той компетенцией крестьян — «знахорей», которую признавали и использовали феодалы и государственные судебные инстанции на протяжении веков¹⁰⁴.

Как же определялись границы окультуренных земель, будь то крестьянское держание, или массив деревни, или еще более крупное образование — земли волостной общины? Акты содержат прямо-таки универсальную во времени, во всяком случае для XV–

¹⁰³ Там же. Т. 1. № 615; см. также № 651 и др.

¹⁰⁴ Даже в первой половине XVIII в. феодалы привлекали крестьян для подтверждения границ и состава земель вотчины: Бакланова [Швейковская] Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. С. 190–191; Вдовина Л. Н. Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. М., 1988. С. 123.

XVII вв., формулу: угодья распространялись туда, «куда топор и соха и коса ходила». Формула кратко и емко отразила вкладываемый в землю труд, а процесс этот практически непрерывный. Тем более что колонизация земель внутри феодальных владений и продвижение их по территории центральной России шли на протяжении XV–XVII вв. Крестьянин с топором (или секирой) в руках вырубал лес, расчищал и не один год готовил участок для будущей пашни и сенокоса. Сельскохозяйственные угодья постепенно притягивались непосредственно к месту обитания — двору, деревне или находились на некотором удалении от поселения.

Выражение «куда... соха... ходила» с современной точки зрения неконкретно и общо, ведь из него не ясны пределы «хождения» того или иного земледельца, крестьян-однодеревенцев и их соседей в общине и тем более в разных феодальных вотчинах. Однако присутствие такого выражения в актах до самого конца XVII в.¹⁰⁵ свидетельствует не столько о консервации статьи формуляра, сколько о стойком обычае. К тому же, выражению сопутствует уточнение о старине земельных угодий, приобретаемых в результате поземельной сделки. Деревни реализовались «со всем тем, что к ним потягло изстарини и с пустошми, и с пожнями, и с лесом, и куда соха ходила...»¹⁰⁶. Приращиваемые из года в год пахотные и сенокосные площади, не возделываемые из-за неблагоприятных, внешних для крестьянина, обстоятельств, но не выключаемые общиной и крестьянской памятью из культивируемого массива имеет в виду выражение «изстарини потягло, куда топор и соха... ходила».

Землепользование каждой деревни в общине или соседних общин было, в принципе, устоявшимся, традиционно постоянным, и потому «неопределенность» в указании границ была понятна сторонам, вступавшим в поземельную сделку. Трудовой процесс, закрепленный как обычно-правовая норма, фиксировался документальным актом. «Неопределенность» рубежей земельного массива деревни, вполне конкретная для крестьян, существовала и в первой четверти XVIII в. В 1715 г. в вологодских владениях архиепископа Вологодского и Белозерского, компактно расположенных в одной волости при трех селах, происходил передел земли с добавлением к основному фонду пустошей. Приговор мирского схода о переделе дополняла роспись о распределении

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 1161. Оп. 1. № 26, 30.

¹⁰⁶ АСЭИ. Т. I. № 270, 266–269, 334, 335, 380 и др.; РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1627, № 81. Л. 8, 15, 16, 18, 21.

пустых земель по селам. Прирезаемые земли названы в ней очень неконкретно: «Села Степановского крестьянам по розверстке пустых земель досталось в той Степановской округе в разных деревнях пашня и сенные покосы все, что в ней есть»¹⁰⁷. Но мирским людям этого было достаточно, ибо они хорошо знали угодья разных деревень, составлявших обрабатываемый и резервный фонд села.

Сказанное не означало, что межи угодий характеризовались только обобщенно. Акты — купчие, данные, меновные засвидетельствовали процедуру отвода земель. И так как речь шла о приобретении земли феодалами, то границы владения определялись точно. «А отвод земле от Семена от Микулина по Кулигинской враг по воду...» или «А отвод тое деревни по старым межам. А наволоку было отвод: от Борисоглебских земель от Усьи по ровик Горбатого бору, от Степановых пожен по ровик же, а болото от Горбатого бору по суше»¹⁰⁸. Подробнее всего предстают рубежи из специальных разъезжих (разводных) грамот, оформлявших размежевание феодальных владений с установлением межевых знаков. «А отвод земли монастырской... из речки из Выжогры да поперек врага на взножь, а на взножи стоит липа, да с липы по ямам промежь пашни и монастырской и Семеновы на яблонь, а с яблони по ямам жо во Вреловской враг...»¹⁰⁹. В XVI–XVII вв. запись деревень, починок, пустошей каждого феодального владения в писцовых книгах и фиксирование их границ в межевых книгах гарантировали феодалам территориальный абрис их владений.

«Великие» ели, «виловатые» березы, ивовые, черемуховые кусты, деревья с затесами-гранями, ручьи, родники, пригорки, тропинки и дороги, а на равнинных местах, не имевших чем-то достопримечательных природных ориентиров, выкопанные ямы с «угольем» в них служили межевыми знаками. Старые знаки поновлялись, устанавливались новые: «Да и грани есмя клали новые к старым гранем болотцом... к Соколцу, да от речки от Соколца от дуба от старых граней»¹¹⁰. Межвотчинные рубежи определялись много конкретнее (что все же не избавляло от конфликтов) внутривотчинных междеревенских межей. Последние постоянно находились на виду у крестьян, и память о них подкреплялась трудовой повседневностью. И потому границы феодальных владений и межи оказывались в сфере крестьянского знания и охранения.

¹⁰⁷ Государственный архив Вологодской области. Ф. 496. Д. 445. Л. 5.

¹⁰⁸ АСЭИ. Т. I. № 335, 385, 506, 437 и др.

¹⁰⁹ Там же. № 601, 619.

¹¹⁰ Там же. № 330; № 597, 609, 614, 654, 655, 659, 660 и др.

Соха, упоминаемая формулой «куда топор и ...коса ходила», — неотъемлемое орудие труда крестьянина, причем универсальное, которым он поднимал новь, пахал, заделывал семена, запахивал навоз. Земледелец с сохой мог пройти и развернуться на самых узких и тесных участках, а для работы ею требовался только один человек с одной лошадей. «Коса» формулы овеществляла сенокосные угодья, которые не только устраивались, как было показано выше, на естественных лугах, но и расчищались специально, располагались «меж полъ».

Труд пахаря, когда «один человек на одной лошади орет», а точнее, размер пахотной площади, им обрабатываемой, стал основой новгородской окладной единицы — «обжи». Московская соха, будучи в три раза больше обжи, аккумулировала труд пахаря «кто на трех лошадях и сам третьей орет».

Именно обработка поля под посев, по разумению крестьян, должна учитываться писцами при обложении. Крестьяне Тотемского у. в 1646 г. жаловались на «неправду» писцов 1623–1625 гг., которые «земли писали в четверти не столько, сколько сеетца ржаново севу в полях»¹¹¹. Документы поземельных сделок северных крестьян XVII в. убедили в том, что совершение цикла сельскохозяйственных работ, полного трудового круга принимали во внимание крестьяне при взаимных расчетах. В соответствии с затраченным трудом крестьяне распределяли уплату налогов: продавец земли платил по «озиме», «по рже», а покупатель — «по яри да по сену». Земельное хозяйство, как известно, состояло из участков разной давности обработки — старопахотных и новинных. При отчуждении учитывались платежи со всех таких угодий, и мерилom выступал также труд; со старопахотных земель налоги платили «по озимному севу, что сияно на той полудеревне», а за посев на «новине» — оброк¹¹². Включение в документы столь скрупулезно оговоренных условий подтверждает осознание крестьянами высокой ценности своего труда.

Земледелие в северном регионе, да и в Центре России, требовало максимальной концентрации трудовых ресурсов крестьянской семьи. Сельскохозяйственные работы приходились на сравнительно короткий отрезок года, и неспешно текущее время предельно уплотнялось в этот период. Ограниченный бюджет рабочего времени требовал от земледельца повышенного напряжения физических и психических сил, сосредоточения трудовых ресурсов в та-

¹¹¹ АПД. III. С. 62.

¹¹² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626, № 45–II. Л. 9, 10, 55, 58, 60, 108.

ких размерах, которые не требовались в остальное время года. И в «аграрное» время, пожалуй как ни в какое другое, крестьянин в течение практически светового дня — один на один с землей, вспахивая ее, причем неоднократно, засевая, наблюдая за всходами, ростом и созреванием хлебов, убирая урожай. Земледельца и обрабатываемую им землю связывала эмоционально-психологическая связь, столь сильная, что она была обобщена и воплощена в фольклоре понятием земля-матушка, земля-кормилица. Труд, прилагаемый к такой почти одушевляемой земле, делал ее своей. «Моими», «своими», «нашими» землями — участками, полосами, кулигами, поженками, лужками пестрят документы XV–XVII вв., и наблюдения об этом прочно вошли в литературу¹¹³.

Длительное, из поколения в поколение, возделывание и держание одного и того же участка способствовало утверждению у крестьян взгляда на него как на личный, исключительно крестьянину принадлежащий. Такое воззрение характерно для черносошных и частнофеодальных крестьян вплоть до середины XIX в. До пореформенного времени дожила формула, встречавшаяся среди помещичьих крестьян: «Мы — ваши, а земля — наша»¹¹⁴. Обрабатывая землю, именно «свой» участок, крестьянин вел себя как хозяин, он не испытывал над собой регламентации другого лица.

Такое отношение к возделываемой земле было настолько сильным, что проявлялось весьма своеобразным образом. Крестьянин Устюжского у. д. Завасевской Осип Ворохов в 1681 г. просил на оброк «новоприсадное место — старые речки Уфтюги подошва». Сама по себе просьба достаточно ординарная! Интересны излагаемые Вороховым факты, вызвавшие челобитье, а также приводимые им доводы. Д. Завасевская — прибрежная на р. Уфтюге, последняя несколько раз «прошла» по угодьям деревни. Сначала «тое деревни свалило и снесло пашенные наземные одворные земли по смете чети на две и больши есть, и подворную землю смыло же». О. Ворохов перенес двор — «дворишка на ином месте», и опять «тое землю валило и несло на низ в тое в речную подошву». В результате неоднократных сползаний берега и смывов земли ее принесло в одно место — новоприсадное, в ос-

¹¹³ Там же. 1623, № 13, Л. 81; 1627, № 81, Л. 2, 7, 23; 1623, № 6, Л. 1; Ф. 1161. Оп. 1. № 18, 24; Черетин Л. В. Русь. Спорные вопросы феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черетин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 218–219.

¹¹⁴ Качоровский К. Р. Русская община. Т. I. СПб., 1900. С. 318.

нование (подошву) старицы р. Уфтюги, причем таким образом, что «изголови тое подошвы под моею (Осипа Ворохова. — Е. Ш.) Притеребского луга землею»¹¹⁵.

Из челобитной явственно вытекает, что культивированную крестьянским трудом землю, совершенно определенную землю конкретного крестьянина, природная стихия перенесла в другое место, но примыкающее к его же сенному угодью. Необходима компенсация вложенного в эту землю труда. И Осип Ворохов в качестве такой компенсации просит образовавшееся из его земли новоприсадное место отдать «к моей деревне Завасевской». Логика мышления крестьянина ясна: снесло «мою землю», и потому «мое» преимущественное право взять на обработку оказавшуюся по воле случая в другом месте «свою» землю. Измеренная компетентной комиссией речная подошва была отдана челобитчику из оброка.

Поколения крестьянской семьи, возделывавшие участок земли, наращивавшие его своим трудом или терявшие часть его, сформировали фактическое право на освоение и обработку земли. Реальность этого права проявлялась вполне отчетливо, и даже в экстраординарных обстоятельствах. Разные житейские ситуации могли прервать связь крестьянина с землей. Он прекращал ее обработку либо из-за стихийно-природных явлений (как в приведенном случае), либо оскудевал от фискального гнета и забрасывал часть своей земли или даже всю, либо по естественно-демографическим причинам, когда оставались малолетние дети, не имевшие сил обрабатывать землю и «скитавшиеся меж двор» или жившие у родственников или соседей. Со временем крестьяне ходатайствовали перед государственной администрацией и общинной властью о возвращении «их» земли, которую к тому моменту обрабатывали другие. Главный мотив ходатайства именно тот, что когда-то земля возделывалась дедами и отцами или ранее самим ходатаем. И крестьянин, как правило, получал искомую землю.

Сила традиции состояла в том, чтобы иметь землю и обрабатывать ее. Трудовое право основывалось на обладании землей как условии аграрного производства и жизнеобеспечения крестьян.

Итак, черносошные крестьяне Севера из поколения в поколение жили и хозяйствовали в определенном природно-географическом регионе, а также в разнообразных микроландшафтах. Максимально используя их условия в трудовом процессе,

крестьяне создавали складывавшийся, как мозаика, региональный и местный аграрный пейзаж. Его особенностью была привязка области обитания к речным долинам, большая, чем в местностях Центра. Рассмотрение крестьянского двора-хозяйства, вписанного в аграрный пейзаж, дополняет его характеристику. Двор представляет уже не только как производственную ячейку, но и семейный коллектив, связанный нитями соседских и родственно-свойственных отношений с себе подобными в деревне и общине, формировавший и придерживавшийся определенных правил наследования и правовых обычаев, порядка землепользования. Совокупность этих характеристик, относясь к социокультурной сфере, тесно переплетена и взаимодействует с природно-материальной средой и аграрным производством.

¹¹⁵ АПД. IV. С. 236–239.

ГЛАВА 2

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЧЕРНОСОШНОЙ ДЕРЕВНЕ

Историографический очерк о черной волости

Обладание землей ведет к разнообразным отношениям, потому что пользоваться и хозяйствовать на ней невозможно без контактов разных уровней (внутри- и межсословных). В черносошной деревне XVII в. прослеживаются две разновидности общественных отношений: с одной стороны, между крестьянами и государством, а с другой — междоусобицы. И те, и другие фокусируют многообразные связи крестьян по поводу земли, а поземельно-имущественные отношения определяют хозяйственную жизнь и быт крестьян.

Земельные порядки у крестьян Поморья, столь отличные в XVI–XVII вв. от таковых в Замосковье, обратили на себя внимание историков еще в середине прошлого века. Они оказались в поле зрения исследователей в связи с выяснением генезиса, эволюции и судеб русской сельской общины. Б. Н. Чичерин в 50–х гг. XIX в. в своей книге «Опыты по истории русского права» писал о развитии общины в соответствии со «всеобщим общественным и государственным бытом России» и считал, что она «не образовалась сама собою из естественного союза людей, а устроена правительством под непосредственным влиянием государственных начал»¹.

Он полагал, что в черных волостях «сохранилось более следов старинной общины», а также «что земля принадлежала князю, а крестьяне считались только ее владельцами». Ученый заметил, что крестьяне передавали землю по наследству, отчуждали ее посторонним лицам, как крестьянам, так и служилым людям, монастырям или духовенству. Говоря о существовавшей обязанности приобретателя земли тянуть тягло наряду с черными крестьянами, он привел факты обеления этой, приобретенной у черной общины, земли и вторжения в общину «чуждого ей лица». Значение общины на черных землях Б. Н. Чичерин оценил как «финансовое или скорее хозяйственное, ибо подати и повинности уплачивались князю в качестве землевладельца»². Он подметил также постепенный переход черных волостей в частные руки или слияние их с дворовыми в «средней России», где «владельческие элементы были чрезвычайно развиты и где сельские общины находились под непосредственным влиянием государства». На Севере сохранению прежней самостоятельности общин, по мнению автора, способствовала удаленность центральной власти и незначительное число частных владельцев. Ученый заключил, что «черными были у нас те сельские общины, которые в средние века по обилию земли оставались вне сферы владельческой деятельности князей-вотчинников, их слуг, монастырей и других церковных установлений и которые потом вследствие отдаленности мало подлежали влиянию государственной власти»³. Более определенная формулировка содержится в другой работе Б. Н. Чичерина: земля «черная была собственностью государя и находилась в потомственном владении посадских людей и крестьян, которые несли с нее подати и повинности, сохраняя, впрочем, право свободного распоряжения. Поэтому черная земля могла быть отчуждаема и в руки беломестцев, которые, однако, продолжали нести с нее податные обязанности, если только не освобождались от этого особыми жалованными грамотами»⁴.

Специально истории северной общины посвятил работу П. А. Соколовский. Мнение Б. Н. Чичерина о создании общины государством в финансовых целях, которую цементировали не поземельные отношения, а тягло, он считал несостоятельным. За 20 лет, прошедших после выхода работы Б. Н. Чичерина, был накоплен новый фактический материал, который позволяет «обста-

² Там же. С. 19–24.

³ Там же. С. 35, 43.

⁴ Чичерин Б. Н. Областные учреждения России XVII в. М., 1856. С. 508.

¹ Чичерин Б. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 57.

вить факт существования поземельной общины в древней России такими твердыми основаниями, которые ставят его вне сомнения»⁵. В развитии общины образованию государства и «появлению поместного землевладения» ученый отводил важную роль. Именно под действием этих обстоятельств «из свободной община сделалась тяглой». П. А. Соколовский отметил также тот момент, что государство для обеспечения собственных нужд должно было завладеть землей, которая и давала материальные средства. «Право собственности на нее, — писал автор, — переходит от общины к представителю государственной власти — князю, подобно тому, как это происходило при образовании государства во многих других странах; крестьяне же сделались только владельцами ее». Развитие государственных потребностей наложило на общины обязанность «содержать служилых людей, что и было достигнуто раздачей черных земель в поместья и вотчины». А этот процесс привел к тому, что «вместо общин, владевших землей на правах частной собственности, явились 1) общины, пользовавшиеся только правом владения — черные общины, — и 2) общины на владельческих землях, право которых на землю ограничивалось исключительно пользованием»⁶. Достоин внимания еще одно замечание ученого о том, что «перемены не изменили, однакож, вековых воззрений народа, и стремление к равному распределению прав и обязанностей продолжало существовать во всей силе и выражалось в той же форме»⁷. Справедливо и наблюдение П. А. Соколовского относительно землевладения северных общин, которые предоставляли своим членам «полную свободу в распоряжении доходом от земли», «право делить на части, передавать наследникам, меняться своей землей, закладывать, отдавать в наем и даже отчуждать посредством дарения и продажи, с тем лишь подразумеваемым условием, чтобы участок оставался во владении общины»⁸.

В соответствии со взглядом на государство, как катализатор общественно-экономических процессов, А. С. Лаппо-Данилевский рассматривал образование общины, которая сложилась под воздействием судебной-полицейской и финансовой зависимости от государства. Он довольно лаконично определил черные волости как земли «государственные, не принадлежавшие князю на правах ча-

стной собственности», а черных крестьян как «владельцев земли государевой», которые «тянут тягло и служат службы, в том числе исправляют посоху»⁹. Именно тяглые интересы, которые действительно очень выпукло представлены документами XVI в. и в особенности XVII в., определяли «центр тяжести общинной жизни» (от положения крестьянина в общине до возникновения органов мирского самоуправления)¹⁰.

Большое самостоятельное место занимала община в концепции исторического развития и феодализма в России у Н. П. Павлова-Сильванского. Община, или мир, была той организацией, которая обуславливала строй целого периода, от глубокой древности до XIII в. Для XIII–XVI вв., периода удельно-феодального порядка, существовала община-волость, члены которой «владели землей, как собственностью, с правом распоряжения»; такое частное землевладение сочеталось с общинным владением угодьями и было мерой обязанностей и прав волощанина. В то же время «поземельные права волости простирались не только на угодья и пустоши, но и на всю волостную территорию, и могут быть сведены к тому же праву высшего владения... или территориальной власти»¹¹.

Характеризуя хозяйственное положение крестьянина в XVI в., В. О. Ключевский подразделил земли, на которых жили крестьяне, на три разряда: церковные, служилые и государевы, выделив среди последних дворцовые и черные. Со свойственной ему ясностью он писал о существовании в Московском государстве XVI в. трех разрядов землевладельцев: государя, церковных учреждений и служилых людей, и только. Он подчеркнул, что «не существовало крестьян-собственников. Крестьяне всюду жили на чужих землях — церковных, служилых либо государственных; даже сидя на черных землях, не составлявших ничьей частной собственности, крестьяне не считали этих земель своими». Ученый заключил: «Итак, черные крестьяне очень ясно отличали право собственности на землю от права пользования ею»¹².

Достаточно осторожен в трактовке землевладения черносошных крестьян М. М. Богословский в своем двухтомном труде о земском самоуправлении на севере России в XVII в. Задавшись

⁵ Соколовский П. А. Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877. С. 62–63.

⁶ Там же. С. 119–120.

⁷ Там же. С. 120.

⁸ Там же. С. 87.

⁹ Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 2, 12, 78.

¹⁰ Там же. С. 79.

¹¹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. М.; Пг., 1923. С. 67–69.

¹² Ключевский В. О. Сочинения. Т. II. М., 1957. С. 290–291.

вопросом, какая земля называлась черной, историк обратился прежде всего к общественным группам, на которых лежали обязанности по отношению к государству. Таковы черные люди, они — «разновидность тяглых людей, это тяглецы, жившие и трудившиеся на государственной земле, посадские люди или государственные крестьяне». В противоположность им беломестец — человек нетяглый, служилый, «обладающий правом собственности на землю». Белая земля, свободная от тягла, во-первых, и «составлявшая предмет частной собственности», во-вторых; «обелить», — поясняет ученый, — столько же значит освободить от тягла, сколько утвердить в праве собственности»¹³. Обращаясь к значению термина «черный» в Древней Руси, М. М. Богословский говорит: «Чернь — это то же, что мир, весь мир в смысле общества. Черная земля — это земля, не составляющая ничьей частной собственности, ничья, общая мирская»¹⁴. М. М. Богословский поставил также вопрос о праве черных крестьян в XVII в. на занимаемую ими землю. Он предостерегал исследователей от заблуждения в оценке этого права, к которой могут привести сохранившиеся документы, ведь крестьяне — «владельцы черной земли совершают на свои участки все акты распоряжения...». Поэтому создается впечатление, что владельцам принадлежит право собственности на их участки. Показав по документам бытование сделок купли-продажи, соотнеся их с наследованием земли и проследив отношение и практическую деятельность правительства касательно распоряжения черной землей, ученый заключает, что достаточно ясен «взгляд правительства XVII в. на черную землю, как на землю, находящуюся в собственности государства и лишь во владении крестьян»¹⁵. Подводя итог своему исследованию, М. М. Богословский оценил положение северных крестьян следующим образом: «Кажется, состояние черных крестьян в XVII в. можно обозначить, как состояние крестьян, живущих на черной государственной земле, прикрепленных к волостным обществам и обязанных самоуправляться в интересах государственного казначейства. Так, по крайней мере, смотрели на них в правительственных сферах XVII в.»¹⁶.

Высказывания ученого наполнены выражениями: «правительство видело...», «правительство смотрело...», «взгляд правительства того времени...», «точка зрения московского правительства...». Верно уловив само явление: крестьяне — владельцы государственной земли из тягла или оброка, М. М. Богословский объяснял его, исходя из юридическо-правовой позиции. Отсюда, вероятно, протекает осторожность ученого, ибо конкретный материал, которым он оперирует, гораздо многообразнее и не вписывается только в рамки правовых взаимоотношений крестьян и правительства.

Разделяла точку зрения М. М. Богословского о черных землях, находившихся в собственности государства, и на крестьян — жильцов на этой земле М. А. Островская. Правительственные меры по ограничению крестьянских поземельных сделок, по ее мнению, преграждали запустение тяглых земель, а цель, преследуемая правительством, заключалась в препятствовании уменьшению окладных доходов. Исследовательница проследила происходившее обезземеление крестьян, отмечая сокращение удобной для обработки земли, констатировала проявления мобилизации земли, не показывая социальной природы протекавшего процесса¹⁷.

По-иному, чем авторы предыдущих работ, характеризовала крестьянское землевладение в Поморье А. Я. Ефименко. Она не придерживалась мнения, в частности, П. А. Соколовского, об исконности сельской общины. Однако она привела свидетельства о землях, находившихся в общем междеревенском пользовании, — сенокосах, рыбных тонях. Вervление земли в пределах волости, проводимое с целью податного уравнивания, было одним из общинных порядков. Поземельный строй северной деревни исследовательница представляла следующим образом: «посреди дикой вольной Божьей земли, государевой — *de jure*; ничьей — *de facto*, рассеяны» деревни, населенные первоначально коллективом родственников — большой семьей задружного типа, который со временем «замещался союзом складников, соседей, сябров, сохраняя под собой всецело старую кровную схему». Проникновение в деревню чужеродных людей происходило путем разнообразных земельных сделок, так как крестьяне распоряжались землею «как полной своей собственностью»¹⁸.

¹³ Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. I. М., 1909. С. 50–51.

¹⁴ Там же. С. 52.

¹⁵ Там же. С. 53–61.

¹⁶ Там же. Т. 2. М., 1912. С. 310.

¹⁷ Островская М. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI–XVIII вв. СПб., 1913. С. 73, 90–98, 105–109, 120, 136.

¹⁸ Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. Вып. 1: Обычное право. М., 1884. С. 210, 223, 225.

Задавшись вопросом о правах крестьян на их землю, А. Я. Ефименко удивилась «странному противоречию». Она писала: «Право крестьянина на землю является со всеми привычными атрибутами неограниченной, полной собственности: крестьяне продают, закладывают, меняют, дарят, завещают, отдают в приданое за дочерью, делят свои земли совершенно так, как это могли бы делать настоящие собственники в самом современном смысле слова». Вместе с тем имелись факты, «необъяснимые с точки зрения современных понятий о собственности», которые исследовательница объясняла существованием ограничения со стороны родственников на отчуждение земли. Признавая влияние государства, «считавшего всю землю своей собственностью, а тем более крестьянскую», на характер этой собственности, А. Я. Ефименко заключала, что «до второй половины XVIII в. большая часть тяглых земель на севере принадлежала крестьянам на правах частной собственности, ограниченной, с одной стороны, родовой организацией деревни, с другой — тяглом». Она полагала, что правительство утвердило право собственности на пустую, не обрабатываемую землю и скопило таким образом огромный фонд «оборочных земель». Это право на «пустую землю» она считала «фиктивным», но «оно реализовалось с того момента, как эта земля подвергалась эксплуатации». Из противоречия А. Я. Ефименко вышла, выделив два вида собственности: «вотчинную крестьянскую» и «государеву оброчную»¹⁹.

Всей схеме исследовательницы присуща архаизация поземельных отношений на Севере, особенно ярко проявившаяся в следующем высказывании: «Крестьянская земельная собственность..., несмотря на отчуждаемость, была гораздо теснее связана с собственником, чем это представляется мыслимым с точки зрения современных понятий о собственности. Собственник был крепок своей земле не в позднейшем государственном, а в первоначальном естественном смысле этого слова: право человека, обратившего своим трудом дикую землю в возделанную или вообще вкладывавшего свой труд в землю, естественно считалось выше всяких других производных прав»²⁰.

Уместно привести слова С. В. Пахмана, автора двухтомного труда «Обычное гражданское право», высказавшего, по признанию самой А. Я. Ефименко, «резко неблагоприятные замечания» в ее адрес. Известный юрист по огромному массиву материала Ко-

миссии по преобразованию волостных судов обобщил и описал бытовавшие нормы обычного права, в которых под влиянием развивавшейся во второй половине XIX в. капиталистической экономики происходили изменения. Они сказывались и на трансформации понятий общности и раздельности имущества в крестьянской семье. В этой связи небезынтересны следующие слова: «...еще не выработалось в народном сознании разграничения собственности от владения..., в народном правосознании смешение этих понятий отражается в том, что право владения и пользования нередко вовсе не различается от собственности: своим, собственным имуществом, подлежащим свободному распоряжению, признается и то имущество, которое находится лишь в постоянном пользовании, каковы, напр., усадьбы, места... самые выражения “купил”, “продал” применяются иногда даже к участкам, состоящим лишь в пользовании “продавца”, и даже к сделкам, относящимся лишь к наемной отдаче земли в пользование»²¹.

Правовая двойственность понятий сказалась на оценке черных земель, которую дал им С. Ф. Платонов. Он полагал, что «действительным хозяином» земель в Поморье «со всеми чертами собственника был крестьянин, владевший “своими деревнями” на “государевой земле”, образовавший своеобразную податную общину в государстве и своеобразный “погост” — приход в церкви». Справедливо суждение ученого о свободе крестьянского мира от «всяких частных воздействий и зависимости на черных (государственных) и дворцовых землях», где мир «жил и работал с полной самостоятельностью», но, обратим внимание, «в государственной вотчине, а в своем поселке». Отметил С. Ф. Платонов и следующее обстоятельство: «главное условие общественного благополучия — свобода труда и почина» были налицо, хотя «в недрах этого “мира” не все было ладно и приглядно»²².

Свобода хозяйственной инициативы поморских крестьян, отсутствие в этой сфере какой-либо регламентации была отмечена почти всеми упомянутыми учеными. Действительно, столь важное условие для экономической деятельности и общественной жизни способствовало активности крестьян в сельском хозяйстве и промысловом предпринимательстве.

Ученые второй половины XIX — начала XX в. для выяснения широкого круга вопросов истории северного крестьянства

¹⁹ Там же. С. 250–255.

²⁰ Там же. С. 320.

²¹ Пахман С. В. Обычное гражданское право. Т. 1. СПб., 1877. С. 5.

²² Платонов С. Ф. Низовская колонизация на Севере // Платонов С. Ф. Очерки по истории колонизации Севера. Вып. 1. Пг., 1922. С. 65–66.

привлекли и использовали, порой впервые (например М. М. Богословский, массовые сведения писцовых описаний XVII в.), писцовые, переписные книги, приказные судные дела (включая исковые челобитные крестьян с ситуативными характеристиками землевладения и землепользования), обращались они и к актам поземельных сделок. Стали известны расположение и размер деревень, численность крестьянского двора, получено общее представление о населении, выяснялись особенности землевладения и землепользования. Самоуправление северных миров, сказывавшееся в обложении тяглом и разверстке налогов, финансовая деятельность мирских властей были исследованы с наибольшей полнотой.

В то же время историки ввели в оборот фактический материал, добытый в архивных изысканиях, пополнявших документальные публикации, помещаемые в таких известных изданиях, как Русская историческая библиотека, Акты исторические, Акты юридические, Акты Археографической экспедиции, Чтения в Обществе истории и древностей российских, и других. Большой массив писцовых книг и писцового приказного материала по уездам Севера вошел в исследования благодаря стараниям С. Б. Веселовского и М. М. Богословского.

Дореволюционная историография создала довольно прочный фундамент концептуальных построений не только по интересующему, но и по другим вопросам отечественной истории, исходя из существовавших в тогдашней (второй половины XIX — начала XX в.) науке мировоззренческих направлений. Советская историческая наука использовала достижения предшественников, не принимая их концепций объяснения закономерности исторического развития. Однако она не избежала влияния дореволюционной науки. И этот факт сам по себе отраден, ибо восстанавливается связь и устанавливается преемственность между стадиями развития российской исторической мысли.

Думаю, что наша историческая наука вступила теперь в период взвешенной оценки работ отечественных историков как второй половины XIX — первого десятилетия XX в., так и 20–90-х гг. текущего столетия, оценки, избавленной от излишней эмоциональности, общественно-политическую ситуацию сегодняшнего дня. Мне кажется, что нужно, не противопоставляя, а сближая и находя точки соприкосновения, подходить к двум этапам (учитывая периоды и градации внутри них) непрерывного процесса развития отечественной исторической мысли. При таком взгляде он станет многограннее, выпуклее, обретет краски и

оттенки, утратит прямолинейность оценок и двуцветное черно-белое изображение событий.

Вопрос «окняжения» черных волостей и особенности землевладения черносошных крестьян, так же как и проблемы закрепощения крестьян, опричнина и другие, были наследованы советской исторической наукой. Она обращалась к ним не только потому, что требовалось рассмотреть их с новой методологической позиции, а и потому, что они представляют собой крепко завязанные узлы в историческом развитии России. Разрешение названных и других спорных проблем, в особенности антагонистического противостояния сословий, внутрисословных противоречий, шло и на новом уровне их осмысления, а также с привлечением новых источников и постоянного расширения документальной базы.

Глубока благодарность старшим коллегам, которые в трудные 40–50-е гг. проделали огромную работу по подготовке, комментированию и изданию кодексов русского феодального права. Публикация Русской Правды, судебников, духовных и договорных грамот, актов Новгородской и Северо-Восточной Руси (продолженная в последующие годы изданиями актов Русского государства), а позже Соборного Уложения 1649 г., законодательных актов XVI–XVII вв. стала поистине фундаментальным вкладом в развитие послевоенной отечественной исторической науки. Тем более, что эта работа шла параллельно с монографическими исследованиями крупного масштаба. Достаточно назвать труды Б. Д. Грекова, С. Б. Веселовского, Л. В. Черепнина, М. Н. Тихомирова²³.

Давлению идеологического пресса подвергались и сами историки, и их сочинения. Репрессии, как известно, не обошли ученых-историков. «Трудные годы» исторической науки, явственно обозначившись на рубеже 20–30-х гг. «Академическим делом» С. Ф. Платонова — Е. В. Тарле²⁴, длились не менее долго, чем для биологии, генетики, цитологии. Творческие дискуссии, свобода мнений сменились заданностью тематики, умолчаниями, что привело к догматическим штампам, проявлениям схоластики, неразработанности отдельных проблем. Однако, несмотря на «управляемость» исторической наукой, ее лучшие силы, даже в

²³ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М., 1946; 2-е изд. М., 1952, 1954. Кн. 1, 2; Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М., Л., 1947; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1, 2. М.; Л., 1948, 1951; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1960.

²⁴ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1: Дело по обвинению акад. С. Ф. Платонова. СПб., 1995.

рамках заданной темы, исходя из внутренней ответственности, гражданского долга, преодолевали социальный заказ и создавали конкретно-исторические работы, глубокие по постановке проблем, источниковой проработке и базирующимся на ней наблюдениям и выводам.

Именно в 60-х — начале 80-х гг. история феодальной России обогатилась многими работами, часть которых вызревала и готовилась многими годами ранее их выхода в свет (ведь издание книг и публикаций по истории феодализма не было в эти годы приоритетным). Перечислять их здесь не место, назову лишь некоторые направления и темы в области социально-экономических отношений категории зависимого населения и их положение на разных временных этапах развития феодализма, закрепощение крестьян, крестьянская община и ее обычное право, общественно-политические катаклизмы (феодальная война XV в., опричнина, Смута) как сами по себе, так и их последствия для аграрной экономики; не говоря уже о таких двух крупнейших и важных проблемах, как генезисы феодализма и капитализма.

Может показаться, что весь этот пассаж неуместен, но, на мой взгляд, нигилистическое отношение к сделанному в советской исторической науке, встречающееся на страницах популярной и научно-популярной прессы, неприемлемо. Взвешенный, критический подход необходим к работам, написанным как в советское время, так и в дореволюционное. Наука не стоит на месте, в ней происходит переоценка положений и взглядов на иное, чем прежде, мыслительном уровне. И такое переосмысление, вызываемое системно-ценностными критериями, господствующими в обществе, — свидетельство поступательного развития исторической науки.

Из сказанного выше ясно, что вопрос о природе черной волости перешел в советскую из дореволюционной историографии. Однако из второстепенного, сопутствующего изучению общины, он вышел на первый план. Он начал рассматриваться в контексте выяснения путей формирования феодальной собственности в XIV–XVI вв., ее эволюционного развития и функционирования во второй половине XVI–XVII в. Заняв место в столь важной проблеме, как характер феодализма в России, черносошное землевладение стало исследоваться через призму общего понимания феодальной земельной собственности как системы общественных отношений. Разные оценки природы черной волости, пришедшие из дореволюционной историографии, не заменились в советской только одной точкой зрения. Историки, писавшие на эту тему, придерживались как

раз противоположных взглядов, которые обозначились среди ученых, московских, с одной стороны, и ленинградских — с другой.

Истоки будущей дискуссии о черной волости нужно искать, пожалуй, в 50-х гг., тогда же определились ее участники. А. И. Копанев в монографии о землевладении Белозерского края XV–XVI вв. высказал взгляд о том, что черные крестьяне владели землей «на правах частной собственности», основываясь на многих фактах продажи, обмена, завещания крестьянами их земель монастырю²⁵. Л. В. Черепнин в статье, впервые опубликованной в 1953 г., говорил о существовании черных, т. е. государственных, земель, которые обрабатывали тяглые крестьяне, не попавшие в зависимость от частных феодалов, церковных и светских. «Черные крестьяне эксплуатировались непосредственно государством, платили дань и несли ряд натуральных повинностей в пользу князя»²⁶. Взгляды на черные земли, высказанные в упомянутой и других статьях этого времени, нашли воплощение в монографии Л. В. Черепнина об образовании единого Русского государства. Феодальная земельная собственность — монопольна, сословна, иерархична, а потому имеет разновидности, одной из которых были черные земли. Такова понятийная посылка ученого. Тогда в данном ключе рассуждений черные земли, наряду с дворцовыми и частнофеодальными, — самостоятельный вид феодальной собственности. «Черная земля является великокняжеской тяглой, т. е. крестьяне, на ней живущие и ею пользующиеся (в другом месте — черные земли «находятся в пользовании крестьянских общин, эксплуатируемых непосредственно государством») несут тягло по разверстке общинных властей, вместе с волостью или станом». Эта «черная тяглая, великокняжеская, государственная земля» противопоставлялась земле боярской и церковной. Крестьяне на таких землях непосредственно подчинялись князю как верховному собственнику земли²⁷.

²⁵ Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М., 1951. С. 190.

²⁶ Черепнин Л. В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.) // Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1961. С. 118. см. также он же. Из истории русского крестьянства XV в. // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Вып. 3. М., 1954. он же. Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в. // Проблемы источниковедения. 1955. Т. 4.

²⁷ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 182–183.

Л. В. Данилова, проследив по документам Обонежья и Подвинья XIV–XV вв. существование поземельной крестьянской общины-волости, пришла к убеждению, что фактическое право собственности на черносошные земли «расчленилось между общиной как коллективом и отдельными общинниками» при юридической верховной собственности государства на эти земли²⁸. Н. Н. Покровский в своей кандидатской диссертации, законченной в 1956 г. и находившейся с тех пор до ее выхода в 1973 г. в научном обороте, специально проанализировал акты, касающиеся черносошного землевладения в Центре и на Севере (Подвинье) России XIV — начала XVI в. Он квалифицировал черные земли как «собственность феодального государства в лице князя, возглавлявшего феодальную иерархию в данном княжестве», а с их присоединением к Москве — как феодальную собственность великого князя. Ученый проследил разную распространенность черного землевладения в Центре и Подвинье, раскрыл его сущность, заключающуюся в сочетании общинного и частного владения, проведя через всю работу мысль о феодальном государстве — собственнике всех черных земель²⁹.

На вопросе о сущности черного крестьянского землевладения специально остановился А. Д. Горский в своей монографии 1960 г. об экономическом положении крестьян Северо-Восточной Руси. Он изучал черных крестьян как категорию, прибавочный труд которой присваивал собственник земли — класс феодалов в целом. Ученый показал, что собственником черной земли было «феодальное государство в лице великокняжеской власти (а до ликвидации самостоятельности удельных княжеств в лице соответствующих удельных князей) как представителя класса феодалов для осуществления их классового господства», это во-первых; а «община в Северо-Восточной Руси XIV–XV вв., даже черная община, как правило, уже не является собственником земли» — во-вторых³⁰. Черные крестьяне не были собственниками обрабатываемой ими земли, так же как и владельческие, и в этом принципиальное единство всех разрядов крестьян, составлявших феодально зависимый класс.

²⁸ Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955. С. 264.

²⁹ Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973. С. 93, 180–186, 222–223.

³⁰ Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960. С. 113–114, 120–121, 139, 158–162.

С выходом в 1962 г. рецензии И. И. Смирнова на книгу Л. В. Черепнина «Образование Русского централизованного государства»³¹ полемика по поводу черносошного землевладения приобрела дискуссионность. Особенно живо и даже остро проблема обсуждалась в 60–70-е гг., когда выявились три точки зрения на нее. Дебаты велись в связи с разработкой двух крупных тем. Во-первых, развитием феодальной земельной собственности (а конкретнее, того направления ее эволюции, которое выражалось в поглощении черных земель частными феодалами), о чем говорилось выше. Во-вторых, в связи с вырезанием раннебуржуазных отношений с XVI в. Изложение этих точек зрения неоднократно приводилось в литературе, и потому ограничусь суммарной их характеристикой.

Московские ученые Л. В. Черепнин, А. Д. Горский, С. М. Каштанов, Н. Н. Покровский, А. М. Сахаров, В. Л. Янин и др. считали черносошное землевладение одним из проявлений, видов феодальной земельной собственности, когда черносошный крестьянин — владелец и пользователь своей земли (с правом распоряжения ею) при верховной собственности великого князя (государа). Ленинградские ученые И. И. Смирнов, Г. Е. Кочин, Н. Е. Носов, А. И. Копанев, Ю. Г. Алексеев и др. придерживались точки зрения на черносошных крестьян — непривилегированных собственников своих участков земли (так как они свободно распоряжались ими) при номинальной власти великого князя (государа). Феодальную собственность они связывали с развитием крупных вотчинно-сеньориальных форм. Третье воззрение принадлежит А. Л. Шапиро, И. Я. Фроянову и др., по нему черносошное землевладение — расчленившая собственность государства в лице великокняжеской (государевой) власти и крестьянской общины.

Нужно сказать, что ученые каждой из сторон, будучи единомышленниками в принципиальной оценке природы черной волости, предлагают разные трактовки отдельных сторон этого сложного вопроса.

Работа Л. В. Черепнина «Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв.» подвела некоторый итог полемике. Ученый основательно аргументировал свою позицию, с большой четкостью «прописав» те сюжетные линии исторического полотна, которые ранее были лишь намечены или недостаточно проработаны. Сосредоточившись на первоочередном,

³¹ Смирнов И. И. Заметки о феодальной Руси XIV–XV вв. // ИССР. 1962. № 2, 3.

до его мнению, вопросе: «формирование феодальной собственности на землю и складывание различных форм зависимости непосредственных производителей от привилегированных землевладельцев»³², Л. В. Черепнин обратился к дискуссионным проблемам, возникшим при обсуждении темы. В насквозь полемичном параграфе о черном землевладении он предпослал обоснованию своей позиции историографическую характеристику ключевых моментов имеющихся мнений о черных землях у московских и ленинградских исследователей³³. Хочу подчеркнуть отмеченную В. Д. Назаровым, и совершенно верную мысль, что «Черепнин не сводит отношения собственности к их юридической стороне. Экономическое их содержание или иначе экономические отношения собственности — неотъемлемая сторона его анализа»³⁴. Именно в этой работе Л. В. Черепнин сформулировал мнения о черной волости как три точки зрения на проблему³⁵, которые стали потом тиражироваться в историографии.

Сторонники всех точек зрения активно выступали на рубеже 60–70-х гг. и в 70-е гг. с обоснованием своих позиций. Н. Е. Носов в фундаментальной монографии о сословно-представительных учреждениях XVI в. поддержал выводы А. И. Копанева о «ничем не ограниченной мобилизации крестьянских земель» в Подвинье и о владении «всей массой черносозного крестьянства» «землей как своей собственностью, с правом полного ею распоряжения»³⁶; он писал также о возросшей в Двинской земле (после присоединения ее к Москве) в силу «исключительно благоприятных условий для развития товарно-денежных отношений» имущественной дифференциации среди крестьян и посадских и потому считал возможным говорить о зарождении «уже в середине XVI в.» в лице двинских «лучших людей» и «торговых мужиков» «своей крестьянской предбуржуазии — начале периода первоначального накопления»³⁷.

Специально проблеме черного крестьянского землевладения XVI–XVII вв. (его формам, основным чертам и действовавшим

³² Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма М., 1972. С. 249.

³³ Там же. С. 210–229.

³⁴ Назаров В. Д., Советов П. В. Государственная феодальная собственность в России и Молдавии // Феодализм в России. М., 1987. С. 114.

³⁵ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 211–214.

³⁶ Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV–XVI вв. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 447.

³⁷ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 240–244, особенно с. 244, 276.

земельным отношениям в Подвинье, положению и судьбам черной волости в Центре России) посвящен том трудов ленинградских историков³⁸. Они продолжили тем самым участие в дискуссии о черной волости, развивая свои убеждения. Ю. Г. Алексеев по сравнению со своей монографией³⁹ расширил район наблюдений над черной волостью, выйдя за пределы Переславского у. Он убедился в широком распространении черной волости в XV в. и квалифицировал ее как общерусское явление. Обобщая свои взгляды, ученый сделал акцент на непривилегированности мелкой крестьянской собственности, что было отличительной чертой черной волости. Волость XV в. находилась на этапе трансформации от древней дофеодальной свободной общины, трансформации, происходившей в условиях ее существования в феодальном государстве. Волость, вынужденная отбывать в пользу этого государства тягло, «не знает ренты в пользу феодала — земельного собственника». Поэтому волостной крестьянин-аллодист был «относительно свободным человеком, свободным по сравнению с феодальнозависимым крестьянином и холопом в вотчине». В этой оценке характера черной волости смягчен имевшийся в монографии взгляд об общине-волости — «дофеодальной» ячейке и антипode феодальной вотчины⁴⁰.

Н. Е. Носов поставил вопрос об альтернативе развития России, возможной в середине XVI в., — по некрепостническому пути, и этот момент следовало принять во внимание⁴¹. Как главные признаки черносозного землевладения А. И. Копанев выдвигал «частную, ничем не ограниченную собственность крестьянина на его земли» (несколько ниже: частная собственность крестьян на «свой надел, на свою деревню»), которая создавала правовую основу для активного их обращения и «связь крестьянского надела — частной собственности крестьянина — с землями и угодьями, находящимися в общем владении и распоряжении деревни, волости или другой, менее определенной общности»⁴². Ученого занимает, кроме тяглых, и другой вид земель — оброчные, которые так-

³⁸ Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Докладный период. Л., 1972. С. 5–137.

³⁹ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. Л., 1966.

⁴⁰ Алексеев Ю. Г. Крестьянская волость в центре феодальной Руси XV в. // Проблемы крестьянского землевладения... С. 99–102.

⁴¹ Носов Н. Е. О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV–XVI вв. // Там же. С. 45, 57.

⁴² Копанев А. И. Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в. // Там же. С. 117, 124–125, 136; см. также: он же. Крестьянство в XVI в. С. 47–50.

же находились в хозяйствовании крестьян. Их отношение к этим землям разное, оброчные они «считали собственностью великого князя и своим владением, вторые (черные) — полной своей собственностью»⁴³. Оброк А. И. Копанев понимает, как «налог, который взимался государством с земельных и промысловых участков... По традиции оброчные угодья считались собственностью великого князя». Однако в условиях господства «крестьянской собственности» на Севере, продолжает автор, «они также приобретали характер полной собственности их владельцев, которые распоряжались ими бесконтрольно: наследовали и продавали их, менялись ими, дарили и т. д.»⁴⁴. Факты распоряжения землей — разные сделки с нею — ученый ставит во главу угла при определении характера черных земель.

Тот же ракурс рассмотрения сохранен в монографии А. И. Копанева «Крестьянство русского Севера в XVI в.», один из разделов которой так и назван «Крестьянская собственность на землю»⁴⁵. Автор солидаризируется с положениями упомянутой статьи Н. Е. Носова, целиком принимая их и видя свою задачу в наполнении этих положений фактическим материалом. Воспроизведу их по книге: «а) о возможности существования при монополии феодалов на землю и крестьянской собственности, приобретшей в XVI в. черты раннебуржуазной собственности; б) о невозможности рассматривать государственные налоги в качестве феодальной ренты и в) о несовместимости понятия «государственный феодализм» с условиями жизни черносошного крестьянства XVI в.»⁴⁶. Пожалуй, в монографии А. И. Копанев резче, чем в предшествовавших ей статьях, обозначил свою позицию. Итак, в дискуссии о черной волости явно проявилось направление, связанное с ранним генезисом буржуазных отношений.

В своей второй книге, которую автор рассматривал как непосредственное продолжение первой монографии о крестьянах Севера в XVI в., А. И. Копанев ставит задачу изучения, во-первых, начавшихся в XVI в. явлений «предбуржуазного характера», во-вторых, внутренней жизни северного крестьянства в XVII в., т. е. хочет «вскрыть социально-экономическое развитие его за столетие». Исходная принципиальная посылка автора та же, что и в первой книге, а именно: «черносошный крестьянин по своей социальной

⁴³ Копанев А. И. Крестьянское землевладение Подвижья. С. 105.

⁴⁴ Там же. С. 111.

⁴⁵ Копанев А. И. Крестьянство в XVI в. С. 45–63.

⁴⁶ Там же. С. 44.

природе принципиально отличен от частновладельческого крестьянина: он не закрепощен, он собственник своей земли, которая является основой его относительной свободы как мелкого производителя, ведущего личным трудом независимое индивидуальное хозяйство»⁴⁷.

Однако введены «смягчающие обстоятельства» для XVII в.: незакрепощенность черносошного крестьянина — собственника земли, его относительная свобода. Если встречавшиеся в поземельной практике крестьян в XVI–XVII вв. наименования участков земли «вотчиной» А. И. Копанев в первой книге идентифицирует как проявление «полной собственности» с неограниченным распоряжением, то во второй он уже говорит о «крестьянском владении вотчиной с правом владельца распоряжаться ею без какого-либо контроля со стороны государства»⁴⁸. Но эта поправка не выдержана на протяжении книги. Исходя из свободы распоряжения «как атрибута права собственности», А. И. Копанев и на материалах XVII в. делает заключение о «поземельной собственности черносошных крестьян»⁴⁹.

В главе о крестьянском землевладении, ударной во всей книге, А. И. Копанев, рассмотрев земли, находившиеся в пользовании крестьян, пишет, что «любой разряд земель», «будь то личные наделы, земли, взятые на оброк, или общинные угодья — все они традиционно осознавались черносошными крестьянами как их собственность, которой они пользовались и распоряжались по своему усмотрению»⁵⁰. А параграф о борьбе черносошных крестьян за землю исследователь подытоживал: «Добиваясь своих поправных прав на землю, черносошные крестьяне каждый раз демонстрировали собственнические поземельные права и на отдельный надел, и на общинные земли»⁵¹; полемизируя же с А. Г. Маньковым по поводу норм Уложения 1649 г. в отношении черносошных крестьян, А. И. Копанев еще раз резюмировал: «Владение землей черносошного крестьянина было основано на праве его собственности, главным атрибутом ее было право черносошного крестьянина распорядиться ею по своему усмотрению. Крестьяне, как мы показали выше, этим правом широко пользовались»⁵². В очень кратком заключении к книге, так же как и во введении⁵³,

⁴⁷ Копанев А. И. Крестьяне в XVII в. С. 4–7.

⁴⁸ Копанев А. И. Крестьянство в XVI в. С. 15; он же. Крестьяне в XVII в. С. 18.

⁴⁹ Копанев А. И. Крестьяне в XVII в. С. 31.

⁵⁰ Там же. С. 37.

⁵¹ Там же. С. 56.

⁵² Там же. С. 66.

⁵³ Там же. С. 4.

ученый квалифицирует черносошного крестьянина «как собственника средств производства — земли, промысловых угодий». Имевшая место мобилизация земли вела к ее концентрации «в руках выделившихся из волостной общины крестьян-богатеев» и «образованию значительного слоя безземельных крестьян или малоземельных, для которых основным средством жизни становился труд по найму в хозяйствах богатых крестьян». Так, по мнению автора, в «земледельческом хозяйстве развивались капиталистические формы эксплуатации. В крестьянстве вырастали элементы капитализма»⁵⁴. Работы А. И. Копанева, таким образом, стали мостом между отношением к черной волости как ячейке феодального (и феодализирующегося — Ю. Г. Алексеев) общества и как колыбели, в которой в XVI в. вырастали предбуржуазные (Н. Е. Носов), а в XVII в. буржуазные отношения (Н. В. Устюгов, А. А. Преображенский и др.).

Приведу в этой связи замечание С. Б. Веселовского, сделанное им при разборе обычаев и практики выкупа родовых вотчин: «В экономически отсталых местностях Руси, например, в среде черных крестьян северных уездов, практика не удовлетворялась даже 40-летним сроком. С пережитками глубокой старины, когда не было никаких ограничений и сроков выкупа, столкнулись писцы Устюжского и Сольвычегодского уездов в 1625 г.»⁵⁵. Такова оценка ученым экономического развития Севера XVI–XVII вв., замедленного в сравнении с Центром — средоточием частнофеодальных владений!

Взгляды Н. Е. Носова, А. И. Копанева смыкаются с позицией ученых, относивших генезис капитализма к XVII в., — Н. В. Устюгова, А. А. Преображенского, Ю. А. Тихонова и др. Характеризуя процессы имущественного неравенства (приводившего к социальному расслоению), миграций населения, оттока его на Урал и в Сибирь, они высказывались в самой общей форме относительно сущности черносошного землевладения, которое «граничило с правом частной собственности». В сделках крестьян с землей эти ученые видели свидетельство ее мобилизации в руках многочисленной группы и подтверждение социального расслоения⁵⁶.

⁵⁴ Там же. С. 227.

⁵⁵ Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 25.

⁵⁶ См.: Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С. 147–148; 190–191; он же. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни в XVII в. // ИСССР. 1961. № 6. С. 61–62, 79.

А. А. Преображенский, например, писал: «По сути дела, землевладение черносошного крестьянства практически граничило с правом частной собственности, ибо купля, продажа, заклад, передача в наследство, а также другие частные сделки были широко распространены среди крестьян и не встречали серьезных препятствий со стороны правительственного законодательства», ставя в прямую зависимость природу черносошного землевладения от распоряжения. Все это происходило на фоне отношений государственного феодализма⁵⁷.

Перерастание имущественного неравенства в социальное признавал и П. А. Колесников, однако в иной интерпретации, чем только что приведенная. На Севере, полагает ученый, «определилась та форма собственности, которая названа разделенной собственностью» крестьян и государства, отражавшая своеобразное «равновесие сил борющихся сторон. Победило государство»⁵⁸. В этих условиях черносошные крестьяне — феодально зависимая, несвободная категория населения «с правом лишь владения землей», однако сами они считали себя «собственниками освоенных земельных площадей, которыми они могли распоряжаться, не испрашивая разрешения верховных властей, свободно-явочным порядком выбирать в лесах удобные участки и расчищать их под пашню и сенокосы»⁵⁹.

С. М. Каштанов предпринял попытку выяснить содержание понятий «собственность», «владение» и «внеэкономическое принуждение» в их тесной связи с феодальным иммунитетом — атрибутом земельной собственности. Подводя читателя к выводу об иммунитете как синтезе экономической (как реализации земельной собственности) и внеэкономической власти земельного собственника-феодала над населением определенной территории⁶⁰, ученый разобрал имевшиеся в литературе толкования понятия «собственность» (А. В. Венедиктов, Л. И. Дембо, Я. А. Кронрод и М. В. Колганов)⁶¹. Он обратил внимание на то, что термин

⁵⁷ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. С. 189, 172. Этот взгляд отразился в главах автора в книге: Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М., 1980. С. 171, 254.

⁵⁸ Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 265, 309.

⁵⁹ Там же. С. 45.

⁶⁰ Каштанов С. М. Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 198.

⁶¹ Там же. С. 162.

«присвоение», кажущийся единственно возможным общим определением собственности, не позволяет отграничить ее от владения. Считая перспективной мысль М. В. Колганова связать вопрос о соотношении собственности и владения с вопросом о потребительной и меновой стоимостях, С. М. Каштанов сформулировал понятия «собственности» и «владения»⁶². Он подчеркнул, что главное в собственности — это отношения между субъектами присвоения. В производственной сфере номинальный собственник (являющийся одновременно владельцем) должен использовать «чужой труд или чужие потребительные стоимости». Владелец нередко сам прилагает труд к объекту присвоения, поэтому во владении отношение субъекта к объекту присвоения более существенно, чем в собственности. Он также обратил внимание на необходимость учитывать, что «вещи» — лишь один из объектов присвоения, а наряду с ними «присваиваются также человеческие способности, прежде всего рабочая сила»⁶³.

Обращаясь к правовой стороне вопроса, автор констатировал: «Право собственности — право иметь что-либо, не вкладывая в объект присвоения ни других потребительных стоимостей, ни собственного труда. Право владения — право иметь что-либо, вкладывая в объект присвоения другие потребительные стоимости или собственный труд. Право пользования — право потреблять что-либо. Право собственности может соединяться с правом владения и с правом пользования, право владения — с правом пользования»⁶⁴.

Непосредственно сопряжено с этими правовыми понятиями распоряжение, которое как правовая категория «лишена определенного содержания вне прав собственности, владения и пользования. Часто распоряжение считают признаком лишь права собственности. Но фактически оно свойственно также праву владения и праву пользования»⁶⁵. Сделанный ученым, акцент важен для рассматриваемой темы — черносошного землевладения, так же как разграничение в исследовании собственности как экономической категории и права собственности как юридической.

Исходя из особенностей двух главных форм присвоения земли — собственности и владения, С. М. Каштанов писал, что государство, сменив родоплеменную знать, «сохранило за собой функцию номинального земельного собственника и, введя поземель-

ный налог с непосредственных производителей, превратило их из реальных собственников во владельцев». Совершенно ясно поэтому, что в условиях феодального государства «платящие поземельный налог крестьяне не могут быть собственниками, даже если они меняют или продают свои участки. Отчуждаемость — не решающий признак собственности. Возможность неприменения личного труда и нескладывания в объект присвоения других потребительных стоимостей для крестьян исключена»⁶⁶.

Положения статьи С. М. Каштанова, появившейся в 1970 г., не нашли отклика у ленинградской дискутирующей стороны. Лишь в своей статье «Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в.» А. И. Копанев о ней упомянул в примечании, отводя возражения С. М. Каштанова (а также Л. В. Черепнина) на неправомерность ссылки на конспективную запись В. И. Ленина из книги К. Каутского «Аграрный вопрос» о форме крестьянского землевладения — компромиссе между общинным и частным землевладением⁶⁷. В книге А. И. Копанева о крестьянах Севера в XVI в. (1978 г.) о статье вовсе не идет речи.

В 1978 г. на XXII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории в рамках темы «Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества» еще раз обсуждался, и довольно остро, вопрос о сущности феодальной земельной собственности. На сессии были представлены оба направления: московское — докладом А. Д. Горского, а ленинградское — совместным докладом Ю. Г. Алексеева, А. И. Копанева и Н. Е. Носова.

Исходя из понимания феодальной земельной собственности как разновидности частной собственности с присущими ей характерными чертами — монопольностью, сословностью и привилегированностью, иерархичностью и условностью, и рассматривая конкретные виды и формы ее на Руси в XIV–XV вв., А. Д. Горский излагал взгляды о государственно-феодальной собственности и аргументировал понимание сущности «черного» землевладения как разновидности феодальной земельной собственности — государственно-феодальной ее формы⁶⁸. Свои положения ученый развернул в специальной статье. Сочетая, как всегда, теоретико-

⁶⁶ Там же. С. 176.

⁶⁷ Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. С. 130, примеч. 124.

⁶⁸ Горский А. Д. О сущности и формах феодальной земельной собственности на Руси XIV–XV вв. // Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества. Тезисы докладов и сообщений. Р/Д. 21–25 сентября 1978 г. М., 1978. С. 191–193.

⁶² Там же. С. 172.

⁶³ Там же. С. 174.

⁶⁴ Там же. С. 174–175.

⁶⁵ Там же. С. 175.

методологическую базу и конкретный исторический материал XIV–XV вв., он охарактеризовал не только «степень оформленности черного землевладения» как «феодално-государственной разновидности феодальной собственности», но и интенсивность эксплуатации, масштабы вторжения власти в поземельные права черной волости и способы проникновения в хозяйственную жизнь крестьян с учетом значения и места чернососного землевладения в общей аграрной структуре разных районов страны. Вывод А. Д. Горского об этом землевладении — одной из форм, разновидностей феодальной собственности, подкреплен связью ее с внеэкономическим принуждением как способом отчуждения прибавочного продукта у крестьян, «в котором (отчуждении) прежде всего выражается сущность феодальной земельной собственности как одной из форм собственности частной — распоряжение «не вещами, не непосредственно и только землей, а «чужим трудом»»⁶⁹.

Ленинградские оппоненты рассмотрели судьбы «крестьянской земельной собственности» на протяжении XV–XVII вв., стремясь выявить соотношение крестьянской и феодальной собственности при ведущем положении феодальной, определяющей производственные отношения и политический строй. Базой крестьянской собственности они считают общинные земли — результат «разложения общинного землевладения» в Древней Руси, которые поглощает феодальная вотчина и поместье.

Авторы выделили два периода трансформации крестьянского аллода: XIV–XV вв., когда крестьянская община «свободна в том смысле, что не входит в состав феодальной вотчины», а крестьянский аллод перерождается «в мелкую феодальную вотчину в результате внутриобщинной поземельной мобилизации»; конец XV — начало XVII в. — период гибели свободной крестьянской общины в Центре «под ударами торжествующей феодальной собственности, нашедшей свое наиболее полное выражение в помещичьей системе», но сохранения ее на Севере. И хотя государство «пыталось ее ограничить», крестьянская поземельная собственность «продолжала реально существовать». Связав существование «крестьянской собственности» в единый хронологический период с двумя этапами в нем и придав тем самым некоторое новшество концепции, авторы вывели и два следствия из него: 1) порожде-

⁶⁹ Горский А. Д. К вопросу о сущности чернососного землевладения на Руси XIV–XV в. // Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979. С. 42–44, 47, 53; см. также: Сахаров А. М. Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI–XVII вв. // Там же.

ние феодальной вотчины и самого феодала на стадии становления феодализма; 2) «мелкокрестьянская свободная собственность, как и собственность посадских людей, приобретает черты собственности буржуазной и порождает буржуазные отношения» при развитии феодализма⁷⁰.

В сущности сторонники обеих концепций социальной природы черной волости на сессии симпозиума снова обосновали свои позиции, доведя до логической завершенности главные мотивы (разновидность феодальной земельной собственности и эксплуатации; мелкокрестьянская собственность — источник формирования феодальной вотчины, а позже — буржуазных отношений).

На этой же сессии Ю. Л. Бессмертный поставил критически воспринятый вопрос об обоснованности подхода к «сеньориальной» и «государственной» собственности при развитии феодализма как к обособленным и противоречивым формам. Опираясь на фактический материал, западноевропейский XI–XV вв. и русский XIV–XVI вв., ученый охарактеризовал собственнические отношения по двум линиям — частновладельческой и государственной и следующим компонентам — верховенство, власть, взимания, единым в основных вариантах собственнических отношений у сеньоров и государей⁷¹. По-разному взвешенные в конкретно-исторических условиях «сеньориальная и государственная собственность», по мнению автора, не самостоятельные структуры, а диалектически связанные части неразрывного целого — феодальной собственности; каждая из них — вариант единой по сущности и строению формы собственности⁷².

Реакцию на полемику о судьбах черной волости находим в недавно вышедшей монографии Л. В. Даниловой о сельской общине в средневековой Руси. Происходившие многолетние споры автор связывает с неразработанностью понятия «земельная соб-

⁷⁰ Алексеев Ю. Г., Копанев А. И., Носов Н. Е. Мелкокрестьянская собственность при развитии феодализма // Место и роль крестьянства... С. 193–196.

⁷¹ Социально-экономические проблемы Российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов/Д., 1980. С. 23–25.

⁷² Там же. С. 35–36. Взгляд Ю. Л. Бессмертного принят во внимание в главах о судьбах крестьянства на Руси в труде по истории крестьянства в Европе, статье П. В. Советова о специфике типологии феодализма в России и Дунайских княжествах, «Истории крестьянства СССР» (Т. 2), а также докладах, прозвучавших на Кишиневской сессии Чтений, посвященных памяти Л. В. Черепнина. См.: История крестьянства в Европе. Т. 1. М., 1985. Гл. 10; Т. 2. М., 1986. Гл. 13, 23; Советов П. В. Общее и особенное в типологии феодализма на Руси и в Дунайских княжествах // Известия АН Молдавской ССР. Сер. обществ. наука 1986. № 2, 3; Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Тезисы докладов и сообщений. М., 1988; История крестьянства СССР. Т. 2. М., 1991.

ственность» и недостаточным учетом эволюции реальных отношений собственности в черной общине, зависящей от стадий становления и развития сословий, классов и государства. Отдавая должное заслугам А. И. Копанева, П. А. Колесникова, Н. Е. Носова в практическом изучении вопроса крестьянского землевладения в северной общине XV–XVI вв., Л. В. Данилова полагает, что при этом они не проводили различия между феодальной и капиталистической частной собственностью на землю. Вместе с тем мобилизованный источниковый материал показал роль черносотной общины, не сводимую только к организации и обеспечению фискально-административных потребностей государства; выявление соподчиненной системы таких общин, составлявших микроструктуру общественного строя, Л. В. Данилова считает несомненной заслугой ленинградских ученых. Концентрация обеих дискутирующих сторон на выяснении вопроса о субъекте, которому принадлежало право распоряжения черносотными землями, не способствовала, по мнению исследовательницы, сближению точек зрения и завершению дискуссии. Однако в ее ходе был достигнут бесспорный результат. Это прежде всего вывод «об органичности сельской общины для общественного строя средневековой Руси, о генетической и сущностной связи между общиной раннесредневекового периода и тяглой волостью XIII–XIV вв.»⁷³

Признавая обстоятельность изучения черносотной общины на европейском Севере, Л. В. Данилова видит его итог в установлении теснейшей связи развития этой организации с судьбами крестьянского сословия и эволюции общественной системы в целом. Оформившаяся к XVI в. как тяглая организация, северная община существовала не только как поземельный, но и многофункциональный союз, хранивший традиционные формы мирского устройства, «восходящие к доклассовому периоду». Специфика северной общины, свободной от частновладельческой зависимости, с «ранним внедрением товарно-денежных отношений» в нее (расцениваемым в литературе как раннебуржуазное), по убеждению исследовательницы, коренилась в общей географо-экологической и социально-исторической обстановке в регионе, в растущем общественном разделении труда в масштабах страны, усилившем спрос на продукцию северных промыслов. Л. В. Данилова подчеркнула фун-

даментальное значение позднесредневековой северной общины для складывания системы государственного феодализма⁷⁴.

В трактовке вопроса о черных землях в до- и послереволюционной историографии прослеживаются совпадающие моменты. Черная земля — государственная, крестьяне — ее владельцы с правом распоряжения, обязанные с нее нести тягло. От государства — устроителя всех порядков и общественных институтов, в том числе и общины (Б. Н. Чичерин), через государство — катализатор общественно-экономических процессов (А. С. Лаппо-Данилевский) к государству-собственнику земли (М. М. Богословский), так развивалась мысль в историографии второй половины XIX — начала XX в. по данному конкретному вопросу. Замечу еще, что, говоря о черной земле как государственной, историки того времени писали, что она «ничья частная собственность» (А. С. Лаппо-Данилевский, В. О. Ключевский, М. М. Богословский), и исходили из понимания частной собственности, свойственного буржуазной юридической науке и практике.

Конечно, вычлененная линия — лишь конструктивная ось развития этого вопроса. Основные ее узлы просматриваются в концепции современных московских историков, что дало повод, например Н. Е. Носову, упрекнуть Л. В. Черепнина в отождествлении понятий «феодальное государство» и «княжеская вотчина». «Но неужели, — недоумевал далее Н. Е. Носов, — и современные исследователи должны считать, как это делали в XIX в. сторонники государственной школы Соловьева-Чичерина, всю территорию Русского государства собственностью его правителей — великих и удельных князей!»⁷⁵ Однако ведь сходство по наиболее явным признакам не означает еще принципиального подобия. Разница же состоит в объяснении сущности познаваемого явления, которое (объяснение) ведется с различных методологических позиций и на ином, чем в прошлом веке, теоретико-познавательном уровне.

Известно, что право европейских государств восприняло отдельные нормы, части римского права. Оно действовало непрерывно на юге Франции и привилось с помощью легистов в ее северных провинциях. В Германии оно стало действующим правом с XIII–XIV вв. Рецепция римского права прослеживается в Англии и России. Причем в России влияние римского и византийского

⁷³ Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 103–105, 107.

⁷⁴ Там же. С. 78, 79, 290.

⁷⁵ Носов Н. Е. О двух тенденциях развития феодального землевладения... С. 59–60, примеч.

права шло через кормчие книги и больше сказалось на праве церковном, а через него и на семейном⁷⁶.

Юристы применяли нормы римского права в совершенно иные эпохи и под влиянием реальных отношений своего времени до некоторой степени осовременивали его. Буржуазное право разрабатывало свои положения о собственности, основываясь на римском праве собственности. Римские же юристы, говорит специалист по истории Древнего Рима Е. М. Штаерман, не дали однозначного определения собственности и самого близкого к собственности права на вещь — владения, долгое время от собственности не отделявшегося. «Но мы не найдем указания на то, что право отчуждения или право отстранения несовладельца являлись основными признаками обладания вещью, права на нее»⁷⁷.

Имеет смысл остановиться на рассуждениях и выводах Е. М. Штаерман подробнее. Проследив соотношение собственности гражданской общины и собственности гражданина, исследовательница подчеркнула, что при этом нельзя исходить из критериев, сложившихся при господстве собственности капиталистической (отчуждаемости, права отстранения несовладельца, несовпадения прав суверена и прав собственника). При Республике верховным собственником земли была гражданская община, в которой существовала непосредственная связь гражданина с общиной и отсутствовали неподведомственные ее контролю земли. От общины глава фамилии получал надел под условием извлечения из земли максимального дохода, поступающего в общественный фонд, и перед ней отвечал за надел. Рассматривая сочетание в гражданской общине общественной и частной собственности, Е. М. Штаерман поставила вопрос, что собой представляла последняя. «Освобождение от уплаты податей и гарантированность права владельцев, у которых нельзя было отнять их владение, являются отличительными чертами тех наделов, которые были объявлены частными по аграрному закону 111 г. до н. э. Именно этот факт, а не то, что их дозволено было отчуждать... делал землю, с точки зрения авторов закона, частной, так как за владения на общественной земле ее собственник — римский народ — взимал плату»⁷⁸.

⁷⁶ Мейер Д. И. Русское гражданское право. СПб., 1902. С. 3; Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1897. С. 168–170, 280–281; Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 237–249, 252–253; он же. Римское право на Руси до XVI в. // Феодализм в России. С. 214–218.

⁷⁷ Штаерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978. С. 50.

⁷⁸ Там же. С. 67.

По аграрным реформам Августа собственность землевладельцев получила «ту гарантированность, которой она не имела при Республике и которую хотели приобрести разные слои землевладельцев. Считалось, что римский народ переносил «свою власть и величество» на императора, который, следовательно, становился верховным собственником земли, хотя часть ее формально продолжала числиться за римским народом. Никакие аграрные законы по постановлению народа больше проводиться не могли. Аграрную политику направлял и осуществлял глава государства, — естественно, в интересах того класса, который был его наиболее прочной социальной опорой»⁷⁹. Усложнение социально-экономических отношений вело к новым формам поземельных (аренда, пользование, прекарий и др.); постепенно складывались многоступенчатые опосредованные связи, соответствовавшие иерархии политических связей, параллельно зарождалась сословность собственности.

Подытоживая исследование вопроса о римской земельной собственности, Е. М. Штаерман еще раз подчеркнула, что критерии римской собственности отличны от прилагаемых к собственности капиталистической и что к римской собственности не применим критерий отчуждаемости. Земельная собственность римского гражданина обеспечивала его бытие «как члена общины и самой общины как основы существующих отношений». В этих целях требовалось наиболее рациональное использование земельного фонда, как остававшегося в коллективной собственности, так и отводившегося отдельным лицам. «Отчуждение в любой форме, от продажи до предоставления в пользование или держание, подчинялось этой цели». Государство сохраняло за собой право контроля над распоряжением землей и ее распределением, вмешиваясь в поземельные отношения, и покупало землю, что «не противоречит его положению верховного собственника именно потому, что собственность и отчуждение были связаны здесь далеко не так непосредственно, как при капитализме»⁸⁰.

Не отчуждение — признак частной собственности, а именно гарантированность прав на землю, обрабатываемую и приносящую доход, во-первых, и освобождаемую от уплаты земельного налога — во-вторых. «Принцип же верховной собственности, верховного распоряжения для огромного большинства (собственников. — Е. Ш.) остается в силе и укрепляется в связи с фискаль-

⁷⁹ Там же. С. 76–78, 79. О гарантиях права собственности см.: Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 7–17, 110–112.

⁸⁰ Штаерман Е. М. Указ. соч. С. 98, 99.

ными интересами государства, сочетаясь вместе с тем с правом на контроль и распоряжение со стороны общин разного типа, от городских до сельских»⁸¹. Эти последние заключения Е. М. Штаерман ценны для данной работы тем, что они раскрывают социально-экономические порядки зарождавшегося феодального строя.

Столь подробно я остановилась на трактовке вопроса о римской частной собственности в книге Е. М. Штаерман, чтобы показать, что отчуждение не есть решающий показатель собственности, что как вид распоряжения оно присуще не только частной собственности при капитализме, но и частной собственности докапиталистических обществ. «Управлять имуществом невозможно без совершения различных сделок (купли-продажи, найма и др.)», — писал юрист И. Б. Новицкий в связи с разбором статуса пекулия как имущества, представляемого домовладыкой подвластному (сыну, рабу) в пользование и управление, при том, что собственником пекулия оставался домовладыка. Важно, что при непризнании правоспособным раба римское общество признавало юридическую силу за совершаемыми им сделками, однако в пределах, соответствовавших положению пекулия. Другой юрист З. М. Черниловский в связи с имущественными правоотношениями раннего феодализма говорил о несвойственности распоряжения праву земельной собственности и об отсутствии у феодально зависимых крестьян права собственности на землю, а также прикреплении к ней⁸². Однако такое состояние не составляло конституирующей черты в положении крестьян⁸³.

Выдвижение ленинградскими историками, особенно А. И. Копаневым, распорядительных сделок черносошных крестьян в качестве главного аргумента при доказательстве ими собственнических прав этих крестьян кажется мне малоубедительным и потому еще, что последние были не только плательщиками поземельных налогов, но их права на участки земли не были гарантированы. Именно об отсутствии такой гарантированности и свидетельствуют пожалования черных земель с крестьянами, на них «сидящими», князьями в XIV — первой половине XVI в., массовые раздачи в поместье во второй половине XVI — начале XVII в., а также и в более поздние времена.

⁸¹ Там же. С. 99.

⁸² Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. М., 1972. С. 67; Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права. М., 1995. С. 191.

⁸³ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. I. Формирование феодально-зависимого крестьянства. М., 1985. С. 560.

Правовой статус черносошных крестьян

Соборное Уложение 1649 г. аккумулировало и подытожило законодательные установления первой половины XVII в.⁸⁴ Его XI гл. «Суд о крестьянех» открывается статьей о возврате крестьян, бежавших из дворцовых и черных сел и волостей. Она вводит бессрочный сыск на основании писцовых книг 1625/26 г. Вторая статья главы, неразрывно связанная с первой (о чем говорит союз «также», которым она начинается), логически продолжает мысль законодателей о возврате крестьян, бежавших к прежним владельцам и нашедших пристанище, во-первых, в дворцовых и черных волостях или на посадах, во-вторых, у служилых людей, и, в-третьих, у духовных и светских феодалов разных рангов⁸⁵. Обе статьи ввели сыск крестьян как бежавших из черносошных и дворцовых волостей, так и нашедших в них прибежище.

Комментатор XI главы А. Г. Маньков писал, что сыск беглых черносошных крестьян не был новостью Уложения. Их розыск рекомендовался чердынским воеводам в 1621 и 1629 гг. Добавлю, что в 1625 г. писцы Сольвычегодского у. И. С. Благово и В. Архипов предотвратили «сход» и «съезд» крестьян волости Лузской Пермцы на Каму и в Сибирь, оформив поручные грамоты на 8 человек. Тем самым администраторы возложили на общину полицейскую функцию по удержанию своих соволощан на месте их жительства, а главное, обязали платить «государевы подати и мирские разметы»⁸⁶. А. Г. Маньков пояснил, что Уложение, вводя бессрочный сыск черносошных и дворцовых крестьян, уравнивало их с частновладельческими крестьянами. В том факте, что статья о «прикреплении черносошных и дворцовых крестьян и сыске беглых из них» находится в XI гл. на первом месте, ученый видит «примат государственного интереса над частным»⁸⁷. Он с большой определенностью выделил приоритет государственный перед частнофеодальным.

⁸⁴ Соборное Уложение 1649 г. Текст. Комментарий. Л., 1987. Историография разработки и принятия памятника настолько обширна, что может быть темой самостоятельного изучения. Беглое ее изложение будет вряд ли полезно. Специально посвященная Уложению монография А. Г. Манькова «Уложение 1649 г. — кодекс феодального права России» (Л., 1980) и раздел в книге А. И. Копанева «Крестьяне русского Севера в XVII в.» (Л., 1984) в целом характеризуют правовое положение черносошных крестьян.

⁸⁵ Соборное Уложение 1649 г. С. 64.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626. № 45-II. Л. 72-75.

⁸⁷ Соборное Уложение 1649 г. С. 230.

В своей монографии о Соборном Уложении А. Г. Маньков подчеркнул, что закон о прикреплении касался всех категорий крестьян. Он писал: «Уложение провозглашало закон о прикреплении черносошных крестьян к своим *наделам* (здесь и далее выделено мной. — Е. Ш.) наряду с прикреплением крестьян частновладельческих»⁸⁸. Разбирая постановление Уложения о неразрывности и единстве «крестьянина и его имущества», ученый констатировал требование закона о возвращении черносошного крестьянина (как и владельческого) вместе с имуществом, и пояснял, что «черносошные крестьяне сидели на земле, принадлежавшей государству, но дворы, скот, инвентарь и другое имущество крестьянского двора было собственностью крестьян»⁸⁹. Подытоживая анализ норм Уложения относительно черносошных крестьян, А. Г. Маньков заключил, что они прикреплялись к «волостным общинам» и подлежали возврату «на прежние наделы на общих основаниях»⁹⁰.

В трактовке А. Г. Манькова неясно, к чему же прикреплялись черносошные крестьяне — к общинам или наделам. Эту непоследовательность ученого увидел А. И. Копанев. Он справедливо заметил, что «юридическая норма, отражающая волю господствующего класса, не была проведена в полном объеме в жизнь»⁹¹, и сосредоточился на практической реализации норм Уложения в отношении черносошных крестьян.

Собственно, исследователи сформулировали два вопроса: 1) юридическая норма, провозглашенная законом, и 2) реализация закона на практике. «Воля господствующего класса», по выражению А. И. Копанева, изъяснялась, как известно, в многочисленных челобитных дворян 30–40-х гг. XVII в., адресованных правительству, желавших эффективности сыска и увеличения срока урочных лет, а в принципе — их отмены.

Шаги в этом направлении предпринимались. В 1641 г. в ответ на дворянские челобитные последовал указ, касавшийся не только беглых частновладельческих, но и дворцовых и черных крестьян. Последние «имались» назад в «государевы дворцовые села и в черные волости», а прибежавшие в них отдавались прежним владельцам «по суду и по крепостям, и по сыску за десять лет». Этот

указ был подтвержден в 1645 г.⁹² Частные феодалы стремились, судя по постановлениям 30–40-х гг., возвращать своих беглых крестьян от феодалов разных рангов, в том числе и таких могущественных, как Троице-Сергиев монастырь, московские «сильные люди»⁹³. Указ 1641 г., включив черносошные и дворцовые волости в сферу сыска крестьян, бежавших от частных феодалов поставил в логическую связь и сыск беглых крестьян из черных волостей и дворцовых сел в других районах и владениях, а также возвращение их на прежние места. Этот порядок и узаконило Соборное Уложение 1649 г.

А. Г. Маньков выделил две формы прикрепления крестьян. Одна из них, действовавшая в XVII в., — это прикрепление к земле — феодальному владению. Действительно, лексика XI гл. Уложения свидетельствует о том, что беглый крестьянин был теснее связан с землей поместья или вотчины, независимо от личности владельца; беглый водворялся в пределы вотчины или поместья как землевладельческих комплексов, на основании принадлежности к ним по писцовым книгам в прошлом и переписным 1646 г. в будущем. В тех и других книгах крестьяне, естественно, записаны по владениям и деревням. Означала ли постоянная ссылка статей Уложения на писцовые и переписные книги крепость крестьян определенному участку земли в конкретной деревне? Думаю, что законодатели были далеки от столь буквальной трактовки вопроса. Ведь они удовлетворяли вожелания рядовых помещиков по закреплению крестьян-работников в их владениях. Государство ответило на непосредственные требования дворян-помещиков и выдало гарантии на будущее, обеспечив помещичьих наследников потомственными крестьянскими работниками. И Уложение, и предварявшие его указы 30–40-х гг. говорят о помещиках и вотчинниках как субъектах права на крестьян, а о поместьях и вотчинах как целостных владельческо-хозяйственных объектах. Подобными структурами вне частнофеодальной сферы были дворцовые села и черные волости. «Выбежавшие» на них крестьяне подлежали возврату в те же хозяйственно-территориальные комплексы. «Государевы» села и волости не должны остаться без крестьян-работников и тягловцев, обеспечивавших доходом и казну, и домениальное хозяйство — таков замысел законодателей.

⁸⁸ Маньков А. Г. Указ. соч. С. 96.

⁸⁹ Там же. С. 102–103.

⁹⁰ Там же. С. 109.

⁹¹ Копанев А. И. Крестьяне русского Севера в XVII в. С. 56–57.

⁹² Законодательные акты Русского государства во второй половине XVI — первой половине XVII в. Тексты. Л., 1986. С. 197, 211.

⁹³ Там же. С. 176–177.

Крестьяне дворцовых сел и черных волостей, разысканные в бегах, подлежали свозу «на старые их жеребьи». Такая формулировка применена в Уложении только в отношении «государевых» крестьян, судя по контексту статьи она может относиться и к черносошным, и к дворцовым. Ее «жесткость» обращает на себя внимание и допускает трактовку, предложенную А. Г. Маньковым, о прикреплении к «своим наделам» черносошных крестьян наряду с владельческими.

Однако при толковании этого факта необходимо учитывать общую установку Уложения на удовлетворение именно частновладельческих интересов феодалов, а также осведомленность государственных администраторов о поземельных порядках черносошных крестьян и направлении их бегства. В 1646 г., например, писцы Тотемского у. И. С. Вяземский и Л. Нестеров докладывали Никите Ивановичу Одоевскому и дьяку Устюжской четверти Мине Грязеву о состоянии уезда⁹⁴.

А. И. Копанев совершенно справедливо отметил, что крепостничество затронуло и черносошное крестьянство, но «прямого отношения крепостнические нормы, основой которых было право собственности крепостника на личность крестьянина, к статусу черносошного крестьянина не имели»⁹⁵. Он разобрал ряд постановлений 40-х гг., в том числе наказ тотемским писцам 1646 г., который рекомендовал им пресекать уход крестьян на монастырские и церковные земли и возвращать их «за государя на старые их жеребьи» и обязывать «жить в тягле» на них⁹⁶. Следует согласиться с ученым в толковании наказа писцам, которые должны обеспечить житье крестьян, прежде всего в тягле, а гарантией тягlosigkeit были «прежние жеребьи». А. И. Копанев считал также, что повторение этого мотива в Уложении «позволяет видеть и в его норме лишь стремление сохранить тяглеца, ибо приращение к наделу черносошного крестьянина фактическими условиями его существования не подтверждается»⁹⁷.

В хозяйственной действительности черносошных крестьян по отношению к их держаниям равноправно употреблялись понятия «земля», «деревня», «жеребей», причем одновременно об одном и том же участке крестьяне говорили как о земле-деревне или о же-

ребье-деревне⁹⁸. Одно из значений термина «жеребей», как известно, — часть, доля, пай. Сопоставление купчих грамот с данными писцового описания 1624/25 г. убеждает, что, например, четверть деревни или четвертый жеребей, упоминаемые актами, соответствуют четвертой части вытного оклада, приходящегося на целую деревню. Это обстоятельство подчеркивает как раз слитность земли и тягла, существование взаимозаменяемости понятий, и потому жеребей не только означал участок земли в деревне, но и был показателем тяглого оклада. Тогда мотив постановлений Устюжской четверти 1620–1640 гг., указов 1641 и 1645 гг. и Соборного Уложения 1649 г. о водворении черносошных крестьян на старые жеребьи, скорее, нужно понимать как возвращение в тягло, на тяглые участки. Думаю, что именно эту мысль проводили законодатели ст. 1 главы XI, провозглашая приоритет государственного фиска на черносошных землях. Уложение не уравнивало черносошных крестьян с частновладельческими в приращении к наделу, а обеспечивало казне исправного тяглеца и налогоплательщика.

А. И. Копанев, мобилизуя фактический и историографический материал, проследил, проводилось ли приращение черносошных крестьян на практике. Он показал, что и до, и после Уложения 1649 г. существовали крестьянский поряд на земли крестьян и монастырей, уход крестьян со своих участков и возвращение на них, поступление в половники, переход на посад; право крестьян брать на откуп таможенные и кабацкие сборы, развитое крестьянское самоуправление также не свидетельствовали, по мнению ученого, о крепостном состоянии черносошных крестьян. А. И. Копанев пришел к выводу, что «норма Уложения о приращении черносошных крестьян к "наделам", "к волостям", "к тяглу" (у разных авторов различные статьи закрепощения) не была проведена в жизнь»⁹⁹. В этой оценке А. И. Копанев, на мой взгляд, более прав, чем А. Г. Маньков.

Но при всем том тенденция правительственного курса 30–40-х гг. XVII в. к удержанию черносошных крестьян на их тяглых землях прослеживается со всей очевидностью. Продворянская внутренняя политика государства, острота которой направлена на закрепощение частновладельческих крестьян, не оставила вне сферы своего

⁹⁴ АПД. III. С. 85.

⁹⁵ Копанев А. И. Крестьяне в XVII в. С. 58.

⁹⁶ Там же. С. 59.

⁹⁷ Там же. С. 60.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626. № 45–I. Л. 87, 95; № 45–II. Л. 27, 55; 1646, № 113. Л. 22, 24, 25, 55; Ф. 1161. Оп. 1, № 38 (Купчая на «жеребей вытного писма старого осмину с шестою долю», ниже — «за тот свой жеребей за осмину с пятою долю»).

⁹⁹ Копанев А. И. Крестьяне в XVII в. С. 65.

действия и черносошных, допустив в областях их расселения сыск беглых. Тем самым степень свободы черносошных крестьян подверглась сужению и ограничению.

Исследователи истории Поморья П. А. Колесников, А. И. Копанев отметили преобладание в переписях 1646 и 1678 гг. выражений «сшел», «съехал», «покинул» в сравнении с «бежал». Их наблюдение интересно сопоставить с соображениями А. А. Преображенского, рассмотревшего редкую группу документов — отпускные письма, подорожные или проезжие памяти за 1677–1678 гг., выданные черносошным крестьянам мирскими властями. Во всех случаях крестьяне брали документы, отправляясь на заработки на стороне и уходя от «хлебной скудости». Ученый считает, что такой документ служил для представителей администрации «мерилом легальности» при передвижении крестьян, а для последних был показателем благонадежности и отличия от беглых¹⁰⁰.

Крестьяне, отправляясь на заработки, действовали в соответствии с предоставленным Уложением правом «у всяких чинов людей наймоватися в работу по записям и без записей поволно» (гл. XI, ст. 32). Условие, которое должны соблюдать работодатели, — это не крепить таких наймитов никакими документами. Статья не оговаривает длительности наемной работы, в которую крестьянин может порядиться по устному (без записи) или письменному (по записям) договору. Она вполне допускает «сход» для работы на несколько лет, а не на один год. Работа «без записи» предполагала, по всей вероятности, ее краткосрочность, сезонность, а наем — поряд «с записью» — год и более. Появление документов, удостоверяющих уход крестьян с их тяглых участков, свидетельствует о регулировании отхода и наемной работы, возложенном государством на нижнее звено местного аппарата, общинного в черносошных волостях, вотчинного в монастырских.

Думаю, что в силу этого, гарантированного законом права на наемную работу, крестьяне и говорили о «сходе», «съезде» со своих участков. Однако правительственные власти, и особенно после Уложения, самовольный уход крестьян расценивали как бегство, пытались вернуть ушедших тяглецов. По мнению А. А. Преображенского, детально изучившего сыски беглых черносошных крестьян, проводившиеся в 1671, 1683–1684 гг. на Урале и в западной Сибири, распоряжения и мероприятия правительства по усилению административно-полицейского надзора за пере-

движением населения оказались малоэффективными и не давали «желаемых результатов, наталкиваясь на активное и пассивное сопротивление» крестьян. Он полагал, что «в правительственной политике сыска беглых черносошных крестьян не выделяется столь резко разница между временем до Соборного Уложения 1649 г. и после него»¹⁰¹. Этот вывод ученого справедлив для оценки результативности сысков как запланированных правительственных мероприятий, последствий их в заселении и хозяйственном освоении урало-сибирских земель. Хотя вопрос о сысках относится скорее к реализации норм Уложения на практике, нежели к правовому статусу черносошных крестьян, но тот факт, что они предпринимались в последней трети XVII в., свидетельствует о явно усилившемся надзоре крепостнического государства за категорией крестьян, обеспечивавшей доходами казну. И такое усиление, обозначившееся через два десятилетия после Соборного Уложения, конечно же, было следствием как принятого в 1649 г. закона, так и общего курса на закрепощение в стране.

Остановлюсь еще на одной важной мысли, нашедшей воплощение в Уложении, пожалуй, не отраженной в историографии. Это законодательное выделение и оформление внутри крестьянского сословия категорий-групп: 1) «государевых»: а /дворцовых, б /черносошных; 2) поместно-вотчинных; 3) монастырских и духовных лиц — патриарших, митрополичьих и др. При акценте нашей литературы на прикреплении всех категорий крестьян ускользал именно указанный правовой нюанс. Юридически были утверждены внутрисословные группы крестьян, которые обрели вполне определенные статусные позиции. Нахождение индивида на той или иной из них предопределяло его социальную роль, умаляя легальные возможности для вертикальной мобильности. Этим обстоятельством (одним из многих) объясняются, кстати, те масштабы, которые приобрело бегство крестьян на окраины России в XVII–XVIII вв. Социальное положение сословных групп, закрепленное законодательно, вело к ограничению его рамками правового пространства. Внутри него категории крестьян с их подразделениями признавались субъектами права и их дееспособность обеспечивалась в той мере, которая проистекала из их места в общественной структуре тогдашнего общества.

¹⁰⁰ Преображенский А. А. Указ соч. С. 58–63.

¹⁰¹ Там же. С. 66–67, 138–162, 164.

Нормы обычного права в распорядительных сделках крестьян. Купля-продажа земли

Историографический обзор вопроса о черной волости показал, что поземельные сделки черносошных крестьян — факт, не вызывающий сомнения. По документам XVI–XVII вв. о земельных сделках прослежены их виды, а также поземельная структура деревни, разбросанность и лоскутность угодий, величина двора и т. д., причем для Подвинья гораздо лучше, чем для других районов Поморья. Допустимо, конечно, рассмотрение подобных же вопросов и в изучаемых юго-восточных поморских уездах, прилегающих к Подвинью, для расширения территориального охвата и придания убедительности картине поземельных отношений. Все же ограничиться этим вряд ли достаточно. Важнее взглянуть на поземельные сделки как выражение имущественных межкрестьянских отношений в аспекте, до сих пор слабо разработанном исследователями. А именно, подойти к поземельным сделкам как актам по распоряжению землей, в которых реализовались обычно-правовые нормы, бытовавшие среди крестьян. Акты, регистрировавшие переход крестьянской земли к феодалам, удостоились большого внимания в связи с изучением социально-экономического развития страны в XV — первой половине XVI в. Хорошо известны в этой области, например, исследования Л. В. Черепнина, А. Д. Горского, Ю. Г. Алексеева, Л. И. Ивиной, других ученых.

Хотя к грамотам, оформлявшим сделки крестьян с недвижимым имуществом, обращались несколько реже, но и они давно вошли в арсенал историков. А. Я. Ефименко, П. И. Иванов, М. М. Богословский, М. А. Островская использовали их наряду с писцовыми, переписными книгами, судными делами и другими материалами¹⁰². Плодотворно изучались поземельные акты и в современной исторической науке. В работах А. И. Копанева, Н. Н. Покровского не только было выяснено значение этих документов для изучения истории феодализма, но и дана оценка крестьянских актов XV–XVI вв. по их разновидности. Н. Н. Покровский охарактеризовал формуляр данных, купчих, меновных грамот и его развитие во времени — с XIV по XVI в. В актах появлялись становив-

¹⁰² Ефименко А. Я. Указ. соч.; Иванов П. К истории крестьянского землевладения на Севере в XVII в. Основание крестьянского владения и распределение земли в Кеврольском уезде // Древности. Труды Археологической комиссии Московского археологического общества. М., 1898. Т. 1. Вып. 3; Богословский М. М. Указ. соч. Т. 1, 2; Островская М. Указ. соч.

шиеся постепенно обязательными сведения о районе, в котором находился объект сделки, об основании права на владение землей, датировка сделки¹⁰³.

А. И. Копанев специальное внимание уделил дипломатике двинских поземельных документов XVI в. Он проанализировал акты на передачу земли из рук в руки, исходя из существа их содержания. Вид совершавшейся сделки (купля-продажа, отступка, обмен, раздел и т. д.), ссылки, подтверждавшие право собственности одного из участников сделки (наследование, приобретение, труд), определение объекта сделки он охарактеризовал наиболее подробно. Эти клаузулы наряду с другими, как-то: причина отчуждения земли, ее цена, неподвижность сделки, уплата податей — позволили А. И. Копаневу оценить поземельный акт как основание «собственности» «свободного крестьянства» на свои земли¹⁰⁴.

Для изучения семейно-имущественных норм обычного права В. А. Александров считал крестьянские акты, правда, более позднего времени — XVIII — начала XIX в. — наиболее перспективными источниками, и в особенности те из них, которые фиксировали раздел имущества или имели характер завещания¹⁰⁵.

Еще одним регионом с государственной феодальной собственностью на землю была Сибирь¹⁰⁶. Как и поморские, сибирские крестьяне владели землей на подворно-потомственном праве и совершали с землей различные сделки — передавали по наследству, закладывали, продавали, но чаще всего сдавали новопоселенцам с материальной компенсацией¹⁰⁷. Общность обоих регионов (при имевшихся различиях) заключалась в принадлежности их к системе государственного феодализма, в рамках которой крестьяне по нормам обычного права наследственно владели землей и распоряжались ею.

¹⁰³ Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 47–54.

¹⁰⁴ Копанев А. И. Дипломатика поземельных актов двинских крестьян XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. VI. Л., 1974. С. 153, 160. См. также его работы: Крестьянство в XVI в. С. 15; Крестьяне в XVII в. С. 4, 7.

¹⁰⁵ Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России: XVIII — начало XIX в. М., 1984. С. 173.

¹⁰⁶ Там же. С. 103–107; он же. Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.) // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 52, 57.

¹⁰⁷ См.: Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. // Вопросы аграрной истории России. М., 1974; Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964; Преображенский А. А. Указ. соч.; Власова И. В. Землепользование в Поморье и Сибири XVII — XVIII вв. Традиция и практика // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — XVIII — начала XX в. М., 1979.

Разнообразие распорядительных сделок, совершавшихся крестьянами, отразилось в разновидностях актов — купчих, меновных, данных, раздельных и т. п. Однако в любом из земельно-распорядительных крестьянских актов исторически закрепились обычно-правовые нормы. Само фиксирование сделки и оформление ее письменным документом уже было правовой нормой в крестьянской среде. Сделки «на слове», предшествовавшие письменным, бытовали наряду с ними, хотя указ 1635 г. объявлял законными только письменные сделки¹⁰⁸. Случаи устно-договорных сделок показывают устойчивое следование крестьян привычному обычаю, доверие как к устной, так и письменно оформленной сделке.

К исследованию привлечено, во-первых, около 600 актов поземельных сделок, заключенных крестьянами Сольвычегодского у. между собой, преимущественно в первой половине XVII в. Во-вторых, писцовая книга того же уезда 1625/26 г. Сочетание этих источников, столь разных по происхождению, назначению и характеру, обеспечило не только выявление преобладавшего вида междоусельных сделок, но и степень их распространения в волостях уезда.

Распределение актов по разновидностям отражено в табл. 5.

Таблица 5

Разновидности актов

Грамоты	I пол. XVI в.	1551- 1570	1571- 1590	1591- 1610	1611- 1630	1631- 1650	1651- 1700	Всего	
								абс.	%
Купчие	26	24	70	63	115	50	21	359	59,8
Закладные	2	—	—	1	17	11	6	37	6,1
Данные	—	4	6	13	42	5	2	72	12,0
Вкладные	—	2	11	1	1	—	—	15	2,5
Деловые	—	1	2	2	5	—	2	12	2,0
Меновые	—	—	1	5	1	—	—	7	1,1
Поручные	—	—	—	1	22	3	—	26	4,3
Челобитные	—	—	1	7	44	9	3	64	10,6
Прочие (разн. лет)	—	—	—	—	—	—	—	10	1,6
Итого:									
абс.	28	31	91	93	247	78	34	602	
%	4,6	5,1	15,1	15,5	41,1	13,0	5,6		100

¹⁰⁸ Памятники русского права. Вып. V. М., 1959. С. 350–351; РИБ. Т. 25. СПб., 1908. С. 248; Богословский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 271, 159 (прим.); Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. С. 163, 176.

Хронологически акты охватывают, по существу, столетие — с середины XVI по середину XVII в. Грамот, относящихся к первой половине XVI в. и ко второй половине XVII в., в моем распоряжении сравнительно немного — 4,6 и 5,6% соответственно. Наибольшее число поземельных сделок и отводов земли пришлось на двадцатилетие с 1611 по 1630 г. — 41,1%. Это годы восстановления хозяйства после Смуты, активной социальной политики государства, землеустроительной — проведение дозоров и описаний, фиксировавших состояние землевладения и количество обрабатываемых площадей; налогово-финансовой — введение «живущей четверти», комбинирующей земельное и подворное обложение и позволившей при сократившейся запашке пополнять казну. Грамот за 1571–1590 гг., 1591–1610, 1631–1650 гг. значительно меньше в сравнении с десяти-двадцатыми годами. В каждом из двадцатилетних отрезков грамоты по десятилетиям распределяются примерно одинаково.

Из табл. 5 явствует, что подавляющее число совершаемых крестьянами сделок приходилось на куплю-продажу земли — 59,8%. Ее заклад встречался гораздо реже (почти в 10 раз), чем купля-продажа, а раздел и обмен, составлявшие вкупе 3,1%, еще реже. Значительно число данных грамот — 12%, по которым крестьяне получали землю в пользование от представителей государственной администрации — писцов, воевод, а также от общинных властей. Отводу земли и ее документальному оформлению нередко предшествовала челобитная крестьянина, в которой он излагал причины своего претендования на тот или иной участок земли.

Рассматриваемые челобитные — их 10, 6% — содержат сведения о поземельных сделках. Данные, челобитные, а также поручные грамоты не есть акты поземельных сделок. Но они прямо свидетельствуют об этих сделках и потому были включены в рассмотрение.

Сольвычегодский у. в 1624/25 г. описывали Иван Степанович Благово и подьячий Василий Архипов. Они, как и другие писцы, были проводниками фискальных мероприятий правительства, ориентированных на более тяжелое обложение черносошных уездов Севера в сравнении с центральными частно феодальными. В составленной ими писцовой книге оклад «в живущем» показан в вытах по каждой из деревень наряду с пашней паханой и перелогом в четвертях, сеном в копнах, примерной пашней также в четвертях и величиной оброчного платежа за нее, поскотиной и лесом в десятинах. Повытное обложение с пересчетом его на посошное, примененное в уездах Севера, как более дробное и мелкое, жестче и полнее учитывало доходность хозяйств черносошных крестьян.

Тем более, что эти хозяйства были земледельчески-промысловыми, в которых сельское хозяйство подпитывалось доходами от леса, реки, земельных недр.

Писцовое описание 1625/26 г., как говорилось во введении, имеет благоприятную для предпринятой задачи особенность. Книга указывает способы приобретения участка каждым хозяином в деревне. Таких способов несколько: потомственное владение — старина, наследование по завещанию-духовной, приобретение по какой-либо сделке — купля-продажа, заклад, раздел и т. д. Поземельные акты убедили в преобладании купли-продажи земли. Теперь посмотрим, отражает ли это писцовая книга (см. табл. 6).

Среди обоснований на владение землей чаще всего фигурируют ссылки на куплю-продажу, во-первых, и старину, во-вторых. Данные писцовой книги, как видим, согласуются с актовым материалом, взаимно подтверждают широкое распространение такой распорядительной сделки с землей, как купля-продажа. Из писцовой книги явственно видно существование и наследственного перехода земли к потомкам в семье, однако в пределах одного уезда обращение земли проявлялось неодинаково в разных волостях.

Табл. 6 показывает преобладание владения по старине в волостях Лузская Пермца — 81% и Алексинском стане — 34,9%, а по купчим грамотам в Окологородной — 80,9%, Лальской — 70,4% и Антропьеве Слободе — 70%. В волостях Вилегодской и Ратмировской около 2/3 всех дворов, а в Алексинском стане чуть более половины (55%) владели землей по купчим. Держаний по данным грамотам было больше всего в Ратмировской вол. — 15,5%, Вилегодской — 12,4%, Алексинском стане — 9%, а по закладным — в Вилегодской — 2,7%, Лальской волостях — 2,5%. Из сказанного со всей очевидностью вытекает, что мобилизация земли была шире распространена в местах старой земледельческой колонизации. В Окологородной вол. освоение удобных земель практически закончилось (владение по данным невелико — 2,5%). Превалирование здесь только одной поземельной сделки — купли-продажи есть свидетельство мобилизации, стимулированной в немалой степени и близостью к посаду. В волостях, находившихся на периферии уезда, Лальской и особенно Лузской Пермце, сохранялись возможности для сельскохозяйственного освоения земель (такими в Сольвычегодском у. были территории в бассейнах притоков рек Лузы, Лалы, Виляди) и земельные сделки наблюдаются реже.

Таблица 6

Способы приобретения земли в Сольвычегодском у. в первой четверти XVII в.

Способы	Вилегодская		Лузская Пермца*		Ратмировская		Антропьеве Слобода		Алексинская		Окологородная		Лальская	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Старина	59	10,8	395	81,6	65	18,0	85	25,0	101	34,9	31	11,5	56	23,3
Купчие	353	64,6	70	14,8	231	64,1	236	70,0	159	55,0	220	80,9	169	70,4
Данные	68	12,4	—	—	56	15,5	14	4,0	26	9,0	7	2,5	8	3,0
Закладные	15	2,8	6	1,2	4	1,1	2	—	1	—	—	—	6	2,5
Духовные	16	3,0	12	2,4	—	—	1	1,0	1	1,0	2	0,7	—	—
Деловые	7	1,2	—	—	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—
Меновые	21	4,0	—	—	2	1,3	—	—	—	—	—	—	1	0,8
Прочие**	6	1,2	—	—	2	—	—	—	—	—	12	4,4	—	—
Всего	546	100	484	100	361	100	339	—	289	100	272	100	240	100

Таблица составлена по: РГАДА. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 91-120, 315-370, 398-450, 579-622, 637-769.

* В конце XVII в. в волости 20% дворов владели землей по купчим (Ежегодник Гос. Исторического музея. М., 1964. С. 212-213).

** Способ приобретения не указан.

Купчие грамоты наиболее обобщенно и убедительно отразили порядок обращения земли. Акты купли-продажи позволяют выделить следующие основные нормы обычного права: 1) обоснование на владение землей; 2) принятие приобретателем поземельных платежей вместе с отчуждаемой землей; 3) гарантия полноты отчуждения; 4) условие «очищения» земли от возможных притязаний. Считать данные нормы обычными позволяют их обыкновенность, устойчивость бытования, независимость от законодательных установлений.

Охарактеризуем их подробнее. Непременным условием при совершении сделок было обоснование на владение землей. Как правило, это были ссылки на прежние купли, на наследование по духовной, на владение по разделам и т. д. Обоснование владения выражено либо в краткой, либо в пространной форме. Продавец прежде всего заявлял, от кого или каким образом он непосредственно получил участок земли или угодья. Краткий вариант обоснования сводился к этому¹⁰⁹. В пространном варианте, состоявшем из двух, а порой трех частей, далее сказано, как участок попал к ближайшему предшественнику продавца и какие изменения (если таковые были) участок претерпел при нем. Естественно, что каждый акт сообщает сведения в только ему присущей форме.

Способ приобретения участка, о котором идет речь, был, в представлении владельца, главным и решающим моментом. Прослеживается множество сочетаний частей пространного обоснования, зависевших от многообразия жизненных ситуаций. Встречаются, например, такие двухчастные сочетания — купчая + деловая («... продал... половину деревни Старчевские по купчей грамоте, что купил..., и по деловым...»), духовная + купчая («продали братники... отца своего благословение по отцове по купчей грамоте и по духовной по батькове»), купчая + купчая («продал... по двум купчим, по купчей отца своего... да... по своей купчей...»), купчая + данная («... продал... по своей купчей... и по государеве по льготной грамоте отдачи...»), духовная + духовная («продал... отца своего благословение... и по братне по духовной...»)¹¹⁰. Есть и трехчастные сочетания, например: духовная + деловая + купчая («а продали... ту деревню по благословению отца своего... что досталось от брата... з делу и по купчей, что отец наш... купил...»), купчая + духовная + деловая («продал... по своей куп-

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 1161. Оп. 1. № 33, № 52. Л. 2; Ф. 141. Оп. 1. 1626, № 45-II. Л. 23; № 41-I. Л. 101, 103, 104, 107, 133.

¹¹⁰ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1626, № 45-II. Л. 26, 27, 67, 137, 65; № 45-I. Л. 59; № 45-II. Л. 22, 28; № 45-I. Л. 77.

чей... отца своего благословение, чем... сам владел, своей половиной, по деловой...»; «продал... по своей купчей, что яз купил у... что его ... отец благословил и что ему... з делу досталось...»)¹¹¹.

Приведенные примеры показывают, что в качестве обоснования прав на владение в купчих фигурируют разнообразные сделочно-распорядительные акты — «крепости», «пути», предварявшие данную куплю-продажу. В обосновании отражена судьба каждого конкретного участка земли: длительность владения им той или иной семьей (старина, завешание, раздел) или совершавшийся оборот (купля-продажа, заклад). Обоснование владения содержит разные временные стадии принадлежности участка распорядителю и его предшественникам.

Все виды обоснования владения крестьяне осознавали как исконно традиционные, а правительство признавало их. Одним из распространенных видов обоснования владения была данная грамота, полученная от представителей правительственной администрации — писцов, воеводы¹¹². Писцовое описание Сольвычегодского у. 1624/25 г. сопровождалось выдачей льготных данных на запустевшие деревни и части их. Получению данных предшествовали челобитные о земле. В них крестьяне не только просили землю для ее хозяйственного восстановления, но и подкрепляли свою просьбу свидетельствами, содержащими обоснование владения, в частности, такого характера: «вотчина наша, деда и отца моего», «вотчина деда нашего», или «отцов наших благословение и дяди нашего родного... благословение», или «та пустошь истари их же по купчим»¹¹³. Двое крестьян Ратмировской вол. утверждали, что желаемая ими пустошь «по купчим наша вотчина», и один из них предъявил писцам на нее данную 1587 г., а другой — купчую 1621 г. Один из крестьян обосновывал получение земли тем, что она была «отца...благословение», представив в подтверждение две купчие 1586 и 1595 гг.¹¹⁴

Все факты ссылок на обоснование владения показывают, как сплелись в крестьянском сознании в единое целое разнохарактерные правовые категории — наследование семейно-потомственное, по завещанию и приобретение по сделкам. Достаточно четко прослеживается тенденция: когда-то совершенная купля, переходившая к потомкам, становится *вотчиной*. Вотчина

¹¹¹ Там же. 1626, № 20. Л. 1; № 45-I. Л. 80, 142.

¹¹² Там же. 1623, № 13. Л. 27, 45, 52, 64; 1626, № 45-II. Л. 31.

¹¹³ Там же. 1626, № 45-I. Л. 58, 97, 148; 45-II. Л. 31.

¹¹⁴ Там же. № 45-I. Л. 34-35, 38-39; № 45-II. Л. 71, 72.

крестьян не идентична феодальной вотчине, ее следует понимать только как наследственное владение семьи. Два-три преемственно связанных поколения, вложившие труд в один участок земли, психологически воспринимали его как свой собственный. Так, в 1591 г. Михайло Максимов сын Овчинников купил шестой жеребей в д. Горочной Чадромской вол. Через 40 лет его потомки объясняют свое право владения землей следующим образом: «И та штина от де-дов от наших и от отцов к ним шла», они называют ее «исконь веч-ной нашей вотчиной». Крестьянин Пронка Федоров сын Соснин в челобитной 1630 г. называет себя вотчинником на том основании, что его «земля по купчим и по деловым записям прадеда моего...»¹¹⁵.

Эту тенденцию в связи с выяснением права владения крестьян землей уже обнаружил М. М. Богословский. Он писал: «Среди коренных крестьян благодаря долговременности владения одними и теми же участками земли и наследственным переходом этих участков во многих поколениях и находила себе благоприятные условия мысль о собственности на владеемую ими черную землю. В этой-то среде и вырабатывается в противоположность писцовой книге взгляд на черные участки как на вотчины». В другом месте он отмечал, что «термином вотчина поморские крестьяне называли преимущественно родовое владение, т. е. полученное по наследству от родственников, в отличие от приобретенного, "купли"»¹¹⁶.

Представители государственной администрации в своей деятельности по отводу земли крестьянам учитывали сложившийся порядок владения землею с ее наследованием и сделками. Отдавая пустошь на льготу, они допускали возможность появления претендента с владельческими правами на нее. Так, в 1625 г. на одну из таких запустевших деревень при оформлении данной двум крестьянам «купчие ни кто на тое пустошь не положил». Писцы включили в данную условие: «А будет на тое пустошь... выищется вотчинник, и им та деревня тому вотчиннику отдати. А за дворовую починку и за земляную распашку взять на том вотчиннике деньги, чем люди оценят»¹¹⁷. При описании в том же 1625 г. Вилегодской вол. писец возвратил «старому вотчиннику» участок в д. Святчевской, хотя уже внес этот участок в писцовую книгу за другим владельцем, представившим на него данную 1618 г. Появление

купчей, более ранней по времени, чем данная, вызвало изменение решения писцов и передачу земли старому владельцу.

Признавая за черносошными крестьянами землевладельческие права, писцы и воеводы в каждом случае отдачи земли проверяли верность утверждений челобитчиков по приправочным и писцовым книгам и требовали предъявления «крепостей». Земли, отданные в хозяйственное освоение, заносились в писцовые книги как «живущие». Отведенный крестьянину участок закреплялся государственным кадастром в качестве тяглого. На этом основании данные грамоты ставят перед владельцем условие «тое деревни в Строгановы вотчины, и в монастырь, и к церкви ни продать, ни заложить, ни по душе не отдать, никакова угоды нарознь не продать же»¹¹⁸.

Стереотипная фраза данных грамот свидетельствует о контроле государства за земельным фондом. Государственная власть не препятствует перераспределению земли среди черносошных крестьян-тяглецов, но выход ее из тягла расценивается как посягательство на источник дохода государственной казны.

Интересен приговор писцов от февраля 1626 г. по спорному делу о пожнях в Вилегодской вол. На одну из них была предъявлена купчая Никиты Строганова от 1606 г. Но писцы приняли решение отдать пожню «на перекуп» и мотивировали это следующим: «А та пожня истари оброчная, а оброчные пожни велено отдавать на перекуп, хто больши даст оброку, хотя у кого и в купчих, а меньши сорока лет... И та земля никому не вотчина, государева оброчная земля»¹¹⁹. Государственная администрация четко разграничивала земли разного пользования, тяглые, наследуемые крестьянской семьей, и оброчный фонд, как бы резервный.

Обоснованием владения выступали писцовые книги. А. И. Копанев заметил что «крестьяне отлично понимали закрепляющее значение записи земли в писцовой книге за кем-либо»¹²⁰. Обращение крестьян к писцовой книге как к абсолютно неопровержимому государственному документу, утверждавшему участок за определенным лицом, симптоматично. Оно гарантирует крестьянину беспорное владение участком, а правительству обеспечивает тяглеца. Ссылки на писцовые книги, с одной стороны, и на купчие, духовные и другие грамоты — с другой, как на обоснование владения, отражают двойственность правосознания черносошных крестьян.

¹¹⁵ Там же. 1630, № 85. Л. 1, 5; 1629, № 27-11. Л. 322.

¹¹⁶ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 132, 55.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1623, № 13. Л. 79; Ф. 1209. Кн. 446, Л. 705; см. также: Богословский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 55, прим.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1623, № 13. Л. 53, 59, 79.

¹¹⁹ Там же. 1626, № 52. Л. 23.

¹²⁰ Копанев А. И. Крестьянство в XVI в. С. 55.

Еще более усиливает эту двойственность распространение мирских данных для обоснования прав на владение. Мирская данная и писцовая книга — документы, противоположные по своей организационной сути. Один появляется в результате деятельности общины, другой — государственной администрации. Сочетание всех рассмотренных видов обоснования владения свидетельствует о сосуществовании при земельном распоряжении норм обычно-правовых и государственно-административных.

Совершение сделки вело к смене землевладельца. Вместе с землей крестьянин принимал на себя «лежавшие» на ней тяглые обязательства. [Переход участка из рук в руки означал также смену тяглеца] Слитность земли и платежей с нее крестьяне воспринимали как прочно установившийся порядок при землевладении: «Земля — Прокопью (Ивану), и подати платить ему ж»¹²¹. Это краткое и вместе с тем емкое выражение купчих грамот вобрало в себя фундаментальное правило: чья земля, того и подати. [Из подобных выражений вытекает, что всякое отчуждение земли сопровождалось передачей тягла. В одном из актов норма сформулирована так: «А дань снати Прокофью [покупателю] государева, и всякие подати и оброк с Юрья [продавца]»¹²². Показательно, что по отношению к податям употреблено словосочетание снати «с...». Оно говорит об освобождении продавца в момент продажи от всех тяглых обязательств и о принятии их на себя покупателем. Связь земли и платежей с нее в повседневной жизни была настолько тесной, что позволяла говорить: «А купили есми мя и потуги»¹²³.

Такие обязательства, как следует из актов, были двоякого рода: государственные и мирские. Государственные платежи по-разному обозначаются в документах — либо конкретно по видам («А дань и оброк...», «А дань и оброк, и московский и сибирский запас и всякие подати...»), либо обобщенно («А подати государские...», «А подати государевы всякие...», «...государевы подати... всякие денежные четвертные доходы»)¹²⁴, либо более обстоятельно перечисляют платежи («А подати и всякие государевы четвертные и денежные доходы, данные и оброчные деньги, и московский и сибирский запасы и ямские деньги»)¹²⁵.

¹²¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626, № 45-П. Л. 48; 1627, № 81. Л. 7, 9-10, 11; Ф. 1161. Оп. 1. № 1. Л. 3.

¹²² Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1625, № 24. Л. 4.

¹²³ Там же. 1626, № 45-П. Л. 146.

¹²⁴ Там же. № 45-П. Л. 61, 62, 77, 115, 118; № 45-П. Л. 58, 74; 1623, № 13. Л. 60, 65; № 20. Л. 20; Ф. 1161. Оп. 1. № 24; № 30. Л. 1, 2.

¹²⁵ Там же. Ф. 1161. Оп. 1. № 3. Л. 1, 2.

Акты называют государственные подати с разной степенью подробности; они были постоянными прямыми денежными сборами. Именно о прямых налогах акты говорят «потуги платити», «потянути потуг». Многообразие государственных налогов обобщено в актах как «дань и оброк». Дань вобрала в себя более десятка всяких податей, а оброк здесь — это государственный сбор «за наместнич корм и за присуд и их пошлинных людей доход»¹²⁶. Следовательно, статья распорядительных актов о переходе платежей к новому землевладельцу имеет в виду, как правило, прямые окладные налоги. Характерно, что частные поземельные акты по отношению к налогам употребляют термин «четвертные доходы»¹²⁷, свойственный официальному делопроизводству.

Акты редко упоминают только государственные налоги, а чаще объединяют их вместе с мирскими. Последние называются почти всегда вслед за государственными: «А всякие великого государя платежи и в мир, что доведется...»; «А дань государева и оброк и всякие земские розметы...»; «А подати государевы и всякие земские и волостные розметы...»¹²⁸. Акты выделяют в мирских платежах волостные и земские. Это соответствовало ступенчатому устройству мирской организации, при котором общины-волости включались в уездный земский мир. Однако «земские розметы» могли вобрать в себя волостные расходы владельца участка.

Совокупность платежей, государственных и мирских, определялась, как известно, размером крестьянского участка. Формула о переходе платежей всегда содержит составную часть, свидетельствующую о поземельном обложении в раскладке налогов. Их платили «с тое земли», или «по той полудеревне», или «с той четверти деревни», или «с того осьмого жеребья». Акты углубляют наши представления о поземельном обложении. Не только обработка земельного участка определенного размера, а совершение на нем полного сельскохозяйственного цикла были главными факторами при обложении. Сроком перехода платежей к новому владельцу был, как правило, Ильин день, иногда — Семенов день, а реже — день заключения сделки — «как ся купчая писана»¹²⁹. К этим праздникам заканчивались посев озимых и жатва яровых

¹²⁶ Там же. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 154 об.; Северная Русь. С. 109; Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 120-121.

¹²⁷ РГАДА. Ф. 1161. Оп. 1. № 3, 13; Ф. 141. Оп. 1. 1623, № 13. Л. 60, 65, 79, 83.

¹²⁸ Там же. Ф. 1161. Оп. 1. № 32; Ф. 141. Оп. 1. 1626, № 45-П. Л. 636, 142-143; № 45-П. Л. 22, 24, 28, 64, 75, 142.

¹²⁹ Там же. Ф. 1161. Оп. 1. № 1. Л. 2; Ф. 141. Оп. 1. 1627. № 81. Л. 21

хлебов. Земельная сделка как бы прерывала единство сельскохозяйственного цикла: старый владелец к моменту выплаты налогов засеял озимое поле, а яровое предстояло обрабатывать новому владельцу. Отсюда вытекает распределение платежей между контрагентами сделки. Покупатель «с первого Ильина дни» должен «потянуть потуг по яри да по сену», а продавец — «тянути по рже». Продавец также до Ильина дня платит «по той озиме», «по хлебу», «с насянной ржи», а «купец» — тоже «по хлебу», «повытно... со ржи»¹³⁰, или «до... Ильина дни впредь, что будет во 130-м году, подати платити с тоя осмины *пополам* продавцу со ржи, а купцу с яри платити». Выражения «по рже» и «по хлебу» идентичны, ибо хлебом называли тогда озимую рожь. «А продавцам... на осень по хлебу по рже заплатить государевы дань и оброк»¹³¹.

Следовательно, акты купли-продажи как преобладающий вид земельных сделок явственно указывают прежде всего на зависимость платежей от посева. Выражения «по рже» и «по хлебу», по видимому, означают не только засеянный участок, но и урожай. Размеры посева, урожая и сеного покоса («по сену») — основные слагаемые мощности крестьянского хозяйства, которые принимались во внимание при разверстке тягла. Именно поэтому могло пойти выражение «повытно... со ржи», сочетающее в себе раскладочную единицу и реальный посев. Отчуждался обычно комплекс земли и угодий, состоявший из старопахотных участков, пожен, сенокосных полей, росчистей и т. д. Доходность хозяйства повышалась за счет имевшихся в нем новых роспашей. Их наличие у крестьянина учитывали мирские власти при обложении. «А дань государева и оброк... заплатить... по озимому севу, что сияно на той полудеревне и на новине»¹³². Этот полный учет всех посевных площадей, ведшийся в общине, включая росчисти, и нашел отражение в актах.

Все выражения о «потугах» «по озиме», «по хлебу», входящие как составной элемент в формулу о переходе тяглых платежей к новому владельцу, свидетельствуют о вложенном в землю крестьянском труде. За скупыми словами «о насянной ржи», «с того хлеба» скрыты трудоемкие крестьянские работы по пахоте, неоднократному боронованию, унавоживанию скудной северной земли (качество которой в Сольвычегодском у. писцовые книги оценивают как «среднее» и «худое»). Получаемые крестьянином

на участке, которым он владел, продукты труда, как явственно показывают акты, частично изымало государство в виде налогов.

Распорядительные поземельные акты исключали возможность обратного отчуждения деревень. Полнота отчуждения объекта сделки при распоряжении была выражена в формуле о продаже «впрок без выкупа». Вопрос о выкупе проданных или заложенных земель уже привлекал внимание исследователей. Не углубляясь в историографические подробности, отметим, что об этом писал С. Б. Веселовский при разборе феодального вотчинного права. Он использовал запрос сольвычегодских писцов 1625 г. И. С. Благово и В. Архипова в Устюжскую четверть о сроке исков на заложенные земли для констатации бытующего в Поморье выкупа земель, допускаемого властью¹³³. С. Б. Веселовский четко высказался о непризнании правительством вотчинного права черносозных крестьян на владение землями. Другими словами, вотчинное право — чисто феодальное по своей сути. Примерно так же ранее высказался М. М. Богословский: «...участки черных крестьян имели характер наделов государственной земли, размеры которых определялись размерами тягла и, конечно, не имели значения вотчины»¹³⁴.

О выкупе земли нет единства мнений у исследователей данного сюжета А. И. Копанева и Д. И. Раскина, И. Я. Фроянова, А. Л. Шапиро. Полноту отчуждения, отраженную в сделках, А. И. Копанев считал, во-первых, свидетельством неограниченных поземельных прав приобретателя земли, во-вторых, выкуп — редким явлением в крестьянской жизни в XVI–XVII вв.¹³⁵ Он не соглашался со своими оппонентами, расценивающими выкуп как ограничение прав крестьянина на отчуждение своих земель. Эта оценка выкупа вытекает у Д. И. Раскина, И. Я. Фроянова, А. Л. Шапиро из представления не только о его существовании, но и распространении¹³⁶.

Формула о полноте отчуждения содержится в большинстве сделочных актов, но иногда она могла отсутствовать. Например, из 120 сольвычегодских актов, преимущественно за 20-е гг. XVII в., она присутствует в 92-х, или более чем в трех четвертых

¹³³ Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 25, 28.

¹³⁴ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 132.

¹³⁵ Копанев А. И. Крестьянство в XVI в. С. 45–47.

¹³⁶ Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л. О формах черного крестьянского землевладения XIV–XVII вв. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 11–14; см. также: Шапиро А. Л. Проблемы генезиса и характера русской общины в свете новых изысканий советских историков // Ежегодник по аграрной истории. Вып. VI (Проблемы истории русской общины). Вологда, 1976. С. 41.

¹³⁰ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1626, № 45–II. Л. 10, 9, 58, 55, 60, 108; 1629, № 24. Л. 8.

¹³¹ Там же. Ф. 1161. Оп. 1. № 1. Л. 3.

¹³² Там же. № 13.

из них. Норма не приводится, если отчуждается не весь деревенский комплекс, а лишь его незначительная часть, т. е. не основная пашенная земля и не целостное угодье, а пожня, наволоок, полянка, лесной участок¹³⁷. Эти доли угодий представляли собой сравнительно недавно разделанные росчисти. В пользу именно такого довода говорят следующие свидетельства актов. В 1606 г. крестьянин вол. Лузская Пермца продал пожню «с хмельником ис причистью»¹³⁸. Еще четче в искомом смысле выразился продавец из той же волости, который «пожню свою, свой жеребей третей... продал и с репищем... а та пожня ис причистьев вся»¹³⁹. Акцент актов «ис причистьев вся» говорит о постепенном, но неуклонном приращении отвоёванного у леса когда-то участка. Использование его как репища также указывает на то, что это недавняя росчисть. Последовательность росчистки близлежащих мелких лоскутов земли позволяла их использовать как сенокос, огород (хмельник, репище), пашню. «Полянки» купчих были распашами, например, «на полмеры на ржаную», вероятно нередко «кругом в огороде», к ним прилегали «припашы», «приделы». Такая удаленная от деревни полянка со временем становилась «полем орамые земли на две кади ржаные»¹⁴⁰, т. е. включалась в общую пашню.

Расчищенные земли, используемые как пашни или сенокосы и поступающие со временем по сделкам в земельный оборот, судя по формуляру актов, были подняты самим продавцом или закладчиком, и как раз о них продавец говорит: «полянку свою», «свой жеребей», «свою пашню». Реже эти земли были «куплями» продавца. В таких случаях он делал оговорку: «по своей купчей», иногда подчеркивая: «по которой купчей яз... купил»¹⁴¹. Отчуждение мелких участков, в подъем которых крестьянин вложил не-

¹³⁷ Купли-продажи пожни — см.: РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626, № 52. Л. 7–13; № 45–I. Л. 100, 104, 135; № 45–II. Л. 51; ее частей: «четверть пожен» — 1626, № 52. Л. 13; «три жеребы ис половины пожни» — № 45–II. Л. 47; «два жеребы пожни» — Л. 49, «треть свою пожни» — Л. 50; наволока и ее частей: «осмой жеребей наволока» — № 45–I. Л. 61; «наволоок... орамую землю и пожню» — Л. 141; полянки: «на полмеры на ржаную и з запольем, что против полянки» — № 45–I. Л. 141; «полянку и припашь и с покосным местом» — № 45–II. Л. 107; «полянку свою... кругом в огороде» — № 45–I. Л. 100; «роспашь в заполье кругом в огороде и с приделом» — Л. 102; леса: «сухой и сырой, а продал свою треть» — № 45–II. Л. 6-а, 7; «перевесье четвертой жеребей» — Л. 104; «наволоок... и с озера, и с лесом, и с пашенными месты, и с пустошми да две плохи» — № 45–II. Л. 106.

¹³⁸ Там же. 1626, № 45–I. Л. 103.

¹³⁹ Там же. Л. 105.

¹⁴⁰ Там же. Л. 87.

¹⁴¹ Там же. Л. 101.

посредственно свой труд или оплатил деньгами труд (при купле) своего предшественника, не сопровождалось при оформлении сделки формулой «впрок без выкупа». Лишь переход такой земли по наследству ко второму поколению владельцев ведет к появлению в актах формулы о полноте отчуждения. Два брата заложили «два жеребья пожни, лугу своего... со всем без вывода, отца своего благословение по своим путям...»¹⁴².

Итак, длительность держания земли, переход ее из поколения в поколение в крестьянской семье создавали условия для претензии ее членов на нее¹⁴³. Основанием для этого был труд, вкладываемый крестьянами в подъем и обработку земли, а также укоренившиеся в их сознании понятия о неразрывности, слитности двора-земли как хозяйственного комплекса, в котором двор воспринимался как ряд преемственно связанных поколений его жителей, а угодья — его принадлежность.

Поколенная преемственность ясно видна в формуле крестьянских актов, обосновывавшей право владения. Продавцы последовательно перечисляли способы, по которым земля переходила к каждому из предыдущих поколений владельцев. Насколько углубляется такое перечисление? Акты показывают, что продавцы по отношению к своим предшественникам, как правило, были вторым поколением и гораздо реже — третьим. Сравнительно мало актов, в которых реализуется земля, доставшаяся от дедов. Это обстоятельство можно объяснить земельным оборотом, при котором крестьянские участки не «доживали» от дедов до внуков. Но главная причина заключена в распространении малой индивидуальной семьи. Писцовый и актовый материал XVII в. убедил в свое время П. И. Иванова в преобладании малых семей в Кеврольском и Сольвычегодском уездах¹⁴⁴. А. И. Копанев установил, что именно они были господствующей формой у крестьян Подвинья в XVI в., а неразделенные отцовские семьи с одним женатым сыном составляли лишь треть¹⁴⁵. Малая семья, трансформирующаяся в отдельные периоды в зависимости от социально-экономических условий в неразделенную, была, как установил В. А. Александров, типичной для всего времени развитого и по-

¹⁴² Там же, № 45–II. Л. 49.

¹⁴³ Там же. 1629. № 27–II. Л. 312; ср.: Инкин В. Ф. Крестьянский общинный строй в Галицком Прикарпатье: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Львов, 1978.

¹⁴⁴ Иванов П. Поземельные союзы и переделы на Севере России в XVII в. у свободных и владельческих крестьян // Древности. Труды Археологической комиссии Московского археологического общества. Т. II. Вып. 2. М., 1902. С. 204–205.

¹⁴⁵ Копанев А. И. Крестьянство в XVI в. С. 122, 123.

зднего феодализма¹⁴⁶. Говорить о «родовом выкупе»¹⁴⁷ земли при господстве малой семьи неправомерно уже потому, что сами понятия, отраженные в терминах «малая семья» и «родовой выкуп», относятся к разным стадиям развития общества.

Н. Н. Покровский уже отметил сравнительно позднее появление рассматриваемой формулы «впрок без выкупа», которая «до последней трети XV в. встречается в грамотах скорее как исключение и лишь позднее стала обычной»¹⁴⁸. В XVI в., по убеждению А. И. Копанева, формула, запрещающая выкуп и присутствующая «почти в каждом поземельном акте», свидетельствует об отказе отчуждающего землю вернуть ее¹⁴⁹. Иногда акты подчеркивали, что продажа была безвыкупной: «Да самому мне [продавцу] и детям моим того острова не выкупать»¹⁵⁰ или «без выкупа вовеки».

Эту норму, вероятно, не было необходимости фиксировать до середины XV в. Она не принесена из того периода вместе с остатками большесемейных отношений. И вряд ли ее можно считать «нормой, характерной для большой семьи». Ведь если «господствующее положение большой семьи» в XIV–XV вв. «было решительно утрачено»¹⁵¹, то могла ли столь длительно существовать норма без бытования того института, который ее порождал и питал?

Упоминание этой нормы в актах в течение двух с лишним веков (начиная с последней четверти XV и по XVII в.) заставляет усомниться в ее рудиментарности. Норму о невыкупе земли следует связывать с семьей малой и ее модификацией — неразделенной семьей. Постоянное выражение актов «впрок без выкупа» нужно, скорее всего, понимать как реализацию свободно отчуждаемого индивидуального наследственного владения, не стесняемого притязаниями родственников. Норма не встречается при сделках на участки, находившиеся в обладании лишь одного поколения владельцев (о чем говорилось выше), внесение ее в текст акта в таком случае не было необходимо.

Распоряжение, хотя и не прямо, но тесно связано с наследованием и свидетельствует о развитости наследственного права. Это право, регулировавшее порядок наследования малой семьи, отра-

зила Русская Правда. Ее статьи, как известно, зафиксировали сложившиеся к тому времени (XI–XII вв.) и устойчиво бытовавшие обычно-правовые порядки. Не вдаваясь в подробности последующего законодательного развития наследования по судебникам 1497 и 1550 гг. и Соборному Уложению (что само по себе уже тема специального исследования), заметим, что законодательство разрабатывало и совершенствовало наследственные нормы в их многообразии по отношению к различно приобретенным владениям (наследственным, купленным, обменным) вотчинников и помещиков. Крестьяне продолжали традиционно пользоваться привычными нормами наследования, т. е. нормами обычного права, восходящего к Русской Правде. Однако они, вероятно, подвергались воздействию законодательства и изменялись под его влиянием. Каков характер этих изменений и когда они проявлялись — вопрос, требующий к себе самостоятельного внимания.

Наследственное право крестьян XIV–XVII вв. в основном сводилось к следующему. Прежде всего наследниками были сыновья, а при их отсутствии или смерти — дочери, т. е. прямые нисходящие потомки. В случае, если их не было, наследовала жена. При отсутствии детей и жены наследниками становились родители, а затем братья или сестры (если не было братьев) крестьянина, т. е. наследование по восходящей и боковой линиям было последним по значению и важности.

Нарочито упрощенный вид, в котором представлено здесь наследование, позволил выделить основные его ступени. Эта постепенность подключения к наследованию каждой из ступеней родства свидетельствует о приспособленности наследственных норм к нуждам малой семьи, небольшому кругу родственников неразделенной семьи. Представители боковых линий получали наследуемое имущество только в случае его выморочности.

Превалировавшее в малой семье наследование по прямой нисходящей отразилось в актах о земельных участках как «отца моего владенье». Отчуждение на сторону, в чужие руки, одним из наследников части унаследованного имущества, и главное земли, при существовавшем праве всех сыновей на равные доли имущества, могло вызвать стремление других сонаследников возвратить утраченную часть отцовского наследства. Поэтому норму актов «впрок без выкупа», скорее, следует расценивать как необходимое при совершении сделки условие, гарантирующее покупателю вступление во владение приобретенной землей и, главное, охраняющее в дальнейшем его владельческие права. Таким образом,

¹⁴⁶ Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // ИСССР, 1981. № 3. С. 93; он же. Обычное право... С. 42–69.

¹⁴⁷ Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 7, 9, 11, 13.

¹⁴⁸ Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 47; см. также: Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 24.

¹⁴⁹ Копанев А. И. Крестьянство в XVI в. С. 46.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628, № 46. Л. 4; 1526–1629, № 1. Л. 64.

¹⁵¹ Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л. Указ. соч. С. 9.

норма «впрок без выкупа» означает по преимуществу полноту отчуждения земельного владения, она выработана имущественно-наследственным правом малой семьи.

Норма об очищении земли от возможных притязаний подытоживала произведенное контрагентами отчуждение земельного участка. Она находится в конце акта, чаще всего перед удостоверительной частью, и провозглашает необременность недвижимого имущества возможными долгами. Эта норма имеет в актах купли-продажи несколько вариантов формулировок. Наиболее лаконичная из них: «А в очищение той деревне (пожне) — яз [продавец]», отражающая взятое самим продавцом на себя обязательство. Собственно в ней — основное существенное содержание нормы, заявление о свободе отчуждаемого участка от какой-либо задолженности, ответственность за которую несет отчуждающий. Ее постепенное усложнение идет по линии раскрытия условий, обставляющих «очищение». Во-первых, продавец подтверждает, что делает это не только сам, но и своими деньгами: «А в очищение поженке, четвертому жеребью, перевесью — яз, Федор, очищать мне своими деньгами». Во-вторых, он не только продает свободную от долгов землю, но и отводит ее приобретателю: «А в очищение и в отводе той полудеревне — яз...». Оба дополнения сопутствуют костяку нормы, и каждое в отдельности, и вкупе. «А в отводе и в очищение тому жеребью — своими деньгами»¹⁵².

Введенная в нее оговорка об отводе тесно связана с межами и говорит о том, что отчуждающий обязывался указать приобретателю границы своего участка. Хорошо известно значение межей, необходимость поддержания их в образцовом порядке во избежание нарушений, которые карались всеми земельными законами ранне- и позднесредневекового времени. Среди актов феодального землевладения сохранились специальные отводные грамоты и разделы об отводе земли в купчих с подробнейшим описанием межей и межевых знаков¹⁵³. Северные акты или констатируют, что межи продаваемой земле и угодьям — «по старым межам», или приводят их более или менее подробное описание (порой столь же обстоятельное, как и отводные грамоты), в котором довольно часто наряду с межевыми признаками поименно названы владельцы соседних жеребьев.

¹⁵² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1592–1622, № 3. Л. 4, 30, 57, 59; 1626, № 45–I. Л. 16, 87, 95, 102–104, 107, 135, 150; № 45–II. Л. 22, 23, 29, 51, 63, 71, 72.

¹⁵³ См., напр.: АСЭИ. Т. I. № 9, 17, 110, 347, 349, 443, 629; см. также № 10, 18–20, 143, 205, 230, 252, 267, 281, 329 и др.

Формула об «очищении» земли обростает такими элементами, как: «от [во] всяких хлопотех», «очистя, отвести с чиста пути», «в том убытка не привести», «убытка не привести никак, некоторыми делы», «А в очищение той пожне — яз, Харитон, во всяких хлопотех, очищать и выкупати своими деньгами, очистя та пожня, да отвести с чиста пути»¹⁵⁴. Причины для «хлопот», которые могли усложнить или стать препятствием для покупателя во владении вновь приобретенной землей, проясняются из следующего варианта формулы: «А в очищение яз, Яков Наумов сын, той земле и в отводе. А где в закупе или в подписе, ино мне Якову своимъ деньгами оцыщати»¹⁵⁵. В него в качестве двух основных конструктивных элементов входят обязательства продавца, во-первых, отчуждать имущество, только незадолженное, во-вторых, погасить самому долги, если они будут предъявлены. Обычно эти элементы следовали непосредственно друг за другом¹⁵⁶.

Но иногда они могли быть отделены один от другого какой-нибудь статьей общего формуляра грамоты, как, например: «А в отводе и в оцыщение той деревни яз со всем без вывода, яз, Нечай, ото всяких хлопотов. А взял есми яз, Нечай, на той своей деревне... у Ортемья шесть рублей денег, а пополнок в тех же деньгах. А у кого та моя деревня... в закупе или в подписях или в каких хлопотех ни буди, ино мне, Нечаю, выкупать и оцещать своими деньгами и отвести Артемью с чиста пути, а в том Артемью убытка ни привести»¹⁵⁷. Оба эти элемента употреблялись и как самостоятельные конструкции разной степени подробности. О первой: «А в отводе и в очищение...» — говорилось уже выше. Вторая выражена в виде условия: «А буде... у кого... и мне...», «А буде[т] та земля... у кого... ино...» — и встречается наиболее часто. Именно эта конструкция перечисляет те требования, результатом которых были «выкуп и очистка». Это либо закуп, либо подпись, как мы видели уже, либо заклад, причем каждое из условий, имея самостоятельное значение, упоминается, как правило, не в отдельности, а в разных сочетаниях друг с другом: «А буди та полддеревни в закупе или в закладе и в каких писмянных крепостех ни есть...», «А буде где моя деревня...штина... у кого в

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626, № 45–I. Л. 62, 135.

¹⁵⁵ Там же, № 45–II. Л. 6-а.

¹⁵⁶ Там же, № 45–I. Л. 59, 63, 64, 105, 146; № 45–II, Л. 8, 65, 77; 1646, № 113. Л. 60; Ф. 1161. Оп. 1. № 1. Л. 4.

¹⁵⁷ Там же, Ф. 141. Оп. 1. 1626, № 45–I. Л. 87.

закупе или в подписе и в кабальных подписках, и мне...», «а у кого то поле в закупе или в подписе...»¹⁵⁸. Порой продавец поясняет, что провел бы названные операции с землей сам: «А у кого будут та полдеревни... и все угоды в закупе или в подписе или в закладе, [будет] где яз... заложил и подписал»¹⁵⁹.

Отдельные формулировки несколько отличаются от стереотипной и раскрывают существо действий, обозначаемых глаголами «заложил», «подписал». Земля могла быть кому-нибудь «подписана» или «заложена» в кабале или в купчей или «в купчих и в кабаках и в записях или в каких крепостях ни буди»¹⁶⁰. Сопутствующий этому элемент — «в каких крепостях ни буди», полагаем, мог иметь в виду меновную, данную (в приданое), может быть, отступную грамоты, но такие виды распоряжения были менее распространены, чем купля-продажа. Причем норма предполагает, что заклад или другая сделка не может совершаться одновременно с той сделкой, которую оформляет данная конкретная купчая, а только предваряя ее. И хотя одновременность сделок, казалось бы, разумелась, однако в актах встречаются прямые подтверждения этому. Так: «А буде мои те пожни у кого прежде сего — в закупе или в подписе, и мне...» или еще определеннее: «А у кого та четверть деревни... опричь сея купчие в закупе или в подписе или в письменных крепостях и мне...»¹⁶¹.

Отступления от шаблона формулы сравнительно редки, но всякий раз они дают новые дополнительные сведения. Интересно начало следующей формулировки: «А хто в ту половину деревни... учнет вступаться по закладным и по подписным кабакам и по каким крепостем ни буди, и мне...»¹⁶² — тем, что в ней действующее лицо не продавец, а некто, когда-то приобретший землю и имевший на нее документы, и потому — основание не только претендовать на землю, представив их, но требовать ее во владение и «искать» в случае осложнения в судебном порядке (это-то и были те «хлопоты», которых стремился избежать приобретатель земли). Несколько в ином виде, но говорит по существу о том же вариант нормы: «А [кто] на их ту половину деревни и на пожни

положить купчие или кабады закупные, и мне...»¹⁶³. Положить, т. е. предъявить имевшиеся поземельные акты, кто-либо мог владельцу земли, но чаще, по-видимому, их приходилось предъявлять при возникающем споре о земле в местных или центральных учреждениях¹⁶⁴. Подтверждает правильность наблюдения купчая 1598/99 г. на пожню в Окологородной вол., которая на несколько лет ранее была заложена теперешнему покупателю: «А прежде сего во сто первом [1592] году ноября в первый на десять день тот же луг заложен был у того Ивана [покупателя] в пятидесят рублех, а за рост пожню косил». Но продавец все-таки продал заложенное угодье, которое служило обеспечением займа, третьему лицу: «И яз... продал тот луг, пожню... мимо Ивановой закладной кабады». После чего Иван «по своей закладной кабаде искал на мне [продавце] у Соли Вычегодские перед приказным человеком перед Иваном Сабуровым. А Иван Сабуров тот судной список прислал в Москве, в четверть государева царя и великого князя Бориса Федоровича всея Руси дияка Семейки Сумарокова». Спор был решен в пользу покупателя Ивана Быкова, которому «велели тою пожнею... владети... попрежнему по закладной кабаде», а продавцу «с приговору велели... ему дать купчую», что продавец и сделал, «выняв» старую закладную кабалу¹⁶⁵.

Наряду с разбираемой нормой в одной из ее рассмотренных формулировок купчие порой содержат указания на угоды, бывшие к моменту продажи в закладе. Характеристика продаваемого участка как комплекса пашен и других угодий очень обстоятельна, она группируется вокруг или ее завершает хорошо знакомая исследователям фраза: «что к той деревне исстари потягло». Упомянув все составляющие отчуждаемого земельного комплекса, продавец далее называет угоды, которые были заложены: «А что наволочки есть... в закупе в двою рублех...у», «А что у тое деревни пожни заложено в двою рублех у...», «А что в закладе пожня... у... половина мой жеребей в дватцети алтынех...», «Что полпоженки Побережья в закладе... в четырех гривнах...»¹⁶⁶. Прямого указания на продажу этих вместе со всей «деревней» заложенных угодий акты не содержат. Но, по-видимому, дело обстояло именно таким образом. Выкупать же их должен не продавец, а покупа-

¹⁵⁸ Там же. 1646. № 113. Л. 1. 25.

¹⁵⁹ Там же. 1626. 45-11. Л. 26, 27.

¹⁶⁰ Там же. 1646. № 113. Л. 50; 1526-1623. № 1. Л. 66.

¹⁶¹ Там же. 1592-1622. № 3. Л. 9, 24, 26, 52, 56; 1626. № 45-1. Л. 101; 1646. № 1. Л. 32, 40, 49.

¹⁶² Там же. 1592-1622. № 3. Л. 45-46.

¹⁶³ Там же. 1626. № 45-11. Л. 63.

¹⁶⁴ См., напр.: Там же. 1630. № 85. Л. 4-8.

¹⁶⁵ Там же. 1526-1623. № 1. Л. 3.

¹⁶⁶ Там же. 1592-1622. № 3. Л. 5, 25, 29, 71, 81, 83, 84, 104; 1627. № 81. Л. 22.

тель участка «своими деньгами», причем если угодья ему «понадобятся». «А что в закладе пожня... и понадобится Степану [покупателю]... и ему выкупать своими деньгами», «Что полпоженки... в закладе... и буде понадобится Осипу [покупателю], и ему выкупать своими деньгами мимо продавцу Саву, да половина логу... и ему Осипу выкупать своими деньгами».

Интересно, что на деревню, часть угодий которой заложена, несколько раз могли совершить сделку. Так, в 1623 г. в Уечской вол. крестьянин продавал треть деревни Волоченки с пожней, заложенной «еще до моего владенья...»¹⁶⁷. Подчеркнем, что это указание и условие выкупа заложенного угодья сочетается с имеющейся в акте нормой о чистоте сделки. Казалось бы, налицо противоречие. Продавец обязуется очистить свою землю от всевозможных обязательств и в то же время предлагает заложенное угодье выкупить приобретателю своей земли. Но внесенная в одном случае в норму об «очищении» земли оговорка несколько проясняет дело: «А где будет ся деревня в закупе или подпие и в каких крепостях ни буди, опричь закладных пожен, и выкупать Ивану [продавцу] своими деньгами». По-видимому, обеспечивая чистоту сделки, продавец заложенные незадолго до продажи части деревни (причем непахотную землю), которые он не надеялся выкупить или отчетливо понимал, что не сможет выкупить, отчуждал вместе со всей землей и вместе с землей отчуждал свое право выкупа, передавая его покупателю как будущему владельцу земли. Следовательно, норма актов об «очищении» земли служила для приобретателя гарантией стабильности его владения.

Таким образом, распорядительные акты, кроме конкретного их содержания, свидетельствуют о реальных имущественных отношениях, бытовавших среди крестьян. Эти разнообразные отношения регулировались традиционными нормами, которые служили незыблемым правилом при заключении любой сделки и обеспечивали права приобретателю земли. Отдельные нормы, в частности обоснование права владения, концентрировали совокупность поступательно совершаемых актов распоряжения на участок земли.

Заклад земли

Тесно связана с куплей-продажей другая поземельная сделка, а именно заклад земли, распространенная гораздо менее первой. Напомню, что в Сольвычегодском у. на долю закладных пришлось 6% (при 60% купчих). По данным А. И. Копанева, в Подвинье закладные составляли в XVI в. 4%, а в XVII в. 23%¹⁶⁸. Связь между двумя видами сделок — непосредственная, она обусловлена тем, что неисполнение заемного обязательства закладчиком земли вело к превращению залога в продажу. Заклад как вид распорядительной сделки находится в области кредитных отношений.

Такие отношения существовали, естественно, не только между лицами, стоявшими на разных ступенях социальной лестницы (феодал — крестьянин), а возникали между людьми одного социального статуса (между крестьянами или между крестьянином и посадским). А. Г. Маньков верно отметил, что «...ростовщичество не имело сословных границ — давать деньги в долг под проценты или по «записи за рост служить» могли и представители непривилегированных сословий, в равной мере пользуясь правовыми следствиями таких операций»¹⁶⁹. Пристальное внимание уделил закладу Н. Н. Покровский, в том числе совершаемому двинскими крестьянами в XV–XVI вв. Он согласился с Л. В. Черепниным относительно подразделения закладных грамот на два типа: содержащий указание на право кредитора пользоваться заложенной недвижимостью и с отсутствием такого указания. Разбирая конкретные закладные грамоты, Н. Н. Покровский говорит об условности грани между типами грамот и приводит случаи оформления закладной только займа (незаплативший долг должник пользуется землей, а кредитор получает «рост» в 20%), а также долгосрочного или бессрочного условного владения кредитором заложенной землей. Характерной же особенностью крестьянских закладных ученый считает то, что «крестьяне-должники остаются на срок залога владельцами заложенной недвижимости»¹⁷⁰.

Ясно, что заемные сделки, результатом которых был долг одного из контрагентов, издавна бытовали среди крестьян и обеспечивались залогом, закладом. Между сделками купли-продажи и залога была двусторонняя связь. Заклад не только перетекал в продажу, но и покупка земли нередко имела в виду заложенные

¹⁶⁷ Там же. 1592–1622, № 3. Л. 127.

¹⁶⁸ Копанев А. И. Крестьянство в XVI в. С. 14; он же. Крестьяне в XVII в. С. 24.

¹⁶⁹ Маньков А. Г. Указ. соч. С. 127.

¹⁷⁰ Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 63–65, 69–70.

угодья. Они упоминались в составе норм о выкупе или «очищении» земли.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что норма об «очищении» земли различает закуп от заклада, употребляя оба термина через союз или: «А буде та полдеревни в закупе или в закладе...», тем самым показывая их нетождественность. Наряду с таким сочетанием элементов в формуле встречается и другое: «А у кого та деревня в закупе или в подписе...». Подпись идентична кабале. Выше было сказано о том, что землю подписывали в кабале. На нее давали также «подписную кабалу» — «...у кого будет в закупе или в подписных кабалах...»¹⁷¹. Встречаются выражения типа: «... в закладе подписана...». Выстраивается терминологический ряд: «подписать в кабале» — «подписная кабала» — «подпись», понятия которого означают одно действие, а именно оформление на землю закладной кабалы или заклада. Таким образом, подпись нужно понимать как заклад. Он и закуп были основными актами, оформлявшими ссудно-долговые операции, как вытекает из анализируемой нормы.

Термин «закуп», как известно, древний, восходящий ко временам Русской Правды, он связан также с займом денег. Останавливаясь на закупничестве как форме личной зависимости, которая возникла из долговых отношений, не входит в задачу данной работы, тем более, что она получила освещение в литературе¹⁷². Однако заметим, что действие, обозначаемое термином «закуп», продолжает существовать в XVII в., вероятно, изменив к этому времени свое содержание.

П. И. Беляев, говоря о закупничестве как ослабленной форме холопства с «самопродажей в основании», вскользь заметил, что «закон смотрел на закупа как нерасплатившегося должника...»¹⁷³, т. е. не сумевшего вовремя погасить свой долг. Более определенно высказался о закупе С. Б. Веселовский, хотя он жестко не разграничивает закуп и заклад. Он писал, что «большинство закладных XV–XVI вв. состоит из таких, по которым кредитор «за рост», т. е. вместо получения денежного роста становился держателем земли, большею частью бессрочным»¹⁷⁴. Закуп он связывал

со сроком, вернее, с бессрочностью. Он считал, что «... держание земель в закупе... препятствовало интенсификации сельского хозяйства, так как бессрочное держание земли вносило в экономические отношения некоторую неопределенность». Поземельный кредит развивался, по его мнению, в направлении «личного кредита и срочных закладов за счет бессрочных закупов»¹⁷⁵. Следовательно, учитывая наблюдения С. Б. Веселовского, нужно признать, что крестьянские купчие и в XVII в. различали заклад и закуп, и это различие крылось в сроке или бессрочности заложенного в обеспечение займа имущества. Но приведем еще одно высказывание С. Б. Веселовского, представляющее интерес в связи с затронутым вопросом: «Когда впервые были запрещены бессрочные залоги земель — это предстоит еще исследовать; во всяком случае, во второй половине XVII в. бессрочные заклады выходят из практики, и самый термин «закуп» и закупное держание земли перестают встречаться в источниках»¹⁷⁶. Как видим, поставленная исследователем 50 лет тому назад задача остается актуальной, а решение ее кажется возможным на основе изучения комплекса самих закладных на феодальные и крестьянские владения.

Очевидно также, что необходим понятийно-терминологический анализ актов (в частности, купли-подачи, закладных) на протяжении длительного времени, с XV по XVII в., чтобы полнее уяснить меняющееся содержание их формул в условиях бытования феодального государственного права.

Рассматриваемые закладные грамоты (их 25 и 2 поступные) равномерно распределяются по годам первой половины XVII в. Кроме них, обстоятельства заклада излагаются в составе челобитных (таких 5), а заложенные угодья упоминаются в купчих (таких 10).

По своему формуляру закладные грамоты очень близки к купчим. Так же как и в последних, в закладных названы крестьяне-контрагенты, указан объект сделки и перечислены все угодья, сказано, на каком основании (по наследству, по купле, разделу и т. д.) крестьянин владел участком, оговорены условия очищения закладываемой земли от возможных долгов, а также переход к приобретателю государственных налогов и мирских платежей вместе с землей.

Но закладная, естественно, имеет элементы, придающие ей самостоятельность как документальному акту. И прежде всего, указание начальной клаузулы о виде сделки: «Се яз... занял есми

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1592–1622. № 3. Л. 41, 48, 127; 1626. № 45–1. Л. 87; 1646. № 113. Л. 1.

¹⁷² См.: Черепнин Л. В. Спорные вопросы... // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. С. 185–186.

¹⁷³ Беляев П. Заем и заклад по древнерусскому праву // Русский исторический журнал. Кн. 7. Пг., 1921. С. 65–66.

¹⁷⁴ Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 69.

¹⁷⁵ Там же. С. 72.

¹⁷⁶ Там же.

у...», которое ставит на первое место заемную операцию, чаще всего с обозначением ее срока. Заклад, обеспечивавший заем и давший название виду сделки, находится на втором плане, затенен займом. Само действие залога выражено в актах словами «заложил и подписал». Затем документ содержит правило, по которому в случае неуплаты долга заемщик терял свое имущество и оно переходило к кредитору: «А будет яз... на тот срок не заплачу ему (кредитору) денег..., ся подписная кабала — купчая и отводная грамота»¹⁷⁷. Выражение «купчая и отводная» показывает, что приобретатель вступал во владение получаемой землей и ознакомлен с границами участка.

Следовательно, в закладной соединены два действия: заем денег одним из контрагентов сделки и залог имущества под занятые деньги. Заем выражает договорные отношения между вступающими в сделку крестьянами, сама же сделка по существу своему обменная, когда совершился обмен денег на пользование имуществом (на определенный срок). Причина залога коренилась в займе и ссуде, а суть выражалась в реальном обеспечении обязательства.

Заемно-закладная сделка «служила целям кредита, но средствами вещного права»¹⁷⁸. В качестве залога, как правило, выступала земля, пахотная или сенокосная, или деревня, как целый хозяйственный комплекс. Крестьяне занимали обычно деньги, лишь в одной закладной, правда 1542/43 г., предмет займа «плот дров сосновых»¹⁷⁹. Занимали также и зерно. Все имеющиеся в распоряжении закладные указывают срок, на который крестьяне берут деньги в долг. Этот срок не превышал года, но был и короче (1–3 месяца, полгода).

Почти все закладные (за исключением одной) говорят о беспроцентном займе — «без роста». Видимо, отсутствие ростовщического процента можно считать характерной чертой займов среди крестьян. Естественно, что нуждающиеся брали ссуды у наиболее обеспеченных крестьян, но повод для займа возникал в любом крестьянском хозяйстве. Можно предположить, что займы без роста были этическим правилом в крестьянской среде, обычаем, нормой. Во всяком случае, такого рода заемно-ссудные операции бытовали между крестьянами — непосредственными владельцами земли и отражали определенную (бескабальную) сторону их взаимоотношений.

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1646. № 113. Л. 34.

¹⁷⁸ Беляев П. Указ. соч. С. 70.

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626. № 52. Л. 7.

Залог имущества при займе был для кредитора порукой и обеспечением, как уже упоминалось, занятых имуществ. Просрочка займа, неуплата его в срок, оговоренный в закладной, имела следствием для крестьянина-заемщика утрату имущественного залога. Наблюдения Н. Н. Покровского о том, что «крестьянское хозяйство не могло существовать, если крестьянин передавал кредитору право пользования своей землей на срок залога...»¹⁸⁰, действительно и для межкрестьянских отношений XVII в. По рассматриваемым закладным крестьянин-должник, так же как и в XVI в., вел хозяйство на земле, которая шла в обеспечение займа. Закладная предусматривала, что уплата долга в срок ликвидирует заемное обязательство и сам заклад, и вместе с ним прекращается притязание кредитора на заложенное имущество.

Если крестьянин не уплачивал свой долг до истечения срока, оговоренного в закладной, то залоговое имущество переходило во владение кредитора в соответствии с вышеупомянутой формулой: «ся кабала — купчая и отводная». Предусматривая такой исход сделки, закладная кабала, равно как и купчая, имела норму о полном отчуждении хозяйственных угодий — «впрок без выкупа», «со всем без вывода». Она находится либо при описании отчуждаемых угодий деревни: «А подписали... в тех деньгах полдеревни... со всем без вывода и з двором своим и с дворовыми хормы... и с полми и с пожнями и со всеми угодьями...»¹⁸¹, или может быть включена в фразу о переходе деревни кредитору: «А не заплачу есми...ему по сей кабале денег на тот срок..., ино на ту мою четверть деревни... с санными покосы ся кабала — купчая и отводная грамота со всем без вывода и без выкупа, чем яз... сам владел... по даной и по закладной»¹⁸². Эта норма гарантировала кредитору, так же как и покупателю, владельческие права на приобретенную по сделке землю. Она давала приобретателю возможность вести на этой земле прочное хозяйство, не опасаясь того, что в любое время родственники закладчика могут претендовать на нее. Закладные грамоты предоставляли кредитору-покупателю право такого полного владения с вытекающими из него последующим распоряжением: «И вольно ему... после того сроку той штиною деревни... самому владеть всякими угодьями и на сторону продать и заложить безпенно», или: «И после сроку

¹⁸⁰ Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 70.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628. № 24. Л. 8; 1627. № 81. Л. 20; Ф. 1161. Оп. 1. № 9. Л. 1; № 11. 13.

¹⁸² Там же. 1646. № 113. Л. 2.

вольно владеть и продавать и не вступатца мне [закладчику]... в тот свой осмой жеребей после сроку никак никоторыми делы»¹⁸³.

Интересна закладная от 1630/31 г. крестьянина Ратмировской вол. Безсона Иванова сына Фадеева. Она содержит норму «впрок без выкупа», имеет сопровождающую ее формулу о последующем свободном владении землей. По истечении срока, который приходился на Николин день осенний (6 декабря ст. ст.), кредитор (им в данном случае был посадский человек) 23 декабря «подал» земским властям Ратмировской вол. закладную кабалу на Безсона Фадеева. «И Безсон, кабалу выслушав, сказал: мне-де до деревни дела нет и податей яз за тое деревню... не плачу, отдал яз деревню по закладной Девятому и подати платить ему ж, Девятому, на нынешней 141-й год во всякие мирские розметы»¹⁸⁴. В закладной была опущена норма о полноте отчуждения, и общинные власти сочли необходимым дать кредитору дополнительный документ — «отпорную записку», — которым зайщик подтвердил отказ от своей бывшей земли и вступление кредитора в обладание ею, причем вместе с землей кредитор принимал и подати, приходящиеся на нее. Возможно, такого рода документы появлялись при возникновении конфликта, для разрешения которого приходилось обращаться к общинным властям.

Возвращение закладчиком долга кредитору не прерывало сделку автоматически. Так как в закладной соединены, как уже говорилось, два действия — заем и заклад, то уплата долга сопровождалась выкупом имущества. Можно выделить как бы этапы в кредитной сделке: первый — заем и залог, а второй — возврат ссуды и выкуп залога. Заклад при невыполнении обязательства переходил в куплю-продажу, что отразил документальный акт в соответствующей форме. По-видимому, во многих случаях он превращался в продажу, но нельзя считать, что так происходило в подавляющем их большинстве. Зайщики выкупали заложенные угодья, правда, свидетельства об этом редки. Так, в 1600 г. три брата Шмаковых выкупили также у трех братьев Лубниных 2 жеребья пожни на 50 копен сена «к своему печищу». В 1584 г. крестьянин Михайло Федоров сын Басанов продал полдеревни Ушаковские, за исключением «полпожни на Усть-Валгине, что есми выкупил яз, Михайле, выкупил ту полпожни своими деньгами»¹⁸⁵. Считать, что здесь речь идет о выкупе заложенных угодий,

позволяет, во-первых, фраза о выкупе «своими деньгами». Она созвучна норме купчих об очищении продаваемой земли от возможных долгов («А буде та деревня в закупе или в подписе и мне... очищать своими деньгами, а очистя отвести... с чиста пути»). Во-вторых, свидетельства купчих, поясняющие, что среди продаваемых угодий имелись уже заложённые к моменту данной продажи. «А что пожни тое ж полудеревне в закладных кабалах и у Фомы Детка в рубле, у Омельяна Зобни в семи гривнах, и те пожни выкупать купцу Сидору своими деньгами»¹⁸⁶. Такого рода свидетельство выражается и в несколько иной форме: «А что наволочки есть у Сергия Власова в закупе в двою рублях тое же деревни, и понадобятся те наволочки купцу Лариону, и те наволочки выкупати Лариону своими деньгами»¹⁸⁷. Следовательно, отчуждение земельных угодий происходило вместе с теми, которые находились в закладе, а выкупать их должен был приобретатель земли.

Правда, из этих свидетельств в купчих (а таких 11) неясно, какого рода был заклад — на срок или бессрочный. Следующий текст одной из купчих: «А что в закладе потписана у... еще до моего владения треть пожни... да треть пожни..., и понадобятся купцу Моторному... и ему выкупать...»¹⁸⁸, — можно понять как говорящий о бессрочном закладе. Ведь продавец в свое время приобрел землю с уже находившимися в закладе сенокосными угодьями, не выкупил их и, продавая сам деревню, передавал покупателю право на выкуп этих, заложенных кем-то до него, угодий. Вряд ли переход земли в третьи руки произошел в течение сравнительно короткого срока залога, который не превышал, как было сказано выше, года. Скорее всего в данном случае — бессрочный заклад или закуп. Такой вид закладной сделки давал возможность зайщику длительное время не возвращать долг, а кредитору пользоваться угодьями.

Вероятно, о выкупе именно подобных, заложенных без срока, земель, и ходатайствовали крестьяне перед писцами И. С. Благово и В. Архиповым, описывавшими Сольвычегодский у. в 1625/26 г. Писцы сообщали в Устюжскую четверть, что им «приносят старые закладные и духовные лет за сорок, и за пятьдесят, и за семьдесят и больши, а у иных отцы и дядья закладывали»¹⁸⁹. Характерно, что писцы называют два вида представляемых крестьянами доку-

¹⁸³ Там же. Л. 34, 44.

¹⁸⁴ Там же. Л. 27–28.

¹⁸⁵ Там же. 1526–1623, № 1. Л. 28; 1592–1622, № 3. Л. 48.

¹⁸⁶ Там же. 1592–1622, № 3. Л. 41.

¹⁸⁷ Там же. Л. 71.

¹⁸⁸ Там же. Л. 127.

¹⁸⁹ Там же. 1626, № 1. Л. 21, 29.

ментов: закладные кабалы и духовные завещания, но не купчие. А. И. Копанев верно заметил, что в приговоре писцам Сольвычегодского у. из Устюжской четверти от 11 сентября 1625 г. «речь идет о выкупе заложенных земель, а не проданных»¹⁹⁰. Закладные, о которых шла речь в приговоре 1625 г., вероятнее всего были бессрочными и отражали более ранний тип заемно-кредитных отношений, а именно закуп, ведь предъявляемые закладные акты восходили к середине — последней четверти XVI в.

Таким образом, закладные сделки, совершаемые крестьянами, убедили в том, что они в основном занимали деньги на определенный срок и, по-видимому, реже — без срока. Закладные акты, так же как и купчие, отражали реальные имущественные отношения, в которые вступали крестьяне в повседневной хозяйственной жизни, а заклад был способом поддержания экономического уровня крестьянского хозяйства. Кредитно-заемные сделки отчетливо проявляют имущественное неравенство крестьян.

При изучении поземельных сделок черносошных крестьян XVII в. было обнаружено существование нескольких постоянно действующих связей: во-первых, земли и вложенного в нее несколькими поколениями крестьянской семьи труда, во-вторых, земли и государственного тягла. Акты поземельных сделок подчеркивают не только тесноту этих связей, но и их неразрывность, обоюдность. Взаимосвязь земли и тягла проявлялась настолько тесно, что можно говорить об их слитности.

При обращении земли сменялись держатели участков. Новые владельцы вместе с землей принимали на себя и тяглые обязательства по приобретенному участку. Если тягло и поступление налогов не прерывались, то государственным администраторам было безразлично, какой именно крестьянин держал и обрабатывал тот или иной участок. Тем более, что сделки совершались внутри общины-волости, и именно такое положение было преобладающим. Конечно, земли приобретались крестьянами смежных волостей, особенно при имевшейся чересполосности угодий, однако такие сделки происходили также в рамках соседских связей.

Хорошо известны по литературе факты обзаведения посадскими людьми земельными участками в сельской местности уезда, по преимуществу в Окологородных волостях. Связь сельской территории с городом при тогдашних средствах коммуникации шла

по концентрическим кругам, чем удаленнее сельские поселения от центра уезда, тем она слабее. При господстве аграрного окружения торгово-промышленные занятия посадского населения сочетались с земледельческими и животноводческими. Большинство городских жителей (во всяком случае, тяглоспособных) имело пахотные, сенокосные угодья, в чем убеждает всякая писцовая книга по любому из поморских городов.

Присмотревшись внимательнее к устюжанину, тотмичу или сольвычегодцу, обнаружим в его социальном облике черты, напоминающие его сельского собрата — крестьянина. Посадская земля, участки которой возделывали горожане, находилась в общем владении посадской общины. Каждый дворохозяин наследственно-потомственно владел дворовыми землями и распоряжался ими (наследовал, продавал, закладывал, обменивал). Другими словами, поземельные отношения в уезде и на посаде по своей коренной сути одинаковы, что облегчало приобретение земли посадскими в уезде, а отдельными торгующими крестьянами на посаде.

Именно принадлежность посадской и сельской земли на Севере к одной форме собственности — государственной создавала благоприятные условия для приобретения горожанами угодий в уезде. Подгородные волости содержат немало тому примеров. Возникает вопрос, что же толкало посадских людей к этому? И самый факт выхода горожан в сельскую местность также требует своего осмысления. Во всяком случае, имеется повод для размышления о характере российского города, его региональных особенностях.

Землевладение посадских людей в деревнях знаменательно само по себе, во-первых. Во-вторых, существовала сравнительная незатрудненность проникновения горожан в сельские общины. В-третьих, в силу имевшегося порядка нести тяглые обязательства, «лежавшие» на деревенском участке, горожанин как бы включался в сельскую общину. Его социальный статус оказывался двойственным: он владел участком посадской и одновременно деревенской земли, он член посадской общины и инкорпорирован в сельскую. Такую двойственность посадского землевладения в волостях хорошо ощущала сельская община, стремясь исторгнуть подобного владельца. Да и посадский, тем более зажиточный, старался обособить свои поземельные обязательства в деревне от сельской общины, добиваясь у государственной администрации разрешения на уплату налогов и податей «особь статьей». Противоречивость устремлений посадских землевладельцев в деревнях и самих сель-

¹⁹⁰ Копанев А. И. Крестьянство в XVI в. С. 47.

ских общин создавала ситуации, приводившие к социальной напряженности.

Мало сказать, что перелив землевладельцев с посада в уезд и обратно на посад (я не имею в виду крестьянский отход в город) говорит о тесной связи северного города и уезда. Ее сила свидетельствует, что город, и это главное, что необходимо подчеркнуть, еще не выделился из сельской округи. Подтверждение состоит в том, что правительство считало северный город и уезд целостным подразделением, они составляли нераздельный, единый податной округ.

Достаточно широко распространенное обращение земли между крестьянами говорит о развитости товарно-денежных отношений в регионе. В свое время сторонники генезиса буржуазных отношений в XVII в. придавали большое значение фактам отчуждения земли черносошными крестьянами и посадскими Поморья. Доказывая социальное расслоение среди них, Н. В. Устюгов и его последователи веским аргументом считали разорение крестьян, забрасывание ими своих участков и уход в поисках заработка на новые места — в восточные уезды Поморья, Зауралье, Сибирь. Причину этого ученые видели в непосильности государственных повинностей и налогов, а также в имевшейся возможности отчуждать земельные участки¹⁹¹. С точкой зрения о тяжести и увеличении в течение XVII в. фискального гнета в Поморье нельзя не согласиться. Вопрос о числе жителей, порывавших со своим хозяйством и покидавших уезды Поморья в поисках работы, нуждается в корректировании. Как правило, об отрыве крестьян и посадских людей от своих занятий исследователи судили по числу мигрантов, нашедших работу в новых местах¹⁹². Подобные подсчеты, безусловно, правомерны. Они показывают число мигрантов, происходивших из какого-либо поморского уезда и осевших в том или ином городе, уезде. Ограничиться только такими подсчетами, пожалуй, недостаточно, чтобы на их основании судить об обезземелении и интенсивности отрыва крестьян от своих хозяйств. Дополнительно необходимо определить, каково число людей, оторвавшихся от своих хозяйств в каком-либо из поморских уездов,

¹⁹¹ Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность. С. 148, 190–191; ИСССР. 1961, № 6. С. 61–62, 79.

¹⁹² Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность. С. 188; Черяков В. П. Миграция населения в Русском государстве в XVII — первой четверти XVIII в. // Материалы по истории Европейского севера СССР. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 100; Преображенский А. А. Указ. соч. С. 112–115; Табл. 2, 3, 4; Колесников П. А. Северная деревня. С. 243–247.

по отношению ко всему населению данного уезда. Такой подсчет в сочетании с обычно применяемыми, позволит адекватно судить о процессах, протекавших в уездах выхода поморских жителей. Правда, на этом пути исследователя ждут затруднения. Они заключаются в неполной сопоставимости цифровых данных, которая проистекает, во-первых, из разного целевого назначения материалов, учитывавших население (напр., переписная книга какого-то города, фиксировавшая пришлых людей; записи таможенных книг; перепись населения 1646 или 1678 гг.); во-вторых, из-за их асинхронности.

Исследователи единодушны во мнении о Сибири как основном направлении оттока поморского населения в XVII в. и об его усилении в последней четверти столетия. Попытаемся представить, насколько обезлюдели поморские уезды за счет сходцев из Поморья в Сибирь в конце XVII в. Воспользуемся данными и методикой подсчета, которые привел и применил Я. Е. Водарский¹⁹³. Он исчислил население Сибири на конец XVII в. в 40 тыс. чел. м. п., а естественный прирост — в 25%, или 10 тыс. чел. Тогда, за вычетом прироста, население составит 30 тыс. Ученый принял точку зрения В. И. Шункова, что 80% сибирских переселенцев происходило из поморских уездов. От 30 тыс. 80% составит 24 тыс. Во всем Поморье (с включением в него Камско-Чердынского района) в конце XVII в. насчитывалось около 500 тыс. чел. м. п. Тогда покинувших Поморье и отправившихся в Сибирь по отношению ко всему населению Поморья будет около 5%. По подсчету Я. Е. Водарского, с 1678 по 1719 г., т. е. за 40 лет, из Поморья пришло в Сибирь около 50 тыс. чел. м. п., или около 9% от 550 тыс. поморских жителей¹⁹⁴. При относительности полученных подсчетов все же ясно, что существовавший отток населения из Поморья (до последней четверти XVII в.) сравнительно незначителен (5 чел. на 100 чел. м. п.). Он был весом для механического прироста населения в колонизируемых районах северного Урала и Сибири, составлял важный компонент в формировании постоянного населения этих регионов. Размер оттока свидетельствует, что население Поморья, крестьянское по преимуществу, в подавляющей своей части не отрывалось от земли.

¹⁹³ Водарский Я. Е. Население русского Севера в конце XVII — первой четверти XVIII в. // Материалы по истории Европейского севера СССР. Вып. III. Вологда, 1973. С. 173, 174, 176.

¹⁹⁴ Там же.

Совершение крестьянами поземельных сделок говорит об имущественной дифференциации среди них, особенно заметной в волостях, близлежащих к городам. К продаже земли вынуждали и необходимость иметь средства для уплаты государственных налогов. Оскудение крестьянского хозяйства не обязательно сопровождалось полным разрывом социальных связей. «Охудававший» крестьянин переходил в половники, снижая тем самым свое социальное положение. Но вряд ли, при активном обращении земель все продавцы оставались ни с чем. Своеобразие землепользования северной деревни с разбросанностью, лоскутностью участков позволяло крестьянину при неблагоприятных для него обстоятельствах продавать не всю землю, которой он владел, а какую-то ее часть. Оставшуюся землю, соответствовавшую на данный момент хозяйственным возможностям, крестьянин обрабатывал, неся соответственно меньшее, чем прежде, тягло. Через некоторое время он мог поправить свое положение и приобрести дополнительно к имевшемуся еще участок, приняв на себя и тягло-налоговые платежи по нему.

Сделки регулировали экономическое состояние крестьянских хозяйств, поддерживали уровень их тяглоспособности. Не случайно в Сибири, куда поморские переселенцы принесли хозяйственные и бытовые традиции, получила широкое распространение сдача тягла новоприходцам с материальной компенсацией¹⁹⁵. Этот вид распоряжения не есть прямая купля-продажа земли, но близкая к ней сделка. Она вызвана к жизни сибирскими условиями — постоянно шедшим в XVII в. сельскохозяйственным освоением земли и притоком населения, дававшими возможность и старо- и новопоселенцам вести земледельческое хозяйство в соответствии с их экономической силой.

Из нескольких видов распоряжения (купли-продажи, залога, обмена) крестьяне предпочитали один: черносочные русского Севера — куплю-продажу, а «государевы» Сибири — сдачу тягла. Учитывая, что сдача тягла сопровождалась имущественно-материальной компенсацией, можно считать последнюю некоей разновидностью купли-продажи.

Оценивая в целом имущественно-поземельные отношения черносочных крестьян в XVII в., важно подчеркнуть следующее. Крестьяне в качестве держателей земли обладали объемными пра-

вами, сочетавшими семейно-наследственное владение и индивидуально-подворное пользование участками, с распоряжением ими. Обращение земли между крестьянами шло в рамках существовавшего экономического порядка. Сделки с землей (завещание, купля-продажа, залог, обмен) не могут затушевывать того, что крестьяне, платившие поземельный налог, подвергались государственно-централизованной эксплуатации. Следовательно, черносочные крестьяне — владельцы своих земель, наиболее полно претворявшие в жизнь свои имущественные права.

¹⁹⁵ Александров В. А. Особенности феодального порядка в Сибири XVII в. // Вопросы истории. 1973. № 3. С. 50–52; Власова И. В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII–XVIII вв. М., 1984. С. 116–119.

ГЛАВА 3

ВНЕТЯГЛЫЕ СПОСОБЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ ЗЕМЛИ

В имущественные отношения, о которых шла речь в предыдущей главе, крестьяне вступали по поводу земли тяглой. При владении ею имела место долговременная связь крестьянина с землей, перетекающая почти в постоянную. И в этом смысле о тяглых землях можно говорить как о стабильном массиве, ибо временный разрыв крестьянина с землей не изменял ее тяглого характера. Однако землепользование крестьян не исчерпывалось только тяглыми угодьями. В их руках находились земли краткосрочного, в сравнении с тяглым, держания.

Таковыми были угодья, отдававшиеся на льготу, срок пользования которыми был четко ограничен во времени, а сами они зачастую принадлежали к массиву тяглых земель. Льгота от налогов для них служила мерой их земледельческого восстановления или первичного введения в сельское хозяйство.

Наряду с льготными угодьями существовали земли, которые крестьяне нанимали из оброка, т. е. земли срочного пользования, за фиксированную денежную или натуральную плату. Этот арендный тип эксплуатации земли основывался на договорных отношениях между крестьянином и собственником земли.

Вопрос о предоставлении крестьянам льготы не вызвал в историографии разноречивых оценок, чего нельзя сказать об аренде. Последняя стала предметом довольно оживленного обсуждения в связи с выявлением начал капиталистических отношений в аграрной экономике России XVII в. Однако аренда — универсальная форма землепользования, основанная на договоре и обусловленная

сроком и платой. Ее знают практически все аграрные общества разных временных эпох, а также аграрные секторы индустриальных, вплоть до самых развитых.

Льготное держание земли

Льгота как социально-экономическое явление представляла собой освобождение на определенный срок вводимой в хозяйственную обработку земли от различных налогов и повинностей. Феодал отказывался от их получения на время льготы, пока хозяйство крестьянина не окрепнет настолько, чтобы обеспечивать себя всем необходимым и нести требующиеся платежи.

Вопросу о льготе было уделено внимание в литературе. Б. Д. Греков в своей фундаментальной работе о крестьянах, характеризуя группу «новопорядчиков», коснулся льготы. Он писал, что при ее посредстве землевладелец привлекал «потенциального» крестьянина, временно освобождая его чаще всего только от государственного тягла и реже от частновладельческих повинностей. Ученый полагал, что «крестьянин-льготчик в период своего сидения на льготе заслуживает быть отмеченным как тип со своим особым правовым обликом, хотя и не поддающимся точному определению в рамках римского или капиталистического права»¹.

Л. В. Черепнин, исследуя подъем сельского хозяйства в России в XV в., писал о применении феодалами льготы при распахе крестьянами пустых деревень и участков в них, а также при разработке лесной целины и заведении новых очагов земледелия. Он отмечал, что льготой феодалы побуждали крестьян к развертыванию земледелия, причем как своих, уже давно и прочно живущих в вотчине, так и вновь появляющихся в ней². А. Д. Горский, рассматривая поземельные функции черных и дворцовых волостей, привел случаи предоставления податной льготы крестьянам (на 12–15 лет). Характеризуя повинности, он показал, что старожилы, люди пришлые, окупленные несли одни и те же их виды, а различие между крестьянами проявлялось при «пожаловании

¹ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Кн. 2. М., 1954. С. 181–182.

² Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 167–168, 172–173; см. также: он же. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 231.

владения льготой», когда «наименьшая льгота предоставлялась "старожильцам" ...»³.

Г. Е. Кочин, разбирая вопрос о старожильцах, увидел в податной льготе пришедшим в феодальное владение крестьянам средство привлечения их для восстановления и развертывания хозяйства. Такие крестьяне получали льготу на 7–10 лет, а возвращавшиеся «свои» — на 5 лет. Владетельные князья стремились тем самым «экономически поддержать своих землевладельцев-феодалов», и в этом сказывались, по мнению Г. Е. Кочина, «чисто деловые хозяйственные соображения»⁴. Кстати, В. О. Ключевский считал льготу, да и ссуду, обычной хозяйственной мерой, применявшейся землевладельцами при порядке на пустошь. «Льгота давалась на год, на два и больше и освобождала сьемщика как от государева тягла, казенных податей, так и от господского оброка денежного и хлебного и всякого изделия, либо только от некоторых из этих повинностей»⁵, т. е. была полной или частичной.

На старожильстве, оценивавшемся Б. Д. Грековым, Л. В. Черепнинным, Г. Е. Кочинным как состояние, приводившее к закреплению крестьян, остановился Л. В. Милов. В этой связи он коснулся и условий льготы. Ее срок для старожильцев и новопоселенцев разнился, и сильно. Автор полагает, что в XV в. меньший период льготы говорит о более низком социальном статусе «пришлых старожильцев», а не легких условиях хозяйствования. Сроки льготы даже при одинаковых условиях хозяйствования были отличными для разных новопоселенцев, а наименьшими для «пришлых старожильцев». Л. В. Милов убедился, что льгота при создании массы новых поселений диктовалась стремлением не только привлечь рабочие руки для освоения новых земель, но и «укрепить положение феодалов как полных земельных собственников во имя завершения процесса отчуждения от непосредственного производителя основного условия — земли»⁶.

Специально об актах, льготных или оброчных, оформлявших поземельные отношения между феодалом и крестьянином, писал Н. Н. Покровский. Он кратко охарактеризовал их формуляр, а

³ Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960. С. 153, 171–172.

⁴ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М., Л., 1965. С. 402, 405–406.

⁵ Ключевский В. О. Сочинения. Т. II. М., 1957. С. 301.

⁶ Милов Л. В. О причинах возникновения крепостничества в России // ИСССР. 1985. № 3. С. 185–187.

также содержащиеся в них сведения. «Льготные грамоты фиксируют срок податной льготы, виды повинностей и податей, от которых крестьянин освобождался на срок льготы, и размер податей, которые он должен был платить после окончания льготного срока». Рассматривая, как соотносятся льготные грамоты с другими видами актов, ученый сделал интересное для нашей темы наблюдение о близости льготных и данных грамот, особенно по формуле: «Се яз ... дал есми на льготу (оброк) ...». Такие грамоты порой «называли себя "данными", "данными выписями", хотя по сущности оформлявшейся ими сделки они резко отличаются от обычных данных грамот»⁷. Все приведенные мнения исследователей о льготе как социально-экономическом явлении относятся к XV — первой половине XVI в.

Пережив политические и экономические потрясения первого десятилетия XVII в., страна стала восстанавливать подорванное хозяйство. И в первую очередь возрождалось сельское производство на землях, запустевших в годы «лихолетья». В скорейшем восстановлении именно таких земель были заинтересованы и крестьянин, и феодал. Льгота и в это время продолжала существовать как действенная мера сельскохозяйственного подъема. Ю. В. Готье напрямую связывал разработку пустошей с представлением крестьянам льготы «от всяких податей на известное число лет», и такая земля при писцовых описаниях 20-х гг. XVII в. не включалась в состав тяглой⁸.

Выясняя сельскохозяйственную освоенность северных земель в XVII–XVIII вв., П. А. Колесников использовал сведения писцовых книг о льготных угодьях. По ним автор судил о вводе в производство новых площадей, восстановлении старых. Пользование землей на льготных условиях он рассматривал под углом зрения роли различных видов пашен в трехпольном хозяйстве⁹. Авторы коллективной монографии «Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия» коснулись льготы в связи с вопросом о переложных землях. Писцы при поверстании их в поместья «на льготных условиях (освобождение от всех государственных пода-

⁷ Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973. С. 88–91.

⁸ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. М., 1937. С. 68–70.

⁹ Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 127, 130, 133–135.

тей)» должны были руководствоваться давностью перелога и в соответствии с этим назначать срок (15, 10, 5 лет) льготы¹⁰.

Интересны соображения А. Н. Сахарова, высказанные им о льготе в связи с рассмотрением вопросов об аренде, а также о крестьянах-«новоприходцах». Патриаршая кафедра раздавала целинные или переложные земли крестьянам с предоставлением льготы, а затем эти участки становились либо оброчными, либо тяглыми. Патриаршие крестьяне, вновь поселявшиеся на осваиваемых землях и получавшие льготу, могли «организовать ... свое хозяйство и тем самым обеспечивали феодалу исправного плательщика на будущее». Льготу, наряду со ссудой, А. Н. Сахаров совершенно справедливо расценивает как распространенное средство кредитования крестьян феодалами для поддержания их тяглоспособности¹¹.

Из приведенных мнений вытекает, что льгота была тем социально-экономическим приемом, который сопутствовал сельскохозяйственному производству длительное время, с XV по XVII в.

После Смуты правительство, заинтересованное в доходности земли, принимало меры и создавало условия для этого, используя податную льготу. При дозорах и описаниях 10–20-х гг. XVII в. писцам вменялось в обязанность привлекать крестьян к восстановлению земледелия, и «в податях льготы давати на год и на два и на три и на четыре и больши, смотря по их бедности и по пустоте, как пригоже, чтоб земли даром в пугте не лежали»¹². Писцы, как видим, должны руководствоваться двумя основными критериями: во-первых, состоятельностью крестьянина, и, во-вторых, давностью запустения земли.

Интересен акцент статьи наказа, говорящий не о прожиточности крестьян, а «их бедности». Он подразумевает пониженный в сравнении со средним и даже низким уровнем хозяйственной «мочи». Такой социальный аспект льготы как-то ускользал из поля зрения современных исследователей. «Лучшим» крестьянам получить длительную льготу было труднее, чем менее состоятельным. «Бедное» хозяйство здесь нельзя понимать как неимущее, а скорее именно как «охудавшее». Хозяйственный и жизненный уровень крестьян, подорванный событиями Смутного времени, вероятно, повлиял и на лексику статьи писцового наказа. Он выра-

зил оценку состояния крестьянских хозяйств, полученную правительством в результате дозоров второго десятилетия XVII в. Разумеется, рассматриваемая статья не исключала предоставления льготы прожиточным и лучшим крестьянам. Писцы должны добиваться того, чтобы «земли даром в пугте не лежали». Наказ ставил целью восстановление пахотных площадей, возвращение их «из пугты в жилу».

Тот же принцип действовал и в 70-х гг. XVII в. Наказ писцам Устюжского у. А. И. Лодыженскому и А. Ерофееву предписывал определять льготный срок, «смотря по земли и по угодию, и по людям, и по их животом», руководствуясь тем, чтобы людям «мочно на тех пугтых жеребьях поселитца»; однако он рекомендовал «больши пяти лет льготы не давати». Мотив о восполнении тяглых земель получил новое звучание, участки по выходе из льготы должны облагаться так, «как бы великому государю было прибыльнее и впредь прочнее». Появляется и новое условие, возлагавшее дополнительную ответственность на крестьян-поручителей. Они должны подтвердить, сможет ли крестьянин по истечении льготы «с того жеребья всякие подати платити», и если ему «платити не в мочь, на льготу не давати»¹³.

Давность и «застарелость» пустоты — второй принцип, из которого следует исходить писцам при определении срока льготы. Поднявшаяся на запустевших угодьях лесная поросль или лес требовали разных затрат труда и влияли на срок льготы. Величина восстанавливаемого или целинного участка также принималась во внимание. Немаловажным обстоятельством были те рабочие возможности (смотря «по людям и по их животам»), которыми располагал крестьянский двор, бравший землю на льготных условиях. Писцы как агенты, проводившие политику правительства по землеустройству, оформлением льготной заверяли его, что вновь заводимое хозяйство по истечении льготных лет укрепит свою платежеспособность и встанет в ряд с другими налогоплательщиками.

Писцовое описание 20-х гг. XVII в., констатируя состояние земледельческого производства, отметило угодья, находившиеся на льготе. Так, в Тотемском у. на 34 платежеспособные «живущие» сошки приходилось 4,5 сошки на льготе (или 13%), а в Устюжском у. на 241 сошку «в живущем» — 3,5 сошки на льготе (или 1,5%). В Тотемском у. за период с 1619/20 г. по 1623–1625 гг., т. е. между двумя описаниями, прибыло 3 сошки, вышедшие из льготы¹⁴. В

¹⁰ Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. М., 1986. С. 62, 63.

¹¹ Сахаров А. Н. Русская деревня XVII в. По материалам патриаршего хозяйства. М., 1966. С. 135, 183, 199.

¹² АПД. I. № 104, 115. С. 187, 214.

¹³ Там же. IV. № 40. С. 183–184, 186, 187–194.

¹⁴ Северная Русь. С. 93–94; 103–104.

Сольвычегодском у. льготные участки от всех пашен составили 45%¹⁵.

Льготные угодья находились в деревнях, починках, пустошах и представляли собой займища, распаша, полянки. Пахотные и сенокосные угодья выходили из льготы ежегодно в течение 1625–1638 гг. В 70-х гг. XVII в. льготные угодья по отношению к полнотяглым составляли в Тотемском у. 7% (2 и 29 сошек соответственно), а в Устюжском — 8% (1,5 и 19,5 больших сох соответственно)¹⁶. Отданные писцами льготные угодья должны были пополнять тяглые вплоть до 1690–1695 гг.

При разнообразии сроков льготы от года-двух до полутора десятков лет (в такой цифре выражается указание писцовой статьи «и больша») существовал все же оптимальный срок льготы. Он был в Чарондской округе в первой четверти столетия 2–5 лет, когда крестьяне в дополнение к тяглым получали старые запустевшие участки, не отличавшиеся по своим размерам от тяглых; 3–6 лет в Тотемском у. и Устюжском у., где льготились по преимуществу починки на пустошах, а также участки в жилых деревнях¹⁷. Наиболее длительным период льготы бывал в тех случаях, когда крестьянин заводил хозяйство на целине или на пустошах «старой» пустоты. В Мольской вол. Тотемского у. в 1625 г. (в ней и Стрелецкой вол. льготные угодья по отношению к «живущим» составляли 50%) 38 пустошей из 78 запустели «лет за сто и больша»; 25 пустошей отданы на льготу на 10 лет для заведения починков и займищ¹⁸. Льготные годы были не продолжительны, если крестьяне брали недавно запустевшие участки, порой свои же жеребья, в жилых деревнях; на них сохранялись жилые и хозяйственные постройки, полевая земля лежала в перелог — «задержала» и сохраняла следы возделывания, поэтому льгота давалась на 1–3 года. В д. Святинской Ратмировской вол. Сольвычегодского у. писцы 1625 г. отметили дворовое место Шестачка Васильева сына Булатникова, они отдали «тот Шестачков жеребей на льготу ему ж... да брату его ж Первушке на три годы» с 1625 по 1629 г.¹⁹

¹⁵ Колесников П. А. Указ. соч. С. 154. По описанию 1678 г. в Сольвычегодском у. на 8046 четв. пашни паханой показано 10 четв., отданных на льготу (Северная Русь. С. 112).

¹⁶ Северная Русь. С. 97–99; 107–108.

¹⁷ Мюллер Р. Б. Крестьяне Чарондской округи в XVII в. // Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни. Вып. IV. Вологда, 1973. С. 292; Северная Русь. С. 94, 103.

¹⁸ Северная Русь. С. 37, 40; Колесников П. А. Указ. соч. С. 133.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 317 об.; см. также Л. 338 об., 344, 348, 355.

По истечении льготного срока восстановленная или вновь освоенная земля переходила в разряд тяглой или оброчной, причем писцы, оформляя льготу, «начисляли» (употреблю это современное бухгалтерское выражение) крестьянину вытный оклад, с которого он должен будет платить государственные налоги²⁰. Эти сведения попадали в приходные книги четвертей, и правительственные чиновники хорошо знали о сумме ежегодных поступлений за счет угодий, выходящих из льготы.

Представляет интерес комплекс из 54 документов, состоящий из льготных, данных писцом И. С. Благово и подьячим В. Архиповым при описании Сольвычегодского у. в 1625/26 г., поручных и предворявших данную челобитных. Из 20 льготных грамот этого комплекса, оформленных писцами, 18 даны на бывшие деревни, а теперь пустоши разной давности, одна — на «распашь» дикого леса и одна льготит крестьян-погорельцев в течение года. Срок льготы по преимуществу составлял 3–5 лет. Крестьянин Фефилатко Зиновьев сын Митюков «да с сыном своим с Иваном» (они кооперируют свои хозяйственные силы как сотоварищи) просили у писцов целинный участок «в черном лесе», прилегавший к их «старым путям», и сами предложили 10-летний срок льготы. Однако писцы сочли достаточным 6-летний. Они справились с приправочными книгами Василия Самарина и подьячего Семена Осокина 128 (1619/20) г. и удостоверились, что «тот дикой лес ни за кем не написан»²¹. В другом случае находившееся в Ратмировской вол. селище Кудрино — «пусто и не пахано и лесом поросло» — писцы посчитали возможным отдать на льготу на 7 лет. По книгам 1619/20 г. селище пахалось наездом из оброка. В момент его отдачи на льготу пашня лежала в перелог и «двора на ней нет»²². Еще одно селище в той же волости было отдано двум братьям Савке и Офонке Оверкиевым на 6 лет, оно заросло лесом и значилось уже в таком состоянии по описанию 1619/20 г. Затраты труда, требующиеся на возрождение хозяйств на селищах и на подъем целины в предыдущем случае, писцы признали, по всей вероятности, приблизительно одинаковыми, учтя и тот факт, что лесной участок брали на разработку два крестьянина, полноценных работника.

Состояние отдаваемого на льготу участка (лесная целина, пустошь или жеребей в деревне), труд и рабочие силы, необходимые для его подъема или восстановления, отсутствие дворовых построек

²⁰ Там же; АПД. IV. С. 203.

²¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1623. № 13. Л. 74–75.

²² Там же. Л. 55.

ек или их разрушенные остатки — все это принимали во внимание писцы в середине 20-х гг. XVII в., определяя срок льготы. Из их грамот ясно видна хозяйственная зависимость длительности льготы от положения тех угодий, на которые они выданы. Конкретные условия, специфика хозяйственных трудностей — вот те компоненты, которые учитывали писцы, давая льготу²³.

Льготные грамоты писцов Сольвычегодского у. показательны тем, что выдачу предваряла челобитная крестьян с просьбой о конкретном угодье. Челобитные датированы разными числами июня и июля 1625 г., а льготные оформлены уже в конце месяцев: 27 июня и 27 и 29 июля. В своих челобитных крестьяне указывали на бесхозность угодья — «деревнишко пустое», «пустошь Трубино деревня», «селище Харламово другое», подчеркивали, что ими не «владеет никто». Кроме этого, челобитчики нередко считали необходимым указать, что желаемое угодье уже когда-то находилось в потомственном владении их семей: запустевшие деревни были «вотчины деда нашего», «вотчина наша отца и деда и отца моего благословенье», «отцов наших ... и дяди нашего родного ... благословенье», «истари их же по купчим»²⁴. Сообщения крестьян писцы проверяли на момент происходившего описания, а также по приправочным книгам 1619/20 г. В. Самарина и подьячего С. Осокина, однако не только справлялись с ними, но и вписывали в льготную грамоту соответствующий текст приправочной книги. Ограничусь таким примером: речь идет о пустоши Вотчинке в Лальской вол., данной на льготу на 5 лет. «А в приправочных книгах 128-го году ... написано. Деревня пуста Вотчинка, а Яшинцына тож, а в ней двор Поздейка Федорова сын Пряженикова. Пашню пашет наездом, пашни паханой худой земли три чети в поле, а в дву по тому ж, сена в наволоке в Гусинском лугу двадцать копен, наезжие пашни пол-чети и пол-пол-чети выти». Такая сверка с приправочным материалом — характерная черта работы писцов. Внесение же этих сведений в текст льготной грамоты, а также ссылки на составляющую писцовую книгу («А по новому писму и мере деревня пуста Вотчинка, а Яшинцына тож, а в ней двор пуст ... пашни перелогом восемь чети в поле ...»²⁵) придавали им бесспорную юридическую силу. Уже приходилось говорить о понимании крестьянами значения записи в писцовой

книге²⁶. В случае поземельного конфликта они имели веское подтверждение своих землевладельческих прав.

Деятельность писцов по отводу земель крестьянам, сопровождавшаяся освобождением от налогов, шла в русле общегосударственных землеустроительных мероприятий и была при каждом описании кратковременной. Естественно, что земледельческая инициатива крестьян проявлялась независимо от кадастровых описаний. Получение крестьянами земли на разработку и оформление владельческих прав обычно происходило через местную администрацию. С установлением власти воевод на Севере им вменялось в обязанность, как уже говорилось, радеть о фискальных интересах казны и следить за платежеспособностью обрабатываемых земель. Воевода, так же как и писцы, «отдавал на льготу» запустевшие починки, части деревень, заброшенные угодья под сенокосы и т. д. Его служащие — подьячие приказной избы вели «отдаточные книги», в которых записывали, кому, какие угодья и на сколько лет были даны. Книги присылались в Устюжскую четверть²⁷. Льготные грамоты, дававшиеся воеводами или писцами, по своему происхождению относятся к документам государственно-административным. Они потому имеют формулу: «По государеву цареву и великого князя всеа Руси указу воевода [писец] отдал на льготу ...». Помещенные в воеводских данных ссылки на писцовые книги и выписи из них подтверждали действительную бесхозность угодья. Так, в 1607 г. сольвычегодский воевода Шарап Семенович Якушкин в марте (9 и 22), июне, сентябре, давая льготу (на 3, 6, 8 лет) крестьянам Учецкой вол., справлялся с писцовыми книгами Афанасья Вельяминова и дьяка Ивана Григорьева 1587 г. По этим книгам один из участков, пустошь Лукинская имела перелога 12 четвертей, другой — половина Переймы около 9,5 четвертей также перелога, в запустевшем починке Печорке — 24 четверти «лесом поросло большим», а в угодье, «что слово Быковское печище, лесом поросло большим пашенные земли и санных покосов под лесом большим всего на полторы четверти»²⁸. Берущиеся крестьянами угодья оказались весьма старой пустоты.

Иногда администрация не удовлетворялась только справками и ссылками на писцовый материал, а нуждалась в реальной про-

²³ Милов Л. В. Указ. соч. С. 186.

²⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1623. № 13. Л. 44, 45, 48, 52, 63, 66.

²⁵ Там же. Л. 64.

²⁶ Швейковская Е. Н. Нормы обычного права в земельно-распорядительных сделках крестьян русского Севера первой половины XVII в. // ИСССР. 1985. № 2. С. 101.

²⁷ АПД. II. № 45. С. 101–102; РГАДА. Ф. 137. Тотма. № 68. Л. 49, 51, 56.

²⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626. № 45–II. Л. 31; 1592–1622. № 3. Л. 125, 17, 14; см. там же. 1623. № 13. Л. 47.

верке положения вещей. В 1620 г. крестьянин Рудачко Яковлев Комарицкого стана Устюжского у. в своей челобитной просил у дозорщика Юрия Яковлевича Строилова на разработку «дикий лес черное место лежит в порозжих землях», указывал местоположение участка и его границы «на реке Двине от Лабельского ручья да по осеку в гору прямо, а от того осеку куст ...» и сообщал, что им «не владеет никто, и на оброке и на льготе нет ни за кем, и к черным деревням в угодыя никому не приписано». Верность сообщения челобитчика проверили общинные власти: земский судейка Комарицкого стану Дорофейко Софонов с пятью «товарищи» и крестьяне Усть-Евдской вол.: церковный староста Демьянко Андреев сын Быков с 15-ю «товарищи». Они все подтвердили, что угодые — на самом деле «дикий лес», ни за кем не значилось и на него «писмянных крепостей ни у кого нет и прежде сего тем местом черным лесом не владел никто». Эта большая и компетентная комиссия не только провела осмотр угодыя, но и разграничила смежные с ним участки — «у них осеки розделили». Кроме того, искомый участок был измерен. «А по мере судейка Дорофейка Софонова с товарищи того места черново лесу пять десятин от Полутовского ручья ... вниз подле Двину, а достальная земля не мерена в десятины, потому что лес велик и снег глубок». На основании проведенного «сыска и по мере земского судейки» челобитчик получил искомое угодые на льготу с 1620 г. на пять лет²⁹.

Поездка мирских властей в волость и осмотр «добрыми людьми» угодыя, предназначенного к обработке, были, видимо, не всегда обязательны. В 1654 г. крестьянин Пospelко Митрофанов из Ратмировской вол. обратился с челобитной к сольвычегодскому воеводе Петру Никитичу Веснину с просьбой дать «на распашь» пустую «пометную деревню, что был починок Волков». Свою просьбу П. Митрофанов дополнительно мотивировал тем, что деревня — «иво Пospelкова да брата иво родного Богдашки Митрофанова ж вотчинная». Запустела она более 15-ти лет назад, и ее угодыя заросли лесом. «И никто-де тою их деревнею не владеет». Попутно отметим, что П. Митрофанов «у Соли Вычегоцкой в съезжей избе воеводе ... подал челобитную», и П. Н. Веснин, «слушав ... челобитные, велел выписать из сотные писцов Богдана Приклонского и подьячего Осипа Трофимова 153-го (1644/45) году ...». Другими словами, порядок действий государственной администрации четко очерчен: челобитная — проверка истинности

ее данных. Сотная подтвердила пустоту деревни, а также подворно-участковые владения в ней братьев Митрофановых «по писцовым книгам Ивана Благово 133-го году». На сей раз «обыскивать про тое деревню, что был починок Волков ... в волость не посылаю», по той причине, что «у выписки Ратмеровской волости крестьяне (далее имена 3-х человек) в съезжей избе сказали ... по крестному целованию» о запустении починка, о его бывшей принадлежности челобитчику и о непоступлении с него «в государеву казну ... ничего». Кроме того, крестьяне-свидетели сообщили, что владевший в 1625 г. почином Пospelко, «пометав» его, «жил в той же Ратмеровской волости в половниках у крестьян». Воевода П. Н. Веснин, «слушав выписки из сотней и их крестьянской скаски», решил дать «вотчиннику» П. Митрофанову восьмилетнюю льготу³⁰.

В этой житейской ситуации интересно то обстоятельство, что когда-то уже после описания 133 г. П. Митрофанов был вынужден забросить хозяйство и сменить свой статус крестьянина-тяглеца на половника. В писцовой книге 1625 г. значится «деревня, что был починок Волков», в которой 2 двора. Одним из них по купчей 131-го (1622/23) г. владел Митрофан Васильев с сыновьями Мишкой и Степкой³¹. Имена челобитчика Пospelка и его брата Богдана в книгу не внесены, видимо, в момент описания они не достигли тяглого возраста. Описание 1644/45 г. зафиксировало «двор пуст Пospelка Митрофанова с сыном с Петрушкою». По неизвестной нам причине отец и сын сочли лучшим покинуть свой земельный участок и поправить пошатнувшееся положение, пойдя в половники, а не продать его. И вот в 1654 г. Пospelк возвращается в отчую деревню как потомственный ее держатель.

По льготным грамотам, выданным правительственными администраторами, ясно прослеживается процедура отдачи-отвода земли крестьянам, которая отражала общегосударственный порядок. В 1633 г. двое крестьян Уфтыжской вол. Устюжского у. обратились в Устюжскую четверть и просили дать им «под хлеб и сенные покосы вновь на распашь» целинные места в «черном лесу» Соломонидину слуду и по 4-м притокам р. Уфтыжи, которые «в писцовых книгах не написаны и никто ими не владеет и оброку и никаких твоих государевых четвертных доходов к тебе государю не идет». В Устюжской четверти была сделана выпись из писцовых книг 1625/26 г. на деревню Соломонидину слуду, а затем на Устюг к воеводе Максиму Федоровичу Стрешневу отослана па-

²⁹ Там же. 1620. № 10. Л. 1-2.

³⁰ Там же. Ф. 1161. Оп. 1. № 6. Л. 1-4.

³¹ Там же. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 364-364 об.

мать с изложением челобитной и ссылкой на писцовые книги, в которых «тех урочищ не сыскано, выписать не ис чего». Четверть распорядилась на те места, о которых говорили челобитчики, послать земского судейку Уфтяжской вол. с тем, чтобы осмотреть их и «сметить, сколько тех пустых мест по урочищам четвертною пашней и сенных покосов будет», а затем «отвести крестьянам ... на льготу из роспашки на восемь лет»³².

Итак, писцы и воеводы, облеченные государственной властью в уезде, при отводе земли крестьянам на льготных началах действовали в соответствии с выработавшимся в правительственном учреждении — Устюжской четверти — порядком.

Однако не только местные администраторы занимались землеустроительными делами. Последние входили и в компетенцию общины. Волостные целовальники денежного сбора — «данных денег зборщики» или земские судьи отдавали на восстановление хозяйства пустоши, например, в Учейской вол. в 1568, 1578, 1588 гг., пустые «деревнишки» или их части в Ратмировской вол. в 1623 и 1638 гг.³³ Причем срок льготы, как и в ранее рассмотренных грамотах, зависел от давности запустения, в Ратмировской вол. он — три года, на пустошь Обрявино — 7 лет («пашня в ней перелогом лежит и лесом порастает великим» — 1568 г.); а в пустоши Долгой прислон (1578 г.) — 12 лет и другое Костино (1588 г.) — 10 лет, потому что «пашня ... великим лесом поросла». Во всяком случае, во всех этих мирских данных грамотах речь идет о ранее уже окультуренных угодьях, а не о целине. Так как община хорошо осведомлена о хозяйственном состоянии своих земель, то никаких дополнительных подтверждений не требовалось. Данные конца XVI в. прямо сообщают, что целовальник «дал на льготу» угодье, а данные XVII в. несколько информативнее на этот счет. В 1623 г. такой акт совершили двое судей «с мирского приговору», а в 1638 г. судьи (2 чел.) и целовальник с товарищем и 16 выборных крестьян «и во всех крестьян место» да к тому же «по мирскому Ратмировские волости всех крестьян словесному приговору»³⁴. Скорее всего, отдача участков обсуждалась на мирских сходах и их решения, письменно не оформленные, воплотились в данных льготных грамотах.

Всем мирским льготным присуща начальная формула, для льготных XVI в. — «по [государеве] цареве и великого князя

Ивана Васильевича всеа Русии по [наказной] грамоте ...», а для XVII в. (после даты) — «по государеве цареве и великого князя ... Михаила Федоровича указу ...». Едва ли это — только формула! И не кроется ли за ней живая грань общественного мирского сознания? Льгота ведь означала освобождение от повинностей и платежей, и как раз от тех, которые поступают в государственную казну. Роль мирских выборных при этом — активна и ответственна, что выразила фраза акта «дал на льготу». Л. В. Данилова совершенно верно полагает, что мирские выборные XIV–XV вв. — «не просто представители волостного мира, но и должностные лица княжеского административного аппарата, его низшее звено». Она подчеркивает двойственность социального облика сотского и десятского в XIV–XV вв.: «с одной стороны, это представители общинного крестьянства, с другой — должностное лицо, осуществляющее контроль за крестьянским миром от имени княжеской администрации, располагающее средствами принуждения»³⁵. Княжеско-государственная власть, постепенно встроившись в мирскую организацию, использовала ее структурные элементы. Через них она (власть) сумела возложить на общину важнейшее для феодального государства дело по отчуждению прибавочного продукта. В XVI–XVII вв. оно — уже неотъемлемая обязанность общины и ее усложнившегося выборного аппарата. И не только разверстка, сбор и доставка налогов составляли тягло-податные обязанности мирских властей, но и освобождение от них. Льгота, даваемая миром, воплотила в себе, во-первых, реальную слитность общинной и государственно-административной деятельности, а, во-вторых, воздействие государственной власти на крестьянское землепользование, выразившееся, в частности, в наказах писцам и их работе. Вместе с тем мирская льгота показывает поэтапность такой отдачи земли: сначала мир своим решением отводит участок, и затем, вероятно, через какое-то время следовало официальное его оформление. Мирская льгота отразила понятия разной социальной значимости.

Все льготные грамоты, независимо от того, выданы ли они писцами, воеводами или мирской властью, содержат принимаемые крестьянами обязательства по разработке земли в течение льготного срока. Они должны распахать пашню, расчистить сенокосы, поставить или починить дворовые постройки, огородить поля. Эти обязательства выражены в данных грамотах стереотипной фразой,

³² Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1633. № 4–1. Л. 290–296.

³³ Там же. 1592–1622. № 3. Л. 83, 55; 1626. № 45–II. Л. 81; 1646. № 113. Л. 4.

³⁴ Там же.

³⁵ Данилова Л. В. О внутренней структуре сельской общины Северо-Восточной Руси // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 9, 10; она же. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 255–256.

почти дословно повторяющейся из грамоты в грамоту. Однако иногда она дополняется еще такими сведениями, как «в пусе не покинуть», и с уточнением не покинуть «в мир»³⁶, чтобы на общину не легли дополнительные налоговые тяготы; покинутые в мир — как раз те «пометные» деревни, которые брали крестьяне из льгот.

Срок льготы, определяемый грамотой, не подлежал пересмотру и продлению. «А вперед льготы на просить» или еще категоричнее: «А вперед после льготных лет льготы не просить» — таковы выражения, встречающиеся в грамотах³⁷. За выполнение взятых льготником обязательств в строго оговоренный срок несли ответственность крестьяне-поручители. Хозяйственные работы, которые брался сделать крестьянин за время льготы, такие же, как и при порядке на землю. Идентичность их объясняется тем, что нередко крестьяне подражались либо на запустевшие, либо вновь расчищаемые участки, которые трудно освоить без получения льготы. Так что льгота и порядок тесно связаны друг с другом.

Среди льготных грамот, данных государственной администрацией, встречаются и содержащие редкие факты о размерах осваиваемой земли. О лесном целинном участке в 5 дес., измеренном компетентной общинной комиссией Комарицкого стана Устюжского у., уже говорилось выше. Ценнейшие сведения находим в льготной, выданной писцами Сольвычегодского у. в 1625 г. крестьянам Шалимовой слободки. Взяв «на распашь» участок в девственном лесу, Фефилатко Зиновьев с сыном обязались распахать пашню «на три десятины в поле, а в дву [по тому ж] ... и у леса розчистити три десятины да ему лесу дровяного и хоромного — три десятины к тому починку»³⁸. Эти крупницы, кстати, вписанные между строк, дают абсолютно реальные размеры угодий. Причем грамота совершенно явно говорит об отводе под пашню земли в трех полях общей площадью 9 дес., под сенокос и леса дано по 3 дес., а всего к починку отведено 15 дес. земли³⁹.

Льготная грамота от 1622 г. сольвычегодского воеводы И. И. Чичерина на пустошь Дрествянец содержит еще один любопытный штрих к характеристике льготы. По окончании льготного срока в 1625 г. воевода должен послать «на ту пустошь Дрествянец старосту или целовальника и велети дозрити, сколько на той

пустоши дворов поставлено и пашни роспахано и сена роскошено и што каких угодий к той пустоши». Эта мера вызвана тем, что ссылка на выпис из писцовых книг была глухой; она свидетельствовала только пустоту поселения, бывшего деревней, ибо упоминаются ее межи «с околными деревнями по старым межам и по купчим крепостям». Определенные в ходе осмотра размеры пашни и сенокоса необходимо было «написать в книги», в соответствии с чем, «по пашни и по угодьям сметя», и исчислять платежи⁴⁰.

Льготные данные грамоты, в особенности в комплексе с челобитной и поручной, обрисовывают саму процедуру получения крестьянином земли. Совершенно ясно, что инициатива в приискании земли, годной к обработке, целиком в руках крестьян, что и понятно. Кто лучше, чем земледелец, осведомлен о «пометных» жеребьях соседей-однодеревенцев или воложан, об отхожих угодьях, почему-либо не используемых их хозяевами, о пожнях и полянках и просто «местах», которые можно расчистить. Ведь крестьяне жили в тесном контакте малой социальной группы, собирались на общинные сходы, были прихожанами одной церкви и имели исчерпывающую информацию о всех нюансах землеустроительной жизни. Челобитная отражала как раз полную осведомленность крестьянина о состоянии подысканного участка, на который он хотел получить льготу. Это первая стадия в льготной процедуре. Достоверность излагаемых в челобитной сведений об участке подвергалась проверке: документальной по писцовому материалу или, если такового не имелось, визуальной на месте. Сверка-подтверждение — вторая процедурная ступень, и она зафиксирована в данной грамоте. Льгота — мера временная, неприменным условием льготного держания земли было прекращение льготы и несение с участка повинностей, налагавшихся в соответствии с обложением, писцовым или административно-мирским (по оценке выполненных льготником работ). И эту ступень также отражала данная грамота.

Важнейшая сторона льготного способа землепользования — повинностно-податная. Несколько льготных конца 50–90-х гг. XVI в. подробнее перечисляют податные обязательства крестьянина, от которых он освобождается на срок льготы. Он не должен «давать» дани, ямских и пищальных денег, поворотного, волостелина и тиунова корма, праведчикова и доводчикова побора, новоженного убруса и выводной куницы и других пошлин, не служить посешной службы, не делать городского дела (льготные

³⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1623, № 13. Л. 35, 59.

³⁷ Там же. 1592–1622, № 3. Л. 14, 17, 32, 125; 1626, № 45–I. Л. 58, № 45–II. Л. 31; 1646, № 113. Л. 4.

³⁸ Там же. 1623, № 13. Л. 75.

³⁹ Ср.: в середине XVII в. новопоселенцы Кунгурского у. получали под двор, огород и пашню 4,5 дес. земли (Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956. С. 46).

⁴⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1592–1622, № 3. Л. 47.

1557 г.). В грамотах с середины 60-х гг. и до конца XVI в. вместо кормов в пользу государственной администрации фигурирует «царев и великого князя оброк за волостелин доход, за пошлыны (или и их пошлинных людей)»⁴¹. Если во время льготы крестьянин не «тянет ни во что», т. е. полностью освобождаются от тягла, то с прекращением льготы он становится плательщиком наравне с другими «тяглыми крестьяны». Его обязательства как нового тягльца в сравнении с развернутым перечнем освобождений названы весьма кратко: «дань и оброк великого князя и всякие государевы подати». Последняя из имеющихся льготных с такими формулярными статьями относится к 1588 г. Грамоты XVI в., как видим, делают акцент на том, чего крестьянин не должен платить в льготный срок, подчеркивают само освобождение от несения повинностей и платежей.

Грамоты первой половины XVII в. эту важную содержательную характеристику утратили. Вслед за возлагаемыми на крестьянина делами по восстановлению земледельческого хозяйства сразу говорится о податных обязательствах: «А как отойдут льготные лета ... и платить (потянуть) ...». Центр тяжести перенесен на принимаемые крестьянином обязательства по вышедшему из льготы и ставшему платежеспособным участку. Конечно, такое изменение нельзя приурочить к рубежу веков. Льготная 1592 г., выданная воеводой Сольвычегодского у., своими статьями о тягло-податных обязательствах идентична соответствующим статьям в грамотах XVII в. Причину произошедшего изменения можно связать с общим состоянием экономики в 70–90-е гг. XVI в.

Е. И. Колычева, исследовавшая аграрные отношения России XVI в., пришла к выводу о резком увеличении в конце столетия эксплуатации как в натурально-оброчном, так и денежном выражениях. Фискальные меры правительства привели к этому усилению, и основная среди них — приходящееся на начало 90-х гг. XVI в. введение стабильных окладов ведущих налогов⁴². Полагаю, что острая необходимость казны в доходе, а также упрочение финансовой деятельности приказов-четвертей повлияли на смещение удара в разбираемых статьях льготных грамот: теперь для государственной администрации гораздо важнее знать, какие платежи поступят по выходе участков земли из льготы. И писцовые книги, и другие приказ-

⁴¹ Там же. Л. 44, 49, 55, 77, 86, 122; 1626, № 45–I. Л. 58. Е. И. Колычева отметила введение нового налога «наместничьего окула» в начале 60-х гг. XVI в. в связи с отменой кормлений и передачей власти на местах органам земского самоуправления (см.: Колычева Е. И. Аграрный строй России XVI в. М., 1987. С. 110).

⁴² Колычева Е. И. Указ. соч. С. 167–168, 201.

ные документы, в частности, приходные книги, вели тщательный учет угодий, находившихся на льготе и должных пополнить суммы поступлений с той или иной территориальной единицы.

Рассматриваемые грамоты свидетельствуют, что по истечении льготы участки, как правило, становились тяглыми. Крестьяне несли с них все полагающиеся государственные подати и повинности, а также мирские расходы. Характерно, что платежи определялись в соответствии с окладом по последнему и ближайшему по времени к льготной грамоте писцовому описанию. После льготы тянут: «дань царя и великого князя и во все пошлыны по книгам письма Юрья Ивановича» (Учецкая вол. Сольвычегодский у., 1557 г.) или «... по книгам Ивана Васильевича Гундорова с товарищи» (Учецкая вол., 1578, 1588 гг.)⁴³. Льготные XVII в. ссылаются на проводимые дозоры первого десятилетия и массовое описание конца 20-х гг. столетия. О справках-проверках сведений челобитчиков уже говорилось выше. В льготных находим нечасто встречающиеся конкретные размеры платежей крестьян, которые они станут платить после льготы. За восстановленные починки: Лукинский его держатель должен вносить «оброку и дани» по 19 алт. 3 ден. «на год в Онтропьеву слободу земским судьям и старостам и целовальником», а за Печорку — «государева оброку с полувыти по дватцать по пять алтын да дани по тридцати алтын по четыре деньги, и обоего оброку и дани по рублю по пять алтын по две деньги на год в Учецкую волость ... ежегод беспереводно»; за возрожденную половину д. Переймы — «по писцовым книгам с четверти оброку по двенадцати алтын по три деньги да дани по шти алтын по пяти денег, и обоего оброку и дани по девятнадцати алтын по две деньги на год в Учецкую волость ...»⁴⁴.

Гораздо чаще грамоты содержат не размер платежей с хозяйства, а его тяглый оклад. О нем говорят все льготные, выданные в 1625 г. сольвычегодскими писцами И. С. Благово и В. Архиповым. Вышедшие из льготы в тягло земледельческие хозяйства будут платить, преимущественно с чети выти и полуцети выти⁴⁵.

В ряде случаев тяглые платежи сочетались с оброчными. Владелец д. Беляшкина в Ратмировской вол. Сольвычегодского у. несет тяглые платежи с полуцети выти. «А з достальные завытные пашни дву чети без полуосмины платить государева оброку по де-

⁴³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1592–1622, № 3. Л. 44, 49, 55, 122.

⁴⁴ Там же. 1626, № 45–II. Л. 31; 1592–1622, № 3. Л. 17, 125.

⁴⁵ Там же. 1623, № 13. В одном случае речь идет о платеже с пол-пол-цети пашни (Л. 35).

сять денег на год с волостью вместе». На жеребей д. Святинской (та же волость) — кроме тяглых повинностей (с $1/4$ и с $1/16$ выти) приходилось оброка с трех четей с осьминою и с четвериком завытной пашни по 2 алт. 4 ден. в год. Владелец восстановленного семейно-наследственного участка в д. Фоминской с чети с осьминою «достальной пашни», помимо тяглой, вносил оброчных денег по 1 алт. в год. Селище Кудрино, за которое до его отдачи на льготу «подати государевы платят ... всею волостью», по его возрождению имело, кроме тяглой земли, «достальной завытной пашни» 4 чети с оброчной суммой за нее по 2 алт. в год. С сенокосного угодья на 60 копен два крестьянина, разработавшие д. Вотчинку, давали оброчных денег по 3 алт. в год. За покос — «с сена с трехсот копен» довольно значительный оброк по 15 алт. платил крестьянин д. Трубино Учещкой вол. дополнительно к тяглым с чети и с $1/32$ чети выти⁴⁶. Как видим, в запустевших деревнях возрождался весь земледельческий комплекс, состоявший из тяглых и оброчных угодий. Последние были как пахотными, так и сенокосными. Данные льготные грамоты четко отделяют угодья тяглые от оброчных, называя последние «завытными». В д. Михайлове в Окологородной вол. Сольвычегодского у., в которой пашни под перелогом и лесом 7 четв. в поле (оклад полвыти), сена 20 копен, а «за вытиями осталось то же деревни под лесом сеново покосу на сто копен», за него положен оброк 5 алт. в год⁴⁷. За сенокос на 20 копен брался 1 алт. оброчных денег.

Однако не только массив тяглых земель пополняли вышедшие из льготы участки, но и оброчных. За полторы чети пашни и сенокоса, заросшие «большим лесом», крестьянин Учещкой вол. должен будет давать 3 алт. оброчных денег (1607 г.); за освоение бывшей д. Волков починок в Ратмировской вол. назначен оброк 13 алт. 2 ден. (1654 г.)⁴⁸. За пустошь Дрествянец в Учещкой вол. после ее разработки сумма оброка в льготной не определена, ее «воеводы иль приказные люди положат, по чему с тою пустоши платить в государеву казну оброку». На мирские власти Уфтыжской вол. четверть возложила задачу по обложению оброком отданного на восемь лет «на распашь» урочища Соломоницина слуда и исчислению его суммы, «смотря по земле и по угодью»⁴⁹. Такие оброчные (наемные) деньги общинные власти собирали од-

⁴⁶ Там же. 1623, № 13. Л. 34, 39, 48, 53, 55–57, 64, 66.

⁴⁷ Там же. 1626, № 45–II. Л. 58.

⁴⁸ Там же. 1592–1622, № 3. Л. 14; Ф. 1161. Оп. 1. № 6. Л. 4.

⁴⁹ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1592–1622, № 3. Л. 47; 1633. № 4–I. Л. 296.

новременно с тяглыми и доставляли в казну с «данными и оброчными деньгами вместе ежегод беспереводно в прибыль»⁵⁰.

Наряду с писцовыми, приходные книги четвертей, в данном случае Устюжской, скрупулезно учитывали угодья, находившиеся в льготном и оброчном держании, а также поступавшие с них платежи; они составляли группу новоприбылых доходов. Среди них в 1625/26 г., например, следующие платежи: в Устюжском у. Варженской вол. с «нововышлых деревень, которые вышли из льготы ко 123-му (1614/15) году», т. е. с семи бывших пустошей, отданных земскими судейками, «всего з дву вытей с полувытью без получети выти оброку и дани» 6 руб. 22 алт. 4 ден.; за вышедшую из льготы в 1613/14 г. пустошь Ивачево в Вохомской вол., отданную в свое время земскими судейками, внесен оброк 3 алт.⁵¹ В 1631/32 г. поступило 29 руб. 13 алт. оброку и дани с Тотемского у. Стрелецкой вол. с 18 вытей с полувытью по истечении льготного срока в 1627–1631 гг., а с 26 вытей с полувытью в Мольской вол., льгота на которые прекратилась в те же годы, заплачено 42 руб. 1 алт. 4 ден.⁵² Фиксация подобных поступлений для приходных книг совершенно обычна. Их записи об уплате денег с того или иного угодья, срок льготы на которое истек, свидетельствуют о реальном действии принимаемого по льготной грамоте обязательства о несении государственных и мирских налогов и повинностей. Итак, обнаруживается принципиальная содержательная связь между такого рода источниками, как данная льготная грамота и приходная книга приказа.

Приходная книга 161 (1652/53) г. донесла не совсем ординарные факты. Приведем ее запись об одном из них полностью. «По отписке и по росписи с Тотьмы воеводы Кузьмы Кузмина новоприбылово оброку, что прибыло ко 159-му (1650/51) году Вожбальские волости на крестьянине на Филке Ильине сыне Гридине ... деревни Залесья с пустою повытья Дунайка Степанова с трети выти оброку во льготные годы 3 алтына 2 деньги. Дан ему тот же жеребей на льготу на десять лет со 155-го по 168-й год». Имеется и запись о взносе в четверть этих денег. Воеводская роспись содержит еще три таких же случая. Два крестьянина той же волости заплатили «в деревни Гридинской с Сенкина повытья Дружинина сына да брата ево Гришки Харитонов да с Пятунки Нечаева

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1592–1622, № 3. Ф. 137. Устюг. Кн. 9. Л. 52 об., 25 об.; см. также: Л. 51, 55.

⁵² Там же. Кн. 19. Л. 88 об.–89.

с чети и пол-пол-пол-полчети выти, с пашни и с сенных покосов оброку во льготные годы. 3 алтына. А дано им на льготу со 159-го по 162-й год». В той же д. Гридино «с пустою повытья Юшки Иванова да его брата Васки» с $1/4$ выти и с $1/32$ выти Незговорко Дружинин сын Макаров в льготные годы 1650–1654 вносит оброка по 10 ден., а крестьянин Панкрат Яковлев за долю того же повытья Ю. Иванова размером в $1/16$ выти платил в течение тех же льготных лет оброк по 6 ден.⁵³

Прежде всего обращает на себя внимание, что взяты на льготу именно запустевшие «повытья» в деревнях, прежние владельцы которых хорошо известны и перечислены поименно. С предельной четкостью даны размеры вытных окладов каждого из участков, отданных на льготу, скорее всего, в «жилых» деревнях. Подобные случаи обнаружены и в других волостях Тотемского у.⁵⁴ Все они говорят о льготе и как раз не полной. Однако можно ли ее назвать частичной? Вероятно, нет. При частичной льготе какой-нибудь из платежей государственных налогов оставался «на земле» и плательщик, как это бывало при льготно-иммунитетных пожалованиях XV — первой половины XVI в. В рассматриваемых фактах владельцы льготных держаний платят не налог, а оброк, т. е. платеж договорно-арендного типа. Проясняет ситуацию еще одна роспись воеводы К. Кузмина, присланная из Тотмы, со сведениями, «что прибыло во 158-м (1649/50) году при воеводе при Якиме Тарбееве да при подьячем Иване Иевлеве ко 159-му году». Из нее следует, что пустой жеребей в четь выти крестьянина Офонки Клементьева в д. Нефедьево Толшемской вол. дан на льготу со 158-го по 168-й крестьянину Парфену Самылову. «Сенного оброку во льготные годы» — 3 алт. 2 ден. В волости Борок того же уезда вышло из льготы к 1644/45 г. в д. Заозерской у Насона Коптяева «со льготного жеребья дяди ево Лучки Микифорова с полчети оброку шесть алтын полторы деньги». А «з достали того Лучкина повытья с пол с полчети выти с сенных покосов оброку три алтына з деньгою»⁵⁵. Совершенно очевидно, что пока пахотные угодья запустевшего земельного участка разработаны недостаточно основательно, перелог использовался как сенокос, и с него взималась оброчная плата. Она бралась как за тяглые, так и за «завытные» угодья. Подтверждение этому находим в приходной книге оброчным деньгам писцов И. С. Бла-

гово и В. Архипова, которую они вели при описании Сольвычегодского у. в 1626 г. Писцы отдали на льготу пустошь Николо-Коряжемского монастыря с 1624 г. по 1628 г. «А в те льготные годы оброку платить с сенных покосов по осми алтын по две деньги на год». Та же самая практика существовала и позже. Крестьянин Устюжского у. К. Ташлыков в 1679 г. получил на льготу на десять лет пустой участок, с условием «А оброку на нем не имать, потому что он сам пришел на старой свой жеребей»⁵⁶. Перед нами своеобразная роль льготных угодий, в которой место освобождения от главным тяглых платежей заступила оброчно-арендная плата.

Таким образом, в XVI–XVII вв. льгота, даваемая крестьянам под определенные обязательства, была сильным стимулом освоения земли. Это способ земледельческого производства, направленный к вовлечению переложно-залежных и целинных земель в сельское хозяйство. Способ результативный, благодаря временному отказу феодалов от присвоения ренты, он вел в конечном счете к расширению материально-производственной базы. Вместе с тем он свидетельствует о гибкости и приспособляемости социально-аграрных отношений.

Оброчные земли

Еще одним видом срочного пользования были оброчные земли. Существование их наряду с тяглыми давно и хорошо известно. Хозяйственный и правовой статус оброчных земель на Севере рассмотрел А. И. Копанев. Основываясь на терминологии оброчных угодий Подвинья, он характеризовал их как определенный комплекс хозяйственно эксплуатируемых земель. Обложение (оброком), платежом более легким, чем налоги, преследовало цель оживить заброшенную землю. Исследователь не видел принципиальной разницы между землями оброчными и тяглыми, и те, и другие — «полная собственность их владельца». А так как крестьянам удавалось превратить «оброчные угодья в наследственное владение», то ни крестьяне, ни правительство «не рассматривали оброчное владение как некую временную аренду»⁵⁷. В XVII в. государство озаботилось «охраной оброчных земель от освоения их крестьянами как своей собственностью». А. И. Копанев полагал, что «об-

⁵³ Там же. Кн. 104. Л. 347–348.

⁵⁴ Там же. Л. 348 об., 351 об., 355 об., 361.

⁵⁵ Там же. Л. 367, 372 об.

⁵⁶ Там же. Кн. 277. Л. 21 об.; АПД. IV. С. 190–191.

⁵⁷ Копанев А. И. Крестьянство в XVI в. С. 67–70.

рочные земли считались землями и угодьями великого князя, царя, т. е. государственными землями». Отсюда, правда, не вполне ясно, когда именно, но можно думать, что и в XVI, и в XVII вв. О такой принадлежности говорит сдача этих земель крестьянам и их переобработка. Сдача земли и оформление ее специальной грамотой представляло собой «как бы пожалование ..., институт переобработки предполагал срочность оброчного владения». Потому, что «переобработки проводились редко и случайно», «срочность владения для оброчных земель отсутствовала и крестьянин, получив раз на оброк землю, владел ею из поколения в поколение и уже не отличал от своих собственных земель, считал ее своей собственностью»⁵⁸. Проводя мысль о стремлении правительства сохранить фонд черных земель «от расхищения их церковниками беломестцами», А. И. Копанев сводит к аналогии статус земель тяглых и оброчных, тем самым умаляя разнообразие поземельных отношений.

Следует сказать, что в конце 50–60-х гг. в историографии проявился ощутимый интерес к вопросу о вненаделных оброчных землях. Он связан с поиском ростков капитализма в XVII в., а конкретнее — с прослеживанием фактов мобилизации земли в руках зажиточного крестьянского меньшинства. Достаточно подробный обзор мнений привел А. Н. Сахаров в своей монографии о патриаршей деревне XVII в. Обобщая их, он писал, что «мобилизация земель в руках зажиточного крестьянства шла в основном в виде аренды оброчных земель». Это была форма владения землей, отвечавшая как хозяйственным устремлениям крестьянина, так и выгодная феодальному собственнику. «Наличие свободных крестьянских рук было неперенным условием процесса». Аренда характерна, по мнению исследователя, для районов развитых рыночных связей, где появились специальные поставщики сельскохозяйственных продуктов, и они, а главное хлеб, и стали одним из предметов местного рынка⁵⁹. А. Н. Сахаров установил широкие масштабы аренды во многих районах страны, что способствовало расслоению крестьянства, а этот процесс протекал при противоречивом взаимодействии «крепостнической» и «антикрепостнической» тенденций в жизни крестьян XVII в. «В вопросе аренды крестьяне искали свои выгоды: оброк вместо барщины, льгота, увеличение надела; феодальная организация — свои: расширение феодального хозяйства, увеличение количества тягловцев. Переплетение и борьба этих тенденций достаточно ярко видны в

⁵⁸ Копанев А. И. Крестьяне в XVII в. С. 18–23.

⁵⁹ Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 127.

многообразной арендной деятельности крестьянства и политике феодальной организации, руководившей на своих «феодальных» принципах этой деятельностью»⁶⁰.

Иная трактовка аренды предстает в монографии Н. А. Горской о монастырских крестьянах в XVII в., где оброчным вненаделным землям посвящена обширная глава. Исследовательница предпочитает использовать термин «оброчные» земли, как наиболее адекватный существу обозначаемого им явления. Обстоятельно и последовательно, с привлечением обширного массового материала, такого, как приходные книги монастырей и специальные приходные книги «оброчным» деньгам, Н. А. Горская рассматривает оброчные земли как важную форму крестьянского землепользования в монастырской деревне XVII в. Она сосредоточивает внимание на целом круге вопросов — от территориального распространения и контингентов крестьян, берущих землю на оброк, до соотношения крестьянской наделной и оброчной земли и перехода оброчных земель в тягло⁶¹.

Массовая практика пользования оброчными землями в дополнение к наделным убедила Н. А. Горскую в органичности вненаделной формы для земельных отношений в монастырской деревне XVII в. Благодаря чему землевладельцы наиболее полно использовали постоянно меняющиеся трудовые ресурсы крестьянского хозяйства, а крестьяне имели возможность расширять воспроизводство своего хозяйства; оброчную плату автор квалифицирует, и совершенно справедливо, как разновидность феодальной ренты.

Как видим, точка зрения Н. А. Горской на оброчные держания противоположна воззрению на них как свидетельство возникновения капиталистических отношений в сфере аграрного производства XVII в. И как раз этот момент она подчеркивает: «Оброчные земли, отчетливо фиксируемые известными нам источниками, начиная с последней трети XVI в., — естественный и необходимый спутник развитого феодального наделного землепользования в стране с еще далеко не исчерпанными для культурного освоения территориями, обеспечивающий в течение десятилетий расширенное производство крестьянского хозяйства в земледельческой монастырской деревне в рамках феодальных производственных отношений»⁶².

⁶⁰ Там же. С. 149–150.

⁶¹ Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977. С. 86.

⁶² Там же. С. 205–206.

Интересны наблюдения Е. И. Колычевой о внаделном пользовании в дворцовой деревне во второй половине и особенно в последней четверти XVI в. Разделяя точку зрения Н. А. Горской на оброчные земли, Е. И. Колычева хронологически углубляет наблюдения об этой форме землепользования, привлекая материалы каширской дозорной книги 1588/89 г. Оброчные земли представляли собой пустоши и перелог, и таким образом они вводились в земледелие. Е. И. Колычева ставит вопрос о различии оброчной и наемной земли, которое отмечает источник; правда, не совсем ясно, существовало ли такое различие в других источниках и в других районах дворцового ведомства⁶³.

Еще более углубил хронологию аренды А. Л. Шапиро. Он рассмотрел целый ряд актов последней трети XV — начала XVI в., говорящих о найме земли по добровольному срочному договору, который он квалифицировал как форму землепользования, отличную от тяглой. Ученый обратился также к фактам найма земли, отразившимся в новгородских писцовых книгах конца XV — начала XVI в. Из них ясно, что в разных областях Новгородской земли существовала аренда промысловых и сельскохозяйственных угодий с оплатой, денежной или из доли урожая. Арендаторами были феодально зависимые люди и необязательно того землевладельца, у которого нанимали угодье⁶⁴.

А. Л. Шапиро подчеркнул, что не в сроке, а в договорной плате за пользование угодьями состояла важнейшая особенность найма земли. Кроме понятия оброка как платы, ученый разобрал и другие платежи, обозначаемые тем же термином. При этом он отметил, что одни и те же угодья именовались «безоброчными» и в то же время они облагались оброком. Безоброчными они были для государственного фиска, так как не клались в сошный оклад, но землевладелец получал за них оброк⁶⁵. По всей вероятности, в приведенном Е. И. Колычевой случае различения каширской дозорной книгой 1588/89 г. оброчной и наемной земли речь идет о подобном же явлении, о каком говорил А. Л. Шапиро.

Установив существование аренды во всех регионах Руси в XV — первой половине XVI в., исследователь сделал убедительное заключение: «Поэтому неверно относить истоки аренды к последним десятилетиям XVI в. или к XVII в., а появление аренды

нельзя, таким образом, объяснить теми новыми явлениями, которые были связаны со скачком в развитии товарно-денежных отношений или с началом буржуазных связей». С известной осторожностью он писал далее, что при развитом феодализме, «а возможно и в период раннего феодализма, рядом с господствующей формой поземельных отношений, основанных на внеэкономическом принуждении и тягле, эпизодически выступали и основанные на срочном договоре и на платеже фиксированного оброка поземельные отношения»⁶⁶.

Обосновывая свои суждения, ученый проводит хронологическую корректировку существования аренды. И рубежом были годы кризиса — XVI–XVII вв., когда наем земли шел параллельно сокращению надельного пользования и за его счет. В эти годы и первые десятилетия XVII в. «отчетливо проступает стремление сокращать переобремененные повинностями тяглые наделы или вовсе оставлять их впусе. И землевладельцы и государство вынуждены были считаться с этой формой крестьянского сопротивления», а недостаток надельной земли компенсировать за счет оброчных и даже безоброчных, самовольно используемых угодий. Получая в условиях огромного количества пустых земель с оброчных доход меньший, чем с тяглых, и мирясь с этой вынужденной жизненными обстоятельствами мерой, феодалы сдавали землю «до жилья», до «тягльца», оставляли за собой право перевести участок в тяглый. Говоря о значительном распространении аренды во второй половине XVII в., А. Л. Шапиро ставит вопрос о причинах и следствии такого ее распространения. Они крылись в продолжавшей существовать (при изменившемся принципе государственного обложения налогами с пососпного на подворный) вытно-тяглой раскладке повинностей и наделении землей. «И во второй половине XVII в. крестьяне стремились к пользованию более для них выгодной формой оброчного держания земли. И эти стремления часто достигали результата, несмотря на меньшую выгоду, извлекаемую землевладельцем из аренды»⁶⁷.

При всем том ученый не сбрасывает со счетов фактов обогащения отдельных арендаторов и заведений ими рассчитанного на рынок и использующего наемный труд хозяйства. Однако, полагает он, в XVII в. «редкие и к тому же не новые факты более крупной аренды» не перекрывают массовые мелкие аренды, направленные к уменьшению повинностных тягот. А. Л. Шапиро считает

⁶³ Колычева Е. И. Указ соч. С. 70–72.

⁶⁴ Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.) Л., 1987. С. 67–68.

⁶⁵ Там же. С. 69–70.

⁶⁶ Там же. С. 71.

⁶⁷ Там же. С. 73–75.

необходимо отметить особенности аренды последней трети XVI в. и XVII в. по сравнению с тяглым надельным землепользованием, основанным на внеэкономическом принуждении⁶⁸.

В. М. Воробьев и А. Я. Дегтярев оценили арендные отношения XVII в. как повседневную борьбу крестьян, ведущуюся в условиях восстановления народного хозяйства после кризиса. Крестьяне сумели ослабить фискальный нажим, сокращая облагаемый надел и избегая полного хозяйственного разорения. Они восполняли земельные угодья до необходимого им размера за счет вненадельных участков «из оброка» и даже утаиваемых от обложения в каком-либо виде. Авторы считают, что бурное распространение аренды в конце XVI — XVII в. «в экстремальных условиях экономической разрухи» никак не связано с предпосылками буржуазного расслоения деревни, а было «итогом борьбы крестьянства против происходившего в форме увеличения «государственных податей» роста феодальной эксплуатации»⁶⁹.

Обширный и обстоятельный материал по аренде содержит очередной том «Аграрной истории Северо-Запада России XVII в.». Авторы целенаправленно ведут исследование, выясняя размеры тяглых наделов и степень их сокращения по сравнению с 80-ми гг. XVI в., подворное и, если возможно, подушное обеспечение надельной землей.

При резерве земли, образовавшемся в годы Смуты, обширном массиве запустевших земель и свертывании надельной пашни, крестьяне восполняли дефицит последней, обратясь к пользованию землей из оброка или из выдельного снопа. Последний тип вненадельного землепользования больше практиковали монастыри Северо-Западного края. Крестьяне помещичьи, монастырские, дворцовые, черносошные, а также холопы и бобыли арендовали землю, т. е. все социальные группы феодально зависимого населения перешли к такому способу ведения хозяйства. С точки зрения систем земледелия оброчные земли нередко были подсечными, расчищаемыми на пустошах разной давности, по своему целевому назначению — пашни, сенокосы, причем последние превышали оброчные пашни⁷⁰.

Авторы тома последовательно проследили соотношение тяглой и оброчной земли, важного показателя аграрного процесса. Оно в

⁶⁸ Там же. С. 75–77.

⁶⁹ Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от «смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986. С. 169–175.

⁷⁰ АИСЗР. IV. С. 123–126, 132, 134, 140–141, 147, 157.

черной волости Обонежья в начале XVII в. выражалось как 1: 1,8, в Кижском погосте 1: 2, а оброчная пашня составляла треть от всей обрабатываемой пашни, в дворцовых волостях Новгородского и Порховского уездов тяглая и оброчная пашни соотносились как 1: 2 и 1: 3, в них же практиковалась издольная аренда, в белозерских вотчинах Кирилловского монастыря сочетались пашня и из оброка, и из 4-го снопа с явным преобладанием последней, а по отношению к тяглой они составляли 1: 0,6⁷¹.

Во владениях Иверского монастыря в Старорусском у. в 50–80-х гг. XVII в. преобладала краткосрочная аренда пустошей и пустых участков, а монастырь и крестьяне расценивали мелкую аренду как гарантию своевременной уплаты повинностей и нормального функционирования крестьянского хозяйства⁷².

Подытоживая проведенное исследование, А. Л. Шапиро отметил сохранившуюся на протяжении всего XVII в. заботу крестьян о сокращении или неувеличении тяглых наделов, чему способствовала повытно-поземельная раскладка феодальных повинностей. Аренда земель продолжала практиковаться широко, и крестьяне пользовались оброчными угодьями охотнее, чем тяглыми. Землевладельцы предпочитали переводить оброчные угодья в тяглые, однако в XVII в. упростить разнообразие видов крестьянского землепользования феодалам удавалось нечасто. Ученый заключил, что вопрос о тяглых и арендных землях не решается однозначно и просто. «Его нельзя трактовать только как проникновение буржуазных связей в крепостную деревню, хотя в XVIII в. оно имело место... Но в целом в XVIII в. более свободная арендная форма землепользования шла на убыль по сравнению с XVII в. Своеобразие XVII в. в этом отношении нам нужно будет иметь в виду при последующем рассмотрении социально-экономической жизни деревни»⁷³.

Итак, выявились две точки зрения на аренду. Одна, развиваемая в 60–70-х гг., исходила из устоявшегося в нашей историографии стереотипа, что аренда — явление экономики зарождающегося капитализма и при распространении ее потребительской формы подчеркивались предпринимательские, товарные⁷⁴. Другая, появившаяся со второй половины 70-х гг., основывается на обык-

⁷¹ Там же. С. 132, 143, 152, 158–159.

⁷² Тимошенкова З. А. Арендные отношения в Старорусском уезде в 50–80-е гг. XVII в. // История крестьянства северо-запада России в XVII–XIX вв. Л., 1983. С. 28–37.

⁷³ АИСЗР. IV. С. 181–184.

⁷⁴ См.: Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977. С. 287, 289.

новенности арендной формы землепользования для экономики XVI–XVII вв., которой присущи разные виды эксплуатации земли и работника, и не только рентной (со своими типами — отработочной, денежной, продуктовой, смешанной), но и договорно-срочной. Ленинградские историки, объединенные совместной работой над аграрной историей Северо-Запада России, показали широкое распространение аренды в XVII в., а также предложили объяснение этому историческому факту. Оно состоит в том, что крестьяне в послекризисные годы во имя самосохранения свернули обработку тяглых наделов и тем самым вынудили феодалов и государство найти способ восстановления разрушенного хозяйства через массированное использование аренды. Данное объяснение кажется мне вполне правым, максимально учитывающим состояние экономики XVII в.

Действительно, значительность и масштабность аренды свидетельствуют не только о прибыльности и товарности хозяйства, но и ее продовольственной направленности, а также о преодолении кризисного состояния аграрного производства. В условиях прикрепления крестьянина к тяглу, усиливающегося в течение XVII в., применение аренды вело к сохранению и поддержанию доходности хозяйства в условиях все возрастающего фиска.

Обратимся к положению с оброчными землями в изучаемых уездах. Прежде всего отметим существование этого вида земель, практически во всех них. Соотношение тяглой и оброчной пашен по уездам можно представить на основе табл. 4 (гл. 1). Для начала выясним долю той и другой по отношению ко всей пашне. В Устюжском у. в 20-е гг. XVII в. тяглая пашня занимала 90%, а оброчная 10% от всей пашни, а в 70-е гг. первая — 68%, а вторая — 32%. В Сольвычегодском у. в 20-е гг. тяглая и оброчная пашни выражались как 45% и 55% от всей пашни, а в 70-е гг. — 56% и 44% соответственно. В Тотемском у. в 20-е гг. тяглая земля составляла около 67%, а оброчная — 33% от всей возделываемой земли, в 70-е гг. тяглая — 54%, а оброчная — 46%. Как видим, это соотношение было достаточно градуированным по уездам.

Разберем его подробнее. В Устюжском у. на протяжении века тяглая пашня превышала оброчную, причем в 20-е гг. — значительно (в 8 раз), а в 70-х гг. несколько более чем вдвое, однако сама оброчная пашня выросла за это время почти втрое. Оброчная пашня в Сольвычегодском у. в 20-х гг. немного превышала тяглую, в 1,2 раза; к 70-м гг. оброчной пашни стало заметно меньше, она сократилась более чем вдвое и тяглая пашня была больше об-

рочной в 1,3 раза; в течение XVII в. в Сольвычегодском у. перераспределялось соотношение тяглой и оброчной пашен — от преобладания оброчной к преобладанию тяглой на фоне общего понижения той и другой. В Тотемском у. в 20-е гг. тяглая земля преобладала над оброчной (в 2 раза), а в 70-х гг. оброчная и тяглая почти равны при происшедшем к этому времени незначительном сокращении тяглой и полуторакратном увеличении оброчной.

На основании числа десятин тяглых и оброчных угодий в уездах (табл. 4, гл. 1) и поуездного числа дворов (табл. 2, гл. 1) представим распределение угодий в среднем на двор в 20-х и 70-х гг. XVII в. В Устюжском у. в 20-х гг. на один двор приходилось тяглой пашни около 6,5 дес. и 0,75 дес. оброчной, а всего 7,25 дес., в 70-х гг. тяглой было 3,75 дес., оброчной — около 1,75 дес., а всей — 5,5 дес. В Сольвычегодском у. в 20-х гг. один двор имел в среднем 4,4 дес. тяглой и 5,4 дес. оброчной, всего 9,8 дес., в 70-х гг. — 3,5 первой и 2,8 дес. второй, а всей — 6,3 дес. В Тотемском у. в 20-х гг. один двор располагал 5 дес. тяглой и 2,6 дес. оброчной, 7,6 дес. той и другой пашни, а в 70-х гг. — 3,5 тяглой пашни и 3 дес. оброчной, а всей пашни было 6,5 дес. Конечно, эти цифры дают лишь общее представление о соотношении тяглой и оброчной земли по уездам в течение столетия, а жизненная конкретика была много разнообразнее. Ясно и то, что самостоятельное изучение оброчных земель дает определенные характеристики, однако они явственнее проступают при сравнении тяглого и оброчного держания земли, а также на фоне общего состояния земледелия в том или ином регионе или вотчинном комплексе.

Из приведенных данных выявляется общая тенденция в исследуемых уездах: тяглая пашня равна или превышает оброчную (в отдельные периоды значительно, как в Устюжском у.), либо чуть меньше оброчной (как в Сольвычегодском у. в 20-е гг.). В течение XVII в. в Устюжском и Тотемском уездах, несмотря на преобладание пашни тяглой, оброчная увеличивалась, а в Сольвычегодском у. сочетание пашен выравнивалось и стало подобным положению в двух других уездах.

Писцы Сольвычегодского у. И. С. Благово и В. Архипов отдали на оброк в 1624/25 г. в Окологородной вол. 23 дес. покосов «под деревнями» и 2570 дес. «на полях же и на островах и на присадках» из расчета по 3 ден. за десятину. При этом присельные угодья крестьяне брали из такой платы, а удаленные — на островах и наносных участках еще и из наддачи, которая в сумме достигла почти половины от всей оброчной суммы (20 руб. 18 алт.

4,5 ден. из 59 руб. 2 алт. 0,5 ден.)⁷⁵. С примерной пашни (не входившей в вытный оклад) с 278 четв. в двух полях или с 69,5 дес. — по 3 алт. 2 ден. за дес., и на этих землях наддача не практиковалась. Обрабатываемая еще по системе двуполья, она была резервом для трехполья и пополнения тяглой пашни.

Порой одно угодье сочетало тяглое и оброчное держание. Пожня Гусиха на 25 копен сена при деревне с одноименным названием, из них 12 копен «сена вытного» приходилось на жеребей — «полдеревни» Герасима Соснина, а с остальных тринадцати он платил оброка 4 ден. Вторая половина деревни значилась за Николо-Коряжемским монастырем⁷⁶. Хотя в писцовой книге оброчные угодья вынесены в рубрику «оброчные пожни», но среди них не только сенокосы, а нередко пашни. На острове Ругине крестьяне д. Дурницыной братья Яков и Тихон Горяиновы имели оброчной пашни «три чети без четверика да сена 150 копен», платили оброка 15 алт. Характерно указание писцов на основание, по которому братья Горяиновы оброчной пожней «владеют по купчим 106-го (1597/98) году»⁷⁷. Интересно, что участком в д. Дурницыной или Игнатовской на р. Вычегде они владели по купчей 128-го (1619/1620) г. В деревне они появились позже, чем приобрели оброчное угодье, однако столь давнее обладание оброчным угодьем говорит о том, что братья Горяиновы или их отец Михайло жили где-то неподалеку, во всяком случае в этой волости-общине, а возможно, братья отдельно от отца приобрели участок за пять лет до описания в д. Дурницыной.

Эта девятидворная деревня, имевшая 21 четь вытной пашни и 60 копен сена и 1,5 выти оклада в живущем, косила сено еще «по заполью» и за сто копен платила 5 алт. оброка (по 3 ден. /дес.). Кроме того, крестьяне деревни пользовались также из оброка озерком Гаврильцовым «с истоком вдоль на весту; а поперег сажень с сорок» и платили 2 алт. Тихон Горяинов, старший брат, именно он назван основным дворовладельцем участка в деревне (во дворе Тишка Михайлов сын Горяинов с братом Якункою), «искал» на своих однокоренцах Якунке Михайлове сыне Крестьянинове с товарищами и на архимандрите Введенского монастыря (за ним 1/4 д. Дурницыной) «земли к Пугину острову». При судебном разбирательстве ответчик Яков Крестьянинов «и в товарищев своих место ту землю отшол, перекрестяся, положа земли

на голову. А шол по спорной земле по меже с конец Гундюхинского озера на ... толстую осину, на ней грань, да по старому огороду в реку Вычегду прямо»⁷⁸. Перед нами знакомая процедура развода земли, хорошо известная по актовому материалу XV–XVI вв., но с архаичной деталью — землей, положенной на голову, символика которой уводит в глубокую древность, чуть ли не во времени Русской Правды. В процедуре разбирательства просматриваются наряду с официально принятыми — присутствие на месте спора, свидетели, знавшие межи, обход по меже, — элементами доказательства символические действия, покоящиеся на обычае. Да и сами официальные приемы доказательства еще не абстрагировались полностью от обычая. Чрезвычайно интересно сплетены при этом символы христианские («перекрестяся») и архаичные — положенная на голову земля, дерн, да и в самой клятве, подтверждаемой и усиливаемой крестным знаменем, тоже есть след символа глубокой древности. О бытовании такого действия, как передача куска земли или обход межи с куском дерна на голове или плечах, символизирующего продажу, писал Н. П. Павлов-Сильванский⁷⁹. Но в данном и других случаях дело идет не о продаже, но все же об отторжении земли за межу, и потому разведение, разграничение земли разных владельцев (независимо от того, черные ли они или монастырские крестьяне) сопровождалось тем же символическим приемом. Оброчные угодья, так же как тяглые, находились в сфере действия обычного права.

Оброчные угодья сочетали пашню и сенокос, разнообразились по своим размерам и плате. Величина пашен колебалась от полуосьмины–осьмины (как на угодьях Угольница и Чища, названия которых говорят об их недавней расчистке) до 1 четверти и до 1–2 дес. Покосы отдавались на оброк, как говорилось, по 3 ден. за десятину, а пашенная земля по 1 алт. за дес. Это видно из следующего: за крестьянином Миткою Гусевым с товарищами по речке Нимянде было на оброке 80 копен и «отхожие пашни в тех же наволочках десятина. Оброку с пашни и с сена 5 алтын», т. е. всего 30 ден., из которых за сено — 24 ден. и 6 ден. — за пашню, что подтверждается и другими расчетами⁸⁰. Как видим, оброчная плата за отхожую пашню, комбинированную с сенокосами, в три раза

⁷⁸ Там же. Л. 104; см. также Л. 98–98 об., 824–824 об.

⁷⁹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. М.; Пг., 1923. С. 55–57; ср.: Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье. М., 1977. С. 62, 70, 97.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 148; см. также Л. 120–147.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 154 об.–155.

⁷⁶ Там же. Л. 109, 120 об.–121.

⁷⁷ Там же. Л. 131 об.

ниже, чем за примерную пашню, отдаваемую также из оброка. Объяснение этому, по всей вероятности, находится в том, что примерные земли возделывались по системе двуполья, а отхожие пашни, скорее всего, однохлебные⁸¹, на подсеках или на запущенных в перелог или лесную поросль участках.

Писцы Сольвычегодского у. при описании оброчных угодий указывали, как говорилось, основание владения ими, равно как при описании деревень. Среди таких оснований фигурируют «деревенские купчие», «старина», т. е. те же самые обоснования, что и для деревенских участков. Купчие на оброчные угодья, так же как и на участки в деревнях, разной давности конца XVI в. и первой четверти XVII в., а об одной сказано, что позже владеет крестьянин «по купчей по старой, а куплено белками, а которого году, того в ней не написано»⁸². Долговременное, многолетнее пользование оброчными угодьями было в порядке вещей.

Обнаружив обычай длительного пользования оброчными угодьями и распорядительные сделки с ними, ибо крестьяне, взятые на оброк угодья и «подержав за собою, продавали и закладывали», писцы запросили разъяснения в Устюжской четверти. Они обратили также внимание, что при продаже или закладе оброчных участков продавец покупателю «и оброчную грамоту даст, и те грамоты называют у себя крепостями». Из четверти пришел указ, повелевающий оброчные угодья, находившиеся в держании и распоряжении крестьян сроком до 40 лет, «имати на нас и отдавати по тому ж на оброк из наддачи охочим людям тем, хто болши оброку даст». Если оброчные угодья находились у крестьян более 40 лет, то они оставались по-прежнему за теми же лицами, и рекомендовалось «тех земель у тех людей, хто ныне владеет, не отымати и на оброк никому не давати»⁸³. Для таких земель изменялся их статус, они переставали быть оброчными. Долговременное держание крестьянами оброчных угодий, труд, вложенный в такую землю одним-двумя поколениями, вероятное применение агротехнических улучшений приглушали договорно-срочное пользование ими, которое приближалось к характеру владения подворно-участковыми землями.

Писцы на практике переводили оброчные угодья в тяглые. Так, в Ратмировской вол. «деревни и пустоши и пожни за кресть-

яны были на оброке, а по дозору 128-го (1619/20) году положены в выги и в сошное письмо к тяглым деревням. И дань, и оброк положены в большом перечню». Таких в волости оказалось 12 деревень, в них 14 дворов, причем 2 деревни — однодворные, 3 — двухдворные, две — трехдворные, одно селище отдано на льготу, остальные пахались наездом. Среди них деревня, «что была пожня Наволочек Мякинницын да Кузнецово», в ней 2 чети худой земли, 10 копен сена, а примерной оброчной пашни 7 чети с осьминою с оброком 7 алт. 3 ден.⁸⁴ В вол. Антропьева Слобода из оброка «в жило» переведено 17 поселений, в которых 37 дворов. Две деревни — однодворные, шесть — двухдворные, четыре — трехдворные, одна — четырехдворная, одна — семидворная и три наезжих. Среди них бывшие пустоши, починки (д. Потанин починок), выставки⁸⁵.

Однако «положенные» по дозору 1619/20 г. в тягло бывшие оброчные деревни, к 1625 г. не все закрепились в этом состоянии, и хотя писцы занесли их формально в рубрику перешедших из оброка в «жило», они платили оброк. Пустошь Климово на речке Гремячей была припущена в пашню к д. Пополутково, описана при ней. Действительно, при описании четырехдворной деревни, все дворохозяева которой владеют землей по данной писца 1588 г. Афонасия Вельяминова, сказано о припуске к ней оброчной пустоши Климово. В деревне было 9 четвертей худой земли — пашни паханой, оклад живущего — полвыги и пол-полчети выги, примерной же пашни 13 чети с осьминою и с оброком за нее 3 алт. 3 ден., «да с пустоши Климова, что они припустили в пашню, оброку с пашни и с сена два рубля с полтиною»⁸⁶.

Непосредственно за пустошью Климово писцы отметили «пустошь, что была деревня другая Климово» над той же речкой Гремячей. Ее пахал Осип Кондратьев из д. Дихторово наездом по данной (не указано чьей) 1605/06 г. Пашни паханой 4 чети худой земли в поле, 10 копен сена. Далее интересная деталь описания: в формулировке оклада живущей чети вместо слова «в живущем» написано «наезжие» и следом — «четы выги». Показана и примерная пашня, ее 16 четей и оброка 16 алт.⁸⁷ Деревня, два селища и три пустоши Ратмировской вол., обрабатываемые наездом и переведенные писцами, как будто из оброка в тягло, все же платят

⁸¹ АПД. III. № 16. С. 62.

⁸² РГАДА. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 132 об.

⁸³ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. № 145. С. 125.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 366-369.

⁸⁵ Там же. Л. 422-426 об.

⁸⁶ Там же. Л. 340 об., 367 об.

⁸⁷ Там же. Л. 367 об.

оброк. Пустошь Домкино Гриди Якимова на Пырзе пахал наездом Филя Федотов с братьями из д. Старово, причем владел ею по купчей 1607/08 г., на ней 17 четей худой земли и 40 копен сена, «оброку с пашни и с сена 2 рубля»⁸⁸.

Что это за случай? Известно, что от писцов дворцовых и черных волостей требовалось, чтобы они следили за максимальным использованием пашни в хозяйствах, увеличивали тягло, когда крестьяне при исправном пашенном тягле использовали пустые, но полевые земли⁸⁹. Руководствуясь статьями наказов, сольвычегодские писцы перевели земли запустевших деревень, селищ, возникших на оброчных угодьях поселений, в тягло. Оброчные пустоши же на давно окультуренных землях оставили пока на оброке, но занесли их в рубрику тяглых как наиболее перспективные для перехода в тягло. «Оговорка» писцов о пашне «наезжей» с окладом в четь выти подчеркивает временность, переходность состояния, в котором находилось угодье. Фиксация писцовой книгой такого состояния объясняет, до некоторой степени, эластичный характер писцового описания, позволяющего ему действовать многие десятилетия и соответствовать реальному положению земледельческого развития.

В указе Устюжской четверти сольвычегодским писцам от 1625 г. о переоброке угодий давностью менее 40 лет знаменательна мотивировка решения. Отдавать земли на переоброку необходимо потому, что «те земли были наши, а отданы они были на льготу на оброк, а кому даваны, и те люди подержав за собою, продавали и закладывали наши земли, а им было те земли не для того даны, что им продавати и закладывати меж себя»⁹⁰.

Полагаю, что сентенция грамоты к сольвычегодским писцам, столь напористо подчеркивавшая несомненную принадлежность земли государю как верховному собственнику, стала одним из оснований для А. И. Копанева отнести оброчные земли к государственным, хотя в то же время они, как и тяглые земли, — «полная собственность их владельцев»⁹¹.

Разберем положения документа. Безусловно, прилагательное «наши» употреблено в смысле атрибутирования земли как государственной, но не дворцовой. Отдавалась она временно, на срок, о чем говорят поставленные в один ряд, как синонимы: «на льготу

на оброк». Характерно выражение «подержав за собою», которое имеет смысл временного пользования. Продажа и заклад этих временных держаний — оброчных угодий сменяла их держателей, а не сам характер пользования ими. Земли оставались все также оброчными, ибо новые пользователи получали от прежних оброчные грамоты. Однако по взгляду администрации земли — оброчные, а не для того даны крестьянам, «что им продавати и закладывати меж себя». Тогда — для чего? А чтобы бесконтрольно совершаемые сделки с этой землей не привели к изменению ее статуса, а государственная казна не лишилась прибыли, повышенной за счет наддачи оброчной платы. Мне кажется, именно в этом пафос указа.

Из него также отчетливо видно, что массивы тяглой и оброчной земли фискально разнородны и обособлены. Тяглые земли как бы выделены, отведены в бессрочное владение крестьян, а оброчные — временного пользования, передаваемые «охочим людям», когда они находились. В противных случаях потенциальные оброчные угодья заносились в писцовые книги с тем, чтобы, когда впоследствии появится охотник на какое-то из них, администраторы, справившись в книгах и удостоверившись, что угодье свободно, отдали его на оброк. Так, «против пожни Елкина и Заворотной голово песку четыре десятины на оброк никто не взял»; «Против острова Петряева голого песку десять десятин на оброк не взял никто»⁹². И еще шесть участков в Окологородной вол. размером до 10–15 дес. на р. Вычегде «на оброк не взял никто»⁹³. Другими словами, оброчные угодья, так же как пустоши старой и новой пустоты, подлежали учету, они представляли собой резерв для тяглого и оброчного их использования. Собственно, перед нами два равноправных типа эксплуатации земли, отличающиеся способом отчуждения прибавочного продукта.

Правительство было осведомлено о безоброчном пользовании угодьями. В том же наказе сольвычегодским писцам констатировалось это обстоятельство — «которые люди владели какими угодьями безоброчно много лет, семьдесят и болши», учитывался фактор демографических изменений в составе пользователей и обращения земли — «хто в тех годах владел, и те люди померли, а иные разошлись, и ныне те угодья по купчим за иными людьми», снижение за годы Смуты жизненного уровня крестьян — «ис тех людей многие бедны» и потому «за прошлые годы оброков доплатити не на ком». Наказ предлагает взыскать деньги за безоброч-

⁸⁸ Там же. Л. 368 об.

⁸⁹ Милов Л. В., Булаков М. Б., Гарскова И. М. Указ. соч. С. 83.

⁹⁰ Законодательные акты Русского государства. № 145. С. 125.

⁹¹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 152 об.

⁹² Копанев А. И. Крестьяне в XVII в. С. 18–20.

⁹³ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 153–154.

ное пользование землями только со 121-го (1612/13) г. и по «нынешней 134-й (1625/26) год, и то на тех людех, хто ныне живет и за кем ныне те угодья». Кроме того, он оговаривает возможность рассрочки платежей для крестьян, которым «оплатитца им в тех оброчных денгах для бедности не мочно», на два или три срока по годам. Эта льготная мера вызвана опасением «вдруг не ожесточити» крестьян и «тем их не разогнати»⁹⁴. Налаживая финансово-податную систему и стремясь пополнить казну даже за счет компенсации не поступивших в свое время платежей, правительство использует популистский прием.

Проведение в жизнь положений наказа 1625 г. характеризует «приходная тетрадь оброчным деньгам», которые собирали писцы И. С. Благово и В. Архипов в Сольвычегодском у. «с пожен и с пашен и со всяких угодей» в 1625 и 1626 гг. Почерком, отличным от основного, помечено: «134-го августа в 25 день. Счесть по книгам и взять деньги и написать в приходные книги»⁹⁵. В документе 48 случаев, относящихся к оброчным платежам. Записи касаются крестьян-оброчников всех волостей, указывают их звание, имя оброчника (иногда, в 3-х случаях, это посадские), вид и название угодья, имя предыдущего держателя, место расположения угодья, величину прежнего оброка, размер наддачи, общую сумму платежа и запись о поступлении его. Форма записи такая же, как в приходной книге Устюжской четверти 1625 г.

Об индивидуальной и коллективной аренде говорят 42 записи. Из них в 16 (40%) случаях — аренда коллективная «с товарищи», и в 26 (60%) — индивидуальная; 17 угодий отданы из наддачи, 21 продолжали держать из прежнего оброка, в 2-х случаях — отданы вновь. Писцы обнаружили и безоброчное пользование угодьями в Алексинском стане. Одно размером в 2,5 дес., которым владел «того ж села [Алексинского] крестьянин Васка Белавин безоброчно», получил Степан Цедилов с оброком 10 алт., каковой и заплатил писцам. Пожня Площадка «и Олексинских задех» отдана на оброк крестьянину Тренке Никитину с платой 6 алт. 4 ден., а «владел тою пустошью безоброчно Устюжского уезда деревни Искренские крестьянин Ивашко Харитонов»⁹⁶.

В большинстве случаев оброчные угодья представляли собой сенокосы: пожни, наволоки, веретей на материковой земле, присадные земли, места, пески и также острова, намываемые реками,

названы и пашенные места и пустоши. Только что упомянутая пожня Площадка тут же в одной записи обозвана пустошью. И это не есть небрежность писцов, а свидетельство сочетания угодий, клочки пашен вкраплены среди сенокосов.

Оброчная плата, естественно, была довольно разнообразна, она зависела от величины угодий. Среди них не было очень мелких с платой ниже 1 алт. От 1 алт. и до четверти рубля включительно платилось за 14 угодий (32%), свыше четверти и до полурубля включительно — за 13 (ок. 30%), свыше полурубля и по три четверти рубля — за 6 (ок. 14%), свыше трех четвертей рубля — по 1 руб. — за 4 (9%), более 1 руб. — за 11 (25%). Как видим, 62% оброчных угодий платили не выше полурубля, также 60% угодий были в индивидуальном пользовании, потому такие аренды были по преимуществу индивидуальными.

Рассмотрим крупные оброчные съемы как с точки зрения угодий, так и платы за них. В Андреевской вол. 5 пожен на 180 копен, находившихся «в заполье», «против курьи», «в островке», держали крестьянин д. Романова гора Данило Акинфиев с братом и платили за них 8 алт. 2 ден. Этот случай считать коллективной арендой нельзя, братья выступали как складники, кооперируя силы по родственному принципу. В Окологородной вол. пожню в Пицком наволоке держали Петр Быков «с товарищи» с платой 4 руб. в год, которую перекупил, «наддав» полугривну, Степан Буторин. В Учечкой вол. Петр Сабинин снимал покос на 300 копен у д. Трубина по 15 алт. ежегодно. В Лальской вол. из оброка 4 руб., «наддав» к старому оброку по 2 руб., «на два года», снимали покотину Княшину под погостом все его крестьяне⁹⁷. Значительная плата, но и значителен коллектив съемщиков.

Покос на 680 копен на Искрецове острове на р. Вычегде в Окологородной вол. оказался «на спорном месте». Бывшему челом о нем Акинфею Балакшину «велено перекупатца, что болши оброку даст». В акции участвовали, кроме Акинфея, староста церкви Благовещения с посада и люди (4 человека) братьев Андрея, Петра, Ивана и Максима Строгановых. Старый оброк в 12 алт. 3 ден. был взведен до 3 руб. с гривною братьями Балакшиными, а «Строгановы прикащики болши того не наддавали». Покос остался за братьями, он был оформлен поручной грамотой, которая отдана в Окологородную вол. целовальнику. Еще один большой покос на 700 копен в той же Окологородной вол. с оброком 5 руб. с

⁹⁴ Законодательные акты Русского государства. № 146. С. 126.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 137. Устюг. Кн. 277. Л. 19.

⁹⁶ Там же. Л. 20 об., 21 об.

⁹⁷ Там же. Л. 22 об., 23, 24–24 об., 25 об.

полтиной вместо прежнего в 3 руб. с полтиной сняли, перекупаясь с Ерофеем Исаковым «с товарищами», четверо крестьян. Неизвестно, как распределялись «княжие пожни» между совладельцами, но в среднем на каждого из них приходилось по 1 руб. с третью платежей и по 175 копен сена. В Пачеозерском стане Степан Иванов сын Шевригин «с товарищи» перекупили покос «на Соколове острове» на 160 копен, который прежде был «за Максимовыми детьми Строганова» с платой по 1 руб. 3 алт. 2 ден.⁹⁸

Таковыми съемами исчерпываются крупные аренды. Из них большая часть была групповой и коллективной, и только два — индивидуальных. Самый большой оброк в 4 руб. на С. Буторине, можно думать, что этот сьем не из нужды, однако прежний держатель угодья Петр Быков значился «с товарищи», возможно, сменился в группе «ответственный» сьемщик участка, он остался в коллективном пользовании. Совершенно очевидно, что при имевших место отдельных более крупных, чем остальные, оброчных участках в целом арендование угодий носило потребительский характер.

В оброчной тетради писцов И. С. Благово и В. Архипова есть еще три записи с большим платежом в 40 руб. 29 алт., 19 руб. 11 алт. 4,5 ден. и 3 руб., но они представляют собой суммарную цифру оброков, поступивших по росписи с завытных пашен сел Пятницкого и Петровского (самостоятельный административный и налоговый округ), собранных целовальником с черных крестьян, а также монастырским слугой Устюжского Архангельского монастыря⁹⁹. Два последних платежа взяты за текущий 1626 г. и два предыдущих года.

Всего же писцы собрали в Сольвычегодском у. «с пожен и пашен и со всяких угодий на 133 и 134-й годы 105 рублей 2 алтына полчетверты деньги», и Василий Архипов вместе с поданными в Устюжскую четверть книгами о сборе с оброчных денег внес и сами деньги, которые были «оприходованы» в соответствующих книгах¹⁰⁰.

Приходные книги Устюжской четверти также содержат данные о безоброчном пользовании угодьями, причем уездная администрация выявляла их и до указа 1625 г. В приходной книге 1625 г. находим: по росписи, присланной в 1617/18 г. из Сольвычегодска, в Пачеозерском стане «прибыло по государеве грамоте за приписью думного дьяка Петра Третьякова» с вновь рас-

чищенной пожни в Болдырском прилуке, «что владел Сенка Ефимов безоброчно. А ныне отдана на оброк Федоску Макарову, оброку рубль». Крестьяне Антропьевы Слободы косили «безоброчно лишка сверх вытей 560 копен», с которого заплатили оброка 1 руб. 4 алт.¹⁰¹

В 1621/22 г. в Устьянских волостях приказный человек Федор Вахромеев провел сыск и обнаружил в 4-х деревнях у крестьян и «за их складники сенных покосов, что они владели без дач и безоброчно сверх своих вытвых сенных покосов лишними», за которые они платят «новоприбылого» оброку 16 руб. 17 алт. 2 ден.¹⁰²

В Вохомской вол. Устюжского у. крестьяне пахали «на черном лесу доры безданно и безоброчно», и с этих пашен крестьян Авдея Ефремова и Фотия Андреева «с товарищи на трехнатцати человеках» был взят оброк 1 руб. 16 алт. 4 ден.¹⁰³

Приходная книга 1653 г. также сообщает о безоброчных участках, которые после обнаружения облагаются платежами. В Тотемском у. по сыску Ивана Малыгина 1650 г. выяснилось, что «пустота объявилась многая в жиле», а крестьяне «владели многими землями и сенными покосами безоброчно». С церковного старосты Стреленской вол. Устюжского у. взят новоприбылой оброк за сенокосную пожню, пока безымянную, расположенную у р. Сухоны, «что владел тою пожнею безоброчно владимерской поп Феодор» в размере 7 алт. Учитывая новоприбылые доходы за счет вышедших из льготы и вновь отданных на оброк угодий, книга фиксирует их на основе отписок и росписей, присланных с мест. В отписке тотемского воеводы Кузьмы Трусова говорится о начислении оброка в 13 алт. 2 ден. на крестьянина Григория Терентьева за пустошь Погорелую в четь выти, «что он, Гришка, тою пустошью владел без государева указа, без дачи и безоброчно»¹⁰⁴. Характерен в последнем случае акцент приказной формулировки, прорвавшейся в этой записи: «без государева указа». Почти все приведенные записи упоминают «безданное» или «без дачи», т. е. безоброчное, пользование. Под этим термином подразумевается отвод земли, оформляемый данной грамотой. Воззрение приказных администраторов однозначно: владение тяглой и пользование оброчной землей должно быть санкционировано «государевым указом», и не только в конкретном случае, но и в

⁹⁸ Там же. Л. 26–26 об.; Ф. 1209. Кн. 446. Л. 138–139.

⁹⁹ Там же. Ф. 137. Устюг. Кн. 277. Л. 31.

¹⁰⁰ Там же. Кн. 9. Л. 302.

¹⁰¹ Там же. Л. 133 об., 159. О П. Третьякове см.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 523.

¹⁰² РГАДА. Ф. 137. Устюг. Кн. 9. Л. 255.

¹⁰³ Там же. Л. 24 об.; Л. 37, 56 об., 61 об.

¹⁰⁴ Там же. Кн. 104. Л. 146, 171 об., 378.

силу верховенства правителя. В действительности же воззрение на чернососшные земли феодалов-администраторов сталкивалось с фактически захватным владением и пользованием крестьян пашенными и сенокосными участками. До тех пор, пока крестьяне обрабатывали угодья, утаивая их от уплаты, последние были в их полном обладании и владении, но фиск феодального государства настигал их. И тогда из четверти шло распоряжение типа: «А на Завьялке Васильеве с товарищи, которые теми санными покосы владели безоброчно, и по сыску велено на прошлые годы, сколько лет владели, *доправить владенье покопенно*». Это было направлено воеводе Чаронды Андрею Морткину в 1633 г. в связи со спором о пожне на р. Ухтоме, в Коротецкой вол., которой владел Завьял и которая была «обведена» (утаена) при писцовом описании. Замечательна резолюция: «И князь Ондрей Морткин о том о всем марта по 26-е число нынешняго 141-го году не писывал»¹⁰⁵.

Сольвычегодские писцы 1625 г. с новоприсадного песка на р. Вычегде — сенокосного угодья, которое дал крестьянам Коряжемского монастыря «на оброк воевода Мирон Хлопов», взыскали за 1621/22–1624/25 гг. по гривне на год, 16 алт. 4 ден., «и они того оброку со 129-го году не платили». Погасив задолженность (можно и так считать), на «нынешней на 134-й год с того песку по перекупу новые наддачи и с старым, что они перекупались Пачеозерские волости со крестьяны с Ерофейком Шелешепьевым с товарищи, оброку 17 алтын» также взяли писцы¹⁰⁶. Так что совершенно избежать обложения платежами крестьянам не удавалось, хотя утаить рощистную полянку было легче, чем тяглое угодье; но в микромире волостной общины (или ее части из группы соседних деревень) находился крестьянин, зарившийся на разработанное угодье и сообщавший властям о его утайке, и поземельные споры дают немало тому примеров.

Завершая рассмотрение вопроса об оброчных землях, следует отметить, что обеспеченность крестьян и тяглой и оброчной землей была более благополучной, чем в уездах и вотчинах Северо-Запада России. Тяглые угодья равнялись оброчным или немного превышали их. При общем снижении в обеспеченности крестьян той и другой землей доля оброчной в течение столетия увеличивалась. Пользование съемными землями из оброка настолько обыкновенно, что практиковалось их многолетнее и даже по многу десятков лет держание. И долгосрочность как раз подчеркивает

обычность этого вида землепользования. Однако подобное положение не исключало переобработки и увеличения арендной платы и не создавало условий для перехода оброчных угодий в собственность крестьян. Перевод с санкции государственных властей оброчных земель в тягло, временно-оброчное держание в виде отдачи участков «до жилья», свидетельствовали о переделе ренты, потребительно-стоимостной по своей сущности, из одной ее разновидности в другую.

¹⁰⁵ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1633. № 4-1. Л. 171.

¹⁰⁶ Там же. Ф. 137. Устюг. Кн 277. Л. 28 об.

XVI в., показали насыщенность содержания книг и ценность их для раскрытия хозяйственной жизни вотчины⁵.

Характеризуя как раз такую деятельность Новгородского Софийского дома, Б. Д. Греков использовал приходные и расходные книги XVI (1547, 1593 гг.) и XVII вв. (1653/54, 1657, 1661, 1698/99 гг.)⁶. Их материал ученый считал более реалистичным, нежели «условный язык» писцовых книг для поставленной им задачи — конкретного постижения хозяйственной организации и жизни Софийского городского двора. Отрасти домового хозяйства, профессиональный состав работников, их число, заработки, хозяйственно-правовой статус и другие вопросы исследовал Б. Д. Греков по приходо-расходным книгам на протяжении длительного периода: середины XVI в. — времени устойчивого хозяйства вотчины, конца столетия, обозначившего некоторый подъем хозяйства, разрушенного новгородской политикой Ивана IV, и времени после Смуты и особенно второй половины XVII в. Ученый проследил приспособление Софийского двора к конкретным условиям, изменения в правовом и материальном положении его работников, приобретение Домом черт вотчинника «со всеми существенными признаками крепостных отношений»⁷.

В конце 30-х гг. обозначился явный интерес историков к монастырским приходным и расходным книгам XVI — начала XVII в. Их начали использовать для освещения многих сторон социально-экономической и политической истории России. М. Н. Тихомиров в статье «Монастырь-вотчинник XVI в.», написанной в 1937 г., обратился к книгам 80–90-х гг. XVI в. крупнейшего из российских монастырей, Иосифо-Волоколамского, пользовавшегося благорасположением великих князей. Он считал, что приходо-расходные книги (вместе с вкладными) ярко рисуют «лицо древнерусского монастыря» и состав его вкладчиков, а земельные приобретения отражают перипетии внутриполитической борьбы. По сведениям книг ученый охарактеризовал виды повинностей (барщину, натурально-денежный оброк, мелкие поборы) и их объем, разные категории зависимого населения и их участие в несении повинностей и сборов⁸.

Публикации в 1936 и 1939 гг. приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря способствовали их дальнейшему

⁵ РИБ. Т. 2, 37.

⁶ Греков Б. Д. Очерки по истории Новгородского Софийского Дома XVI–XVII вв. // ЛЗАК. Вып. 33. Л., 1926. С. 213–214, 210, 263, 282, 289, 301.

⁷ Там же. С. 332.

⁸ Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник XVI в. // Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVI вв. М., 1973. С. 138–140.

изучению⁹. Б. Д. Греков привел сведения книг XVI в. о крестьянских выходах, сопоставляя их с действием правил Судебника 1550 г. о крестьянском отказе. Приходные и расходные книги, по мнению ученого, с большой наглядностью рисуют передвижения крестьян: их уходы и возвращения в монастырь, перемещения внутри вотчины, затраты монастыря, заинтересованного в крестьянских рабочих руках, на оплату выхода. Ученый видел ценность расходных книг в том, что они сохранились за значительный период XVI в., плохо освещенный документами; а многочисленные данные о выходах, содержащиеся в них, позволяют уверенно трактовать аналогичные разрозненные факты по другим монастырям. Материал приходо-расходных книг убедил Б. Д. Грекова в том, что 1580 г. был последним годом крестьянских переходов¹⁰.

Критически отнесся к заключению Б. Д. Грекова о времени прекращения крестьянского выхода Р. Г. Скрынников, который попытался дать свою оценку показаний тех же самых приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря. Он полагал, что книги как документы финансового назначения неполно отражали и перемены в составе населения. В них поэтому не могли попасть крестьяне, покинувшие монастырскую вотчину без уплаты пожилого. Отсутствие в книгах сведений после марта 1580 г. о крестьянских выходах он считал свидетельством не введения заповедных лет, а лишь прекращения денежных операций по взысканию и ссуде пожилого в соответствии с нормами Судебника 1550 г. Тем самым Р. Г. Скрынников усомнился в утвердившемся взгляде на хронологию заповедных лет¹¹.

А. А. Зимин, занимаясь социально-политической историей Иосифо-Волоколамского монастыря, не обошел своим вниманием монастырские приходо-расходные книги. Касаясь судьбы монастырского архива, он указал, что основная масса книг относится к 1573–1608 гг., и распределил их по разновидностям и хронологии, сопровождая краткой характеристикой содержания. В другой своей работе он полемизировал с Р. Г. Скрынниковым по вопросу о крестьянском выходе. Разбирая аргументы последнего, ученый показал неосновательность подсчета им срока прекращения записей о выходах. По ним, полагал А. А. Зимин, можно узнать, и

⁹ Бибииков Г. Н. Новые данные о восстании Болотникова // Исторический архив. Т. 1. М., Л., 1936; Тимофеев Н. Крестьянские выходы конца XVI в. // Там же. Т. 2. М., Л., 1939.

¹⁰ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Кн. 2. М., 1954. С. 291–297.

¹¹ Скрынников Р. Г. Россия накануне «Смутного времени». М., 1985. С. 155–157.

то примерно, время, когда монастыри перестали ссужать крестьянам деньги на уплату пожилго, но не причины этих фактов. Ученый подчеркнул также невозможность изолированного рассмотрения приходо-расходных книг от других источников¹².

А. А. Зимин в продолжении упомянутой публикации 1936 г. Г. Н. Бибилова опубликовал отрывки из 4-х приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1605/06, 1606/07, 1607/08 гг. Он отметил, что книги велись в двух-трех экземплярах и делились на «черные» и те, в которые сведения заносились последовательно в течение года, и «белые», которые переписывались с «черных» в конце года. Идентичность книг не была абсолютной. В «белых» книгах отсутствуют некоторые записи, имеющиеся в «черных», но находятся дополнительные сведения из памятей приказчиков, из чего вытекает необходимость использования и тех и других книг. Содержание изданных А. А. Зиминим фрагментов касается организации борьбы с восстанием Болотникова на разных его этапах, участие в ней Иосифо-Волоколамского монастыря. Оно сказалось в комплектовании и финансировании организованных монастырем отрядов и использовании их правительством Шуйского для борьбы с Болотниковым под Калугой и Тулой, а также в финансировании разоренных тульских детей боярских¹³.

Приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1606/1607 г., частично изданные Г. Н. Бибиловым, полностью опубликовали М. Н. Тихомиров и Б. Н. Флоря. Из этих книг предстает не только хозяйственное положение вотчины в условиях экономической разрухи и военных действий между войсками Болотникова и правительства, стремление монастыря сохранить вотчины и казну от разграбления, но и политическая ориентация крупнейшего русского монастыря, всемерно поддерживавшего правительство Василия Шуйского¹⁴.

Много сделал для изучения и публикации монастырских хозяйственных книг XVI в. А. Г. Маньков. Он установил преобладание среди разных хозяйственных книг — окладных, ужино-умолотных, оброчных, порядных и др. — как раз при-

¹² Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977. С. 34–35; он же. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 66–70.

¹³ Зимин А. А. К истории восстания Болотникова // Исторические записки. Т. 24. М., 1947. С. 353; Извлечения из этой публикации см.: Восстание Болотникова. Документы и материалы. М., 1959. С. 302–315.

¹⁴ Тихомиров М. Н., Флоря Б. Н. Приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1606/07 г. // АЕ за 1966 г. М., 1968.

ходных и расходных: из приблизительно 300 книг ученый выявил более 260 приходо-расходных, причем в основном по северным монастырям Соловецкому, Спасо-Прилуцкому, Антониново-Сийскому, Никольскому Корельскому и др. Большинство приходо-расходных книг относится к 70–90-м гг. XVI в., а от 30–50-х гг. их набирается едва ли более десяти.

А. Г. Манькову принадлежит также обстоятельная источниковедческая характеристика приходных и расходных книг XVI в. Он оценил монастырские хозяйственные книги, в том числе и приходо-расходные, как «документы текущего «бухгалтерского» учета крупных феодальных хозяйств — монастырских вотчин». Ученый развертывает это общее определение, основываясь на содержании книг, которые «представляют собой форму регистрации доходов, поступающих с вотчин и населявших их крестьян». А так как доходы учитывались и натурой и деньгами, то «регистрация всех видов ренты как экономической формы реализации феодальной собственности на землю, и проистекающих из них товарно-денежных операций, составляет основное содержание главнейших разновидностей книг»¹⁵.

А. Г. Маньков отмечает разносторонность сведений приходо-расходных книг, особенно ценных, по его мнению, для истории товарного производства и товарно-денежного обращения. Текущие записи доходов и расходов монастырского казначейства, памяти старцев, выполнявших отдельные службы и поручения (а северные монастыри вели книги центральной казны, книги отдельных служб, посылок, промыслов), дают подробный и конкретный материал об отраслях хозяйства в монастыре и отдельных его ячейках, о связи самого монастыря и его крестьян с рынком при господстве натурального хозяйства, о видах, размерах и сроках выплаты крестьянами податей. Все это убеждает, вслед за А. Г. Маньковым, во мнении об исключительной ценности, богатстве содержания и надежности источника¹⁶. По материалам книг ученый написал монографию, в которой показал состояние торговли, цены на важнейшие рыночные продукты, проследил динамику цен, а главное — вскрыл закономерности социально-экономического развития XVI в.¹⁷

Основательная проработка монастырских хозяйственных книг имела своим логическим завершением составление и публикацию

¹⁵ Маньков А. Г. Хозяйственные книги монастырской вотчины XVI в. как источник по истории крестьян // Проблемы источниковедения. Т. IV. М., 1955. С. 288, 294.

¹⁶ Там же. С. 301–305.

¹⁷ Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.-Л., 1951.

перечня, насчитывавшего 243 приходные и расходные книги XVI в. центрально-русских монастырей, находящиеся в разных архивохранилищах¹⁸. Кроме того, при участии и под редакцией А. Г. Манькова подготовлены к печати хозяйственные книги монастырей, которые увидели свет в конце 70-х гг. Среди них — книги Спасо-Прилуцкого монастыря последней четверти XVI в., Иосифо-Волоколамского монастыря за 70–90-е гг. этого же столетия¹⁹.

Отраслевая торговля, межобластные товарные связи, отдельные города как рыночные центры характеризовались с использованием приходных и расходных книг. С. В. Бахрушин, преимущественно по книгам Иосифо-Волоколамского монастыря, выяснил состояние ремесла, существовавшую порайонную специализацию в производстве всевозможных товаров, а также складывание территориальных рынков как основы будущего всероссийского рынка²⁰. Д. И. Тверская, изучая мелкую промышленность Москвы, ее городской рынок и связи с другими областями и центрами России, черпала данные из приходо-расходных книг дворцовых приказов: Казенного, Большого дворца и палат Государевой, Оружейной и Царицыной мастерских²¹. Исследователи рынка Устюга Великого в XVII в. также основывались на фактах приходо-расходных книг. А. Ц. Мерзон наряду с главным источником — таможенными книгами — использовал сведения о сборе прямых и косвенных налогов с населения Устюга из приходных книг Устюжской четверти; он также привлек приходо-расходные книги Троице-Гледенского монастыря, согласившись с мнением А. Г. Манькова о надежности их материала. Ю. А. Тихонов для выяснения посадских ремесел Устюга обратился к приходо-расходным книгам, возникшим в совершенно иной, чем приказная, сфере, а именно к книгам земских старост. Он дал их лапидарную оценку и отметил, что книги говорят об ассортименте производимых в городе ремесленных изделий, их стоимости, а также о реализуемых на местном рынке продуктах и изделиях, ценах на них. Обращение ученого к столь редко привлекаемому источнику, как книги земских старост, знаменательно в источниковой практике, и можно только сожалеть

¹⁸ Там же. С. 247–249.

¹⁹ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. / Сост. А. Г. Маньков. Вып. 1. М.; Л., 1978; Вып. 2. М.; Л., 1979; Вып. 3. М.; Л., 1980.

²⁰ Бахрушин С. В. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 1. М., 1952. С. 25–236.

²¹ Тверская Д. И. Москва второй половины XVII в. — центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959. С. 6, 71, 85, 92–94.

об их очень краткой характеристике²². Ремесла и мелотоварное производство российской деревни во второй половине XVII в. изучались также на материале приходо-расходных книг ряда центрально-русских монастырей и патриарших приказов²³, как и специализация вотчинного хозяйства, в частности, Саввино-Сторожевского монастыря²⁴.

Е. И. Колычева обратилась к приходным и расходным книгам XVI в. монастырей Центра и Севера России: Болдино-Дорогобужского, Чудова, Корнильево-Комельского и Кирилло-Белозерского, для характеристики их бюджетов как вопроса, наименее изученного в экономике России XVI в. Исследовательница выделяет среди приходных книги денежной казны, денежных и вещественных пожертвований; она проследила монастырские доходы и их источники, а также статьи и объемы расходов. Доходы монастырей складывались из пожертвований-вкладов, денежных поборов с крестьян, средств, получаемых от торговли, и некоторых других источников. Тратились полученные суммы на закупку товаров, оплату труда наемного и зависимого населения. Е. И. Колычева пришла к заключению, что самые необходимые для обеспечения жизни продукты и товары монастыри производили своими внутренними ресурсами, а приобретаемые ремесленные и сельскохозяйственные товары шли также на собственные нужды монастырей²⁵.

Приходные и расходные книги, но уже XVII в., центрально-русских монастырей: Иосифо-Волоколамского, Донского, Знаменского и Солотчинского — использовала Н. А. Горская для исследования «роли оброчных земель в крестьянском землевладении и землепользовании феодальной монастырской вотчины, с одной стороны, и в системе феодальной эксплуатации крестьянина монастырем — с другой»²⁶. Она отметила разные принципы составле-

²² Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывающегося всероссийского рынка (XVII в.). М., 1960. С. 38, 395.

²³ Муравьева Л. Л. Материалы писцовых, переписных и приходо-расходных книг о торгово-промышленном населении русской деревни второй половины XVII в. // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 174–183; она же. Деревенская промышленность Центральной России. М., 1971. С. 28.

²⁴ Дементьев Е. И. Приходо-расходные книги Саввино-Сторожевского монастыря как источник для изучения экономического положения центра России во второй половине XVII в. // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 184–191.

²⁵ Колычева Е. И. Денежный бюджет монастырей по приходо-расходным книгам XVI в. // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вып. 1. Вологда, 1976.

²⁶ Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977. С. 86.

ния книг в каждом из монастырей и охарактеризовала их с точки зрения содержания по изучаемому сюжету. Н. А. Горская показала, что книги обильно наполнены материалом для выяснения форм внаемного сьема земли; видов и размеров оброчных земель, контингентов крестьян, бравших такую землю, и т. д., т. е. достаточно широкого круга вопросов по столь важной проблеме, как арендное землепользование²⁷.

Однако не только монастыри вели приходные и расходные книги. Эти документы достаточно широко бытовали в разных хозяйственных ячейках российского общества XVI–XVII вв. Старосты сельских общин в монастырских вотчинах составляли приходо-расходные книги, причем в XVII в. регулярно. Приходные книги денежных сборов в общинах Покровского Суздальского и Донского монастырей позволили Н. А. Горской судить о практике и условиях извлечения денежной ренты в них²⁸. В свое время источниковедчески охарактеризованы и использованы мною приходо-расходные книги старост Спасо-Прилуцкого монастыря для выяснения организационной структуры общины, круга ее деятельности, а также соотношения государственных, вотчинных и мирских платежей²⁹.

Факт, что в черносошных общинах поморского Севера старосты или целовальники денежного сбора также составляли приходо-расходные книги, хорошо известен. Опубликованы, например, расходные (издержечные) книги целовальников Шемогодской вол. Устюжского у. за 60-е гг. XVII в.³⁰ М. М. Богословский ссылается на расходные книги земских старост, в которых учтены кормы и деньги, «подносимые» воеводе и подьячим³¹. Этот же момент отметил и Ю. А. Тихонов. Попутно скажу, что такие книги, ведшиеся в волостных и всеуездных мирах Севера, сохранились сравнительно плохо³².

Одну из расходных книг, возникшую в волостной общине Вятского у., раскрывающую ее повседневную жизнь, опубликовал в свое время А. А. Преображенский. Книгу в 1674/75 г. вел цело-

²⁷ Там же. С. 84–120.

²⁸ Там же. С. 237.

²⁹ Бакланова [Швейковская] Е. Н. Приходо-расходные книги мирских старост монастырской вотчины конца XVII в. как исторический источник // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вып. 1; она же. Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. С. 104–105, 139–144.

³⁰ АЮБ. Т. III. С. 198–231.

³¹ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 283–284.

³² См.: Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. Опись. М., 1972. С. 89–92, 97–98, 137–138, 244–246, 256–261, 278–282.

вальник Совьевской вол. Ученый справедливо писал, что материал расходной книги с наглядностью представляет будничные занятия земских властей, механизм их взаимоотношений с чинами государственной администрации, в особенности в связи с взиманием налогов, отметил также разнообразие сведений книг, обилие бытовых деталей. Он аттестовал книги целовальников как «своеобразный дневник жизни крестьянской волости»³³.

В работе использованы подлинные приходные и расходные книги второй половины XVII в., составленные во всеуездных мирах Сольвычегодска, Устюга Великого и Тотьмы³⁴. Причем выбраны книги по каждому из городов хронологически наиболее ранние из имеющихся в архиве. При первом знакомстве с книгами становится ясно, что их вели разные должностные лица: расходные книги 1653/54 г. Сольвычегодска ружный староста Роспута Пихтусов и 1666/67 г. Устюга — земские денежные сборщики Аврам Ильин и Афанасий Ключарев, а приходные и расходные книги 1675/76 г. Тотьмы — земский староста Иван Спасский. Другими словами, ведение книг входило в обязанность либо самих старост, либо специально уполномоченных на то целовальников денежного сбора или, проще, — денежных сборщиков. Форма ведения названных книг в принципе одинакова. Траты записывались в течение года по месяцам и числам, назывались купленные продукты или изделия, их количество и цена, у кого они приобретены и для кого — воеводы, подьячих, на мирские нужды, для тюрьмы и т. д., причем указывались имена мирских людей, присутствовавших при покупке и доставке купленного по назначению; если на воеводском, подьяческом дворах или в каких-нибудь других местах делались огородные, ремонтные или мелкие строительные работы, то фиксировались оплата этих работ и их исполнители.

Расходная книга сольвычегодского старосты Роспуты Пихтусова отличается от книг устюжской и тотемской большой обстоятельностью. Во-первых, ее предваряет несколько записей, касающихся прихода и говорящих об имеющихся в наличии у старосты денег: «В приходе у ружного старосты у Роспуты Максимова Пихтусова, что брал в первой побор по мирскому приговору ... У

³³ Преображенский А. А. Расходная книга земского целовальника Совьевской волости Вятского уезда 1674–1675 // АЕ за 1966 г. М., 1968. С. 408, 409. Материал книги использовал А. И. Копанев. См.: Крестьяне в XVII в. С. 212–226.

³⁴ РГАДА. Ф. 137. Сольвычегодск. № 23–6; Устюг. № 164. Книгу использовал Ю. А. Тихонов. См.: Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 2–395; РГАДА. Ф. 137. Тотьма. № 61а, 70; Оп. 2. № 179.

него ж старосты в приходе в другой побор, что брал по мирскому приговору на земской всякой мирской расход ... У него же Роспуты в приходе ...» (далее следуют еще пять подобных записей)³⁵. Таких указаний нет в расходных книгах устюжского и тотемского старост. Во-вторых, староста Роспута группирует записи своей книги по «тематическим» рубрикам, а внутри — ведет их по календарной хронологии. Каждый такой раздел книги имеет свой заголовок и начинается с нового листа: «Росход съезжие избы подьячим и земскому дьячку и счетным дьяком от счету» или «Росход всякой земской и к Василью Петровичу Отяеву» или «Росход таможенным приставом и покупка и поделка и милостыня в тюрьму и в богадельню» и, главное, «Расход к воеводе Петру Никитичю Веснину и подносы хлебом и колачами и мясом и рыбою и к столам деньгами и по приговорам»³⁶. Вот эти-то траты, столь подробно и колоритно, с современной точки зрения, обозначенные старостой Роспутой, превалируют в расходных книгах. Задержусь еще на приходных книгах тотемского старосты И. Спасского. Называя себя книгами, что следует из их заголовков «Книга приемная земского старосты Ивана Афонасьева сына Спасского на 184-й (1675/76) год другого побору по осми рублев с сошки»³⁷, они представляют собой тетради, составлявшиеся для приема каждого из поборов. Сохранилось три такие тетради на четыре побора: второй, как следует из приведенного только что заглавия, третий и четвертый, находящиеся в одной тетради³⁸, и седьмой, который также означен в заглавии. Тетрадь, содержащая два побора, не имеет заглавного листа, подобного тетрадям с записями второго и седьмого сборов. Лист утрачен, судя по удостоверительной собственноручной записи И. Спасского, которая начинается с части слога [зе]мь[ской]. Все тетради имеют по листам скрепы, основной же текст всех приходных книг написан одним почерком, беглым и размашистым, я бы сказала, профессионально-писарским. Книги велись в соответствии с административным делением уезда — посад и волости, причем записи по каждой из волостей начинаются с отдельного листа. Для каждой волости обозначены размеры оклада в сошках и рублях: «С Тотьмы с посаду с полуторы сошки 12 рублей»; «С волости с Окологородья с полуторы сошки 12 рублей». Под такими посошно-денежными по-

³⁵ РГАДА. Ф. 137. Сольвычегодск. № 23-6. Л. 3-4 об.

³⁶ Там же. Л. 15, 29, 53, 60.

³⁷ Там же. Тотьма. № 61-а. Л. 1.

³⁸ Там же. Оп. 2. № 179; Тотьма. № 70. Л. 1.

казателями окладов по мере поступления денег заносились сведения об их приеме: «В то число платил целовальник ...» и выдаче ему подтверждающей отписи³⁹. Волости с крупным окладом каждый побор платили в несколько приемов, даты которых также указывались.

Сравнение текстов всех тетрадей показало, что находящиеся в одной тетради два побора являются третьим и четвертым, а всего их было семь. Из них я располагаю четырьмя, отсутствуют первый, пятый и шестой. Книги тотемского старосты подлинны, однако они черновые, в них есть зачеркнутые места, сделанные для памяти записи, подсчеты. Тетради были той первоосновой, по которой составлялись приходные книги набело. Наблюдения над текстом приходных книг убедили также в том, что сначала по всей тетради разносились показатели окладов всех волостей (они написаны всегда вверху листа) и далее оставлялись чистые страницы для записей о приеме денег. Об этом говорят незаполненные текстом пространства страниц и уплотненное письмо на некоторых листах, предшествующих записям поступлений с новой волости.

Итак, разные ячейки феодального общества — монастырская вотчина, и крестьянская община, черносошная или владельческая, создали в результате своей деятельности одинаковые документы — приходные и расходные книги. И община как объединение мелких производителей, и монастырская вотчина как корпоративный собственник были производственно-экономическими структурами; а крестьянская община монастыря и сам монастырь как хозяйственный комплекс находились в соподчинении и взаимосвязи, представляя собой единицы разных рангов.

Однако приходо-расходные книги отложились и в производственной сфере жизни XVII в. Их вели в центральных учреждениях — приказах и приказах-четвертях, а также в местных учреждениях — приказных избах. Книги приказов достаточно давно известны, но сравнительно слабо введены в научный оборот. Уже А. С. Лаппо-Данилевский, П. Н. Милюков, С. Б. Веселовский по достоинству оценили сведения книг и их важность для исторической науки. Недостаточное использование книг объяснялось неудовлетворительностью справочного аппарата, имевшегося в архиве (вплоть до начала Великой Отечественной войны)⁴⁰. В 60–70-е гг. положение изменилось, но эти источники все еще не нашли должного применения. В изданиях Русской исторической библиотеки

³⁹ Там же. Ф. 137. Тотьма. № 61-а. Л. 2-3 об.

⁴⁰ Книги московских приказов. С. 4.

А. С. Лаппо-Данилевский опубликовал кормленую книгу Костромской четверти, а С. Б. Веселовский — ряд приходных и расходных книг в основном за второе десятилетие XVII в. (Владимирской чети за 1613/14 г., Новгородской — 1614/15 г., Разряда — 1614/15 и 1616/17 гг., Устюжской — 1618/19 г. и книгу золотых и золоченых денег в Разряде за 1612/13 — 1618/19 гг.)⁴¹. Л. М. Сухотину принадлежит публикация кормленых книг Галицкой и Владимирской четвертей⁴². С. Б. Веселовский еще подготовил к публикации приходные и расходные книги Новгородской, Устюжской четвертей и Разрядного приказа за 1619–1621 гг. Они увидели свет в 1983 г.⁴³

Разбирая территориально-сословный принцип распределения налогов и отмечая областной характер четвертей, А. С. Лаппо-Данилевский упоминал о ведшихся в них приходных книгах. Он говорил о форме и порядке записей в приходной окладной книге Устюжской четверти 1672 г., отмечал, что «сборы записывались по каждому году в отдельности по мере их поступления с означением месяца и числа, когда внесена та или другая сумма»⁴⁴. Более подробно он остановился на приходной книге Владимирской чети 1670 г. О расходных книгах А. С. Лаппо-Данилевский не упомянул вовсе. П. Н. Милюков, судя по сноскам в его работе, знал приходные книги Устюжской четверти, по преимуществу последней четверти XVII в.⁴⁵ Однако из-за затруднительности пользования книгами упомянутые ученые обращались к сметным росписям.

Приходные и расходные книги четвертей, и в частности Устюжской, составляют в архивном фонде значительный массив: 105 приходных за 1620/21 — 1703–1705 гг., 80 — расходных за 1618–1701 гг.⁴⁶ Они разной сохранности, значительная часть их без начала или конца. Выбрать книги без дефектов, приходную какого-либо года и расходную следующего года, оказалось непросто. Этой сложностью объясняется до некоторой степени датировка книг, привлеченных к изучению, а именно: приходные книги за

1625/26, 1652/53 гг. и расходные за 1626/27, 1653/54 гг., дополненные приходной книгой 1620/21 и сметой 1626/27 гг.⁴⁷

Приходные книги каждого текущего года имели заголовок типа: «Книга прихода государевым и великого князя Алексея Михайловича всея Руси Устюжской четверти денежным доходом при окольном при князе Иване Ивановиче Лобанове-Ростовском да при дьяке Иване Протопопове лета 7161-го году»⁴⁸. Они фиксировали прежде всего наличные суммы, оставшиеся от расхода предыдущего года и включенные потому в приход текущего, затем имеющиеся недоборы каждого из налогов и сборов за несколько прошлых лет по городам и волостям уездов. Основное содержание приходных книг — записи о поступлении налогов: окладных четвертных денег, денег за стрелецкие хлебные запасы; кабацких, таможенных и неокладных сборов. Поступления с поморских городов помещены в книгах прежде, чем с замосковных, также входивших в ведение Устюжской четверти (это Великие Луки, Ржев, Руза, Бежецк, Можайск, Дмитров и др.).

Записи о поступлениях велись по уездам, сначала по посаду, а затем по каждой из волостей в следующем порядке: Устюг, Сольвычегодск, Тотьма, Устьянские волости, Чаронда и далее города замосковные. Обозначив сошный оклад («в Окологородном стану (Сольвычегодский у.) в черных деревнях и в пустошах пять сох и пол-полчети ...»), номенклатуру налогов («за наместнич корм и за присудных пошлинных людей доход, дани и запросу, и за поминочные черные соболи, и ямские и приметных денег» и т. д.), размер их по видам, и, подытожив их («И всего с Окологородного стану данных и оброчных денег ... по окладу ... рублей»), подьячий записывал с указанием даты поступившие «в то число» либо взносы, либо сразу всю сумму дохода. При этом он, основываясь на книге предыдущего года, заранее записывал требуемый текст, оставляя свободным пространство листа, которое заполнял по мере поступления взносов; стремясь уместить записи на оставленном месте, подьячий писал мельче и плотнее, если налоги поступали мелкими суммами. Указывал он и имена мирских должностных лиц, плативших и доставлявших налоги. Каждый взнос в кассу четверти подтверждался пометой «взято», которая написана почерком, отличным от основных записей. В конце приходной книги приведены сборы неокладных денег — всякого рода пошлин.

⁴¹ РИБ. Т. 28.

⁴² Сухотин Л. М. Четвертки Смутного времени (1604–1617). М., 1912.

⁴³ Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983.

⁴⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 458–459.

⁴⁵ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 65, примеч.

⁴⁶ См.: Книги московских приказов. С. 196–220. По Новгородской четверти приходных книг за 1614/15 — 1696/97 гг. 24, расходных за 1614/15–1701 гг. 32 (Там же. С. 60–65).

⁴⁷ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 9, 104 (приходные), № 12, 19, ч. 1–2 (расходные); Ф. 141. Оп. 2. № 26 (смета).

⁴⁸ Там же. Ф. 137. Устюг. № 104.

Расходные книги — сложного состава. Значительная часть их объема — это «кормленные» книги, т. е. фиксация раздачи денежного жалования боярам и служилым городским дворянам, начиная с наивысшего оклада в 600–500 руб. и кончая низшим — 5 руб. Собственно обозначение размера оклада и поименное перечисление лиц с указанием их чина (звания), получавших оклад, составляют основное содержание расходных книг. В конце указаны суммы, переданные «по памятям» из Устюжской четверти в приказы — Стрелецкий, Разрядный и др. Заключительные записи книги — расходы четверти на свои внутренние нужды. Такова общая характеристика приходных и расходных книг Устюжской четверти.

Приходные и расходные книги четвертей не имеют итогов. Их задача состояла в подробном фиксировании поступавших в течение года доходов, а сами они с этой точки зрения были своеобразными отделениями (частями) государственной казны. Приходные книги наполнены записями о мелких поступлениях, например, за отдельные оброчные держания, привезенных с мест представителями уездных миров. А сами книги значительны по своему объему, от 250–300 до 600 архивных листов. Каков же смысл столь громоздкого, очень конкретного и мало обобщенного материала?

По окончании года на основании приходной книги четверть составляла смету или сметную роспись — отчет за истекший год, которая и подводила итоги: поступлений текущего года, как окладных, так и неокладных доходов, которые слагались в соответствии же с суммарным сошным окладом во всех «поморских и московских городах»; недоимок прошлых лет по городам и видам налогов; сумм, израсходованных на местные нужды «в городах»; а также сумм, недоплаченных в течение истекшего года, которые предполагалось получить в следующем году. Оставшиеся недоимки и наличные суммы переносились в новую приходную книгу. Смета имела заголовок типа: «Смета государевым и царевым и великого князя Михаила Федоровича всея Руси денежным четвертным доходам Устюжские четверти сентября с 1-го числа нынешнего 135-го (1626) году сентября ж по 1-е число 136-го (1627) году»⁴⁹. Она, так же как и приходная книга, открывалась обозначением суммы, оставшейся «за расходом» от 134-го «в нынешней 135-й год», а далее излагался материал по названным выше вопросам.

⁴⁹ Там же. Ф. 141. Оп. 2. № 26.

Так что приходные книги и сметные росписи, ведшиеся в четвертях, два взаимосвязанных бухгалтерско-финансовых документа, из которых второй — обобщающего характера, дающий сводные цифры по разновидностям налогов и неокладных платежей. Они вкуче свидетельствуют о достаточно хорошо налаженной финансовой практике и учете. В четвертях были разработаны и контрольные меры, заключавшиеся в счете — проверке специальной комиссией из подьячих правильности счетоводства и ведения приходо-расходных книг. Результаты такой ревизии заносились в счетные списки.

Сметы четвертей, содержащие итоговые цифры всех поступлений, — благодатный источник для выяснения номенклатуры государственных налогов, объемов их поступлений, реконструкции статей, составлявших государственную роспись доходов и расходов, что проделал П. Н. Милюков в не утратившей по сию пору значения первой вступительной главе своей книги о государственном хозяйстве России в петровское время. Приходные книги четвертей раскрывают самый механизм поступления налогов, а оно не было единовременным (хотя и приурочено к определенному сроку, например, к Сретению), зависело от неравномерного сбора налогов на местах. Содержание приходных книг более приближено к налогоплательщику, нежели сведения смет, принявших обезличенную форму государственных доходов по отдельным приходным статьям.

Приходо-расходным книгам местных органов управления уделялось еще меньше внимания, чем книгам центральных приказов. В обзоре книг Псковской приказной избы XVII в., хранящихся в Псковском государственном объединенном историко-художественном и архитектурном музее-заповеднике, А. П. Богданов и А. И. Плигузов остановились на приходных и расходных книгах 1630–1660-х гг. Они перечислили статьи окладной и неокладной частей как тех, так и других книг и отметили стабильность состава окладных доходов и расходов. Авторы видят значение приходо-расходных книг для изучения социально-экономической структуры городов Псковской земли, фискальной деятельности местной администрации, ее финансирования из местного бюджета в течение 30-летия «с начала войны за объединение русских, украинских и белорусских земель до Андрусовского перемирия»⁵⁰.

Приходо-расходные книги Псковской приказной избы 1630–1660-х гг. подверглись специальному источниковедческому анали-

⁵⁰ Богданов А. П., Плигузов А. И. Книги Псковской приказной избы XVII в. // Советские архивы. 1987. № 4. С. 80.

зу: их состав, методика составления, степень достоверности и полноты сведений. Книги учитывали средства, собиравшиеся и расходовавшиеся в Псковской земле. Они состоят из приходной и расходной частей, «сметы денежных доходов и расходов» и завершающей ее росписи на следующий год. Э. Л. Моппель справедливо считает приходо-расходные книги итоговым документом, вторичным по отношению к книгам отдельных сборов⁵¹. Подробно рассматривая, из каких статей, окладных и неокладных, складывался приход (остаток прошлого года, недоимки прошлых лет, поступления текущего года со Пскова и уезда, его пригородов) и расход (жалованье подьячим каждого из пяти столов приказной избы и нижнему звену городских служб, служилым людям гарнизона; нужды самой приказной избы, на «городовое дело» и на «ямские прогоны» и др.) денежных средств, как они фиксировались в соответствующих частях книг, а также в смете как итоговом документе, отсылаемом в Новгородскую четверть, автор оценивает части книг «как важнейшие первоисточники по учету ежегодных активов и пассивов Псковской земли»⁵². Однако в этой статье автор предложил только формулярно-содержательную характеристику приходо-расходных книг и не коснулся конкретной реализации их сведений. Обособленное рассмотрение книг без сопоставления их с приходными книгами Новгородской четверти создает впечатление, что все поступающие в приказную избу доходы оседали на месте и тратились на нужды местного бюджета. Во всяком случае, автор не упомянул об отсылке доходов (а в учете их вместе с расходами он видит «главное назначение книги») в центральный приказ, что происходило в действительности⁵³. Ведь на местные нужды Псковской земли, точнее, местных администрации и гарнизона, отчислялась значительно меньшая доля поступающих в приказную избу доходов, чем отсылаемая в центр.

Управленческая структура России XVII в., как видно из сказанного, породила такой же тип документа — приходные и расходные книги, как и экономическая.

Вести какое-либо хозяйство, будь то монастырское, общинное и тем более государственное, и не представлять оборота поступлений, натуральных либо денежных, невозможно. И потому каждая из названных ячеек создала соответствующее подразделение, госу-

дарство и монастырь — каждый свою казну, община — столец. Учетные документы приказов, как известно, выросли в канцелярии великокняжеской казны. Выяснение времени и обстоятельств возникновения приходных и расходных книг может рассматриваться как вполне самостоятельная источниковедческая задача.

Приходные и расходные книги, создававшиеся в разных общественных ячейках, объединяет их назначение. Оно состоит в учете денежных средств. Учет — вот главный стержень, организующий все эти книги. Название источника точно отражает цель их составления: поступление (приход) и траты (расход) денежных средств. Общий признак (учет), присущий книгам, позволяет выделить их в самостоятельный тип источника.

Типологическая общность книг сказывается на форме их ведения, подаче сведений, на некоторой идентичности записей, совпадении отдельных статей формуляра. Все они охватывают календарный год, записи ведутся по месяцам и дням. Так, приходные книги Болдино-Дорогобужского монастыря 90-х гг. XVI в. и приходные книги Устюжской четверти 1653 г. отмечают имеющийся в кассе остаток к началу ведения книги, статьи поступлений: налогов и податей, разных пошлин, оброчных платежей за наем угодий. В монастырских приходных книгах и общинных найдем суммы государственных налогов, но в монастырских «со всей вотчины» (или крупных ее подразделений), а в общинных с каждой из волостей и в несколько их поступлений.

Содержание книг, конечно же, зависит от той социальной ячейки, в которой они возникли. Именно характерность содержания позволяет проделать внутритиповое подразделение приходных и расходных книг. Наиболее простое их членение — по происхождению, т. е. по тому комплексу, в котором они составлялись: 1) общинные, 2) вотчинные, 3) приказные и т. д. Можно предложить другой классификационный вариант. Уже говорилось, что община и вотчина были элементами экономической структуры, а четверти — административно-управленческой. Тогда внутритиповое деление книг будет выглядеть следующим образом.

Приходо-расходные книги: I — хозяйственно-экономические: 1) общинные — а/ крестьянские, аа/ черносошных крестьян, аб/ дворцовых, ав/ владельческих; б/ посадские ...; 2) вотчинные а/ монастырские, аа/ патриаршие, аб/ архиерейских домов; б/ частно-сеньориальные. II — государственно-хозяйственные: 1) центрально-административные а/ четьей б/ других приказов и т. д.; 2) местного управления.

⁵¹ Моппель Э. Л. Приходо-расходные книги Псковской приказной избы // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXII. Л., 1991. С. 207.

⁵² Там же. С. 213.

⁵³ См.: Приходо-расходные книги московских приказов. С. 16–24.

Дальнейшее выявление прихода-расходных книг, работа с разными их видами поведет к уточнению и совершенствованию предлагаемой классификации.

Содержание прихода-расходных книг зависит также от функций и основных направлений деятельности хозяйственных и административных ячеек. Уже было сказано, что приходные книги монастырской крестьянской общины, самого монастыря имеют материал о сборе государственных налогов; поступления налоговых сумм отразили и приходные книги четвертей. Как видно, для приходных книг, отложившихся в деятельности разных организаций, характерна некая общность. Однако в монастырских приходных книгах данные о сборе государственных налогов сопутствуют сведениям о монастырских податях, денежных вкладах, поступлениях от товарных продаж, по кабалам и др., и среди самих записей прихода они не преобладают. В приходных книгах четвертей, которые были своеобразными кассами государственных доходов, именно поступление государственных налогов: прямых, косвенных — таможенных, кабацких, разных сборов — оброчных, пошлинных, составляет главное их содержание.

Рассматривая приходные книги поступательно: крестьянской общины, вотчины-монастыря, государственного учреждения — приказа убеждаемся в неодинаковом объеме сведений одной и той же тематики и разной степени информативности. Обстоятельность и конкретность данных приходных книг общинных старост (дата, сумма, имя доставившего взнос) уступает место абстрагированному от конкретного налогоплательщика фиксированию сумм с крупных единиц — городов и уездов в приходных книгах четвертей.

Расходные книги целовальников денежного сбора, волостных или уездных, черносошных общин наполнены данными о еженедельных, ежедневных тратах на кормы воеводам, подьячим, низшим чинам съезжей и земской изб, оплату огородных, ремонтных и других работ, о расходах, связанных со сбором и отправкой государственных налогов, проездом чинов государственной администрации. Книги всеуездных устюжского, сольвычегодского, тотемского старост можно условно назвать даже книгами «кормов», ибо траты на покупку продуктов, предметов утвари, дров, свечей для местных администраторов преобладают над другими. Расходные книги четвертей при всей их непохожести на книги мирских старост по своей глубинной сущности близки им. Книги четвертей — «кормленные» и предназначены для раздачи денежного жалованья («корма») дворянам разных рангов, в основном городовым.

Собственно, исследователь имеет дело с количественным и качественным изменением информации в приходных и расходных книгах по определенному вопросу, — это во-первых. Во-вторых, разновидности однотипного источника характеризуют исторические объекты — общину, монастырь и его хозяйство и т. д., находящиеся на различных ступенях феодального общества. Эти книги, как всякий источник, наряду со сведениями, прямо отвечающими задаче их составления, содержат дополнительную информацию, словно бы побочную по отношению к основной. Благодаря чему можно судить о предметах или каких-то сторонах деятельности отдельных представителей той или иной социальной группы, прямо не проистекающих из назначения книг.

В связи с различным объемом информации по одной тематике в книгах разных типов вопрос о полноте и достоверности сведений приходо-расходных книг может звучать в несколько ином ключе, чем при рассмотрении книг каждого из типов. Источниковедческий анализ, допустим, приходо-расходных книг мирских старост (либо черносошных, либо монастырских общин) предполагает оценку достоверности и полноты их известий по вполне конкретным вопросам; например, охватывают ли записи весь календарный год или они отсутствуют за какие-то месяцы, есть ли пропуски характерных или других данных; имеются ли удостоверительные записи «счетчиков», т. е. должностных лиц, уполномоченных ревизовать («считать») правильность ведения старостой или целовальником книг, а главное, соответствие расходных статей и истраченных сумм и т. д. При изучении книг одного типа, тем более за несколько хронологических моментов на длительном временном отрезке, встают определенные вопросы полноты и достоверности. Книги разных типов, но одного вида позволяют выделить и установить вариации полноты данных по тому или иному вопросу в зависимости от типа книг, а также сквозные сюжетные линии, присущие виду в целом.

Взаимосвязанное рассмотрение разновидностей книг со всей очевидностью вытекает из сказанного. Приходные и расходные книги — богатейший источник по социально-экономической истории, и конкретнее — о поступлениях налогов и их распределении, о торговле и рыночных отношениях, о местном и центральном управлении, государственном бюджете, структуре общины, источник по материальной культуре и некоторым обычаям, в частности престольным праздникам, ментальным представлениям. Следует учитывать это и подходить к приходо-расходным книгам как комп-

лексному источнику. Он дает возможность выявить общие, свойственные им всем (или большинству) характеристики, а также специфические и особенные. Пожалуй, только общинным расходным книгам присущи скрупулезные записи о тратах на поденное содержание и корм чинов местного административного аппарата. Расходные книги четвертей содержат объемную информацию о раздаче денежного жалованья дворянам.

Из сказанного о приходных и расходных книгах становится ясно, что в целях дальнейшего их исследования необходимо выявление разных видов книг XVII в. Может быть, в первую очередь монастырских, продолжая начатое А. Г. Маньковым дело. Целесообразно самостоятельное штудирование разных типов приходных и расходных книг: монастырских, общинных и т. д. по регионам и за длительные хронологические отрезки. Комплексное изучение приходных и расходных книг, тем более в сопоставлении с другими хозяйственными книгами, будет способствовать углублению знаний о порайонном состоянии экономики России, ее неоднородном развитии, а также о стратификации тогдашнего общества.

Приходные книги, в особенности книги четвертей, интересны еще своей явственной связью с писцовыми, они логически как бы продолжают друг друга, хотя сближала их не цель составления, она как раз — разная, а глубинная причина — присвоение и реализация ренты. Критерий обложения и его объем, подытоженные в писцовой книге по тому или иному податному округу, служили тем основанием, на котором базировалась приходная книга. В ней два главных показателя, а именно, сошный оклад и соответствующий ему денежный доход, зафиксированные последним по времени писцовым описанием.

Копировался ли в приходной книге итог писцовой книги по любой из административных единиц или излагался, это может быть установлено при специальном источниковедческом изучении приходных книг и их сопоставлении с писцовыми. Сейчас можно сказать, что итог писцовой воспроизводился в приходной книге не целиком, а в той части, которая касалась только размеров обложения и доходов (причем сопоставление окладов с предшествующим описанием и произошедшие изменения опущены). Величина сошного оклада, номенклатура налогов во всем их разнообразии, размер податей по видам, оброчные статьи и, наконец, общая сумма налогов вписаны в приходную книгу из писцовой без изменений. Это обстоятельство, думаю, большой важности. Ибо приходные книги четвертей позволяют при утрате писцовых книг по-

лучить конкретные данные о сошном и денежном окладе той или иной волости или стана, того или иного посада или уезда, т. е. восстановить оба главных итоговых показателя найденной или погибшей писцовой книги.

М. М. Богословский в свое время писал, что «писцовых книг по Чаронде не сохранилось, так что ее административное деление приходится восстанавливать по случайным документам»⁵⁴. Благодаря публикациям А. И. Андреева стали известны книги по Чаронде и Ваге⁵⁵. Для цели, указанной М. М. Богословским, а также для хозяйственной характеристики деревни как земледельческого поселения и двора как производственной единицы необходима, конечно, писцовая книга. Представить податной потенциал более крупного, чем деревня, административного округа — волости, стана и уезда в целом — возможно по приходной книге, в данном случае Устюжской четверти за 1625/26 г. Из нее видно, что Чаронда платила налоги по писцовым книгам Алексея Зубова и Михаила Неверова 132 (1623/24) г.⁵⁶ Уместно привести свидетельство из доклада Устюжской четверти от июня 1630 г., которое упоминает список с книг, «каков список прислан после пожару с Чаронды к Москве за Федоровую рукою Извольского», а в 1669 г. четверть констатировала: «И чаранских писцовых и дозорных подлинных книг в приказе Устюжской чети нет. А сыскан список с книг письма и меры Алексея Зубова 132-го году ...»⁵⁷. Ясно, что книги по Чаронде погибли во время московского пожара 1626 г.

Кроме того, приходная книга Устюжской четверти 1620/21 г. ссылается на дозор, проведенный в Чарондской округе в 125 (1616/17) г. Авксентием Дашковым и подьячим Григорием Рукавовым⁵⁸.

⁵⁴ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 1. М., 1909. С. 27; Приложение 1. С. 58.

⁵⁵ Андреев А. И. Заметки по истории русского Севера. Писцовые и переписные книги по Ваге и Чаронде // ЛЗАК. Вып. 35. Л., 1929. С. 176; см. также: АПД. I. С. 229.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 9. Л. 240.

⁵⁷ АПД. II. С. 165; IV. С. 8. В выписке есть и иная формулировка: «А чаранских писцовых книг в приказе Устюжские чети нет, а сыскан с писцовых книг Алексея Зубова 132-го году список» (Там же. С. 12). Ср.: Мюллер Р. Б. Крестьяне Чарондской округи в XVII в. // Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни. Вып. IV. Вологда, 1973. С. 279.

⁵⁸ Приходо-расходные книги московских приказов. С. 378. А. И. Андреев упоминает дозорную книгу 123 (1614/15) г. Якова Федоровича Шушерина, но не называет дозора 125 г. (ЛЗАК. Вып. 35. С. 176). С. Б. Веселовский перечисляет следующие дозоры Чаронды: 123 г. Я. Ф. Шушерина, 125 г. А. Дашкова и Г. Рукавова, 129 г. С. Яковлева и П. Иевлева (Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 1. С. 55; см. также: Мюллер Р. Б. Указ. соч. С. 278–279).

Об описании Устьянских волостей 1564/65 г. известно из переписной книги 1645 г. Однако сведение о нем содержится в источниках более раннего времени. Как свидетельствуют приходные книги Устюжской четверти 1620/21 и 1625/26 гг., Устьянские волости платили тогда по сотной грамоте с писцовых книг Ивана Петровича Невежина и Петра Афонасьева 1564/65 г.⁵⁹ В 1644/45 г. дьяк Устюжской четверти Мина Грязев (он ведал ее с 1 марта 1644 до мая 1649 г.⁶⁰) докладывал о накопившейся с 1638 по 1645 г. недоимке денег за стрелецкие хлебные запасы. И царь Михаил Федорович, «слушая выписки, указал в Устьянские волости послать писцов с мерою, потому что в тех волостях писец был в 73-м (1564/65) году, тому восемьдесят лет»⁶¹.

Таким образом, ценность приходных книг четвертей повышается дополнительно за счет внутренне обусловленной связи их с писцовыми книгами. Благодаря чему последние предстают в несколько ином качестве, ломая стереотипное исследовательское отношение к себе, и продолжают свою жизнь в источнике совершенно другого рода.

Вклад крестьян в государственную казну

Содержание государственных органов управления, принуждения, защиты требовало немалых средств и целиком было возложено на подвластное население.

Система налогообложения в широком понимании — тема, давно исследуемая историками. Единицы обложения, время и порядок их введения и смены, разнообразие налогов и повинностей по видам, их классификация, группы податного населения, платившие и свободные от их несения, способы раскладки и взимания платежей, роль общинных властей в этом и др. — на всех этих вопросах прежде всего сосредоточивается внимание исследователей. Названные сюжеты имеют самостоятельное значение, и правомерно изучение как каждого из них, так и их сочетаний.

Хорошо известны фундаментальные работы по данной теме А. С. Лаппо-Данилевского, П. Н. Милюкова, С. Б. Веселовского, М. М. Богословского, Ю. В. Готье и др., касающиеся России в

целом и отдельных ее регионов⁶². Их усилиями был введен в научный оборот большой пласт источников, в особенности кадастровых, на их основе поставлен и разрешен целый ряд вопросов налогообложения. Интенсивно ведшиеся с 1960-х гг. исследования по социально-экономической истории России, будь то изучение феодальной вотчины как экономического комплекса или крестьянского хозяйства как низшей производственной ячейки в качестве самостоятельных тем либо в их соподчиненности, не обходят проблем налогообложения. В работах с большей или меньшей степенью подробности, зависящей от поставленных авторами задач, затрагиваются вопросы, относящиеся к государственной системе налогообложения. Назовем, к примеру, вышедшие в 70–80-х гг. монографии Н. А. Горской, Е. Н. Баклановой, И. А. Булыгина, А. И. Копанева, Е. И. Колычевой, А. Л. Шапиро, Л. Н. Вдовиной и др.⁶³ Разностороннее изучение системы налогообложения, выявление наиболее разработанных и слабоизученных вопросов темы, постановка новых задач, без сомнения, заслуживает отдельного историографического исследования.

Разнообразные сюжеты данной проблемы характеризуются в нашей историографии по преимуществу с точки зрения оценки тягот налогообложения для податного населения — сельского и городского. Выясняется степень фискального гнета, отмечается его усиление. При всей бесспорной важности такого подхода — это один аспект в исследовании большой темы. Другой, тесно связанный с первым, состоит в выяснении назначения, распределения и использования поступавших налоговых средств. Ему уделяется значительно меньше внимания, а он заслуживает пристального рассмотрения. Ведь распоряжение государственными доходами, их использование, организационные формы, в которые облекалось их распределение, уже есть свидетельство эволюции политической си-

⁶² Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч.; Милюков П. Н. Указ. соч.; Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 1–2. М., 1915–1916; Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2; Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. М., 1937.

⁶³ См.: Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община; Горская Н. А. Указ. соч.; Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977; Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Л., 1982; Копанев А. И. Крестьяне в XVII в.; Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. М., 1986; Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от «смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986; Колычева Е. И. Аграрный строй России XVI в. М., 1987; Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). Л., 1987; Вдовина Л. Н. Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. М., 1988; и др.

⁵⁹ Приходо-расходные книги московских приказов. С. 377; РГАДА. Ф. 137. Устюг № 9. Л. 230.

⁶⁰ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 138.

⁶¹ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 104. Л. 148.

системы и самой государственной машины. Разносторонняя взаимосвязь вопросов, выявляемая этими аспектами, обнаруживается в действии финансовой системы. Таким образом, финансовая система, понимаемая широко, история финансов вырисовывается как комплексная проблема общественного строя.

Отчетливее всего финансовая организация государства выражена в бюджете. Собственно бюджетная роспись через приход (доход) и расход денежных средств отражала две важнейшие функции феодального государства: отчуждение и присвоение (распределение). При изучении каждой из них, и в особенности второй, задачи могут и должны конкретизироваться и уточняться. Центр тяжести при исследовании второй функции перемещается: уже не податное население, как при первой, а сами феодалы и обеспечение их нужд становится объектом изучения.

Бюджет — качественная ступень в развитии финансово-налоговой системы. Он появился не вдруг, его становление длилось на протяжении значительного времени. Централизованный государственный бюджет — это прежде всего общий финансовый закон, утвержденный (что следует подчеркнуть) верховной властью и выраженный сметой доходов и расходов. Отличительная черта бюджета — его единство. Бюджетная роспись охватывает доходы и расходы всех без исключения ведомств страны, не допуская обособления сумм ни одним из них; для нее характерны строгая финансовая дисциплина и обязательное расходование отпущенных сумм в течение бюджетного года. Единство бюджета неминуемо влечет за собой единство кассы, которое, в свою очередь, возвышает роль контроля, располагающего правом вмешательства в финансовую деятельность любого из государственных учреждений. Единый бюджет обязывает начальников ведомств строго руководствоваться утвержденной номенклатурой расходов⁶⁴.

О едином бюджете в России можно говорить начиная с 1862 г., а до того государственные сметы (и в первой половине XIX в.) механически соединяли в себе сметы отдельных ведомств. В течение всего XVIII в. правительство пыталось составить общегосударственную роспись доходов и расходов. Однако, как заметил С. М. Троицкий, «правительство имело не единый государственный бюджет в современном понимании этого термина, а ком-

плекс бюджетов отдельных ведомств, дающих весьма общее представление о предполагаемых расходах»⁶⁵.

Законодательное утверждение бюджета можно считать высшей фазой в его становлении. Учитывая это обстоятельство, не вполне правомерно употреблять термин «бюджет» по отношению к доходам и расходам государственных учреждений XVII, да и XVIII вв. В России в XVII в. не существовало ведь центрального финансово-го учреждения, а разнообразные финансовые дела были рассредоточены в разных приказах и сочетались с административно-управленческими и судебными. Отсутствовала и общая для всего государства казна. Финансы не выделялись в самостоятельную отрасль государственного хозяйства. Поэтому к добюджетному периоду, вероятно, правильнее применять понятие «смета» или «роспись доходов и расходов».

Как известно, в литературе первой общей росписью доходов и расходов центральных учреждений считается роспись 1680 г. Ее краткое описание дал А. С. Лаппо-Данилевский, указавший, что она представляла собой сводную ведомость доходов и расходов 32-х центральных учреждений. Он назвал основные содержательные статьи доходной и расходной частей, а также увязал роспись по системе ее составления с более ранними сметами и предположил существование до нее подобных документов. П. Н. Милюков считал роспись 1680 г. важным отправным моментом для финансовой деятельности правительства XVIII в. и подробно ее охарактеризовал. Он проследил слагаемые дохода (налоги, сборы, пошлины), преобразовал их по принятым в бюджете рубрикам, обстоятельно разобрал статьи расхода, превалирующей среди которых было содержание армии. Естественно, что ученый вывел объем оклада и действительно поступавшие суммы текущего года⁶⁶. Предположение А. С. Лаппо-Данилевского подтвердил Н. П. Лихачев, опубликовавший роспись доходов и расходов 1616 г., приложенную к «речи» государева дьяка, которую он держал в присутствии царя. Ученый отметил, что документ не охватывает всех приказов, а сосредоточен лишь на военных расходах. Доход включенных в роспись только семи приказов составил 257579 руб.⁶⁷

⁶⁵ Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1986. С. 221.

⁶⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 274–276; Милюков П. Н. Указ. соч. С. 71–77.

⁶⁷ Лихачев Н. П. Новые данные о Земском соборе 1616 г. // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 72–78.

⁶⁴ См.: Погребинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX–XX вв.). М., 1965. С. 59–61.

Если в бюджете конкретно воплощен доход казны и его распределение по отраслям государственного хозяйства, то судить о приходе и расходе в добюджетный период достаточно сложно, а тем более получить обобщенную картину в государственном масштабе. При слабой изученности финансовой истории России в XVII в. считаю целесообразным дать представление о доходах и расходах даже одного из центральных учреждений XVII в., а именно Устюжской четверти, куда поступали средства от налогоплательщиков — черносошных крестьян Севера.

Выяснить эти процессы позволяют приходные и расходные книги Устюжской четверти: приходные за 1625/26, 1652/53 гг. и расходные за 1626/27, 1653/54 гг. с привлечением приходной книги 1620/21 и сметы 1626/27 г.⁶⁸

Выше уже говорилось о фиксировании в приходных книгах налоговых сумм по мере их поступления с мест. Налоги в Москву, в четверть привозили целовальники, выбранные для этого уездом, и, как правило, в зимние месяцы, январе–марте. Так, в 1626 г. целовальники платили налоги: устюжский и устьянский — в феврале, два сольвычегодских — в марте, чарондский — в январе и доплачивал в июне⁶⁹. Характерна установка четверти, выраженная в грамоте от апреля 1633 г. земским судейкам Устьянских волостей в связи со сбором недоимки. Подтверждая необходимость привоза доходов в срок «сполна без недобору», грамота рекомендует присылать их с одним целовальником, а «многих плательщиков с одной волости не присылали [б, чтоб] от того крестьянам лишних продаж и волокиты не было», и выговаривает земским властям: «не так как в нынешнем во 141-м году с Ростовские волости было три целовальника, а с Веденского стану и с Дмитровские сошки два целовальника. И от того крестьянам чинитца лишние проести и волокита»⁷⁰. Имя целовальника, привезшего налог и сдавшего его в четверть, вносилось в приходную книгу.

Номенклатура налогов, сложившись задолго до XVII в., как известно, разнилась по уездам. На приказном языке их многообразие сводилось к обозначению «деньги данные и оброчные» или просто «дань и оброк». Приходные книги не только четко различают этот постоянный, ставший в XVII в. традиционным, можно сказать, классическим, налог, от денег за стрелецкий хлеб, но и помещают записи о каждом из них отдельно. Причем поступления

денег за стрелецкий хлеб составляют в книге как бы особый раздел. Фиксация поступлений последнего повторяет территориально-административный принцип: Устюг, Сольвычегодск и т. д., и опять приводится размер сошного оклада. Уезды Устюжский, Сольвычегодский, Тотемский и Устьянские волости платили в 1625/26 г. деньги за стрелецкий хлеб в размере по 90 руб. с сохи (большой), а Чарондская округа по 60 руб. Размер платежа стрелецких денег с сохи возрос: в 1631/32 г. во всех уездах, кроме Чаронды, до 95 руб., а в последней до 65 руб., в 1653/54 г. все уезды платили по 168 руб.⁷¹ Такой размер установился в 1640/41 г. Еще раз платеж стрелецких денег повысился в 1653/54 г. до 228 руб. во всех уездах и продержался в таком виде по 1659/60 г.⁷²

Интересно, что смета четверти 1626/27 г. включает деньги за стрелецкий хлеб в неокладные доходы и сопровождает это пространной записью: «Да неокладных доходов. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича указу и по памяти из Стрелецкого приказу велено взяти московским стрельцом за хлебные запасы Устюжские четверти з городов на нынешней 135-й год ...»⁷³.

На это обстоятельство обратили внимание ученые. А. С. Лаппо-Данилевский, отмечая предназначение стрелецких денег исключительно для уплаты стрелецкого жалованья, писал, что они «при раскладке и взимании не смешивались с остальными податями». Воеводы считали их отдельно в окладных росписях и сметных списках и не могли тратить стрелецкие деньги на местные нужды, а обязаны были непременно доставлять их в Москву⁷⁴. С. Б. Веселовский, рассматривая классификацию доходов, которую выработали сами приказы, и возражая А. С. Лаппо-Данилевскому и П. Н. Милюкову, модернизировавшим, по его мнению, эту классификацию, упоминает, что деньги за стрелецкий хлеб иногда попадали в разряд неокладных⁷⁵. Из приведенной цитаты источника следует, что четверть получала распоряжение о сборе из Стрелецкого приказа. Для Устюжской четверти он (сбор) не был «своим», традиционно-постоянным, как данные и оброчные деньги, на взимание которых подобная санкция не требовалась. Имен-

⁷¹ Там же. Ф. 137. Устюг. № 19. Л. 400; № 104. Л. 145 об.

⁷² Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 1. С. 184.

⁷³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626. № 26. Л. 92.

⁷⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 479.

⁷⁵ Веселовский С. Б. Заметки по истории бюджета Московского государства XVII в. // Сб. статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 18.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 9, 104; № 12, 19, ч. 1-2; Ф. 141. Оп. 2. № 26.

⁶⁹ Там же. Ф. 137. Устюг. № 9. Л. 230; см.: Там же. № 104. Л. 143.

⁷⁰ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1633. № 4, ч. 1. Л. 93-94.

но поэтому стрелецкие деньги были для дьяков Устюжской четверти доходом не постоянным, а причисляемым к неокладным.

Среди неокладных поступлений — всякого рода пошлыны, в первую очередь с судных дел (земельных споров, кабал, мировых), печатные, со свадеб — венечные, а также сборы с угодий краткосрочного или «однолетнего» найма и другие непредвиденные платежи.

Таков в целом содержательный состав приходных книг.

Рассмотрим доходы Устюжской четверти по книгам 1625/26 г. и 1652/53 г. Сделанные мною подсчеты показали прежде всего, что сборы с пяти северных уездов преобладали и составляли 80% от всего дохода. Из 34753 руб. Север дал в 1625/26 г. 27060 руб. и замосковные города — 7693 руб., в 1652/53 г. Север — 41037 руб. и остальные территории — 9681 руб. Это и понятно, так как поступления с замосковных городов состояли главным образом из таможенного и кабацкого сборов и небольших «четвертных» платежей с посадов. Собственно с земель замосковных уездов, находившихся в частнофеодальном владении, Устюжская четверть поступлений не получала.

Целесообразно распределить доходы четверти по двум группам: сборы (таможенные, кабацкие, неокладные) и налоги («четвертные» — данные и оброчные и за стрелецкий хлеб). В 1625/26 г. из поступивших с Севера 27060 руб. налоги составили 16318 руб. (60%) и сборы 10742 руб. (40%), а из 7693 руб. — с замосковных городов 433 руб. (10%) — налоги и 7260 руб. (90%) — таможенные и кабацкие сборы. В целом же в доходе четверти налоги составили 16751 руб. (49%), а сборы — 18002 руб. (51%).

Сходная картина была и в 1652/53 г. Северные уезды заплатили 41037 руб., из них 22094 руб. (53%) налогов и 18943 руб. (47%) сборов, а из 9681 руб., полученных с замосковных городов, — 1625 руб. (17%) составили налоги и 8056 руб. (83%) — сборы. Весь доход 1652/53 г. — 50718 руб. распределился так: 23719 руб. (47%) — налоги и 26999 руб. (53%) — сборы.

Как видим, налоговые поступления были несколько меньшими, чем таможенные и кабацкие сборы. Полагаю, что можно говорить о державшемся в эти годы, хотя и зыбком, равновесии между составляющими доход четверти частями.

Интересно установить, какова доля поступлений Устюжской четверти в общероссийскую казну. Доход по росписи 1680 г. составлял

1 млн. 220 тыс. руб.⁷⁶, а во второй четверти XVII в. он, видимо, был меньшим. Предположим, что он не превышал 1 млн. руб. Приход Устюжской четверти в 20–50-е гг. колебался в интервале 35–50 тыс. и составлял 3,5–5% всего дохода. А если черносошные уезды давали 80% прихода всей четверти, то их вклад в общероссийский «бюджет» можно считать в 2,8–4%. Я. Е. Водарский определил численность феодально зависимого населения России в 1678 г. в 4,5 млн. чел. м. п.⁷⁷, а численность его в изучаемых уездах составила 90 тыс. чел., или 2% в общероссийском масштабе. И эти 2% давали около 3–4% дохода в общероссийскую казну. Конечно, сделанный подсчет вклада черносошных уездов, подведомственных Устюжской четверти, — приближенный. Понимая это, полагаем, что сделать такую прикидку было целесообразно, хотя бы потому, что никаких подобных оценок в литературе не имеется.

Как было уже сказано, приход четвертных денег исчислялся по итоговому сошному окладу писцового или дозорного описания. Оно фиксировало состояние земельного фонда на определенный момент времени, а действовало, как известно, многие десятилетия. За такое время в земельном фонде происходили изменения, он неуклонно увеличивался (за исключением, конечно, периодов экономического упадка). В первой четверти XVII в. резерв необрабатываемых, но когда-то окультуренных земель, был достаточен. И писцы, будучи представителями московской администрации на местах, отдавали запустевшие пахотные и сенокосные угодья на разработку крестьянам, определяя срок льготы и размер посошного оклада по его истечении. Писцовая книга Сольвычегодского у. 1625 г., например, содержит немало тому свидетельств⁷⁸. Наряду с писцами крестьянам отводили земли, о чем упоминалось, и воеводы, оформляя данные грамоты на тяглое (после льготы) или оброчное держание.

Отражалось ли в приходных книгах изменение земельного фонда? Книга каждого года содержит записи о новоприбылых платежах. Они сделаны по уездам и по каждой из волостей, а помещены вслед за записями о приходе налогов и сборов и занимают значительную часть объема приходной книги. Характерно, что эти записи — подробные, с указанием имени крестьянина, деревни

⁷⁶ Григорий Котошикин определял доход казны в 1 млн. 311 тыс. руб. См.: Котошикин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 123.

⁷⁷ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII в. М., 1977. С. 134.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 344, 348, 352 об., 355, 359 об., 363 об. и т. д.

или ее части, названия угодья, а иногда и с описанием его границ, размером угодья и платежа за него, а также снабжены пометой об уплате. Так, приходная книга 1625/26 г. отмечает в Сольвычегодском у.: «С Ратмировские волости на крестьянине Марке Пупышеве з деревни Черпановы с полувыти дани и оброку рубль пять алтын четыре деньги. И те деньги взяты. Платили целовальники Пятунко [Сергеев] да Микифорко [Коркин]», или в Сухонском стане Устюжского у. «на крестьянине Митке Муромцеве с новоприсадного места с островка на реке Двине оброку 6 алтын 4 деньги. И те деньги взяты ...»⁷⁹. Записи о новопробылых доходах жестко не закреплены в формуляре и могут иметь не все указанные элементы, а бывают и более подробные, и подытоживающие. По той же книге в том же Сухонском стане «с пустошей, которые вышли из льготы в 124-м (1615/16) году. Бородавицыны и деревни Никулинские, а в них по сотной выть без полчети, оброков и пошлыны и данных денег два рубля семь алтын полторы деньги. И те деньги взяты. Платил Ивашка Корондашев»⁸⁰.

Чтобы включить в приход платежи с угодий, отданных писцами крестьянам, подьячие могли навести справки в четверти. А о землях, взятых крестьянами для разработки из тягла или оброка у местной администрации, информировала сама уездная власть: «По росписи»⁸¹, какова прислана с Устюга Великого в прошлом во 131-м (1622/23) году за рукою Макара Внукова, деревни Борзуновские (Орловская вол.) за бором и за осеком с новоросчистные с отхожие пашни за Родьке Григорьеве оброку 20 алтын. И те деньги взяты. Платил Ивашко ж» (книга 1625/26 г.)⁸²; «Да по отписке и по росписи с Устюга Великого воеводы князя Еуфима Мышечного да подьячего Якова Андреева 159-го (1650/51) году новопробылого оброку, что прибыло в 149-м (1640/41) году Бобровской волости деревни Перминской, Подольная тож з дву чети пашни, что велено владеть из льготы крестьянину Исачки Кабузину десять лет со 149-го по 159-й год, оброку 5 алтын» (книга 1652/53 г.)⁸³.

Многим записям о новопробылых налогах присуща большая тщательность в обозначении угодий. Оброки платили, например, в

1626 г. с «Пивоварцева раменья да Микулина, поросло ивняком за Фалеевским лугом», «пожни в Пермокурье в межах с Тренкою Лаптевым, а з другую сторону Лето-озеро» в Устюжском у., с «пожни с новоросчисти с нарьи и с ывнягу в Болдырском прилуке», «Галкина острова с присадкою и с присыпного песку», «Селезневского наволочка с пожни Черпахы с припашною землею» в Сольвычегодском у.⁸⁴, а в 1652 г. с «черного лесу, что за врагом у кривые березы», «льготного черного лесу меж речками Шарденгою и Упиревою и с наволочком по обе стороны Шарденги» в Устюжском у., с «деревни Медведевы с Осиновского повытья с пятнадцатые ж доли с сенных покосов»⁸⁵ в Тотемском у.

Число таких фактов можно увеличить. Приведу еще два из книги 1652/53 г. потому, что они выделяются среди прочих подобных. «Да в Енанской ж волости (Устюжской у.) черный лес и вновь росчисная пашенная и непашенная земля и сенные покосы по обе стороны речки Кузюга на оброке за Еремкою Пантелеевым да за Матюшкою Семеновым Митиных от дворишка его Еремкина, что поставлен на той земле, в три стороны по версте, а в четвертую сторону на полторы версты. Оброку 2 рубли». По росписи устюжского воеводы Михаила Милославского от марта 1650 г. в той же волости «новопробылого оброку, что прибыло ко 158-му году с выломка с черного лесу на речке на Мутнице да сверх Мутницы в острог на Избышную речку, а с Избышной речки через розсоху на токовую вершину да вниз по токовой до росохи по обе стороны по чети и по полчети выти. Владеют Кичменские волости крестьяне (3 чел.). Оброку и дани 14 алтын»⁸⁶.

Оба свидетельства приходной книги переносят нас в мир микротопонимики, прекрасно знаемой крестьянами местных деревень. Пожни, полянки, урочища по речкам, речушкам и ручьям, межевые вехи — естественные, как виловатые березы, сломанные ели и чем-то достопримечательные кусты, искусственные — зарубки, ямы отграничивали эти небольшие участки друг от друга и от «порозших мест» «на диком лесу». Такое скрупулезное описание ассоциируется с текстами данных грамот или купчих, в которых описываются межи⁸⁷.

Вероятнее всего, роспись, которую присылал воевода в Устюжскую четверть, воспроизводила частично текст данной грамо-

⁷⁹ Там же. Ф. 137. Устюг. № 9. Л. 151, 10 об.

⁸⁰ Там же. Л. 9 об.; см. также Л. 10, 28 об.

⁸¹ Такие росписи воевод см.: Там же. Ф. 141. 1632. № 70. Л. 39–48 (Тотьма). Л. 126–143 (Сольвычегодск).

⁸² Там же. Ф. 137. Устюг. № 9. Л. 33 об.; см. также Л. 36 об., 43.

⁸³ Там же. Устюг. № 104. Л. 174 об.

⁸⁴ Там же. № 9. Л. 43, 82 об., 133 об. 136, 151.

⁸⁵ Там же. № 104. Л. 207, 210, 312.

⁸⁶ Там же. Л. 231 об., 237.

⁸⁷ См., напр.: Там же. Ф. 141. 1620. № 10. Л. 1; 1526–1623, № 1. Л. 17.

ты. И столь тщательно записывались угодыя расчищенные, вводимые в сельскохозяйственную эксплуатацию, а не бывшие прежде в культурном освоении. Когда речь идет о восстановлении хозяйства на пустошах-деревнях, то тогда записи книг лаконичны: «с пустоши Селища, Олтушевские, а Редкино тож, что вышло из льготы в 122-м (1613/14) году... оброку»⁸⁸. Примечательно, что приходные книги как документы центрального учреждения, имевшие все-таки сводный характер, помещают подобные специфические подробности из документов местной администрации. Книги, как мы могли убедиться, не абстрагировались от конкретной личности плательщика и от четкого обозначения местоположения и границ снимаемого угодыя. Ведь, казалось бы, для государственного документа обобщающего масштаба сведения, за кем именно из крестьян тот или иной участок земли, излишни и даже безразличны, главное, чтобы с участка шли платежи, тяглые или оброчные. А если вспомнить переписку приказа с местной властью, когда из грамоты в отписку и из отписки в грамоту излагается содержание, к примеру, челобитной, давшей толчок делу, то можно оценить всю важность приходных книг для понимания принципов работы правительственного аппарата.

По книге 1625/26 г. новоприбылые доходы с уездов Севера составили достаточно крупную сумму 1838 руб., или 11% от суммы четвертных налогов. По книге 1652/53 г. их значительно меньше — 200 руб., или около 1%. Поступление новоприбылых доходов четверть контролировала. Об этом свидетельствует, например, специально сделанная в ней справка по чарондским книгам «нового письма» А. Зубова и М. Неверова 1623/24 г. о новоприбылых доходах, которые оказались «не справлены» в приходной книге 1624/25 г. Из справки следует, что в 1624/25 г. вышло из льготы 16 вытей и 31 руб. платежей. В следующие годы должно выйти: 1625/26 — 11 вытей и 28 руб., 1626/27 — 8 вытей и 16,5 руб., 1627/28 — 5 вытей и 9 руб., 1628/29 — полчети выти и 8 алт. 2 ден.⁸⁹

Характерно отношение приказных служителей нижнего звена, а именно подьячих Устюжской четверти к той части неокладных доходов, которые составляли непостоянные сборы. В ноябре 1626 г. трое подьячих, описывавших с писцами Тотму, Сольвычегодск, обратились в четверть за уплатой жалованья. Они указали вдобавок и возможный источник — «из неокладных денег», кото-

рые они, «сыскав в волостях, привезли к ... государем в казну в Устюжскую чети». Далее следует оценка подьячих: «а теми деньгами корыстовались в волостях крестьяне меж себя без указу». Эти деньги подьячие собрали в прошлом, 1625 г. в Тотемском у. «со льготных пожен и с пустошей и со всяких оброчных угодий старово оброку и новые наддачи на прошлые годы с 129-го по 134-й год»⁹⁰. Естественно, что подьячие выразили устоявшееся мнение государственной администрации. А она считала, что пользование землей, даже кратковременное, должно давать доход и контролироваться, дабы крестьяне не «корыстовались» тем, что приносит доход казне.

Государство в своей деятельности по сбору налогов, в частности с крестьян Поморья, прилагало усилия к тому, чтобы все объекты обложения приносили доход. Центральная власть уже в 1557 г. рекомендует земским властям Подвинья собрать «с тех деревень и с починков и с пустошей со льготных» полностью без недобора соответствующие налоги⁹¹. В 70–80-х гг. XVI в. пополнение казны «прибылыми» доходами с земель, вышедших из льготы или «из пуста в жило», стало частым мотивом грамот, посылаемых из Дворовой четверти в Подвинье⁹². Четверти как центральные финансовые учреждения побуждали местную государственную администрацию, а та, в свою очередь, земские органы самоуправления, следить в соответствии с писцовой документацией за включением в оклад и платеж тех земель, срок освобождения которых от государственных налогов истекал. Исходившие от центральной администрации требования о сборе «прибылых» доходов, надо думать, со временем превратившиеся в одну из функций в деятельности четвертей, заставляли местную государственную и земско-мировую администрации следить за пополнением земельного фонда, состоящего в окладе.

Постоянное существование пустующих участков в деревнях, пустошей, не облагаемых по писцовым книгам, создавало условия для безналогового пользования ими. Ведь крестьяне могли в каком-то году распахать один пустой жеребей, а в следующем его забросить и обработать другое пустое место, и таким образом избежать уплаты налогов и оброков. Обнаружить кратковременное «потаенное» пользование угодыями мог только сыск и досмотр,

⁸⁸ Там же. Ф. 137. Устюг. № 9. Л. 155.

⁸⁹ АПД. I. С. 301–302.

⁹⁰ Там же. С. 485–488.

⁹¹ Садилов П. А. Очерки по истории опричнины. М., Л., 1950. С. 430.

⁹² Там же. С. 486, 493.

организованные по инициативе четверти или воеводской администрации, проводимой с представителями общинных властей.

В 1623–1625 гг. Тотемский у. описывали писец Фока Дуров и подьячий Остафий Колюпанов «неправдою», они не соблюдали соответствия числа четвертей тому, «сколько сеетца ржаново сеvu в полях». Главное же — они определили сошный оклад местными малыми сошками, а потом их посчитали за большие московские сохи⁹³. Столь «тяжелое письмо», давшее в сравнении с прежним большую прибыль, обернулось для крестьян разорением, повлекло запустение многих «вытей». На протяжении 30–40-х гг. XVII в. шло долгое разбирательство, проводимое по многочисленным челобитьям тотемского всеуездного мира. Выяснились и некомпетентность, и непрофессионализм Фоки Дурова, который простосердечно признался: «А он де, Фока, сошного письма не знает и класть не умеет», а все «ведал» подьячий О. Колюпанов⁹⁴. В 1632/33 г. М. Бороздин проводил досмотр, который подтвердил сильное запустение Тотмы и уезда, и потому было приостановлено взимание податей с «пустых» участков. Однако в 1638/39 г. воевода А. Большев сообщил в четверть, что крестьяне пахут земли, которые записаны в книгах М. Бороздина пустыми, они «на пустых жеребьях собою поселились, а государевых податей ... не платили». Четверть в 1640 г. рекомендовала воеводе Ивану Малыгину удостовериться в бесподатном владении землями, и если дело обстоит так, то тогда на крестьянах за владение ими «доправить» налоги, «смотря по землям, по угодию и примерясь к ним, к тяглым и оброчным землям, как бы государеве казне было прибыльнее»⁹⁵.

Получение доходов с земель, предоставленных крестьянам, «прибыльность» всех угодий, было устоявшимся экономическим воззрением государственных чинов, и оно внушалось крестьянам.

Неокладные доходы в рассматриваемое время — реальный показатель хозяйственного восстановления после событий начала XVII в., дестабилизировавших экономику изучаемых уездов. Кроме того, эти доходы свидетельствовали об интенсивности освоения новых угодий. Ежегодно происходившее пополнение тяглого земельного фонда, пусть и не столь великое, сказывалось и на повышении сошного оклада по каждому из уездов, что вело к увеличению общей суммы четвертных доходов. Этот момент нужно иметь в виду, когда речь идет о росте государственных налогов в

целом. Он происходил не только за счет повышения ставок отдельных налогов, например, денег за стрелецкий хлеб, но и благодаря расширению сельскохозяйственного производства.

Куда же тратились деньги, собранные в Устюжской четверти? Расходные книги 135 (1626/27) г. и 162 (1653/54) г. свидетельствуют, что в первую очередь деньги шли на жалованье «Устюжские четверти кормленщиком». Таковых соответственно по годам на денежном довольствии четверти насчитывалось 847 и 3641 чел.

Прежде всего бросается в глаза значительно возросший — в 4 раза — отряд «устроенных кормлением». По своей социальной принадлежности это феодалы разных рангов. Высокие оклады от 600–500 руб. до 50 руб. мы видим у окольных, стольников, бояр, дьяков приказов, дворян московских, жильцов — таких 135 и 211 чел. (самые высокие оклады 600–200 руб. получали 23 и 33 чел.), а оклады от 49 до 5 руб. — у городских дворян, их 710 (84%) и 3430 (92,2%) чел. В соответствии с окладами денежное обеспечение дворян должно было бы составить 30689 руб. в 1627 г. и 71383 руб. в 1654 г. Однако из расходных книг видно, что непосредственно в четверти феодалы получали деньги сравнительно редко. Лишь 34 человека — 3131 руб. в 1626 г. и 29 чел. — 2208 руб. в 1654 г. Остальным поименованным в книгах феодалам жалованье не было выплачено в текущем году. Если обратиться к указу об отмене кормлений, то в соответствии с ним городских дворян, а именно они составляли подавляющее большинство кормленщиков четверти, государство вознаграждало за службу «в четвертый год, а иных в третий год, денежным жалованием»⁹⁶.

Значительный объем расходной книги занимает как раз перечисление феодалов под обозначением цифры оклада. «По 10 рублев. Жилец князь Яков княж Богданов сын Белосельской». В случае, если жалованье выдано, то другим почерком вписано слово «дано». А ниже — расписка самого получателя или другого грамотного лица «в» получателя «место».

Из материала расходной книги становится понятным, что получить жалованье «кормленщик» мог, обратясь в Разрядный приказ. По памяткам из него выдавался денежный оклад дворянам, «закрепленным» за Устюжской четвертью. Однако, случалось, в приказе отсутствовала наличность. Красноречиво об этом говорит расходная книга 1627 г. Устюжская четверть 9 января выдала в

⁹³ АПД. III. С. 62.

⁹⁴ Там же. II. С. 243.

⁹⁵ Там же. III. С. 62–75; РГАДА. Ф. 141. 1633, № 62. Л. 11–17.

⁹⁶ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. № 11. С. 38.

Галицкую ее «кормленщиком» 614 руб. на жалованье за два года (135-й и «вперед» 136-й гг.) сибирским воеводам Ивану Васильевичу Волынскому, Михаилу Гагарину, Петру Пушкину, Михаилу Кайсарову, Грязному Бартеневу, Саве Языкову и 110 руб. Дмитрию Скуратову «на Волуйку». Сделано это было «потому, что в Галицкой чети денег нет». 24 января еще 184 руб., также жалованье за два года, ехавшим на службу в Сибирь двум дворянам, было дано из Устюжской четверти «взаимы покаместа в Галицкой четверти в зборе деньги не будут», и заем последняя в течение полугода не погасила. Дьяк Устюжской четверти Михаил Смывалов 7 июля «докладывал» царю Михаилу Федоровичу: «Тем деньгам вперед до выплаты в Устюжской четверти в доимке ль быть?» На что последовал царский указ: «те заемные деньги» 184 руб. «написать в расход, а в доимку не писать»⁹⁷. Ограниченность финансовых средств государственной казны налицо. Л. М. Сухотин писал, что выдача денежного жалованья четвертчикам при царе Михаиле Федоровиче из-за подорванности финансов во время Смуты проводилась по их челобитьям «в случаях исключительных и при том редко в полном размере окладов; четвертчикам, находившимся на службе, например, в походе стали выдавать жалованье из Разряда по статьям наравне с не четвертчиками»⁹⁸. По этой же причине и служилые люди Сибири не получали свое жалованье в срок и сполна⁹⁹. Записи «кормленной» книги, основываясь на документах, поступавших из Разрядного приказа, отражают изменения, если таковые происходили, в служилой карьере феодалов. Так, об упомянутом выше Я. Б. Белосельском сказано: «По справке с Разрядом в живе такова нет»¹⁰⁰. Торопчанину Максиму Михайлову сыну Полигину, имевшему оклад 10 руб., «велено ему служить ис понизовых городов»¹⁰¹. Провинности по службе влекли наказание — сбавку оклада. Книга 1627 г. имеет немало тому фактов. Приведем несколько из них. «Жилец Давыд Федоров сын Щепотьев. Оклад ему был государева жалованья семь рублей. И во 127-м (1618/19) году по памяти за приписью днака Марка Поздеева убавлено у него из оклада пять рублей за то, что он от околничего от

⁹⁷ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 12. Л. 271 об.

⁹⁸ Сухотин Л. М. Указ. соч. С. XIV–XV.

⁹⁹ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988. С. 115–122.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 12. Л. 218 (книга 1627 г.).

¹⁰¹ Там же. Л. 223.

князя Григорья Волконского с службы сбежал». Та же участь постигла гороховлянина Дмитрия Гриденского¹⁰².

Феодалы наказывались «штрафом» в 5 руб. независимо от величины оклада. Но одно дело понести убыток в 5 руб. с оклада 55 руб., как Мурой Афанасьев Столыпин, с 41 руб., как Иван Семенов Вяземский, или даже с 25 руб., как Лаврентий Дмитриев Лопухин, и другое дело — с жалованья в 7 руб., как названные выше дворяне¹⁰³. Верная служба вознаграждалась. Василий Тимофеев Грязнов по памяти из Разряда от 25 апреля 1654 г. «за воронежскую службу 155-го (1646/47) и 156-го (1647/48) и 157-го (1648/49) году, за татарские бои и за промыслы, что на татарских перелазах учинил крепости», к прежнему своему окладу 20 руб. получил «государева жалованья придачи» 30 руб.¹⁰⁴ Размер «придачи» был, естественно, разным (и в 3–4 руб.). Факты обеспечения вновь назначенного оклада деньгами также находим в расходных книгах. По памяти из Разряда (от 12 апреля 1654 г.), подписанной дьяком Иваном Северовым, Ивана Афанасьевича Давыдова «велено ево написать в государеве жалованье, в денежном окладе ис чети вновь в двадцати в пяти рублях»¹⁰⁵. Вязьмитина Андреяна Апаева сына Енбаева в том же году велено «написать за службу отца его» в оклад «из отца ево из чети в двадцати рублех»¹⁰⁶.

Приведенные свидетельства о служебной карьере феодалов показывают, что все изменения происходили в Разрядном приказе, а расходные книги опосредованно отражали их, и потому эта информация книг полнее выявляется в сопоставлении с другими источниками (например, боярскими книгами, десятинами).

Расходы Устюжской четверти в 1626/27 г. распределялись по приказам следующим образом: Стрелецкий — 13021 руб. («города стрельцом и казакам на государево хлебное жалованье», в том числе и московским), Разряд — 8805 руб. (жалованье «дворяном и детям боярским северских городов»), Казачий — 1709 руб. («беломестным атаманам и есаулом и казаком на корм»), Галицкая четверть («кормленщиком») — 908 руб., Иноземский — 388 руб. («казакам на жалованье и за хлеб»), а всего на жалованье 15517 руб.; Большая казна и Казенный двор —

¹⁰² Там же. Л. 244; см. также Л. 171, 215 об., 231 об., 243 об., 249 об., 251, 257.

¹⁰³ Там же. Л. 59 об., 84, 150.

¹⁰⁴ Там же. Устюг. № 19, ч. 1. Л. 71.

¹⁰⁵ Там же. Л. 162, 222 и др.

¹⁰⁶ Там же. Л. 321 об.

11039 руб.; Поместный, Устюжская четверть (жалованье аппарату), Конюшенный (жалованье стремяным конюхам) — 1779 руб., Каменных дел, Ямской, Печатный, Аптекарский — 1354 руб. Всего расход составил 42710 руб. Как видим, военные нужды поглощали 28539 руб., или 67%, а вместе с жалованьем приказному аппарату — 30318 руб., или 71%; значительна в этом году сумма, предоставленная на дворцовые нужды, — 11039 руб., или 25%, прочие расходы — 4%.

Расходы Устюжской четверти 1653/54 г. составили: поступления в приказы Пушкарский (жалованье, порох) — 16525 руб., Стрелецкий — 10344 руб., Большой приход (деньги за хлебные запасы в Вязьму и Брянск) — 2152, Иноземский (жалованье «иноземцам старого выезда») — 2239 руб., а всего по этой статье 14735 руб.; всего же на содержание армии истрчено 31260 руб., или 62% от всего расхода. В приказы Большой казны, Казенный, Государевы мастерские палаты, Большой дворец ушло 12639 руб., или 25%, «по памятам и подписным челобитным» — 4419 руб., или около 9%, Посольский, Аптекарский приказы по 1000 руб. и местный расход четверти — 100 руб., что составило 4%.

В Новгородскую четвь в 1634 г. поступило до 84692 руб., не считая сумм, израсходованных по городам, и некоторых незначительных расходов. Из них 26,29% поступило в Разряд, 14,20% — в Иноземский приказ, 12% — в Стрелецкий, 7,83% — в Посольский, 3,56% — в Пушкарский; следовательно, всего 63,88%¹⁰⁷.

Наибольшая часть денежных средств, как следует из расходных книг 1626/27 и 1653/54 гг., шла на обеспечение военной службы дворян (через Разряд и другие приказы) и содержание стрелецкого войска, достигая двух третей всей расходной суммы Устюжской четверти. Существенна сумма, шедшая непосредственно на дворцовые нужды. Здесь и взносы «вверх в мастерскую палату на расходы для поспешенья», и «по имянному приказу» самого царя «вверх за переграду»¹⁰⁸; в марте-апреле брались деньги (673 руб., 473 руб., 151 руб.) на оплату «даров» Никону, которыми Алексей Михайлович жаловал патриарха, и деньги «на свои государевы хоромные расходы»¹⁰⁹. Обе эти статьи были постоянными в расходах Устюжской четверти.

Из эпизодических расходов интерес представляют суммы: во-первых, в 274 руб. в Печатный приказ за печатные книги — шес-

тодневны (90), часовники (90), минеи (месяца мая — 100), которые были разосланы в Устюг, Сольвычегодск, Тотьму, Чаронду — в 1626/27 г.¹¹⁰, в тысячу руб. в Посольский приказ в 1653/54 г., данную как жалованье сибирскому царевичу князю Петру Антанавичу Кучюмову «при себе государе за крещение»¹¹¹. Во-вторых, обращает на себя внимание статья «по памятам и подписным челобитным» в книге 1653/54 г. Она представляет собой записи о выдаче жалованья за текущий 162 г., а иногда будущий, 163 г., стрельцам, подьячим, дворянам с небольшими окладами. Среди этих записей есть относящиеся ко 2–22 сентября, говорящие о происходивших в присутствии государя в Столовой палате смотрах недорослей. Они состоялись 2, 6, 7, 13, 21 сентября. И всякий раз «у смотру» по приказу царя бывали «розданы ... деньги недорослям, разных городов детем боярским» по рублю или полтине человеку¹¹². При эпизодичности подобных статей и их незначительности в общей массе расходов Устюжской четверти выплаты жалованья феодалам разных категорий, служилым людям по прибору были неизменны.

Таким образом, приходные и расходные книги Устюжской четверти показывают реальный вклад крестьян северных уездов в государственный доход страны. Податные поступления с населения этих уездов концентрировались в четверти, составляя часть государственной казны. В силу специфики самой финансовой структуры государства деньги, поступавшие в четверть, переливались в другие центральные учреждения. Такое перераспределение средств между звеньями государственного аппарата не может завуалировать главного — в налогах реализовалась часть средств, получаемых крестьянами со своих земельных владений.

¹⁰⁷ Лаппо-Даниловский А. С. Указ. соч. С. 463.

¹⁰⁸ РГАДА. Устюг. Кн. 19, ч. 2. Л. 944, 948.

¹⁰⁹ Там же. Л. 960–971.

¹¹⁰ Там же. № 12. Л. 270–270 об.

¹¹¹ Там же. № 19, ч. 2. Л. 943.

¹¹² Там же. Л. 988–989 об.

ГЛАВА 5

ВОЕВОДСКАЯ ВЛАСТЬ И ЕЕ СВЯЗЬ С ЦЕНТРОМ И МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

Четверть — воевода — земский мир

Крестьяне феодальной России жили в рамках малых социальных групп — семьи, соседей-однодеревенцев и волощан, сельской общины. Все они составляли тот круг, общение в котором до некоторой степени было однородным. Однако жизненные обстоятельства приводили крестьян к выходу из привычной сферы взаимоотношений и сталкивали их с общественными ячейками иного рода. И прежде всего с местной административной властью, которая располагалась в городах.

Несколько слов о городах Севера. Возникшие когда-то как форпосты в колонизируемых районах, к XVII в. они стали внутренними по своему положению. Устюг, Тотьма, Сольвычегодск, Устюжна, Чаронда были уездными центрами, а Устьянские волости не имели городского, в собственном смысле слова, поселения. Северные города — не велики как по числу своих дворов, так и населения. Самым крупным был Великий Устюг, превосходивший Холмогоры вместе с Архангельском. Для наглядности приведу цифры о численности посадских дворов в 20-х и 70-х гг. XVII в. В городах насчитывалось их соответственно по годам: в Устюге — 689 и 913, Холмогорах — 473 и 500, Архангельске — 115 и 126,

Сольвычегодске — 285 и 197, Тотьме — 215 и 324. Во второй половине 40-х гг. было посадских дворов в Каргополе — 491, Соликамске — 466, Чаронде — 43¹.

Уездные города Севера сосредоточивали административную, судебную-полицейскую, военную власть, которая распространялась на жителей самого города и население аграрной по преимуществу округи. Посадские дворы по отношению к уездным в среднем составляли в Устюге — 9,2%, Тотьме — 8%, Сольвычегодске — 5,7%, Чаронде — 1,7%².

Уезд и город связаны не только в податном отношении, но и нитями обмена, а также землевладельчески и земледельчески. Горожане, как и крестьяне, пашут, сеют хлеб, косят сено, пасут на своих выгонах стадо. Город имеет ярко выраженный аграрный оттенок. (Подчеркивая эту сторону жизни города, я ни в коей мере не умаляю его торгово-промышленных занятий.) Прояснение специфики города и его многосторонней жизни — тема не одного специального исследования, на которую могут быть направлены усилия ученых.

В городах, столичном и уездных, находились органы управления: центральные и местные. Через них реализовалась политическая и экономическая власть государства. Существование их в том или ином виде порождалось формой государственности, общей политической системой. Высшее, центральное и местное управления представляли собой в каждую конкретную эпоху некую целостную структуру, элементы которой взаимосвязаны и соподчинены. В то же время все эти элементы (или подструктуры) имеют стержневой качественный принцип, цементирующий их, производный, в сущности, от организации власти. Важно подчеркнуть, по-моему, имевшееся генетическое соответствие государственных органов и институтов. Форма государственного правления, конкретный политический режим вырабатывают адекватные им типы центральных и местных учреждений, и в этом смысле можно говорить о связующем их единстве. Так, по наблюдению Н. Е. Носова, при Василии III приказный аппарат дворцового управления был самым централизованным. В его руках были сосредоточены, во-первых, «основная исполнительная власть, исходящая от великого князя и Боярской думы», а во-вторых, «почти

¹ Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909. Приложение 3. С. 68-69.

² Там же. С. 124. Подсчет процентов мой.

все основные нити местного управления»³. Представители данной правительственной среды готовили губную реформу. Существовавшая в 40-е гг. XVI в. децентрализация при выдаче жалованных грамот (их выдавали как казначей, так и дворецкие) была типична «не только для этого периода»⁴. Перед нами отрезок русской истории 40–60-х гг. XVI в., когда кристаллизовалось центральное и местное управление иного, чем прежде, вида.

Политическая система, образуемая верховным, центральным и местным звеньями управления, претерпевала изменения, которые происходили взаимосвязанно и были направлены к более мобильному ее действию. Начавшись в одном из звеньев и совершаясь нередко внутри старых оболочек (как это было с зарождением приказов), изменения захватывали и другие звенья политического управления. Совершенно новые для России типы управления и учреждений, введенные петровскими указами, со временем пришли к соответствию своим управленческим звеньев.

Именно в таком ключе следует рассматривать формирование приказов и четвертей и при завершении процесса — упрочение воеводского правления. Воеводская власть, в сущности своей военно-административная, в крупных пограничных городах, таких как Новгород, Псков, Смоленск, Казань, а также в областях юга, юго-востока, в Сибири диктовалась соображениями безопасности. Местное управление городовых приказчиков и губных старост второй половины XVI в. подверглось кризису в годы Смуты. В условиях военного времени власть воевод в городах центра и Севера стала реальностью, однако и самоуправление не было сметено. Оно, как известно, активизировалось.

С. Ф. Платонов, выявляя центры народного движения к северу от средней Волги (Вологда, Великий Устюг), отмечал, что «не одна земская самодеятельность вносила правильную организацию во взаимные отношения северных городов и в их действия против Тушина. Правительство Шуйского, со своей стороны, не уставало возбуждать Поморье и даже пыталось руководить его движением»⁵. Приводимый и анализируемый ученым материал свидетельствует, что в северных городах сочетались военно-правитель-

ственное и земско-мирское правления⁶. Местное же управление на территории, занятой поляками, было децентрализовано, и, видимо, были города, где оно переставало действовать. Находившимся в Тушине полякам требовались деньги, продовольствие, фураж, которые они собирали с городов и уездов именем Лжедмитрия. Непомерные денежные поборы (например, в Ярославле 18 руб. с сохи), хищничество, мародерство тушинцев сопровождалось регрессивными явлениями. Города, захваченные или вынужденно присягнувшие тушинским властям, последние отдавали «паном в жалованье, в вотчины, как прежде сего уделья бывали»⁷. Возврат, хотя и временный, к порядкам удельного периода осознавался русскими людьми как нарушение целостности государства.

Возрождение «не совсем забытых старых новгородских обычаев» произошло во время шведского владычества в Новгороде. Владыка Исидор стал во главе городского правительства, были выбраны пятиконечные старосты «в порядке реставрации старых новгородских учреждений»⁸. Парализованное Смутой местное управление замещалось земским выборным.

Нетрадиционные для мирного времени способы обеспечения казаков в Смутные годы привел А. Л. Станиславский. В северных городах казаки из войска М. В. Скопина-Шуйского в 1610 г. заключали с городским «миром» договор найма. Он практиковался и позднее, в 1612–1613 гг., в Белозерске и Устюжне, где стрельцов набирали на мирское хлебное и денежное жалованье. Ученый обнаружил еще одну форму обеспечения — так называемые приставства, усвоенную казаками от украинских собратьев и польско-литовской шляхты. Она заключалась в том, что «ратные люди брали определенную территорию в кормление. Конечно, кормления казаков, — продолжает исследователь, — были только частью широко распространившейся в начале XVII в. системы кормлений — ее восстановление было связано, по справедливому замечанию С. В. Бахрушина, с ослаблением центральной власти и усилением местной администрации»⁹. Так в бурные годы Смуты проявились разные линии в области политико-административного правления.

⁶ Там же. С. 297–301.

⁷ Там же. С. 290; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. IV. Т. VII. М., 1989. С. 503–504.

⁸ Греков Б. Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского Дома XVI–XVII вв. // ЛЗАК. Вып. 33. Л., 1926. С. 290, 296, 297.

⁹ Станиславский А. Л. Первая крестьянская война в России и правительственная политика по отношению к вольному казачеству // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984. С. 238; он же. Гражданская

³ Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957. С. 323, 325.

⁴ Кашинов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 97.

⁵ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937. С. 298.

Законодательного акта о введении воеводской власти не известно. Сохранившаяся разрядная выпись 1625–1627 гг. сообщает о том, что при Михаиле Федоровиче с 1613 г. «в городах учинены воеводы и приказные люди»; и содержит роспись городов, в которых они вводились. О городах Поморья сказано, что в них «посланы из четвертей. А наперед сего в тех городах воевод не было ж; а ныне опрочь воевод иных никаких приказных людей нет». Воеводы были посланы: в Сольвычегодск — И. В. Хилков в мае, Чаронду — И. И. Полтев в августе, в Тотьму — Л. А. Стрешнев в сентябре 1627 г.¹⁰

Повсеместное учреждение воевод и рабочего аппарата при них стало одной из неотложных задач нового правительства. Прежняя система местного управления за годы Смуты была подорвана, и потому первоочередность его восстановления очевидна. «Учиняя» в 1613 г. воеводское правление, правительство использовало уже накопленный опыт в пограничных областях и в военное время. На Двину воеводы посылались с 1585 г., а в другие поморские города — в правление Василия Шуйского. Как следует из «Росписи воеводам», именно в период с 1605 по 1613 г. воеводы стали управлять на местах.

Большой интерес вызывают наблюдения и доводы А. П. Павлова по этому вопросу. Он полагает, что до Смуты термин «воевода» широко не употреблялся для обозначения управителей центрально-русских городов, причем непограничных. Смута же ускорила оформление воеводского управления как особого военно-административного типа, возглавлявшегося назначаемыми из Москвы боярами и дворянами. Исследователь видит обусловленность становления и утверждения воеводской власти всем ходом социально-политического развития страны в конце XVI — начале XVII в.: падением после опричнины органов местного сословного самоуправления и централизацией государственной власти. Характерной чертой местного управления послеопричного периода А. П. Павлов считает оживление наместнического управления, особенно заметное в первые годы царствования Федора Ивановича. «Последние упоминания о наместниках относятся к 1593/94 г. Но фактически упадок кормленной практики относится уже к концу 80-х гг.». Однако этот рецидив, по мнению автора, был временным явлением и объяснялся «стремлением правительства "под-

кормить" верхушку служилого сословия в условиях послеопричной разрухи и упадка поместного и вотчинного землевладения»¹¹.

Достоин внимания прослеживаемое А. П. Павловым назначение правительственных чиновников, членов Государева двора, в города Центра и Севера, в том числе и в Устюг, Сольвычегодск, Тотьму, в качестве местных администраторов, происходившее с середины 80-х гг. XVI в. по 1605 г. И хотя их должность никак не называлась, это не были наместники, считает автор. В конце XVI в. к представителям местной администрации применяется термин «судья», который отразила упомянутая «Роспись воеводам». По мнению А. П. Павлова, «судьи» в городах обладали значительной судебной, административной и финансовой властью над населением, а принадлежали к Государеву двору, но чаще к выборным городским дворянам. Однако они еще не имели воеводского статуса. Исследователь приходит к выводу, что в конце XVI в. местное управление претерпело качественные изменения, «которые характеризовались постепенным утверждением новой воеводской формы власти». Став господствующей в конце XVI в. на окраинах государства, она распространилась «и на районы черносошного Севера»; возросла роль центральной власти в управлении центральными уездами страны, а назначаемых в них администраторов — «судей» можно рассматривать как предшественников воевод. «Смута, утвердившая и конституировавшая воеводскую власть в центре страны, лишь завершила в общих чертах оформление общерусской системы воеводского управления»¹².

Действительно, Смута настолько усугубила внутривнутриполитическое и экономическое положение в стране, что создались веские причины для распространения воеводской власти на местах. Пустая государственная казна, разрушенная экономика, резкий демографический спад вынуждали правительство на чрезвычайные меры: займы у народа, проведение общегосударственных дозоров земель. В этом же ряду, полагаю, находится и ускоренное учреждение воеводской власти. Ведь деструкции подверглись и экономика, и финансы. Е. Д. Сташевский писал, что «население за Смуту отучилось от *регулярного* платежа налогов и отбывания по-

¹¹ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 242–244. Выражаю свою искреннюю признательность А. П. Павлову за предоставленную возможность ознакомиться с книгой еще в рукописи.

¹² Павлов А. П. О начальном этапе становления воеводского управления в России // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. Тезисы докладов и сообщений первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Ч. 2. М., 1990. С. 202–211.

война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 23–24, 31, 41, 105, 111, 127, 244–245.

¹⁰ Временник ОИДР. М., 1849. Кн. 3. Смесь. С. 6–8.

винностей». Он также отмечал sporadическое поступление доходов в Москву, оседание их на местах, прекращение уплаты налогов и податей или неполное их выплачивание¹³. В декабре 1614 — январе 1615 г. прекратился сбор налогов в Чарондском у., занятом казачьими отрядами¹⁴. В обстановке общей разрухи 10–20-х гг. XVII в. изъять у крестьян и посадских часть их доходов в виде налогов и чрезвычайных сборов («пятинных» денег) могла местная власть, располагавшая реальной силой. Такой властью и была, по мнению правительства, воеводская (подкрепленная стрелецкими отрядами).

Воевода Сольвыггодского у. летом 1614 г. столкнулся с противодействием крестьян Вилегодской вол. проведению дозора. Они не вняли требованию местной власти и не выслали в Сольвыггодск сотных грамот предыдущего описания 80-х гг. XVI в. По-видимому, напоминания не помогли, крестьяне воеводской «грамоты не послушали». Земские власти проигнорировали приезд в волость воеводы и судейского целовальника всеуездного мира, они пришли на «стан» к воеводе, но с «великим шумом и бранью и вам [воеводе] отказали и дозирать себя не дали». Причина непослушания, по мнению воеводы, состояла в том, что крестьяне «ведали в своей волости многую прибыль, что после писцов прибыли ис пуста в жило многие деревни и роспаши». Крестьяне угрожали жизни воеводы, вели себя с ним дерзко, не снабдили подводами в обратный путь. Четверть на сообщение воеводы об этих событиях распорядилась выслать из Вологды отряд из 30 стрельцов, «ослушников» посадить в тюрьму, а трех инициаторов беспорядков отослать в Москву¹⁵.

В первое десятилетие правления Михаила Романова Земские соборы, как известно, действовали непрерывно. Как же сочетались такая форма верховной власти — Земские соборы и существовавшая одновременно с ней военно-административная власть воевод? К какому времени воеводское правление во внутренних областях утрачивает военизированный характер и трансформируется в хорошо известный тип воеводского правления? Что такая трансформация происходила, — бесспорно. А повлияли ли на эту трансформацию элементы самоуправления — дворянско-корпоративного и общинного, также небезынтесный вопрос.

¹³ Статеевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. С. 94.

¹⁴ Станиславский А. Л. Гражданская война... С. 127.

¹⁵ АПД. I. № 14. С. 21–22.

Однако воеводская власть не вводилась как жесткая единовременная мера. Устьянские волости Севера управлялись до 1622 г. «приказным человеком», когда его перестали назначать. Затем «в Устьянских волостях ведают и судят выборные судейки по годам, а воеводам и приказным людям быть не велено»¹⁶. Так единственная область Севера сохраняла самоуправление и подчинение непосредственно центральной власти. Положение волостей, вероятно, объясняется тем, что в них отсутствовал сколько-нибудь крупный город или поселение городского типа.

Н. Ф. Демидова приводит челобитную кашинцев от 1627/28 г., чтобы «в Кашине воеводам не быть». Из нее явствует, что в городе существовало «с литовского разорения» соправление воеводы и двух городских приказчиков и двух избных старост. Такая концентрация властей оборачивалась для горожан и крестьян «налогами и убытками великими». Правительство удовлетворило просьбу кашинцев и оставило в городе только избного старосту, причем одного. Через некоторое время последовала новая челобитная о введении воеводской власти, что и было сделано¹⁷. Исследовательница располагает еще несколькими фактами от 40-х гг. XVII в. по городам Малому Ярославцу, Угличу о временной замене воеводского правления избным¹⁸. Она совершенно справедливо усматривает в этом противопоставление воеводской власти выборного сословного начала, которое только к середине века было побеждено приказной системой на местах.

Воеводское правление вводилось вместо земского, которое просуществовало на Севере чуть менее полувека. В уездах Устюжской чети отмена кормлений «произошла в результате реализации общего царского уложения об упразднении института наместников и волостелей и произошла примерно в одни и те же сроки по всей земле, а именно весной были разосланы специальные грамоты о выборе новых земских властей (наглядным примером этого и является майская уставная грамота 1555 г.), а осенью, в течение октября–декабря (в большинстве волостей с 1 октября), съехали с городов и волостей и сами кормленщики, передав свои функции выборным земским властям»¹⁹. Не вдаваясь в обсуждение того,

¹⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1638. № 10.

¹⁷ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 28–29.

¹⁸ Там же. С. 29.

¹⁹ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 521.

много это или мало для исторического опыта пятидесятилетний срок самоуправления, замечу, что выборность местной власти была заменена назначением из Центра, а «коллегальность» — единоначалием. Воеводы посылались в северные города из Москвы из четверти, которой подчинялась та или иная территория: из Большого дворца — в Важский у., из Новгородской — на Двину, в Каргополь, Вятку и Пермь и др., из Устюжской — в Устюг, Сольвычегодск, Тотму, Чаронду, Устюжну, Устьянские волости.

Становление приказов-четей неразрывно связано с отменой наместническо-кормленческой системы в 1555/56 г. и введением денежного платежа «за наместнич доход» или «кормленного окупа», «оброка». С. Ф. Платонов считал, что «кормленный окуп — специальный сбор, своего рода выкупной платеж волостей за право самоуправления, установленный с 1555–1556 года»²⁰. В специальной статье «Как возникли чети?» ученый поставил вопрос о цели их учреждения. Он полагал, что она довольно ясна. «Назначение четей — содержать известное число служилых людей с годовым жалованием из фонда, образуемого путем взноса известных податных платежей непосредственно в четверти подлежащими податному обложению лицами и общинами». Он обратил внимание на то, что в деятельности четей проявляются две стороны: «Одна обращена к служилым людям: четь выплачивает им “годовые деньги”, “годовой оброк”; другая обращена к податному населению: четь взимает с него четвертные доходы»²¹.

Много сделал для выяснения хронологии и этапов становления четвертей П. А. Садиков. Выводя преемственность их из ведомства «кормленных» дьяков, он оценивал четверти как, «во-первых, прежде всего, контрольный аппарат над действиями провинциальных властей, а во-вторых — кассу, куда должны стекаться доходы на содержание бывших кормленщиков»²². Ученый подчеркивал «строгую территориальность» этих учреждений, которые «ведали не специальными налогами по всему пространству Московской земли, а только определенными местностями ...» и собирали еще другие налоги²³.

Обеспечение жалованьем феодалов, причем гораздо большего числа, чем прежде, стало первоочередной задачей учреждаемых

четей. Выполнить ее они могли, обладая административно-управленческой и фискально-финансовой прерогативами. Именно эти прерогативы определили основные функции четей: 1) подведомственность им населения определенной территории; 2) сбор с местного населения «кормленного оброка» и других сборов; 3) распределение и выплата этих денег как жалованья закрепленным за той или иной четью служилым феодалам.

Следует обратить внимание на присущую четвертям полифункциональность. А о них в литературе существует мнение как о финансово-территориальных по преимуществу учреждениях²⁴. Такое суженное представление о четвертях основывается на одной, наиболее выпукло отраженной источниками, функции в деятельности учреждений. Это многообразные источники, рисующие налогово-финансовые взаимоотношения четей с местными органами власти, они-то чаще всего попадают в поле зрения ученых. Рассмотренная оценка четвертей как центральных учреждений с областной компетенцией также не охватывает их как тип учреждения. При характеристике четей исследователям словно «мешает» подмеченная С. Ф. Платоновым двусторонность: обращенность и к служилым людям и к податным слоям; они — центральные учреждения и у них — местная, территориальная компетенция. Недостаточная разграниченность прерогатив и функций, вытекающих из имеющихся прерогатив, ведет к такому восприятию. Разнообразие функций приказов-четвертей порой воспринимается исследователями как их несовершенство.

Вряд ли можно согласиться с такой осовремененной точкой зрения. Думаю, нужно подойти к этим учреждениям с иной позиции. Формирование четвертей происходило в тот период, когда сама феодальная среда претерпевала изменения — оформлялось многочисленное служилое дворянство, распространялся такой тип обеспечения службы, как поместье, происходила внутрисословная перегруппировка феодалов. Сложные уже сами по себе, процессы усугублялись опричными перетасовками, а затем невзгодами Смутного времени. И господствующее сословие, и организуемые им управленческие институты находились в той стадии, когда прежняя иерархия общественных ценностей нарушена, пошатнулась, а новая еще окончательно не выработана. Такое положение вещей сказалось и на государственном управлении. Ведь несколь-

²⁰ Платонов С. Ф. Очерки по истории... С. 112.

²¹ Платонов С. Ф. Статьи по русской истории // Платонов С. Ф. Сочинения. Т. 1. СПб., 1912. С. 138.

²² Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 384–385.

²³ Там же. С. 417.

²⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 454, 464, 469; Садиков П. А. Указ. соч. С. 383; Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955. С. 372.

ко парадоксально, с современной точки зрения, звучит в приложении к четверти такое определение: центральное учреждение местного управления. И потому четвертям присущи не четко и строго очерченные функции, а как бы их смешение. Многофункциональность и разноплановость деятельности четвертей, отмеченные в литературе, как раз и есть та характеристика, которая соответствовала общественно-политическому развитию России 60-х гг. XVI — первой половины XVII в.

Итак, четверти в XVII в. управляли определенными территориями, причем весьма значительными. Их составляла совокупность многих городов с уездами. Так, за четвертями: Владимирской и Галицкой закреплено по 22 города, Новгородской и Устюжской — по 20-ти. Территории четвертей не представляли собой сплошных компактных массивов. Огромный поморский регион находился в ведении Новгородской и Устюжской четвертей. В Новгородской четверти были, во-первых, непосредственно новгородские пятины и исторически связанные с Новгородом области северного и восточного Поморья — Подвинье, Вятская земля, а во-вторых, нижегородские районы с Арзамасом и Гороховцом. Эти местности составляли как бы два территориальных массива, значительно удаленные друг от друга. Области Устюжской четверти также не лежали в едином массиве. Выделяется прежде всего значительное пространство в Поморье, расположенное южнее Подвинья и Каргополя: с запада на восток — Чаронда, Тотьма, Устьянские волости, Устюг и Сольвычегодск (с уездами); они граничат с областями, подчиненными Новгородской четверти. Затем уезды, располагающиеся от Москвы с запада на восток — Великолуцкий, Ржевский, Бежецкий, Рузский, Можайский, Звенигородский, Дмитровский, а также к югу — Епифань и Венева.

Уезды, которые ведали четверти, закреплялись за ними не сразу. Они складывались на протяжении почти двух десятилетий — 80–90-х гг. XVI в. Достаточно обстоятельно проследил комплектование территорий за четвертями П. А. Садиков, хотя он и оговорился, что «составлять полный список городов», ведавшихся в чети А. Я. Щелкалова, «не представлялось нужным, точно так же, как и устанавливать точные хронологические даты, когда та или иная область стала вестись в этой четверти»²⁵. Наиболее подробно ученый рассмотрел распределение территорий за Новгородской и Устюжской четвертями начиная с 90-х гг. XVI в. Он про-

следил перераспределение северных областей, опричных и земских, по четвертям, их слияние и разъединение, смену их руководителей — дьяков, по именам которых назывались и сами приказы²⁶.

По мнению П. А. Садикова, в 1588–1590 гг. существовали только три четверти: Андрея Щелкалова, Василия Щелкалова и Дружины Петелина. В 90-х гг. их приказы «пережили ряд изменений как со стороны своего состава, так и в начальственном персонале. В XVII в. вступили уже с территориальными наименованиями, хотя еще прочно не установившимися». По наблюдениям ученого, «на конец 1599 г. приходится последний передел территорий прежних дьячих четвертных приказов, и в XVII в. вступили они как чети Новгородская, Устюжская, Галицкая и Владимирская»²⁷.

Присмотревшись внимательнее к городам и уездам, в особенности северным, закрепившимся за Устюжской и Новгородской четвертями, обнаруживаем следующую картину. Обе они стали называться по самым крупным городам Устюгу и Новгороду (правда, в Новгородской четверти был еще и Нижний Новгород). Земли уездов, входивших в Устюжскую четверть (Тотемского, Устюжского, Устьянских волостей, Чарондской округи), располагались, как говорилось в первой главе, по рекам Сухоне и Двине, верхней Ваге с ее левыми и частично правыми притоками, в районах озер Воже и Лаче. Реки, как известно, издревле служили путями сообщения и колонизации. В. А. Кучкин со свойственной ему тщательностью проследил, что земли по этим рекам постепенно в течение XII–XIV вв. попадали в орбиту влияния, а затем в состав Владимиро-Суздальского и Ростовского княжеств и их уделов и, наконец, Московского великого княжения²⁸. Другими словами, Устюжской четверти подчинились, в конце концов, уезды Севера, составлявшие объект старинной земледельческой и политической колонизации княжеств Северо-Восточной Руси. Что касается замосковных — Рузы, Можайска, Звенигорода, Дмитрова, то они старинные области Владимиро-Суздальской Руси, а Великие Лу-

²⁶ Там же. С. 332–336, 340–347, 354, 372–374, 377–380, 387, 394, 407–409.

²⁷ Там же. С. 404, 407. Л. М. Сухотин заметил, что Устюжская четь в 1610/11 г. считалась новоприбылой и «образовалась, по-видимому, не ранее царствования Василия Ивановича; ее возглавлял дьяк Елизарий Вылузгин» (Сухотин Л. М. Четвертники Смутного времени (1604–1617). М., 1912. С. IV). Данные П. А. Садикова уточняет А. П. Павлов: территории Устюжской четверти определились к началу Смуты, а приказ сложился из четей Е. Вылузгина и В. Маркова (Павлов А. П. Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 202–205).

²⁸ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 89, 92–93, 120, 275–279, 307–309.

²⁵ Садиков П. А. Указ. соч. С. 391.

ки, Ржев, Бежецк, Старица, Клин — бывшие области Тверского княжества. Так же явственно прослеживаются следы новгородской колонизации в территориальном закреплении северных уездов за Новгородской четвертью. Входящие в нее поморские уезды — прежние районы Заволочья, Двинской земли, осваиваемые когда-то новгородцами и находившиеся под политическим влиянием Новгорода.

Полагаю, что в таком распределении регионов за четвертями есть своя логика. Из приводимых П. А. Садиковым документов и проделанных им наблюдений ясно, что в 80–90-х гг. XVI в. деятельность четвертей организуют такие опытные «администраторы» правления Грозного, как Дружина Петелин (руководитель четверти, впоследствии Устюжской), Андрей (дьяк будущей Новгородской четверти) и Василий (дьяк Владимирской четверти) Щелкаловы (последние выросли в дьячьей семье Якова Семеновича Щелкалова)²⁹. В XVI в. автономность отдельных областей государства, их старинные связи между собой держались еще достаточно прочно³⁰. Можно думать, что государственные деятели воспринимали эту автономность как современную им данность. И, формируя территории четвертей, они учитывали как раз старинные областнические комплексы, которым была присуща известная целостность. Смутное время, казалось бы, должно было перетряхнуть прежние представления, но такого не случилось. Традиционные основания для районирования, сложившиеся в средневековье, теперь подкреплялись экономическими и закрепились на естественно-географическом положении.

Четверти, будучи центральными органами, ведали значительные области государства, а посылаемые ими на места управители-воеводы, административные части этих областей — уезды. По отношению к уезду и его центру четверть была руководящим и контролирующим органом. И руководство четверти состояло прежде всего в назначении воевод. Причем Устюжская четверть посылала их, как уже говорилось, в северные города, а в города замосковные, подведомственные ей, воеводы назначались из Разрядного приказа. Северные уезды и замосковные разнились типом феодальной собственности. Несмотря на то, что Устюжская четверть соединяла в своем ведомстве частнофеодальные и черносошные земли, последние не только управленчески, но и подчиненно были

отделены от частнофеодальных. Такое обособление дел в рамках одного учреждения явственно видно и в налогово-финансовой области. Налоги с черносошных уездов Севера поступали в Устюжскую четверть, в нее же «приходили» с замосковных городов и уездов только оброчные платежи, а не налоги, собираемые с поместьи-вотчинных земель на основе писцовых книг.

Мы помним, что четверти должны обеспечивать жалованьем многочисленную армию феодалов. Жалованье, земельное и денежное, назначалось феодалам за службу в Разрядном приказе. Между Разрядом и четвертями существовала двусторонняя связь, которая явственно обнаруживается из приходных и расходных книг четвертей. Из них видно, что поступавшие в четверти налоги расходились из них на нужды государственного хозяйства, поступали они и в Разряд. А. С. Лаппо-Данилевский отметил «посредствующее положение»³¹ четвертей среди приказов. Он уловил финансовую связь четьей и Разряда, но только как приказа, «ведавшего военно-служилый класс и дела по военному управлению» в областях, населенных «значительным количеством служилых людей низших разрядов». Он оценил Разряд как «довольно важный финансовый центр», который «в этом отношении может быть поставлен наряду с Костромской и даже с Устюжской четвертью...»³².

Однако расходные книги четвертей, в особенности так называемые кормленые книги, выявляют не только финансовую связь между четвертями и Разрядом, заключающуюся в передаче сумм из первых во второй. Ясно видна руководящая роль Разряда по отношению к четвертям.

Вероятность подчинения четьей разрядным дьякам в последнем двадцатилетии XVI в. осторожно предполагал С. Ф. Платонов. Он исходил из того, что «четвертные доходы, по своему происхождению и назначению, скорее всего могли сосредоточиться в Разряде. Кормленщики и их потомки, верхний слой служилого люда, и службою своею и вознаграждением за нее в виде административных полномочий, то есть кормлениями, подлежали ведению именно Разряда или, точнее, Боярской думы, ведавшей их через Разряд; когда кормления заменены сборами в четверть, наблюдения за сборами и четвертями всего скорее должно было сосредоточиться в тех же руках, в Разрядном, а не в другом приказе»³³. И если до конца XVI в. руководящая роль Разряда уже про-

²⁹ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 408, 580.

³⁰ См.: Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 48, 56, 74, 82–89.

³¹ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 464.

³² Там же. С. 469, 471.

³³ Платонов С. Ф. Как возникли Четы? С. 146.

ступает, то в первой четверти XVII в. она сказывается в следующем. Во-первых, в закреплении за каждой четью значительного отряда феодалов разных рангов от самого высшего (бояре, стольники, окольничие) до городских дворян и верхней прослойки служилых людей по прибору. Во-вторых, в распоряжениях по обеспечению феодалов денежными окладами соответственного размера, об их начислении, изменении размеров жалованья (сбавка или вознаграждение).

Земельным обеспечением феодалов занимался Поместный приказ, опираясь также на распоряжения, что следует подчеркнуть, Разряда. Заметим, что функции Поместного приказа и четвертей во многом схожи, только первый имел дело с землей служилой, поместной, а другие — с черной, тяглой.

В свете сказанного роль Разрядного приказа становится гораздо значительнее, чем считалось до сих пор. Во всяком случае, он никак не ровня Поместному³⁴. Существовали два основных приказа, непосредственно связанных с Боярской думой. Один внешнеполитический — Посольский, второй внутривластный — Разрядный. Первостепенность Разрядного приказа как общегосударственного несомненна. Социальный статус феодала — это его служба, военная или гражданская. Собственно организация и юридическое оформление службы — вот основная задача Разрядного приказа, которая решалась через верстание, назначение жалованья и т. д. И четверти, и Поместный приказ действовали каждый вполне самостоятельно, обеспечивая феодалов денежным и земельным жалованьем, но их деятельность производна от Разряда. Он дает импульс, побуждая функционировать и четверти, и Поместный приказ. Эти приказы связывает с Разрядом главная структурообразующая линия, а именно служебная.

Так что Разряд — не только финансовый центр³⁵, не «военный и тем самым внешнеполитический по своей определяющей функции»³⁶, не только управлявший служилыми людьми («определение их на службу, назначение им жалованья, денежного и поместного», хотя это ближе всего к сути)³⁷. Все эти определения однофункциональны, они вторичны по отношению к главной задаче, которую Разряд призван выполнять, — организации и оформлению феодальной службы. В системе Разряд — четверти

³⁴ См.: Очерки истории СССР. XVII в. С. 369.

³⁵ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 464; Садиков П. А. Указ. соч. С. 383.

³⁶ Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 168.

³⁷ Очерки истории СССР. XVII в. С. 369.

последние играют самостоятельную роль, но производную от него. Если взглянуть на четверти в таком ракурсе, тогда совершенно понятна их территориально-областная ориентация как центральных учреждений.

« При своем назначении воеводы получали в четверти наказ, в котором фиксировались их обязанности. Из наказа ясна и подконтрольность воевод четверти. Наказы воеводам, распоряжения и всякого рода запросы, посылаемые им из четверти, ответные отписи и запросы самих воевод характеризуют руководящую и контрольную роль четверти по отношению к местной администрации. Наказы воеводам отличаются большой обстоятельностью, которая вообще присуща приказному делопроизводству XVII в. Действия воеводы в той или иной ситуации достаточно строго регламентируются, а его переписка с четвертью свидетельствует, что воевода за разрешением сколько-нибудь серьезного вопроса обращается в центр. Создается впечатление, что, управляя вверенной ему местностью, он не может принять решение, не испросив мнения и рекомендации четверти. М. М. Богословский не скрыл своего явно негативного отношения к воеводской администрации, находившейся под мелочным надзором и опекой четверти. Он полагал, что отсутствие у воевод свободы действий и их постоянная обязанность сношений с четвертью имели как раз своей оборотной стороной злоупотребления своей властью³⁸. Данная оценка проистекает из достаточно определенной разграниченности задач и функций учреждений XVIII–XIX вв. Если обратиться к резолюциям на документах дьяков в четвертях, то они сплошь и рядом не решают рассматриваемого вопроса, многократно возвращаются к нему, а нередко выносят его на рассмотрение Боярской думы. И в этом — не только крючкотворство и алчное мздоимство всесильных дьяков (хотя игнорировать сей момент нельзя). Стоит задаться вопросом, были ли подобные черты особенностью только российского приказного аппарата? Выработанная приказной практикой формула — «... и о том, что ты, государь, укажешь», — не свидетельствует ведь о некомпетентности руководителей четвертей.

Четверти, находясь в завершающей фазе своего формирования, не затвердили функций и принципов работы. Взаимоотношения четвертей с воеводами показывают, что руководство и контроль еще не отделены друг от друга. Неотчлененность функций находится в ряду таких явлений этого времени, как неотделен-

³⁸ См.: Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. М., 1912. С. 268.

ность следствия и суда, процессуального и уголовного права, которые тоже находятся на стадии обособления.

Назначенные в северные города воеводы были чаще стольниками по своему служебному рангу. Например, на Двине воеводствовали представители Вельяминовых, Пушкиных, Шереметевых, Долгоруких, Пронских, Хилковых, Пожарских, Черкасских и др.; в Устюге, Сольвычегодске — из Львовых, Гагариных, Прозоровых, Стрешневых, Хилковых, Хрущевых и т. д. Тотемские и чаронские воеводы находились на низших ступенях служебной лестницы.

В зависимости от своей статусной позиции воеводы обладали вотчинами и поместьями того или иного масштаба. Интересно скупое замечание Н. Ф. Демидовой о запрещении воеводам и другим администраторам приобретать земли в месте их службы³⁹. Постановление от 22 декабря 1633 г. предписывало «впредь воеводам, и дьякам, и всяким приказным людям на службах вотчин не покупать». Нарушителя ожидала конфискация владения без всякой компенсации: «даром отымут и отдадут тому, кто ее продал». Причина, вызвавшая постановление, — та, что «многие, будучи на службах, воруют, бражничают ...» и спускают вотчины «на малые деньги»⁴⁰. Во всяком случае, воеводы имели свое землевладельческое хозяйство и крепостных крестьян. Известно, что от величины феодального комплекса, вида ренты, налаженности хозяйства и экономической рентабельности, личности самого феодала зависело положение и крестьян, и общины в нем.

Сознанию феодалов было присуще восприятие крестьян как сословия, находившегося на нижней ступени общественной лестницы. По понятиям феодального права крестьяне не свободны (они ведь занесены в кадастры) и имеют в силу своего положения четко определенные обязательства. Социальная стратификация феодального общества при всей его многообразности была достаточно строгой. И с таким сознанием, сформированным существовавшим строем, приезжали воеводы в северные города.

Воевода — феодал-вотчинник по своей сути и государственный администратор по своему служилому состоянию. Воеводство было, с одной стороны, служебной обязанностью феодала, а с другой — назначение на него следовало как удовлетворение просьбы феодала. В самом воеводстве как виде службы скрещивались обязанности и личные интересы феодала-землевладельца.

³⁹ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 101.

⁴⁰ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. № 209. С. 160.

Крестьяне Севера для приезжавшего воеводы, так же как центральнорусские (и его собственные как феодального владельца), были неполноправными и обязанными нести тягло — совокупность налогов и повинностей. Сословная неполноправность нашла отражение, например, в отношении воевод и приказных дельцов к мирам северных городов и уездов как к «мужичьим». Эта квалификация не есть только выражение пренебрежения управителей к крестьянам и посадским, как полагал М. М. Богословский⁴¹, но показатель реального социального деления общества и восприятия такого деления. Ведь и сам воевода — холоп, слуга государя и занимает соответствующее место в социальной иерархии. Заметим, что самосознание и социальная психология феодалов XVI–XVII вв. ждет своего основательного изучения.

Воевода и съезжая изба с ее аппаратом были средоточием правительственной власти в уезде. Н. Ф. Демидова, специально изучавшая группу местных приказных служилых людей, говорит, что персонал съезжих изб в первой половине XVII в. был немногочислен, два — пять человек, состоял из временной (я бы сказала — сменяемой) части — воевод, дьяков, подьячих с приписью, присылавшихся в город на 2–3 года, и постоянной — местных подьячих. Подьячие с приписью играли при воеводах ту же роль, что и дьяки. В один и тот же город могли назначаться либо дьяки, либо подьячие с приписью. Таким городом был как раз Устюг. Исследовательница указывает, что дьяки в него посылались в 1616–1619, 1633–1634 гг., а в другие годы возглавляли съезжую избу подьячие с приписью⁴². Составленная в 1635/36 г. в Устюжской четверти выписка «из отпусков» называет в Устюге пять подьячих, в Сольвычегодске — одного, Тотьме — подьячего и двух дьяков, Чаронде — двух⁴³. Один из устюжских, местных подьячих 1636 г. Дмитрий Федотов продвинулся по служебной лестнице, в 1666/67 г. он подьячий с приписью⁴⁴. В 1653/54 г. в Сольвычегодской съезжей избе работали присланный подьячий Ерофей Иванов и четверо местных⁴⁵. В Тотьме в 1675/76 г. один назначенный подьячий и двое местных⁴⁶.

⁴¹ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 262–263.

⁴² Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 30, 32.

⁴³ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 25. Л. 63, 66, 66 об., 139.

⁴⁴ Там же. № 164. Л. 4, 200 об.

⁴⁵ Там же. Ф. 137. Сольвычегодск. № 23–6. Л. 16, 92, 99.

⁴⁶ Там же. Ф. 137. Оп. 1. № 76. Л. 90 об.–93 об.

Наряду со съезжей в северных городах существовала другая изба — земская, где также сосредоточивалась власть, но иного характера, а именно мирская, общинная.⁴⁷ С появлением воевод земское управление не прекратило своего существования, однако полномочия земской избы уже далеко не те, что были при самоуправлении. Состав земских властей и их деятельность достаточно хорошо выяснены М. М. Богословским, все же объем полномочий земской избы при существовании съезжей и соотношение их функций необходимо рассмотреть дополнительно.

Н. Ф. Демидова обратила внимание на то обстоятельство, что местные государственные учреждения действовали наряду с «учреждениями другого типа — таможнями, кабацкими дворами, губными и земскими избами. Выборное начало и бесплатная (? — Е. Ш.) работа стоявших во главе их голов, целовальников и старост, а также земский наем, как форма оплаты для писчих дьячков, ставили эти учреждения в известной степени в независимое положение от воевод»⁴⁷. Но сколь далеко распространялась их независимость, пока что судить трудно.

В первой половине XVII в. в местном управлении сосуществовали два течения, и государственно-административное не могло действовать без мирского. Последнее придано системе местного аппарата. «Общинные власти соучаствуют в судебно-полицийских, налогово-финансовых, управленческих делах уезда». Старосты, целовальники, денежные сборщики, посыльщики разрубают, собирают налоги, привозят их в уездный город, доставляют в Москву, они ходят, ездят на места татинно-разбойных происшествий, земельных споров, проводят «повальные» обыски, земельные досмотры, свидетельствуют запустевшие угодья. Компетенция мирских властей в поземельных делах достаточно хорошо изучена. «Община выбирала из своей среды таможенных и кабацких голов, нанимала подьячих в съезжую, таможенную избу, а главное, оплачивала их работу». Рассмотрев вопрос о денежном жалованье местных подьячих в приказных избах, Н. Ф. Демидова отметила отсутствие твердых окладов, разброс в их размерах и стихийность их выработки. Она объяснила такое положение «огромной ролью... пережитков земских обычаев». Мирской наем подьячих в приказные избы в первой половине века был распространен, по ее наблюдениям, в избах Центра и Севера, и, в частности, в Устюге, Чердыни⁴⁸.

⁴⁷ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 36.

⁴⁸ Там же. С. 131–132.

Представляет интерес в этом смысле уже упомянутая выписка Устюжской четверти от 1635/36 г. «из отпусков», специально констатирующая, «что государева жалованья обротчиком в городех». Она касается не только городов Севера — Устюга, Тотьмы, Сольвычегодска, Чаронды, Устюжны, но и Центра — Дмитрова, Старицы, Ржевы, Можайска, Вязьмы, Венева⁴⁹. Обращает на себя внимание употребленный четвертью термин «обротчики» в приложении к подьяческому аппарату съезжих изб. Этот термин характерен, он указывает на несвязанность «государева жалованья» с центральной казной и выдвигает на первый план его зависимость от наемно-договорных обязательств с земско-мирской властью. Четверть на основе получаемых с мест отпусков копит и суммирует информацию о размерах жалованья и его источниках. В Устюжской избе один подьячий получал 15 руб. и четверо — по 10 руб. «А государево жалованье тем подьячим велено давать на Устюге таможенным головам из мирских, из ямских и зборных денег». Двое подьячих в таможне города с жалованьем по 20-ти руб. получали его «ис таможенных и ис кабацких доходов». Сольвычегодскому подьячему «государево жалованье велено ему давать подмогу мирским людям, как давано прежним дьячком». В Тотемской избе 2 дьячка «сидят по выбору сошных людей», а наем им дают, собирая с сох же «из мирских и зборных денег». В Чаронде двум подьячим платили «обоим 11 рублей из чаронских неокладных доходов»⁵⁰. Документы развертывают целый спектр участия посадских и крестьянских общин в оплате подьяческого звена местного аппарата: от полного содержания за счет мира в Тотьме до частичного в Устюге. Единообразия не было даже среди уездных центров, подчиненных одной четверти. Выписка «из отпусков» показывает, как отрабатывался в четверти порядок оплаты местных администраторов, ориентированный на уездные доходы. Наряду с неокладными, его источниками были ямские, таможенные и кабацкие деньги, а также мирские сборы, другими словами, не фиксированные налоги, а именно сборы — податные и общинные.

Показателен и колоритен материал о выплате жалованья местным служителям, содержащийся в расходных книгах мирских уездных старост. Личность ведущего книгу отражалась в каждом конкретном случае. Сольвычегодский староста 1653/54 г. Роспута

⁴⁹ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 25. Л. 62–68 об., 139.

⁵⁰ Эти цифры отличались от размеров жалованья подьячих (их четверо) Устюжский приказной избы в 1630 г.: в 15, 12, 7, 5 руб. (Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 134).

Максимов Пихтусов, учитывая «всякой земьской мирской расход», вел свои книги не только по календарной хронологии, как это бывало в большинстве случаев, а еще и группируя сведения по статьям расхода⁵¹. И потому в книге старосты Роспуты мы видим статью «Расход съезжей избы подьячим и земскому дьячку и счетным дьяком от счету»⁵². Из нее явствует, что староста платил жалованье трем подьячим съезжей избы в конце года, в разных числах августа. Выплаты он делал в соответствии с договором, который заключался, скорее всего, в начале года, а был ли он письменным или устным, из расходной книги не ясно. Такой договор «оформлял» наем подьячего, и стороны условливались о плате. Сама выплата производилась «по мирскому приговору», в котором следует видеть не специальный приговор схода, а решение избранных на мирские должности людей — посадских и волостных целовальников, волостных посыльщиков, т. е. должностных лиц мирского управления, как раз «сидевших» в земской избе. Два подьячих Сольвычегодской съезжей избы Василий Семенов Шугородцов и Петр Иванов получили каждый «найма его по договору» по 20 руб., а Аникей Калистратов — 21 руб. 5 алт. 4 ден.; подьячий Федор Калистратов за подгода «октября с 3-го числа до марта до 1-го числа — 6 рублей»⁵³. Каждый из них дал старосте отпись, которые тот прилагал к своему финансовому «счету» в конце года. А мы помним, что в 1636 г. жалованье сольвычегодским приказным подьячим давали мирские люди, руководствуясь традицией и прежними договорами: «как давано прежним дьячком». И 18 лет спустя традиционен порядок уплаты жалованья и, вероятно, его размер. Староста Роспуты выплатил подьячим 65 руб. 5 алт. 4 ден., что составило 15% расхода по этой статье (от 276 руб. 8 алт. 2 ден.).

К середине XVII в. «повсеместно ликвидируется наемная форма подьяческого жалованья», которое начинает оплачиваться из казны, пишет Н. Ф. Демидова. Источником для жалованья были выбраны местные неокладные доходы, что закрепил царский указ от 23 августа 1657 г.⁵⁴ Расходная книга земских мирских сборщиков Устюга 1666/67 г. фиксирует издержки воеводе Г. М. Мышецкому и подьячему Дмитрию Федотову «на пивные вари и на праздничные поносы и на дворовые всякие поделки ...», а также

расходы городчику, тюремным целовальникам, бирючу, земскому дьячку, съезжей избы сторожам; и в том же ряду упоминает: «И воеводским подьячим, денщикам и земским приставам дано годовых наймов, и то писано в сей расходной книге порознь статьями»⁵⁵. Однако содержание расходной книги убеждает, что выплаты жалованья именно подьячим съезжей избы по договору найма в ней отсутствуют. Прокламированный в заглавии книги расход по этой статье был настолько привычен для должностных лиц общины, что спустя десятилетие после указа 1657 г. о финансировании подьяческой службы из неокладных доходов всеземские денежные сборщики Устюга стереотипно вписывают ее.

Можно высказать и другое мнение. Община отработала приемы ведения расходных книг, которые писали земские дьячки. Вряд ли они часто сменялись, ведь для такой работы нужна была квалификация и грамотность. Дьячок мог пользоваться при составлении книг текущего года в качестве образца книгой предыдущего года или двух лет, но, видимо, не десятилетней давности. Потому включение в книгу 1666/67 г. статьи о возможном мирском расходе на жалованье подьячим съезжей избы показательно. Оно свидетельствует о живучести традиционных мышления и действий общинных властей и о реальности для приказных изб прибегнуть к подмоге общины в оплате работы своих подьячих, несмотря на указ 1657 г. В расходной книге тотемского всеуездного старосты Ивана Спасского 1675 г. не находим ни статьи об оплате подьячих приказной избы, ни даже намек на нее.

Земские дьячки служили свою службу по договору найма, и их работу старосты оплачивали из мирских денег. Устюжский земский дьячок в 1667 г. получил «годового найму» 10 руб. в конце года, 26 августа, причем «по мирскому всеземскому заручному приговору от мирских дел и от всеземских приходных и расходных книг от письма за работу»⁵⁶. Сольвычегодский староста своему земскому дьячку выплатил «годовой найм» не одновременно, а в четыре срока, но не поквартально, а именно в ноябре, феврале, затем в марте и июне, в размере 12 руб. и также «по мирскому приговору»⁵⁷. Оба дьячка писали отписи в получении жалованья «своею рукой».

Совершенно очевидно, что в государственном управлении четко выявляется линия: четь — воевода (съезжая изба) — общи-

⁵¹ РГАДА. Ф. 137. Сольвычегодск. № 23-6.

⁵² Там же. Л. 15 об.

⁵³ Там же. Л. 16.

⁵⁴ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 133.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 164. Л. 1.

⁵⁶ Там же. Л. 195 об.

⁵⁷ Там же. Сольвычегодск. № 236. Л. 15 об.

на (земская изба). Общины, объединяя жителей города и уезда, имели свое представительство во всеуездном органе самоуправления — сходе и выборном аппарате. Последний составлял мирскую администрацию, и земская изба была местом ее пребывания. Государственная власть использовала готовые звенья общинной выборной администрации, привлекая ее для соучастия в судебно-полицейских, тягло-податных и других делах. Фактическая сторона данного вопроса настолько хорошо известна, что не нуждается в дополнительном освещении.

Аппараты съезжей и земской изб, нередко действуя в общих делах, комплектовались по совершенно различным принципам. В первую он назначался центральной властью из феодалов, за исключением нижних чинов, во вторую избирался местными жителями из посадско-крестьянской среды.⁵⁸ Разными были и источники финансирования должностных лиц в этих избах. Назначенные в город воеводы при своем отъезде получали жалованье в соответствии с окладом. Средства на выплату жалованья брались из статьи расходов казны, в которую деньги поступали как налоги от податного населения, в том числе и от тех же черносотных крестьян. Отчужденные от плательщика-крестьянина, пройдя через четверти как кассы и поступив из них в иные приказы, податные поступления превращались в обезличенные государственные доходы, которыми обеспечивалась служба феодалов.

Аппарат земских изб формировался на совершенно противоположной приказным избам основе. Мирской сход избирал на год должностных лиц — старосту, целовальников денежного сбора, земского дьячка и т. д. и уполномочивал вести все дела. На их содержание шли деньги, получаемые путем «мирских разубов». Избранный в старосты Сольвычегодска Роспута Максимов сын Пихтусов имел в приходе по специальным разубам «по мирскому приговору на земской всякой мирской расход 376 руб. 8 алт. 2 ден.» Из этих денег, например, 14 сентября 1654 г. он расплатился с Пятым Бачуриным за письмо (6 алт. 4 ден.), ибо тот «сидел у земского дела. Неделю писал выбор на старосту на Роспуту, да приговор писал Роспуте годовой да развод писал»⁵⁹. Деньги в этом и во всех остальных случаях староста платил при свидетелях — мирских людях: двух посадских целовальниках, двух же волостных целовальниках и трех посыльщиках. Состав волостных свидетелей мог варьироваться, но присутствовали они

обязательно, даже несмотря на то, что брались отписи в получении денег. Попутно скажу, что такие «сесения» в земской избе «за мирским делом» не обходились без браги. Только в октябре целовальники и мирские посыльщики четырежды собирались в избе «для мирского совету», истратив на брагу 1 алт. 4 ден. Тотемский староста Иван Спасский в августе 1675 г. купил «на счетчиков» пирогов, рыбы и «пойла, как они считали безотходно, всего на два рубли» и для большей убедительности добавил: «для того, что они считали не отходя», ясно, что речь идет о проверке расходов⁶⁰.

Итак, на Севере сосуществовали две, принципиально различные администрации в местном управлении, что придавало ему своеобразие, а также вело к известному параллелизму. М. М. Богословский писал о двойственности характера выборных земских властей: «Оставаясь земскими по своему происхождению путем выборов, они становились государственными по источнику своих полномочий, даваемых им государственной властью, и по тем целям, во имя которых они должны были действовать»⁶⁰. В этой мысли ученого превалирует государственное начало, которое подчиняет выборное. А так как он не считал северную волость общиной, то в его трактовке отдельно представлены земское самоуправление и землевладение, причем последнему уделено гораздо меньше внимания, чем первому.

Община вообще и черносотная в частности — замкнутая социальная система, и потому ее должностные лица самостоятельны, независимы от внешнего государственного вмешательства, периодически сменяемы. Они, будучи традиционной управленческой структурой общины, действовали в согласии с обычаем и решали разнообразные земельно-имущественные дела, как наиболее органичные для нее.

Однако землевладение крестьянских миров было обусловлено тягло-фискальными обязанностями (см. об этом в гл. 2). После Смуты в обстановке хронического дефицита казны государство с помощью местного воеводского управления пытается решить финансовую проблему. Воевода был проводником центральной власти на месте по обеспечению сборов налогов с подвластного населения. Четверть постоянно шлет распоряжения, касающиеся сбора и своевременной доставки налогов в центр. 5 октября 1635 г. Устюжская четверть разослала грамоты «в города к воеводам и приказным людям, а велено им тех городов четвертные денежные и

⁵⁸ Там же. Л. 3.

⁵⁹ Там же. Л. 29–30; Ф. 137. Оп. 2. № 76. Л. 256.

⁶⁰ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 321.

всякие неокладные доходы собрать, а на ослушниках доправить, на нынешней на 144-й год и прислать ко государю к Москве на срок на Стретенев день»⁶¹. Грамоты посланы во все города, подведомственные четверти, и в поморские, и замосковные. Также все поморские города были извещены грамотами о сборе стрелецких денег, а сама четверть получила память из Стрелецкого приказа за приписью дьяка Ивана Нестерова, после чего и проинформировала воевод. «А велено московским стрельцам на государево хлебное жалованье на нынешней на 144-й год собрать деньгами против прошлого 143-го году с сохи по 120 рублей, с Чаронды и с Чарондской округи с сохи по 80 рублей. А собрав, те деньги велено прислать к Москве тотчас»⁶². Эпически спокойную фразу в первом указе о присылке четвертных налогов к Сретению заменили во втором на более строгую — о доставке «тотчас». Податная задолженность уездов была предметом особой заботы четверти. 15 сентября тотемскому воеводе повелевается собрать четвертные денежные доходы и стрелецкие деньги «прошлого 140-го и 143-го году», а также «с сорока дворов за даточных людей» и далее назидательно: «а на ослушниках доправить все сполна... и прислать к Москве с целовальники», и еще о недоборе таможенных и кабацких денег «обыски прислать», причем «отписки и обыски велено подати в Устюжской четверти дьяку Пантелею Чирикову»⁶³. Только за октябрь 1635 г. в города Устюжской четверти было разослано: 58 грамот, касающихся сбора и отправки четвертных налогов, 13 — недоимок по ним, 13 — таможенных и кабацких сборов и 15 — недоимок по ним, 5 — росписи и оценки запасов в таможенных и кабацких избах, 17 — проверки правильности сборов, 8 — выплат на местные нужды из сборов: таможенных и кабацких, неокладных ямских, 8 — сбора оброчных денег, 5 — неокладных сборов и еще 54 грамоты по разным вопросам⁶⁴. Всего 196 грамот.

Приходные книги Устюжской четверти, напомню, открывались фиксацией недоборов прошлых лет по всем видам налогов и сборов⁶⁵. Четверть вменяет в обязанность воеводам ликвидировать имевшуюся на городе и уезде задолженность по налогам. «В качестве обыкновенной пружины податного механизма воеводская

власть выступает обыкновенно в сборе недоимок с миров, и тогда она действует во всем своем полицейском всеоружии путем принудительного взыскания, правежа»⁶⁶. Многолетние и крупные задолженности вели к тому, что четверть посылала в уезды приставов для сбора недоимок. В апреле 1633 г. такой пристав был послан в Устьянские волости, чтобы получить недоборы за 1632–1633 гг. в размере, составившем треть от всей суммы налогов, данных и оброчных денег и за стрелецкие хлебные запасы⁶⁷.

Податное обложение и взимание налогов вели к тесному взаимодействию государственной и общинной администраций. Пристав Дмитрий Свистов, приехав в Устьянские волости, должен «земским судейкам и старостам и целовальником и всем крестьяном вычетчи наказ, велеть им государевы денежные доходы, чево они не доплатили, в нынешнем во 141-м году данных и оброчных денег прошлого 140-го году да на нынешней на 141-й год» в размере 546 руб. «доправить все сполна без надобору»⁶⁸. Кроме налогов, общинные власти обязывались оплатить Д. Свистову «от Москвы до Устьянских волостей и назад до Москвы прогоны» (8 руб.), которые пристав должен сдать «в государеву казну в Устюжской чети дьяку Пантелею Чирикову»⁶⁹. Так как в Устьянских волостях не было воеводы, то четверть известила о посылке пристава в Устьянские волости воеводу Тотмы и распорядилась дать Д. Свистову «розсыльщика» из тотемских мирских людей.

В свою очередь, воевода Тотмы М. В. Головачев, извещенный грамотой из четверти, тоже должен был собрать недоимки с посада и уезда за 1630–1632 гг. за стрелецкие хлебные запасы в размере 1244 руб. и налоги за текущий 1633 г. «полный оклад против прошлого 140-го году». На это воевода ответил, что собрать налоги «вскоре невозможно, что ехали ныне в Сибирь твои государевы воеводы и дьяки и писменные головы, и для земских отпусков твоим государевым доходом в зборе учинилось мотчанье» (промедление), а еще из волостей «многие крестьяне разбрелись врознь». На таковую воеводскую отписку из Устюжской четверти была послана М. В. Головачеву грамота с характерной сентенцией: «И ты то делаешь не гораздо, что нашего указу и указных наших грамот не слушаешь, наших четвертных всяких доходов и прошлых лет доимочных денег с Тотмы с посаду и с уезду, льго-

⁶¹ РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 25. Л. 89–89 об.

⁶² Там же. Л. 91 об.

⁶³ Там же. Л. 80–80 об.

⁶⁴ Там же. Л. 87–91.

⁶⁵ Там же. № 104. Л. 2–122.

⁶⁶ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 150.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1633. № 4–1. Л. 74–77.

⁶⁸ Там же. Л. 82.

⁶⁹ Там же. Л. 85.

тя сошлым людям для своей бездельные корысти». В результате в Тотемский у. был послан тот же пристав Д. Свистов, а воеводе «за твое ослушание» велено оплатить ему прогоны «от Москвы до Тотьмы на две подводы»⁷⁰.

Неспешность тотемского воеводы имела следствием посылку пристава Д. Свистова не только в Устьянские волости, Тотьму, но и в Устюг и Сольвычегодск. Ему были вручены грамоты к воеводам городов и приказным людям Устьянских волостей «о четвертных и о всяких денежных доходах нынешнего 141-го году и доимочных деньгах прошлых годов». Далее память, выданная Д. Свистову, скрупулезно перечисляет действия пристава. Приехав в город, «грамоты отдать воеводам и приказным людям тотчас, а отдав, говорить воеводам, чтоб они по... грамотам тотчас послали в уезды розсыльщиков, а велели тех городов с посадов и с уездов и с станом и с волостей старостам и целовальником государевы четвертные и всякие денежные доходы на нынешней на 141-й год собрать и по росписям прошлых лет доимочные деньги». Конечно же, на ослушниках доправить «бессрочно все сполна»⁷¹.

Приведенные свидетельства показывают тесные контакты воеводской и мирской властей в финансово-податной сфере. Воеводская администрация, руководимая четвертью, обеспечивала взимание налогов и сборов, отбывание крестьянами повинностей. Земская власть раскладывала сумму каждого налога, приходящуюся на уезд как податной округ, учитывая состоятельность каждого крестьянского хозяйства, собирала и доставляла платежи; она на практике реализовала государственное обложение. Разнообразие тяглых платежей по уездам, их классификацию обстоятельно рассмотрел М. М. Богословский, дополнил его наблюдения А. И. Копанев, и потому нет надобности подтверждать их⁷². Скажу только, что все налоги, сборы, а также мирские платежи разверстывались в соответствии с сошным или вытным окладом. И Устюжская четверть придерживалась сложившегося и ставшего традицией порядка и рекомендовала мирские деньги, предназначавшиеся, например, для оплаты нижних чинов съезжей избы, собирать и разверстывать «с сох». Как известно, общинные старосты, целовальники денежного сбора «разрубали» суммы налогов в несколько приемов и собирали их в несколько поборов. Приход-

ные книги тотемского старосты И. Спасского 1675 г. свидетельствуют, что в один побор целовальники собирали по 8 руб. с сошки, а было их (поборов) семь⁷³. Взносы налогов от волостных целовальников поступали мелкими партиями от нескольких алтын до нескольких рублей, и очень редко — весь взнос сразу. На один побор приходилось 196 руб., а на семь — 1372 руб.

Однако не только по поводу налогов действовали совместно съезжая и земская избы, но и в поземельных делах. Хорошо известно, что разнообразные вопросы землепользования были прерогативой общины. Отвод земли крестьянам по мирским данным (они многократно упомянуты в писцовых книгах), соблюдение и поновление межей, поддержание сервитутов, распорядительные сделки, подтверждение при их совершении тяглого оклада, соразмерного участку, все эти вопросы были для общины насущными, обеспечивавшими жизнь. Достаточно одного примера. Возникший в 1626 г. поземельный конфликт в д. Корякинской Комарицкой вол. Устюжского у. разбирали всеуездный староста, целовальник, которые ездили в поля «для делу и меж дозировать, которые зъорали». «Десятные люди» (5 чел.) присутствовали при разделе земли между спорящими сторонами, пахотной, горной и луговой, «лутчей» и худой, лежавшей под паром, а также сенокосов⁷⁴.

Землеустроительная деятельность местной администрации, которая по некоторым функциям совпадала с общинной, например, отвод земли, досмотр и фиксация пустых земель и участков, включение в тягло вышедших из льготы угодий, была направлена в конечном счете к удовлетворению государственных и феодально-корпоративных нужд.

Местная администрация и общинная власть вели также демографический учет населения, имея в виду хозяйственный потенциал. В результате естественной убыли населения, миграционного оттока его, усиления имущественного неравенства в общине появлялись выморочные и запустевшие участки, снижалась тяглоспособность крестьянских хозяйств; в результате перераспределялось тягло, повышалась социальная напряженность. Потому земские власти следили за изменениями населенности дворохозяйств и земельных участков, в особенности за их запустением, стремились к поддержанию платежеспособности земельного фонда общины. Демографические колебания, сказывавшиеся на финансово-экономическом состоянии уезда, управляемого воеводой, побуждали его к

⁷⁰ Там же. Л. 110–113.

⁷¹ Там же. Л. 135.

⁷² Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. Гл. 6, 7; Копанев А. И. Крестьяне в XVII в. С. 192–200.

⁷³ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. № 61-а. 70.

⁷⁴ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1628. № 72. Л. 182–183.

осведомленности, и тем более, что этого требовала четверть. Используя информацию общинных властей и привлекая их непосредственно к досмотрам, например, пустых угодий, съезжая изба составляла переписи таких участков, оформляла передачу их на льготное или оброчное держание.

Демографическим колебаниям особенно был подвержен Тотемский у. из-за неумелого перевода местных сошек в большие сохи уже упоминавшегося писца Фоки Дурова при описании уезда в 1623–1625 гг. Красноречиво излагал ситуацию в 1646 г. тотемский уездный староста Василий Брагин в челобитной от имени всех крестьян и посада. «И от того, государь, их писцова несправедного тяжелого сошного писма, и от многих ваших государевых податей, и от смоленские службы, и от ямские гоньбы из живущих деревень и с пустошей, которые имали на льготу у воевод, многие крестьяне разбрелися, и запустели, государь, у нас, сирот твоих, в Тотемском уезде многие выти, а крестьяне тех пустых вытей, пометав свои дворы и жеребьи, сошли безвестно». В 1632/33 г. ревизовал уезд «свощик» Михаил Бороздин, и получив отрицательный итог, четверть отменила налоги с пустых участков. Крестьяне, покинувшие свои хозяйства, начали «на свои жеребьи сходиться, а иные было, государь, и поселились и учили пахать для бедноты по половине и по четверте своих жеребьев, и иные, государь, бедные крестьянники поимали жеребьишка у воевод на льготу и на оброки до жильцов». Излагаемые обстоятельства прямо связывают благосостояние крестьян с величиной обложения государственными налогами и податями, показывают приемы приспособления крестьянских хозяйств к уровню обложения; они свертывают тяглые участки в четверть и вдвое, берут участки на льготу и в оброк. Ослабление налогового бремени сразу ведет к возвращению крестьян в родные места и «ожилению» пашни и хозяйства.

Однако в 1638/39 г. произошел конфликт мира и воеводы Алексея Большева, который, «рнясь на нас, что мы на него, Алексея, в его многих налогах и в лишних кормех били челом отцу твоему государеву», в свою очередь сообщил в четверть, что крестьяне без податей владеют угодьями, считавшимися пустыми⁷⁵. В 1640 г. сменивший А. Большева воевода Иван Малыгин по распоряжению четверти проводил досмотр и сыск, чтобы удостовериться в правильности донесения воеводы А. Большева. К этой акции он должен был привлечь: «игуменов, попов и дьяконов по свя-

щенству, а старост, целовальников и посадских людей и крестьян всяких многих людей по крестному целованию». Также он обязан был взять у «старост и целовальников и у крестьян беглым посацким людям и Тотемского уезду беглым же крестьяном за их и отцов их духовных руками» сказки, кто именно и откуда, с посада ли и из «которых волостей крестьяне разбежались и в котором году, и где, сбежав, живут, и кто на чем жил». Собственно, эта фраза достаточно убедительно говорит о том, что крестьяне, по их собственной терминологии, «разбежались», «сходили», а по приказной «разбежались» из своих жилых деревень не так далеко, ибо они возвратились, как только «послыша ваше государево милосердное жалование»; вероятно, уйти на Каму или в Сибирь было под силу немногим. Четверть предписывала также самому воеводе И. Малыгину вместе с тотемским старостой Тимофеем Брагиным и Иевом Кубасовым, волостными людьми — старостами, целовальниками «тех пустых земель ... досмотреть и переписать». Дозор был проведен, книги составлены, но воевода увез их в Москву, а мирским представителям — участникам переписи, «не объявляя и рук им положить не дав». Перепись обнаружила прирост дворов и живущих вытей в сравнении с досмотром 1633 г., и четверть исчислила платежи⁷⁶.

Подобный же досмотр силами общинных старост, целовальников и мирских «суседей» был проведен в 1670 г. в волостях Устюжского у. в связи с оскудением крестьян и сильным запустением деревень из-за увеличения московского и сибирского запасов и четырех солдатских поборов. Сохранившаяся книга Кивокурского стана с волостями «пустых деревень и жеребьев» 1670 г. ведет перепись по деревням, отмечая каждый пустой участок, его тяглый оклад, размер приходящегося платежа, взятого в прошлом году, а также должного поступить в текущем году, указывая, пахана или нет земля того участка, имя и семейное положение жильцов, сошли они и куда и причину схода. В Кивокурской вол. в д. Семушинской «осмой жеребой в пусе. Вытного тягла — полтрети выти. И с того тягла на прошлый на 178-й год государевых всяких доходов довелось взять из доимки три рубли двадцать девять алтын з деньгою. А на нынешней на 179-й год тож по окладу три рубли двадцать девять алтын з деньгою. Земля на том жеребью не пахана. Жилец Ивашко Микифоров з женою и з детьми сошли в Важский уезд и за скудостью ходят в миру»⁷⁷. Обезд и перепись

⁷⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1633. № 62. Л. 15–19; АПД. III. С. 64–65.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. № 61. Л. 33.

⁷⁵ АПД. III. С. 63–64; РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1633. № 62. Л. 3–6, 9–12.

каждой волости заканчивались итогом: «И всего в Черевковской волости в песте вытного тягла шесть вытей и полтрети выти. А сошкою — полсошки и пол-пол-полтрети и пол-пол-полчети сошки», а также перечислением присутствовавших и проводивших досмотр — волостного целовальника, сотских и крестьян-выборных⁷⁸.

«Таким образом, налицо соучастие земской власти и воеводской администрации в рассмотренных сферах деятельности, которыми она не исчерпывается. Мирская власть в этом тандеме была конкретным исполнителем внутренних присущих сельской общине функций. Воеводская администрация, занимаясь, в принципе, такими же делами, нередко побуждала земскую к активным действиям и надзидала за их исполнением; первой государство предоставило и реальные средства, и меры воздействия (сыски, праваж) на мирскую. Через воеводу, проводника центральной власти, четверть как государственный административный орган добиралась до земского мира. »

На воеводское управление и мирскую организацию как две взаимодополняющие части механизма власти обратили внимание в своей монографии В. А. Александров и Н. Н. Покровский. Они пришли к выводу, что «при всем многообразии проблем административного, хозяйственного, военного, финансового и духовного управления миры разных социальных слоев сибирского населения играли немалую роль во взаимоотношениях с воеводской властью и разрешении повседневно возникавших жизненных коллизий»⁷⁹.

Воевода — сеньор для черносошных крестьян?

В руках воеводы сосредоточивалась административная, судебная и полицейская власть над вверенным ему округом. Воевода, приезжий феодал-вотчинник, облеченный такой властью, господствовал над населением уезда, подобно частному феодалу. На это обстоятельство обратил внимание в свое время А. С. Лаппо-Данилевский. Он отметил, что с реформой местных учреждений 1556 г. кормления не отмерли окончательно, а «все еще продолжали изредка встречаться в XVII в.», и привел тому ряд свидетельств. Ученый писал: «Воевода все еще нередко смотрел на

свою должность, как на источник *частнохозяйственных* доходов, тем более, что и само правительство в исключительных случаях не чуждо было той же точки зрения». Приведенные им факты, например о воеводстве во Пскове Д. П. Пожарского и кн. Гагарина, говорят о том, что посадские люди и дворцовые крестьяне некоторых волостей пахали на них пашню, причем на своих лошадях, сеяли и жали хлеб, косили траву, рубили дрова, а ремесленники работали и извозчики возили воевод даром; на муромских воевод посадские люди также пахали пашню и возили сено⁸⁰. Подобные случаи А. С. Лаппо-Данилевский оценивал как превышение воеводой своей власти, злоупотребление ею ради собственных выгод.

С такой оценкой ученого трудно не согласиться, однако на подобные факты можно посмотреть и под иным углом зрения. А именно, исходя из органической сплетенности государственно-корпоративных и частнофеодальных компонентов феодальной собственности⁸¹, причем при явном преобладании первых в изучаемом регионе.

Прибыв в город, воевода получал («въезжее») корм, собиравшийся посошно, кроме него, регулярные кормы на Рождество, Пасху, день Петра и Павла и Успенье. Не без некоторой иронии высказался об этом вековечном обычае, не изгладившемся за время самостоятельной деятельности земских учреждений, М. М. Богословский. «Администратор в новом духе, посылаемый в местность ради высших государственных целей, воевода повсеместно в течение всего XVII века сохраняет черты старинного кормленщика, и любая «издержечная», расходная книга земского старосты тотчас же переносит нас при ее чтении как бы вновь в эпоху наместничьих и волостелиных, петровских, рождественских и великодневных кормов, точно за два столетия не случилось никакой перемены в характере местной администрации»⁸². Кстати замечу, что М. М. Богословский, ссылаясь на расходные книги старост, не обрабатывал их материал.

Обратимся к расходным книгам земских миров. Так, староста Сольвычегодска Роспута Пихтусов прибывшему в мае 1654 г. в город воеводе В. И. Кольчеву принес на приезд хлеба и калачей,

⁸⁰ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 8, 343–344, 511–512.

⁸¹ См.: Бессмертный Ю. Л. Сеньориальная и государственная собственность в Западной Европе и на Руси в период развитого феодализма // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Материалы XVII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Ростов/Д., 1980. С. 30–32.

⁸² Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 283.

⁷⁸ Там же. Л. 17.

⁷⁹ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 170.

свежей и соленой рыбы на 4 алт., а на следующий день обеспечил его свиной, говяжьей, гусем на 1 руб. 6 алт. 4 ден.⁸³

Среди праздничных кормов — традиционные бараны, говяжьи туши, свиные полти, рыба, масло, яйца, хлебы, калачи, деньги. Тот же староста Роспута на Рождество 1653 г. принес кормов воеводе П. Н. Веснину и двум его сыновьям и «людям его», истратив на них 2 руб. 28 алт., а на Пасху кормов на 2 руб. 27 алт.; петровский корм, состоявший из говяжьей туши, барана, «полтя свиного ветчиново», сыра, обошелся старосте в 2 руб., а с деньгами «на весь двор» — 2 руб. 17 алт. На Успенье корм стоил меньше, а состоял тоже из «туши бычьей и ног и губы и ушей» на 1 руб. 3 алт., а за барана и за масло староста вручил воеводе деньги — 16 алт. 4 ден. В 1654/55 г. четыре праздника для воеводы обошлись сольвычегодскому миру в 10 руб. 6 алт. 4 ден. В составе праздничных кормов воеводе Устюга Г. М. Мышецкому — также говяжьи и свиные туши (стяги), бараны, коровье масло, на Пасху еще яйца, сыр. На четыре праздника для него куплено было кормов на 13 руб. 20 алт., а подьячему — на 10 руб. Тотемский староста И. Спасский истратил в 1675 г. на те же праздники воеводе 11 руб. 25 алт., а подьячему — 4 руб. 8 алт.⁸⁴

Праздничные корма во всех общинах старосты приносили натурой, и лишь в одном случае сольвычегодский староста дал за барана и масло деньги. Все старосты фиксировали эти траты как сделанные по мирскому приговору. Интересно, что воеводы трех городов получали праздничные корма приблизительно одинаковой стоимости, устюжский, правда, примерно на треть больше сольвычегодского, да и сам Устюг — более крупный город, чем Сольвычегодск. Кормы на упомянутые четыре праздника, а также кормы и деньги на другие праздники — Новый год, престольные (каковым в Устюге был Прокопьев день 8 июля), дни тезоименитств — были ранжированными. Если воевода получал корм, условно выраженный 1 единицей, то подьячий $1/2$, жена воеводы также $1/2$, слуги на воеводском дворе в $1/10$.

Соотношение кормов воеводе и подьячему, выражающееся как $1:1/2$, привлекает внимание, ибо вызывает ассоциацию с регламентацией кормов в наместничьих грамотах. Обратимся к грамотам, относящимся к северным областям: Белозерской 1448 г., Устьянским волостям 1539 г., северной половине Двинской земли

⁸³ РГАДА. Ф. 137. Сольвычегодск. № 236. Л. 113.

⁸⁴ Там же. Л. 63–63 об., 68, 117 об., 122; Устюг № 164. Л. 70 об., 72, 133 об.–135, 162–164 об., 188 об.–190. Подсчет мой.

1547–1556 гг. (Н. Е. Носов датирует ее 1549/50 г.), Пермской 1553 г., Онежской 1556 г.⁸⁵ По ним въездный корм наместников состоял из добровольного приношения, «кто что принесет, то им и взять», а праздничные кормы, их три — Рождество, Пасха и Петров день, — имели таксировку в продуктах и деньгах и собирались посошно. Для данной работы важно, что соотношение корма наместника и тиуна выражалось как $1:1/2$, а также, что кормы собирали общинные старосты или сотские и крестьяне сами, по деревням «промеж себя». Наместничьи грамоты засвидетельствовали мирское обложение, разверстку налогов, сборов натурой или деньгами и обязанность крестьян доставлять эти сборы наместнику в город. Н. Е. Носов вычислил размер годового посошного корма на Двине и, сопоставив его с размером корма Онежской земли, принял его за «общий оклад всех поморских земель середины XVI в.»⁸⁶

В течение длительного времени существовала наместническо-кормленческая система. Кормленые грамоты оформили и документально закрепили установившийся до них порядок, став юридической нормой. Она упорядочила взаимоотношения и обязательства сельской общины и администраторов, которые должны были «ходить по нашей грамоте», сменившей «старину». Кормленые грамоты середины XVI в., учитывая нормы судебников, и особенно 1550 г., направленные на ограничение объема власти наместников и волостелей и расширение значения земских органов⁸⁷, точно перечисляли функции наместника, волостеля, тиуна, доводчика, тем самым подчиняя обычай государственному закону. По прошествии времени поборы по кормленным грамотам снова стали для уездных жителей традиционными.

Наместничье правление можно назвать единоначальным, а с середины XVI в. его сменили земские выборные учреждения. Они комплектовались по совершенно иному принципу, чем аппарат наместников и волостелей. С введением воевод выборность местной власти уступила место назначению из Центра, а «коллегиальность» — единоначалию. Наказы воеводам сильно регламентировали, порой дотошно, их деятельность. Утрата местной государственной администрацией элементов самоуправления и выборнос-

⁸⁵ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909. № 2, 7, 10, 12, 16.

⁸⁶ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 332–333.

⁸⁷ Смирнов И. И. Судебник 1550 г. // Исторические записки. Т. 24. М., 1947. С. 292–294.

ти, поворот к единоначалию привели к трансформации прежнего порядка; он через несколько десятков лет возродился как традиция кормов, как норма обычного права, тем более, что она подпитывалась поведением и сознанием самих феодалов-воевод. Другими словами, бытовавшая когда-то традиция кормов стала потом узаконенной формой, и после многолетнего перерыва эта последняя восстановилась опять как обычно-правовая норма. Однако, возобновившись в других условиях, она естественно претерпела и некоторые изменения. К праздничным кормам добавился Успенский, и конечно, расширился набор продуктов в составе корма, не столь строго выдерживалось прежнее соотношение 1:1/2. Характерно, что воеводы предпочитали получать праздничные корма натурой.

Кроме этих кормов, мирские власти в течение года обеспечивали воеводу и подьячего съезжей избы, и порой не одного, продуктами питания, дровами, свечами, вениками и т. д. Старосты скрупулезно фиксировали изо дня в день, из месяца в месяц траты на содержание воеводы, его семьи, записывая сами продукты, их стоимость, а также деньги «в почесть», несенные в «бумажке», самому воеводе, его жене, детям, дворне и вплоть до слуги, посланного от воеводы с приглашением к старосте «хлеб ясти».

Староста Устюга в 1666/67 г. истратил за год 465 руб.: на воеводу — 304,5 руб. (65,5%), из них, например, на рыбу — 39,2, пиво — 142, хлеб — 9 руб. и дал деньгами «в почесть» 12 руб.; на подьячих — 113,6 руб. (24,4%), из них на рыбу — 19,2, пиво — 73, хлеб — 2,6 руб.; на них обоих — 38 руб. (8,1%), а на собственные земские нужды староста издержал 8,7 руб. (2%)⁸⁸.

Тотемский староста И. Спасский в 1675 г. всего израсходовал 185 руб., из них на корм воеводе 119,75 руб. (64%), подьячим — 33 руб. (18,3%), на земские нужды — 8 руб. (4,7%) и прочие расходы — 23,7 руб. (13%)⁸⁹. Если в книге 1675 г. записи, касающиеся расходов на воеводу и подьячих или других администраторов (проезжавших через Тотьму), идут попеременно, то расходная книга всеуездного старосты 1691/92 г. имела две самостоятельные части: «книгу воеводскую» и «книгу подьяческую», и в последней расходы меньше, чем в первой⁹⁰.

Сольвычегодский староста, как говорилось уже в разделе о типологии прихода-расходных книг, вел свою книгу 1554/55 г. по тематическим рубрикам. В них выделены разделы о «кормовых»

тратах. Двум воеводам, которые сменились за год старошенья Роспуты Пихтусова, последний носил не только продукты, а и «деньгами за понедельные поносы за харч», из расчета — «на неделю за два поносы рубль»⁹¹. Наряду с таким продовольственным содержанием община оплачивала еще покупку свежей рыбы, икры, соленых грибов, капусты, ингредиентов для студней, летом ягод — земляники, черники для варенья и пастилы.

Воеводе П. Н. Веснину с сентября по середину мая староста выплатил деньги: за «понедельный харч» — 38 руб. (30,4%), пиво — 23 руб. (18,4%), рыбу — 6,3 руб. (5,1%), овощи, крупу — 5,6 руб. (4,5%), дрова, лучину, веники — 12,5 руб. (10%), сено и фураж — 9,7 руб. (7,6%), починку и работы на воеводском дворе — 3,8 руб. (3,1%), прочее — 2 руб. (1,6%), расход на мирские нужды (отсрочка налоговых платежей) — 24 руб. (14,2%), всего — 125 руб.⁹²

Подьячий Ерофей Иванов также получал харчевые деньги из расчета 0,5 руб. в неделю, т. е. как раз в половинном размере (как и в кормленных грамотах) от платежа воеводе. С сентября до апреля староста оплатил подьячему: за «харч» — 13 руб. (39,4%), пиво — 7,4 руб. (22,4%), овощи, крупу — 2,6 руб. (7,9%), дрова, лучину, веники — 3,1 руб. (9,4%), сено и фураж — 3,2 руб. (9,7%), починку, поделку — 2,6 руб. (7,9%), прочее — 1,1 руб. (3,3%), всего — 33 руб.⁹³

Сменивший в Сольвычегодске на воеводстве П. Н. Веснина В. И. Кольчев не удовлетворился размером еженедельного «харчового» взноса предыдущего воеводы и взял с мира вместо рубля 40 алт. С мая по сентябрь земский староста Роспуты издержал на понедельные кормы чуть более 20,5 руб.⁹⁴. Вероятно, воевода и земские власти предварительно сговорились, «порядились» о величине «харчового» платежа. Такое соглашение они могли заключить, когда после вручения «въезжего» корма земские должностные лица ходили к воеводе «хлеба ясти», причем трапезу сопровождало подношение «в почесть». С этого момента выплаты по статье денег «за харч», записывались как решенные по «мирскому приговору».

Старосты всех общин делали покупки и носили продукты «на двор» воеводе или подьячему не в одиночку, а с «мирскими

⁸⁸ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 164.

⁸⁹ Подсчитано по: Там же. Ф. 137. Оп. 2. № 76.

⁹⁰ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 283.

⁹¹ РГАДА. Ф. 137. Сольвычегодск, № 23-6. Л. 60 об.

⁹² Подсчитано по: Там же. № 23-6. Л. 60 об.-91.

⁹³ Подсчитано по: Там же. Л. 92-111.

⁹⁴ Там же. Л. 115.

людьми» — целовальниками, посыльщиками от волостей. Необходимые поделки, ремонт, мелкие починки на дворах и в хозяйстве, нужный для таких работ материал — дерево, доски, гвозди, железные и скобяные изделия, вскапывание огорода на воеводу, покупка семян и рассады, уборка двора весной, мытье полов к праздникам и т. д. — все оплачивал староста из мирских денег.

Земские власти Устюга, например, оплатили следующие работы на воеводском дворе в январе: купили 6 «тесниц», «в летнем погребе на полати мяса класть» и заплатили за них 10 алт., а Ивану Ботвину, сделавшему из этого теса полати, — 1 алт. 2 ден. Тот же Иван Ботвин в поваренной избе «чулан забирал да двери делал. Плачено за работу 2 алт. 4 ден.». В мае вывозил из двора и конюшни назем на огород и «огород орал» Дмитрий Кнутов за 6 алт. 4 ден. Иван Чистяк на огороде «копал гряды и делал и сажал редешным семенем» за 2 алт. 2 ден.⁹⁵

Собственно, развернут весь спектр отработок, почти не отличавшийся от таких повинностей в хозяйстве любого частного феодала. В регулярных еженедельных и ежемесячных продуктовых поставках и денежных приносах овеществлялись собранные с волостных крестьян по разрубам мирские деньги. Воевода, используя свои властные prerogatives, получал отчисления от прибавочного труда крестьян.

Приезжавшие на воеводство из Центра в Сибирь феодалы не лишены были частнохозяйственных устремлений. Они привлекали крестьян к различным отработкам на воеводском дворе, и даже пытались завести, кроме промыслового, земледельческое хозяйство. Так действовали пелымский воевода И. М. Вельяминов в 1624 г., томский О. И. Щербатый в 1648–1649 гг., тюменский И. И. Лодыгин в 1668 г. О. И. Щербатый заставлял пашенных крестьян (так же, как и его собратья — воеводы Поморья) «всякую работу работать»: рубить и доставлять на воеводский двор дрова, заготавливать глину и класть печи, возить лед, чистить скотный двор, косить и возить сено, наряду с такими работами томский и пелымский воеводы принуждали подвластное им население пахать, жать и молотить, что «прямо говорит о воеводском хлебопроизводящем хозяйстве»⁹⁶. Однако случаи заведения воеводами земледельческого хозяйства в Сибири были редки.

⁹⁵ Там же. Ф. 137. Устюг. № 164. Л. 74, 85, 146, 152 об.

⁹⁶ Покровский Н. Н. Томск. 1648–1649. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. С. 106; Александров В. А., Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 216–218.

Доставка налогов из волостей в уездный город, их отправка в Москву также были доходны для воеводы и подьячего. Они сопровождались «подносами в почесть», особенно просьбы об отсрочке каких-либо платежей. Сольвычегодский староста 13 октября 1655 г. «нес» воеводе и подьячему по 5 руб. каждому и бил челом, чтобы воевода «дал сроку в салдатских деньгах до зимнего пути»⁹⁷.

Тотемский староста И. Спасский в ноябре 1675 г. «подьячему Титу Петрову купил по мирскому велению шубу овчиную» за 34 алт. 2 ден. При покупке со старостой присутствовали земские должностные лица⁹⁸. Вполне вероятно, что в данном случае «мирское веление» выражало мнение выборных земских людей, высказанное в земской избе, а не на сходе. Санкция мира в том или ином его представительстве на подобные траты была необходима. Конечно, в рамках волостного мира получить ее от общинников можно было, созвав их на сход. Именно так поступил целовальник Совьинской вол. Вятского у. в 1675 г. Он «собирал на погост крестьян для скаски старых солдат разных полков и для совету, что от того дать городовому приказчику». По принятому решению целовальник «от той скаски по мирскому велению» городовому приказчику Исаю Дмитриеву «несл рубль денег, люди его взяли 4 деньги»⁹⁹.

Подача сказки о солдатах обошлась волощанам в 10 алт., которые были поднесены подьячим приказной избы. А. И. Копанев привел данные расходной книги целовальника Совьинской вол. об обращении к подьячим. Сгруппировав их, убеждаемся, что в апреле 1675 г. целовальник 7 раз контактировал с двумя приказчиками по повинностно-податным делам, что стоило волощанам чуть более 3 руб.¹⁰⁰ Староста вол. Юрьев наволоок Устюжского у. в 1633/34 г. привел в Устюг даточных людей, «объявился воеводе» с «почестью» — деньгами и хлебом, наряду с этим вручил воеводе еще и деньги — побор в его пользу, собранный с сошки по рублю, всего 4 руб. 16 алт. 4 ден. Деньги были поднесены и дьяку съезжей избы¹⁰¹.

В 1636 г. сольвычегодский воевода Ф. С. Левашов из «государевых четвертных доходов из данных и оброчных денег»,

⁹⁷ РГАДА. Ф. 137. Сольвычегодск. № 23–6. Л. 65.

⁹⁸ Там же. Ф. 137. Оп. 2. № 76. Л. 54об.

⁹⁹ Преображенский А. А. Расходная книга земского целовальника Совьинской волости Вятского у. 1674–75 гг. // АЕ за 1966 г. М., 1968. С. 418.

¹⁰⁰ Копанев А. И. Крестьяне в XVII в. С. 221.

¹⁰¹ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 283.

доставленных из Ратмировской вол., «взял себе он, воевода ... поминок 40 рублей», которые крестьяне должны были снова собрать¹⁰². Этот поминок крестьяне квалифицировали как насилие воеводы, но возможность отчислений в свою пользу даже от государственных налогов у воевод была. С большей свободой они могли распорядиться неокладными доходами, размер которых строго не был закреплен. Отчисления с судебных дел и разбирательств всегда были возможны, несмотря на необходимость отсылки их в Москву.

Но не только воеводы, их родственники и дворяне, штат приказной избы получали содержание от крестьян и посадских уезда, но и государственные чиновники, приезжавшие с различными едино- или долговременными поручениями: писцы, сыщики по губным делам, дворяне с обысками и т. д. Посланных в уезд писцов и приданный им на месте персонал кормило, как известно, местное население по предъявляемой воеводе кормовой грамоте¹⁰³. В «поденный корм» входило мясо, птица, хлеб. Если учесть, например, что Устюжский у. описывали писцы четыре года (1622–1626 гг.), то их содержание ложилось дополнительным бременем на крестьян. Кроме кормов, писцы Н. Вышеславцев и А. Федотов просили «себе многих запросов и почестей великих»¹⁰⁴.

В июле 1675 г. приплыл в Тотьму писец Б. Г. Засецкий. Он, так же как и воевода, получил на проезд корм-поднос. При встрече на берегу староста поднес ему хлеба и калачей (на 3 алт. 2 ден.). Доставили писца в отведенный ему двор, «да как во двор вшед, несли ему пряник», калач (9 алт. 2 ден.), ведро меда (6 алт. 4 ден.), коровьего масла (16 алт. 4 ден.), двум его детям было дано полрубля, а всего 1 руб. 19 алт. 2 ден. Примечательная деталь: приехал писец, захватив, видимо, и семью. На следующий день по приезду мирские люди купили для писца четверть говядины, барана, свиной полоть, дали денег дворне, истратив на это 1 руб. 30 алт. Через неделю «хлеб ели все мирские люди у писца, несли ему в бумашке 16 алт. 4 ден.», двум сыновьям опять дали по 6 алт. 4 ден., людям «на весь двор» 3 алт. 2 ден. Мирских людей, евших хлеба, было 10 чел. Еще через четыре дня снова «хлеба ели» у писца, снова несли писцу полрубля, лисицу на 20 алт., давали детям и людям — 9 алт. 2 ден., подьячему при

этом поднесли четверть рубля, его сыну 2 алт. 2 ден., «человеку ево» — 1 алт.¹⁰⁵ Встречи с писцом обошлись миру в 2 руб. 24 алт. 2 ден. Всего же на него истрачено, включая мелкие покупки, 7 руб.

В 1631/32 — 1637/38 гг. в Устюжский у. присылались из Москвы сыщики Михаил Белосельский, Василий Беклемишев, Иван Францбеков с подьячими, и все они «имали себе и людям своим, и лошадям кормы и посулы и поминки великие», а также «сбирали посошныя многия на себя деньги». Более двух лет жил в Устюге приехавший из Стрелецкого приказа для сбора денег «московским стрельцам за хлебное жалованье» сотник Леотий Баландин, который, кроме корма, «имал себе посулы великие и почести»¹⁰⁶. Естественно, деньги на содержание феодально-административного аппарата крестьяне собирали неоднократно, развешивая их в соответствии с платежеспособностью хозяйств. Такие «мирские разметы», «мирские держи» приурочивались к срокам сборов четвертных налогов.

М. М. Богословский совершенно справедливо полагал, что, «вероятно, обычаем были выработаны и установлены по разным местам самые размеры приношений... Содержание воеводы в глазах мира — покоящаяся на обычном праве повинность»¹⁰⁷. Все эти сборы не вызывали у крестьян недовольства, если они не превышали традиционных размеров (или установленных договором). Чрезмерность поборов оценивалась мирами как «многие запросы и почести великие». В случаях, когда администратор и мир не могли прийти к взаимному соглашению, норма приношений казалась малой воеводе или другому администратору, тогда мир не выдерживал, и следовало челобитье в Москву на имя государя.

Строптивым для воевод оказался сольвычегодский мир. В 1635 г. он жаловался на воеводу Ф. Головачева, который «чинил великие насилие», а именно, получил на въезд с мира 430 руб., отчислял в свою пользу деньги с государственных налогов, брал поборы с выбираемых к казенным должностям, нарушая мирскую очередь и заменяя выборы назначением, за дрова, сено, лучину, доставляемыми старостой и оплаченными мирскими деньгами, брал еще дополнительные деньги. Перечисленным «вины» воеводы не исчерпывались. И мир возмутился! Предводительствуемые земским старостой и целовальниками, а также семьей посадских людей Го-

¹⁰² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1636. № 25-1. Л. 14.

¹⁰³ См.: Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова Н. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. М., 1986. С. 71.

¹⁰⁴ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. Приложение 2. С. 6.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. № 76. Л. 223 об., 224 об.-225, 226, 228 об.-229, 232 об., 234.

¹⁰⁶ Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. Приложение № 2. С. 9.

¹⁰⁷ Там же. Т. 2. С. 285.

гуниных жители, как изображал сам воевода, ворвались к нему в двор и хотели его убить. Ф. Головачев лично предложил помириться с ним на 400 руб., но сольвычегодцы отказались. Конфликт разбирался на высшем уровне, докладывался государю, после чего злоупотребления воеводы расследовались на месте, и в результате Ф. Головачев был смещен¹⁰⁸. Сменивший его новый воевода Ф. С. Левашов мало отличался от прежнего. После приезда он специально призвал к себе представителей мирских властей — старосту и земских целовальников и «многих мирских людей» и объявил им, что пожалован «к Соле» на воеводство. Мотивировка самого воеводы следующая: он получил должность «за смоленскую службу». Характерно, как восприняли весть мирские люди — «словом сказывал мирским людям» воевода о своем назначении, а «государева наказу нам в мир не вычитал»¹⁰⁹. Это обстоятельство — словесное объявление уже насторожило мир. Интересно, что и в Сибири крестьяне и служилые инкриминировали воеводе Томска О. И. Щербатому, что он не прочитал им царский указ о строительстве укреплений¹¹⁰.

Правительство практиковало доведение до сведения всех сословий, включая посадских людей и крестьян, жизненно важных постановлений. Указ о переписи 1646 г. в Тотемском у., например, писцы И. С. Вяземский и Л. Нестеров должны были «посацким земским старостам и всем посацким и жилецким всяким людям вычитать не по один день», также и в уезде «в черных станех и в волостях, и во владычных, и в монастырских, и в церковных, и всяких чинов людей вотчинах сей государев указ вычитать старостам и целовальником, и всем людям»¹¹¹. Государственная власть отводила вполне определенную роль должностным лицам миров в информировании населения о проведении тех или иных мероприятий. Процедура чтения указов воеводами перед мирскими людьми, в том числе наказов об их назначении, придавала этим постановлениям законность и силу.

Позже, когда разгорелся конфликт сольвычегодского воеводы и мира, всеуездный староста в челобитной выразил отношение мира к устной информации следующим образом: «велено-де мне (воеводе. — Е. Ш.) на мирских людях по государеву наказу на приезд-де доправить на полгода полтора рубля да на Велик

день велено по наказу же доправить на однорядку пятнадцать рублей», что воевода и «выправил» с мира «великим правешем». Воевода Ф. С. Левашев заявил также: «велено-де мирским людям меня, воеводу, за смоленскую службу кормити и харчи всякие носить на двор по вся дни», что и делалось; мирские люди «хлеб и рыбу и мяса по вся дни, и дрова и лучину и воду с реки возили, и конем корм», на что издержали 27 руб. Всего же деньгами и «харчью» воевода получил от мира 218 руб. Но, главное, что не удовлетворяло мир и шло вразрез с его представлениями и понятиями, это тот факт, что воевода Ф. С. Левашев не довел до сведения мира («не вычитал»), «почему велено ему быть у Соли на воеводстве и какие ему деньги и корм с нас имать». Вряд ли мир хочет правительственной регламентации кормов, но на памяти у него уставные грамоты, регулировавшие его отношения по поводу кормов. Ф. С. Левашев, правя «многие деньги ... с миру на себя» и приводя в убытки волостных крестьян и посадских людей, добился заявления мира, что впредь «нам с ним, воеводою, жить не можно» и требования «того воеводу переменить». Конфликт был столь остр, что перерос в открытое недовольство и повлек движение посада и крестьян уезда против самовольства воеводы. Оно вызвало расследование специально посланного в Сольвычегодск дворянина А. Акинфиева, и в результате Ф. Левашев был смещен¹¹².

В 1680 г. возникло спорное дело чарондского мира с писцом и одновременно воеводой П. Протопоповым, которому мир выразил недовольство, ибо он превысил нормы поборов и его уличали «во взятках и в налогах, и в харчевых и в конских кормах». Мир в своей челобитной с полной ясностью заявил: «И впредь нам он, Петр, не люб и не надобен, что нам от него чинитца великая шкота и раззоренье»¹¹³.

Бывал ли мир доволен своим администратором и как выражал это? В 1644 г. сольвычегодский мир ходатайствовал за воеводу М. А. Кольцова-Мосальского, которого, по слухам, собирались раньше срока сменить. Воевода устраивал мир, потому что он государственные дела делал «в правду», а мирским людям не чинил «продажи, убытков и насиловства». Кольцов был оставлен на весь срок¹¹⁴.

¹⁰⁸ Там же. С. 286; Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. Воронеж, 1975. С. 179–181.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1636, № 25–I. Л. 9.

¹¹⁰ Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 105.

¹¹¹ АПД. III. С. 79–80.

¹¹² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1636. № 25–I. Л. 9 об.–15. См.: Чистякова Е. В. Указ. соч. С. 181–184.

¹¹³ АПД. IV. С. 96–113.

¹¹⁴ Богословский М. М. Указ. соч. Т. I. С. 80–81.

Крестьяне в своих челобитных нередко называли земли и волости, в которых жили и хозяйствовали, «государевой вотчиной», а себя «государевыми крестьянами» (о чем подробно говорится в следующей главе). По этой логике воеводы с их аппаратом и другие административные чины — присылаемые в такую «вотчину» управители, а потому они вправе получать кормы с крестьян. Посредническое положение воевод между крестьянами и верховным собственником, их судебно-административная власть позволяла им, подобно частным феодалам, эксплуатировать крестьян, соучаствуя в распределении феодальной ренты.

Итак, на черносозном Севере отчетливо проявляются частнохозяйственные устремления и поступки местных администраторов. Оценка их в качестве «сеньориальных» позволяет по-новому и более глубоко понять роль воевод и их аппарата в местном управлении. В их поведении, действиях сказывались не *пережитки* или отголоски наместническо-кормленческой системы, а конкретные проявления частнофеодальной эксплуатации, которая покоилась на вековых устоях феодальной собственности, а также на традиционных нормах, которые крестьяне блюли и защищали.

ГЛАВА 6

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЧЕРНОСОЗНЫХ КРЕСТЬЯН О ЗЕМЛЕ И ВЛАСТИ

Северный крестьянин в хозяйственной инициативе был свободен, как земледелец он претворял в жизнь наследственно-распорядительные права, как член общины-мира участвовал в самоуправлении и через него был причастен к местному администрированию. В такой жизненной ситуации осознавали ли сами черносозные крестьяне свой социальный статус, свое место в общественной стратификации, — вопросы, важные для рассмотрения.

Нацеленность нашей историографии конца 50–80-х гг. на проблему классовой борьбы в качестве одной из ведущих в социально-политической истории привела к тому, что социальная психология крестьян изучалась в свете именно этой проблемы. Ученые выясняли проявления общественного сознания и идеологии на материале крестьянских выступлений, восстаний, т. е. в моменты социальных взрывов, что отразила немалая историография. Сюжет о ней — особая тема, потому обращусь к двум недавним работам. М. А. Рахматуллин отмечал слабую разработанность избранных для исследования вопросов: соотношение социально-психологических и идеологических компонентов общественного сознания крестьян, стихийность и сознательность, объективное и субъективное в борьбе крестьян¹. В монографии автор критически

¹ Рахматуллин М. А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М., 1990. С. 5.

осмыслил и синтезировал большой историографический материал конкретно-исторического и методологического планов.

Общественному мировоззрению русских переселенцев в Сибири посвящена книга В. А. Александрова и Н. Н. Покровского, которые раскрывают тему через выяснение взаимосвязей «власти» и «общества» на уровнях повседневных отношений мирских обществ с воеводами и «в моменты их столкновений, сплошь и рядом доходивших до открытых классовых выступлений». Пристальное внимание авторов к каждодневному общению самоуправляющихся миров с представителями государства на местах сочетается с рассмотрением позиций сословных сообществ в социальных потрясениях, в ходе которых антифеодальный протест приобретал «более громкое идейное звучание»².

В повседневном бытии крестьяне проявляли свое отношение и к земле, и к власти. Именно поэтому целесообразно попытаться уловить это отношение и ответить на обозначенные выше вопросы.

Участок земли, на котором крестьянин трудился в окружении своих однодеревенцев и сочленов по общине, был одним из важнейших слагаемых мира крестьянской повседневности. Другим таким слагаемым была власть, с представителями которой контактировал крестьянин, и побуждала его к контактам опять-таки земля, которой он обладал. Так что земля и власть — те реальности бытия, в которых не только существовал крестьянин, но и которые формировали его мировосприятие. На него воздействовали, конечно, и многие другие компоненты, например, включенность крестьянина в общину. Все они вкуче составляли порядок, который образует строй жизни крестьянина. И земля, и власть занимали основополагающее место в крестьянской повседневности.

Трудовое право и эмоционально-психологическое отношение к земле выработало у крестьян, как было уже показано, восприятие ее как своей. Притяжательными местоимениями «мой», «свой», «наш» применительно к участкам земли наполнены поземельные акты: «деревнишка наша жеребей», «свой двенадцатый жеребей деревни Виторова», «свой же жеребей отца благословенье», а «тот мой жеребей», взял «на той своей трети»³. Напомню, что при купле-продаже земли крестьяне указывали на способ приобретения участка. Во второй главе уже говорилось об обосновании вла-

² Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 20, 21.

³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1623, № 13. Л. 81; 1627, № 81. Л. 4, 7, 23; 1623, № 6. Л. 1; Ф. 1161. Оп. 1. № 18, 24. Свидетельства могут быть многократно увеличены.

дения как обычно-правовой норме и рассматривались соответствующие формулы актов. Если даже первая клаузула купчей: «Се яз [имярек] продал есми...» при указании на размер деревенского участка не содержит притяжательного местоимения, то в формулу об обосновании владения включен элемент, свидетельствующий о представлении крестьянина об участке как своем: «отца своего благословенье», «по купчей отца своего», «по своей купчей... отца своего благословенье».

Длительное держание и возделывание участка способствовали выработке и укоренению взгляда на него как на личный, исключительно крестьянину принадлежащий. Переход земли от отцов к сыновьям, наследование ее как поколенно-потомственный вид распоряжения, купля-продажа, заклад, обмен как распорядительные сделки в жизни одного поколения усиливали это восприятие настолько, что оно становилось стереотипом. Такой стереотип воплотился в понятии крестьянской «вотчины», когда два-три преемственно связанные поколения вкладывали труд в один участок земли. Оно сконцентрировало единение крестьянской семьи (потомственных обладателей) с землей, в которой труженик видел как бы продолжение своего «я». Акты донесли до нас свидетельства о землях, доставшихся крестьянам «от дедов от наших и от отцов», «по купчим и по деловым записям прадеда моего»; как раз такие земли крестьяне считали вотчинами: «вотчина наша деда и отца моего», «вотчина деда нашего», и очень показательно: «есть у меня земля, вотчина отца моего *оставление*, а свое владение». Еще раз подчеркну: когда-то купленная земля, затем переданная по наследству, по воззрениям крестьян, также становилась вотчиной.

Жизнеспособность этого стереотипа подчеркивают, например, 8 поручных записей крестьян Сольвычегодского у. Лоемской вол. Лузской Пермцы по своим соволощанам, выданных 3 и 2 марта 1625 г. при писцах И. С. Благово и В. Архипове. Все документы обязывают крестьян «жить» за порукой поручителей в Лузской Пермце «на своей вотчине, где они прежде жил(и)»⁴. Поводом для поручных стало желание крестьян покинуть свои деревни: один «хотел из Лузские Пермцы выехать на Каму», другой — «побежать в Сибирь», а все они устремились на новые земли. Писцы, облеченные административными полномочиями по землеустройству уезда, пресекли попытку крестьян «съехать» или «сбе-

⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626, № 45-1. Л. 72-75.

жать» из волости, обязали их в «Сибирь и на Каму и в иные города не ехать, никуда» или «впредь из Лузские Пермцы не выехать ни в которые города». Оформлением поручных писцы обязали поручителей и «всех Лузские Пермцы Успенского прихода крестьян» удерживать своих сочленов в их деревнях на их исконных участках и «государевы подати и мирские розметы платить с мирскими людьми вместе по мирскому окладу», связав всех круговой порукой.

Из поручных следует, что писцы сочли бытовавшее среди крестьян наследственное владение участками в порядке вещей. Столкнувшись с ним в своей практике, они действовали сообразно местным условиям. Раздавая, например, пустоши крестьянам в льготное пользование, они считались с возможностью того, что на них «выищется вотчинник» или появится «старый вотчинник», державший когда-то участок, которым в настоящий момент владел другой крестьянин. Однако писцы были озадачены тем обстоятельством, что «многие люди» — посадские и крестьяне — предъявляли им старые документы о выкупе заложенных участков 40-, 50- и даже 70-летней давности, другими словами, относящиеся ко второй половине XVI в.⁵ Писцы запросили Устюжскую четверть, которая в своей деятельности не сталкивалась с подобным прецедентом, и она доложила о незаурядном случае «государям». Так сольвычегодские писцы получили разъяснение высшей правительственной инстанции.

Рассматриваемые поручные грамоты — это свидетельства проведения в жизнь статей писцовых наказов. Писцы дворцовых и черносошных земель следили за хозяйственным использованием пашен, и в первую очередь тяглых. Наказ предписывал крестьян, которые «пашут пашню на сторонах... мимо государевых земель», а пашни «в государевых черных землях» запустошили, «подавати на крепкие поруки з записями, что им вперед свою тяглую пашню пахать всю, а в песте не положити..., а на сторонах им пашни мимо своих пашен пахать не велеть»⁶. Сольвычегодские писцы встретились в Лузской Пермце не только с забрасыванием тяглых участков, но и с вполне реальной потерей тяглецов, стремящихся уйти из пределов волости на «сторону», да столь далекую, как Кама и Сибирь. Поручные документально воплотили пункт наказа

⁵ Можно предположить, что ко времени после реформы 1556 г., бывшей весьма значительным событием в жизни северных миров.

⁶ АПД. I. № 89, 104, 115, 120. С. 113, 135, 184–185, 237–238. См.: Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. М., 1986. С. 83.

«на сторонах им пашни... пахать не велеть», а также адресованное им распоряжение о возвращении на старые участки «сошлых» «из наших дворцовых сел и черных волостей крестьян», которые вышли до и после «московского разоренья» в 1609 и 1610 гг. и «по нынешний 134-й (1625/26) год»⁷. Они же показывают, сколь активно вторжение представителей государственной власти в жизнь крестьян. Ведь крестьяне «живут» — обитают и хозяйствуют на «государевых черных землях», статус которых предопределен «лежавшими» на них податными обязательствами. Они обрабатывают именно такую землю, осваивают новые пахотные и сенокосные площади, распоряжаются землей. Крестьянин ведет себя как хозяин, прилагая к земле свою рабочую силу в соединении с орудиями труда, при этом он свободен в хозяйственной инициативе, ибо рядом нет ни посельского, ни приказчика, как в частной вотчине.

Однако активность и инициатива крестьянина не беспредельны. Они ограничены — как русло реки берегами — тяглыми обязанностями. Распоряжаясь землей, крестьянин передавал вместе с нею или принимал на себя поземельные платежи. Отказ от части тягла означал отказ и от соответственной доли земли. Крестьяне действовали согласно твердому понятию: чья земля, того и подати. И потому характеристично выражение акта: «Земля Прокопью [или Ивану], и подати платить ему ж». Неразрывность, слитность податей с землей вела к тому, что продажа земли влекла и продажу тяглых податей и повинностей. И это не исследовательское образное выражение, а свидетельское показание документа: «А купили есми мя и потуги»⁸. Оно проявляет ясно осознаваемую крестьянином-индивидом связь со своей, «семейной» землей и вместе с тем адекватность ее с тяглом.

Все названные свойства крестьянского землевладения проявились в хорошо известных по литературе выражениях⁹, которые сводятся к следующим: земля — «Божья да государя великого князя, а роспаши и ржи наши», «царева и великого князя, а моего

⁷ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. № 143.

⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1625, № 24. Л. 4; 1627, № 81. Л. 7, 9, 10, 11; 1626, № 45-II. Л. 48, 146.

⁹ См.: Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909. С. 56; Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960. С. 131–132, 135; Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973. С. 54, 57, 94; Копанев А. И. Крестьянство в XVII в. С. 62; и др.

владения», «государева» или «государева царева вотчина, а мое владение». Все они суть вариации одной содержательной формулы, которая состоит, что вполне очевидно, из самостоятельных элементов. Последние, а вернее — явления, стоящие за ними, несут на себе временной отпечаток, что придает каждому из приведенных выражений самобытное значение, так что их можно считать формулами, действовавшими в конкретный историко-хронологический период. Они запечатлели соединение нескольких, казалось бы, несовместимых между собой понятий, которые легко уживались в представлениях крестьян. Причем их противопоставление — не контрверза, а взаимодополнение. Формулы вобрали житейский опыт крестьян, а он не был однозначным. Сказать, что он многоситуативен и потому разнообразен, недостаточно, хотя бы потому, что эти определения находятся в одной системе координат. Пожалуй, вернее оценить их опыт как многоуровневый, он складывался из разных напластований (элементов), достигая целостности.

При внимательном взгляде на формулы обнаруживается несколько понятийных уровней: земля (деревня) — владение крестьянина, аккумулировавшее его труд (роspашь, ржи); земля — великого князя, государева (в зависимости от статуса и титула верховного сюзерена); земля — Божья. Характерно, что пласты понятий в формулах варьируют от абстрактно-обобщенного до предельно-конкретного. Земля — творение Бога, и государь его наместник на ней, а крестьянин — ее пахарь. Введение в формулы столь высоких патронов свидетельствует об осознании крестьянами своего места в общественном устройстве. Собственно формулы синтезировали феодальную иерархию и христианско-церковную доктрину. Они закрепили также отношение крестьян к власти и земле.

Представляет интерес и воспроизведение в формулах титулатуры верховной власти. Естественно, она соответствует этапам государственности. Крестьянские поземельные акты внутреннего и прагматического назначения и воспроизводимый в них титул восходят к части титулатуры, названной А. Л. Хорошкевич субъектной. Она отметила разницу содержания терминов «великий князь» и «государь», заключающуюся в смене первенства среди равных на единственность среди подданных, а также на сосуществование обоих терминов в титулах Ивана III и его преемников¹⁰.

¹⁰ Хорошкевич А. Л. Из истории великокняжеской титулатуры в конце XIV — начале XV в. // Русское централизованное государство. Образование и эволюция. XV–XVIII вв. Чтения, посвященные памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений, М., 1980. С. 28–29.

Достоин внимания то, как сочетаются или соотносятся между собой понятия формул, обозначающие субъективное и объективное отношение крестьян к земле. Материал XV–XVI вв. о характере черного землевладения концентрированно приведен в работе Л. В. Черепнина «Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв.»¹¹. Это обстоятельство во многом облегчает задачу. Прослеживается, что в многообразии фигурирующих выражений земля — великокняжеская, черная, тяглая, волостная (или становая) — находилась в разработке крестьян, которые таковую пахали, косили, ставили на ней починки, т. е. «жили». По отношению к участкам крестьяне еще не говорили «мое владение», что необходимо подчеркнуть. Акты XV в. запечатлели тот период отечественной истории, когда освоение земель и наращивание пахотных площадей шло очень интенсивно. Думаю, что своей масштабностью этот процесс сравним с периодом «великих расчисток» XII–XIII вв. во Франции. В первой главе уже показаны экстенсивность земледелия и большое значение в нем переложной системы, что, безусловно, в полной мере присуще к сельскому хозяйству XV в. Это же время широкого бытования на землях великокняжеских и вотчинных такой прослойки крестьян, как старожильцы. Их поземельно-хозяйственная связь проявлялась не по отношению к данному конкретному участку земли, а скорее, к массиву земель, которыми располагала община. Поэтому-то в документах часто идет речь о земле волостной или становой. В силу вышеназванных особенностей русского сельского хозяйства и имевшейся до конца XV в. юридической возможности прервать договор с феодалом крестьянин не вычленяет еще свое держание из общинного. Ю. Г. Алексеев обратил внимание на существование долговременной связи земледельца с волостью при необязательности наследственных связей с участком, деревней¹².

Возвращаясь к рассматриваемым формулам, убеждаемся, что до определенного момента¹³ действовало такое сочетание: «земля государя и великого князя» и на ней «роspашь», «пожни», «починки» крестьян. Последние акцентировали внимание на разработке и пользовании угодьями, что имело временной (хотя и

¹¹ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 217–220.

¹² Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. М., 1966. С. 21, 102–103.

¹³ Н. Н. Покровский считает, что фиксирование верховного права великого князя на землю в межкрестьянских купчих Севера относится к самому концу XV в. (Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 61).

длительный) предел, и не подчеркивали, что «роspaши», «починки», «деревни» — их владение. Как и когда произошло подобное превращение, можно обрисовать пока в общих чертах. Оно было вызвано продолжавшимся процессом феодализации, распространением вотчинного землевладения; известным катализатором послужило и введение Юрьева дня. Для более конкретного суждения целесообразно, на мой взгляд, проследить по актовому материалу перерастание земельного держания как объекта приложения труда во владение, что, в свою очередь, даст дополнительный материал для выяснения, например, практического действия закрепостительных постановлений.

С какого-то момента формулы зафиксировали положение: земля — «царева и великого князя», а крестьянское («мое») — «владение». Изменению, как видим, подверглись оба члена формулы. Еще один этап трансформации отражен формулой: земля «государева царева вотчина», а «владение» крестьян. В ней предстает в характернейшем виде понятие «государевой» земли, которое проделало путь от высшей принадлежности великому князю, государю и великому князю, царю и государю до осознания ее как государственной вотчины. Конечно, прежде чем появилось сочетание земля «государева (царева) вотчина», доведенное до своего логического завершения, оно прошло через форму: земля «государева царева, а мое ...владение». Выражение «государева царева вотчина» по отношению к черной земле — квинтэссенция в восприятии крестьянами той земли, которой они владели.

Уместно также подчеркнуть и термин «владение», который употребляли сами крестьяне. Именно владение, а не только обладание и пользование, соответствовало в наибольшей степени характеру прав крестьян на землю, включавших и распоряжение ею. Эволюция отношения крестьян к земле, на которой они хозяйствовали и которой владели, знаменательна. Это отношение сформировалось под воздействием хозяйственно-трудовой деятельности крестьян, с одной стороны, и тех изменений, которые претерпевал во времени общественный строй, — с другой.

Рассматриваемые поручные грамоты со всей очевидностью показали, как прочно держала крестьян фискальная практика правительства. Собственно, запретив крестьянам покидать свои тягло-податные участки, писцы взяли с них, на языке нашего времени, подписку о невыезде. Тем самым правительственные администраторы внеэкономически принудили крестьян остаться на землях своей общины. Поручные засвидетельствовали, насколько

зыбка крестьянская свобода, она временна, непостоянна, ограничена. Положение черносошных крестьян определяет оппозиция свобода — «зависимость», вытекающая из сущностных для феодализма и всеобъемлющих отношений господства — подчинения. Зависимость крестьян как раз и сказалась в восприятии ими черных земель в XVII в. как «государевой вотчины». В сочетании «свобода — зависимость» его члены находятся во взаимодополнении и вряд ли в равновесии. Конкретные исторические обстоятельства перетягивали чашу весов в ту или иную сторону. В период действия формулы земля «государева вотчина» — «владение» крестьянина перевес произошел в сторону зависимости, что не означало полной потери свободы, а скорее, сильного ее ограничения, сужения поля ее действия. Эта формула — крайнее выражение крестьянской «несвободной» свободы. ☹

Формула существовала и с другим сочетанием своих элементов: земля — «государева царева» и также крестьянское «владение». Трудно сказать, насколько широко был распространен тот или иной вариант и от чего зависело употребление каждого из них. Но воплощенное в формуле выражение почти предельной несвободы следует учитывать. Сосуществование более мягкого и жесткого вариантов одной формулы говорит о подвижности степеней свободы, действовавших в толще одного общественного слоя, каким были черносошные крестьяне.

Возможно возражение, что квалификация черной земли как государственной вотчины, скорее, исключение, чем правило, но ее появление достойно внимания. Показательно уже то, что подобная оценка возникла и бытовала среди крестьян. А может быть, она — специфика только актов, регистрировавших поземельные распоряжительные сделки? Пролить свет на этот вопрос позволяют некоторые документы, одновременно они же характеризуют понимание крестьянами своего статуса.

Конечно, в повседневной обстановке среди своих соседей-однодеревенцев или соволожан крестьяне не заявляли о своей социальной принадлежности. И свидетельства такого рода встречаются в документах достаточно редко. Они появляются, когда крестьяне попадают в отличные от привычной повседневности житейские ситуации. Их донесли до нас крестьянские челобитные. Неординарность положения, в котором оказывался крестьянин, а иногда угроза разрыва привычных социальных связей, этакий «взрыв» логики повседневности активизировали сознание, и в результате получались осознанные оценки своего статуса.

В 1633 г. в Устюжской четверти рассматривались дела крестьян Устюжского, Тотемского уездов и Чарондской округи, которые очутились в сходном положении. Каждый из них насильственно был захвачен феодалами.

Один — Кирилл Лазарев сын Вологженина из Сухонского Нововышлого стана Устюжского у. жаловался на Ивана Игнатьевича Погожего, который «вымучил на меня запись жилую». Кирилл заявляет: «вековой я... твой государев крестьянин» и за Иваном Погожим «во крестьянстве не жывал». К этому он еще добавляет: «ни за которым помещиком во крестьянстве не жывал». Весьма красноречивое дополнение! Однако им объяснения Кирилла не исчерпываются. Он поясняет: «Наперед того жил я за тобою, государем, в Вологодском уезде, а после того перешол, живу в Устюжском уезде в Сухонском Нововышлом стану лет с шеснатцеть»¹⁴. Перед нами судьба черного крестьянина, причем «векового», т. е. исконного, наследственно жившего на «государевых» землях. Характерная деталь рассказа — Кирилл «перешол» из Вологодского у., правда, он не называет года, когда покинул прежнее место жительства. Важное для него подчеркнуть, что он уже около 16 лет живет в Устюжском у.

Вполне реально предположить, что выбили Кирилла из родных мест казацкие отряды, которые в 1614/15 г. «воевали» Вологодский край. Он подвергся, как обстоятельно показал А. Л. Станиславский, многократным походам и разорению разных казачьих станиц, а зимой 1614/15 г. уезд и соседние с ним Чарондская округа и Пошехонье стали ареной действий казачьего атамана Ивана Баловнева¹⁵.

Еще одна деталь рассматриваемого документа. И. И. Погожей схватил насильно Кирилла, причем на дороге «между Переяславлем и Троецкой вотчиной». Этот факт может быть действительно проявлением самовольства и насилия феодала, нуждавшегося в крестьянских руках. 30–40-е гг. XVII в. отличались и межфеодальной борьбой за крестьян¹⁶. Возможно, что вынужденный покинуть свою деревню Кирилл некоторое время «кормился», но не «живал», в поместье Погожего или в черных деревнях, которые тот получил в поместье. Хорошо известно, что уже с 1612–1613 гг.

¹⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1633, № 4. Ч. 1. Л. 42.

¹⁵ Станиславский А. Л. Восстание 1614–1615 гг. и поход атамана Баловня // Вопросы истории. 1978. № 5. С. 113–115, 117.

¹⁶ Андреев И. Л. «Сильные люди» Московского государства и борьба с ними в 20–40-е гг. XVII в. // ИСССР. 1990. № 5.

начались раздачи земель в поместье в Вологодском у. Во всяком случае, за время до своего водворения в д. Кононовской Сухонского Нововышлого стана Кирилл не утратил ощущения себя как черного крестьянина. Устроившись на новом месте и включившись в среду таких же «государевых» крестьян, он обрел уверенность. Именно с большой уверенностью он подтверждает свою потомственную принадлежность к государевым крестьянам и с большой твердостью отводит от себя причисление к помещичьим крестьянам — «ни за которым помещиком во крестьянстве не жывал», противопоставляя им свой статус.

Показательна реакция Устюжской четверти на челобитную Кирилла Лазарева сына Вологженина: она справилась с писцовыми книгами, написан ли он в них¹⁷. Собственно, четверть действовала по заведенному порядку. К справкам с писцовыми книгами администрация — четверти и воеводы — обращалась, когда отводила крестьянам землю по их просьбе. Запись земли в писцовой книге за определенным лицом, повторю, была для крестьян гарантией их землевладельческих прав. В то же время эта запись свидетельствовала о нахождении крестьянина на той или иной ступени социальной иерархии в рамках своего сословия. Обращение к писцовым книгам в XVII в. было уже хорошо отработанным приемом государственного администрирования. Причем приемом, применявшимся не только в целях составления кадастровых описаний, но и в повседневной деятельности центрального и местного аппарата.

Отрабатывалась же такая практика издавна. Во второй половине 90-х гг. XV в. Троице-Сергиев монастырь вел достаточно масштабный процесс из-за земель с крестьянской волостной общиной в Залесском Березуйце Костромского у. О нем свидетельствуют 12 документов, в основном докладные судные списки¹⁸. Дела разбирал судья Андрей Перелешин, сторону крестьян представлял «во всех крестьян место» староста Степан Панафидин, а монастыря — заказчик Афанасий. Инициатором исков во всех случаях была крестьянская община. В соответствии с процедурой суда А. Перелешин выслушал истца и ответчика, их свидетелей, а затем доложил дело дворецкому В. И. Патрикееву. Тот в свою очередь удостоверился у тяжущихся сторон, «был ли таков суд...». После утвердительного ответа обеих сторон монастырский заказчик, как последний весомый аргумент, предъявил на спорные зем-

¹⁷ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1633, № 4. Ч. 1. Л. 42.

¹⁸ АСЭИ. Т. 1. № 583–594.

ли имевшиеся у него документы — правые грамоты (в 6 случаях) или ссылались на писцовые книги (в 4 случаях).

Остановлюсь подробнее на этой отсылке и последовавшей за ней процедуре. Старец заявил, что спорная земля Мичково (или Потапово и т. д.) — «троецкая монастырская; а писано в костромских книгах Михайлова письма Волынского, а уж тому, господине, тридцать лет; [и] яз, господине, шлюсь на костромские книги»¹⁹. После такой доказательной мотивировки В. И. Патрикеев распорядился «дьяку своему — Олешке Безобразову у дьяка Никифора из костромских книг» сделать выписку о монастырских землях. Такая выписка была сделана, и В. И. Патрикеев поставлен в известность, что «написано, господине, в костромских книгах лета семьдесят третьего письма Михаила Волынского: земли троицкие Сергиева монастыря в Залесском Березуйце в Верхнем, на Мичкове — Федко». С. Б. Веселовский упоминает Михаила Борисовича Волынского как писца Костромы 1464/65 г. в своем очерке о Волынских, датированном 30-ми гг.²⁰, а писцовые книги Волынского фигурируют в разбираемой С. Б. Веселовским тяжбе 1502 г., происходившей в вол. Ликург Костромского у.²¹

В рассматриваемом комплексе судебных дел ценны, во-первых, упоминание столь раннего описания земель Костромского у., а, во-вторых, вполне сложившийся порядок работы великокняжеской канцелярии по такому важному вопросу, как подтверждение феодальных прав на землю. И еще один небезынтесный момент. Конечно, нельзя говорить о сходстве самих канцелярских формулировок, действовавших в конце XV в. и в XVII в., однако они достаточно близки. Резолюция Устюжской четверти по делу 1633 г. о спорных пожнях в Коротецкой вол. Чарондской округи: «Выписать из прежнего и из нынешнего челобитья и из отпуску и ис писцовых книг»; или по делу об отдаче на оброк того же года в вол. Верхний Кулой Тотемского у.: «Выписать из писцовых книг»²².

Обращаясь к разбираемой выше челобитной Кирилла Лазарева сына Вологженина, приведу резолюцию четверти на нее: «Выписать из челобитья и из писцовых книг, написан ли он в

писцовых книгах в волости»²³. Писцовые книги М. Вышеславцева и Аг. Федорова 1623–1626 гг. подтвердили жительство К. Лазарева в д. Кононовской. Со своей стороны Кирилл тоже укрепил свою позицию документально. Он «положил» перед дьяком Устюжской четверти Пантелеем Чириковым не что-нибудь, а «платежные отписи» о внесенных им государственных податях, причем за 13 лет с 1620 г. Тем самым он подтвердил свою принадлежность к «государевым» крестьянам и также свою хозяйственно-податную исправность.

Обязанность крестьян нести налогово-повинностные тяготы оборачивается еще одной стороной. Она становится показателем гражданской дееспособности крестьянина. В текущей повседневности при уплате полагающихся податей и получении от общинного старосты или целовальника отписок Кирилл социально не выделялся из среды своих товарищей. Однако вне обыденной обстановки и как бы выключенный из нее и из своего социума черный крестьянин — личность самостоятельная, правоспособная. Он защищал себя от произвола феодала, обращался в судебную инстанцию, и не местного значения, но в центральное учреждение. Его хозяйствование на деревенском участке, подтвержденное тяглосьпособностью и воплощенное в данном случае в «платежных отписях», вычленяет крестьянина, однако не из ряда своих собратьев, государственных крестьян, а отличает его как представителя именно этой прослойки от иных прослоек, в рассматриваемом случае от помещичьих крестьян.

О другом крестьянине, Савве Савельеве из волости Шалги Бодуновой Чарондской округи, сообщал в Устюжскую четверть воевода Чаронды Андрей Морткин, которому Савва подал изветную челобитную. Крестьянин жаловался на приказчика Я. Ф. Панкова из вологодского поместья Л. С. Плещеева. С. Савельев с двумя родными братьями в конце января 1633 г. шел в Вологду для «промыслу», и по дороге «по деревням хлеба прошал Христовым именем». В имени Плещеева приказчик «велел» своим крестьянам «свесть их Савку с братьею к себе на подворье», где стал принуждать их дать на себя «кабал в холопстве». Отказ С. Савельева привел к тому, что приказчик «Савку бил и увечил и из двора от себя скинул», а его братьев задержал, «чтоб ему их похолопить». Воевода на основе челобитной С. Савельева утверж-

¹⁹ Там же. № 585, 587, 590, 591.

²⁰ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 286.

²¹ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М., Л., 1947. С. 435.

²² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1633. № 4. Ч. 1. Л. 167, 260.

²³ Там же. Л. 42.

дал, что Савка с братьями «живет за тобою, государем» в д. Соколье «искони вечно на тяглом жеребье»²⁴.

Устюжская четверть не оставила без внимания челобитную чарондского воеводы и распорядилась выяснить, где находился С. Савельев с братьями, «изневолил» ли на них холопство приказчик Плещеева. Собственно, и в этом случае крестьянин, отправившись глубокой зимой на приработок, стал «добычей» помещичьего приказчика, действовавшего в интересах своего феодала. А феодал принадлежал к группе «сильных» людей, имел поместье в Корнской вол., а спустя два года после описываемых событий, в 1635–1636 гг., воеводствовал в Вологде. Произвол и жестокость, которыми отличалось управление Л. С. Плещеева Москвой на должности судьи Земского приказа в 1646–1648 гг. и приведших к взрыву народного возмездия, способствовали безнаказанности действий его слуг в далеких от столицы имениях.

Усугубило положение С. Савельева то, что он просил подаяние. Это обстоятельство означало для крестьянина разрыв с привычной средой, снижение, если не утрату, социального статуса. Такая бездомность Савельева могла спровоцировать приказчика Л. С. Плещеева на насильственное действие и утвердить его в полной правоте. С. Савельев, вероятно, потому шел в Вологду для приработка и обращался за подаянием, что не был «средним» крестьянином, а, наверное, охудаившим. Он временно оторвался от деревни и общины и, испытав вероломство феодального слуги, обратился к публичной власти. Извещая воеводу о происшедшем, крестьянин рассчитывал на подтверждение с его стороны своей принадлежности к «государевым» крестьянам и тем самым на защиту от произвола даже всеильного феодала.

Еще одна примечательная черта, вырисовывающаяся из челобитной С. Савельева. Чарондскими воеводами, как упоминалось, назначались феодалы менее крупные и социально значимые, чем, например, в Устюг. Поэтому тот факт, что воевода Андрей Морткин дал ход челобитной С. Савельева против приказчика Л. С. Плещеева, показателен. С. Савельев в качестве аргумента в свою пользу выдвигает «искони вечное» житье в деревне «на тяглом жеребье». Опять тягло живущего за «государем» крестьянина становится залогом сохранения им своего социального лица.

В том же 1633 г. в Устюжскую четверть обратился крестьянин Тотемского у. Толшемской вол. д. Чаловой горы Иван Иванов «во

всех места товарищей своих... крестьян» с жалобой на стольника Дмитрия Плещеева. Челобитной предшествовал какой-то конфликт между крестьянами и стольником, который крестьяне считали, конечно, несправедливым: «взял твою государеву грамоту по нас, сирот твоих, на всех крестьянишек Чаловы горы, поклепав напрасно для своей бездельные корысти». Как и полагалось в таких случаях, тотемский воевода М. В. Головачев «дал» на поруки двух крестьян — челобитчика И. Иванова и Тараса Симонова, которые уехали в Москву держать ответ в Устюжской четверти по делу с Д. Плещеевым. Последний не торопится искать на крестьянах «для своей... корысти того своего поклепного иску». И даже велел «нас, сирот твоих, переимать», что и сделали 5 октября «люди его, Дмитриевы, Федор Иванов с товарищи». Они поймали крестьянина Тараска Симонова, а И. Иванов от людей Д. Плещеева «ушел». После чего подал челобитную с просьбой «поставить к ответу» в Устюжской четверти «человека» Д. Плещеева Ф. Иванова в присутствии челобитчика и «допросить» его, куда «твоего государева крестьянина Тараска Симонова дели»²⁵. Делу сразу был дан ход, ведь оно касалось непосредственно казенного налогоплательщика. Оказалось, что «государев крестьянин» Т. Симонов «взят в Холопей приказ» по челобитью жильца Ивана Исаевича Толстого, подавшего 2 октября «приставную» память о поимке своего «беглого старинного человека Тараска Максимова сына». Пойманный по его (Толстого) челобитью человек в Холопьем приказе в «ропросе» сказал, что «зовут-де его Тараском Симонов сын. Человек-де он *государев* крестьянин Устюжского уезда деревни Задней и родился-де он во крестьянстве в той деревне Задней. А в холопстве-де он ни у кого не живал»²⁶.

Над Т. Симоновым нависла угроза, куда более серьезная, чем над его собратьями в двух предыдущих случаях, — он уже попал в Холопий приказ. Из государственного крестьянина он мог превратиться (так же как в предыдущем случае С. Савельев) даже не в помещичьего крестьянина, а в холопа. Свободный от частнофеодальной зависимости, записанный в кадастр — писцовое описание, самостоятельный владелец земельного участка, правомочный, как явствует из документа, отстаивать общекрестьянское дело в Москве и уполномоченный на это общинниками («во всех крестьян с место») Т. Симонов — на грани потери своего высокого внутрисословного статуса и мог оказаться на самой нижней ступени со-

²⁴ Там же. Л. 203–204.

²⁵ Там же. № 36. Ч. 2. Л. 378.

²⁶ Там же. Л. 382.

циальной иерархии. Заявив в Холопьем приказе «у записки», что он — наследственный «государев» крестьянин и никогда ни у кого в холопах «не жывал», Т. Симонов 6 октября был препровожден в Устюжскую четверть именно потому, что «сказался государев крестьянин» Тотемского у. Можно полагать, что по заведенному порядку четверть должна была удостовериться в правильности показаний.

Во-первых, характерна в данном случае оперативность, с которой Устюжская четверть рассмотрела дело. Ей понадобилось на него два дня. Уведомившись, что крестьянин Тараска «взят в Холопий приказ», четверть послала в него для выяснения обстоятельств своего подьячего Михаила Иванова, который принес устный ответ. Устюжская четверть потребовала от главы Холопьяго приказа Ивана Федоровича Волконского прислать память с объяснением, «почему челобитью тот крестьянин Тараска Симонов взят был в Холопей приказ». Это объяснение Волконский дал 7 октября, уже после препровождения Т. Симонова из Холопьяго приказа в Устюжскую четверть. Во-вторых, она действовала, на первый взгляд, в интересах крестьянина, а не феодала.

Устюжская четверть — та административно-правительственная инстанция с судебными функциями, в которую обращались крестьяне северных уездов с исками на частных феодалов. Четверть разбирала конфликты и решала их в пользу крестьян, а не феодалов. Казалось бы, центральное учреждение феодального государства действовало вразрез с интересами того класса, которому служило. Это впечатление усиливается, если вспомнить, что великокняжеские суды в XV — первой половине XVI в., рассматривая поземельные споры феодалов и волостных черносошных крестьян, как правило, оправдывали действия феодалов, а крестьяне оказывались в проигрыше. Обращение крестьян к публичной власти оставалось их правом на протяжении XV–XVII вв., но конечный результат таких обращений изменялся с течением времени. Смена акцентов в политике правительства по отношению к черносошным крестьянам зависела от общего хода эволюции феодального государства, роста его потребностей, и прежде всего финансовых, от конкретных задач на каждом из отрезков этой эволюции. Важно уловить по документам момент смены акцентов, когда появляется как тенденция и затем укрепляется как внутривластная линия отношение к черным землям как к общегосударственным, а не только корпоративно-феодальным, для чего требуется самостоятельное изучение актового материала XV–XVI вв.

Во всяком случае, в первой четверти XVII в. контроль государства за земельным фондом — налицо. И не только фиксация земель кадастром свидетельствовала о нем. О таком контроле говорят рекомендации и решения по прецедентам правительственных администраторов. Данные грамоты писцов и воевод, которыми они отводили участки земли крестьянам, обязывали владельцев: «тое деревни в Строгановы вотчины и в монастырь и к церкви ни продать, ни заложить, ни по душе не отдать, никакова угоды на рознь не продать же»²⁷. Хорошо известны указы 1649, 1651, 1687, 1690 гг., запрещающие северным крестьянам отчуждение своих земель феодалам и беломестцам. Сохранность черносошного земельного фонда в XVII в. диктовалась фискальными заботами правительства, остро нуждавшегося в деньгах. Именно в русле фискальных мероприятий находятся оперативные решения Устюжской четверти и чарондского воеводы по сохранению крестьян-налогоплательщиков. Потребности феодального государства в целом гораздо весомее и важнее для правительственных чиновников, ведавших черносошных крестьян, чем отдельных феодалов.

Обратим внимание на фразеологию челобитных. Крестьяне, подтверждая свою социальную принадлежность, говорят: жил «за тобою, *государем*», «*твой, государев*, крестьянин», «человек-де он *государев* крестьянин»²⁸. Вместо «государев» в документах частнофеодального происхождения стоит имя любого феодала. Перед нами выражения, в принципе тождественные, ставшие стандартными, но несущие разную смысловую нагрузку.

Интересно установить время и пути появления вместо распространенного в XV–XVI вв. определения — *черный, черносошный — государев*. Земельно-распорядительные акты первой трети XVII в., во всяком случае, не содержат слово «государев». И в нем не было надобности, так как при поземельных сделках, совершавшихся между крестьянами, не было нужды уточнять статусную позицию. Сделки заключались по преимуществу между однопоселенцами или соволожцами, т. е. в пределах малых социальных групп, пронизанных родственно-свойственно-соседскими связями.

Можно предположить, что термин «государев» крестьянин появляется не во внутрикрестьянской среде, а при проникновении или столкновении понятий этой социальной группы с воззрениями представителей иных слоев, т. е. на стыке сословно-социальных представлений. Термин был необходим черносошным

²⁷ Там же. 1623, № 13. Л. 53, 59, 79.

²⁸ Там же. 1631, № 30. Ч. 1. Л. 68.

крестьянам, чтобы, во-первых, выделить себя из других сословных крестьянских групп, во-вторых, подчеркнуть свое особое положение, а именно, принадлежность государю как высшему суверену, правителю страны. В сознании средневековых людей, не отделявших государя от государства, персона властителя олицетворяла государство. Отсутствие на черносошных землях посредника (частного феодала) между государем и крестьянами сокращало дистанцию между ними — подданными своего государя (причем одновременно государя-сюзерена и государя-правителя) и самим государем. Отсюда — крестьянин, как всякий подданный, выражает свою непосредственную принадлежность государю в словах «твой», «за тобою», «в твоей» и т. д. В них нет абстракции, эти выражения конкретно наполнены, личностны, и как раз личностными связями пронизаны отношения при феодализме. «Твой» государев крестьянин вел хозяйство в государевой «вотчине» или обосновывался в ней: «пришел к нам в твою государеву царскую вотчину»²⁹. Обратимся теперь ко второму члену словосочетания.

Крестьянин — подданный суверенного властителя, его подданство и существование на «государевых» землях — опять же «искони вечное», и сами эти земли — традиционно наследственные, «отчина» государей. Употребление термина по отношению к черносошным землям, полагаю, нужно понимать как раз таким образом, а не в смысле домениальных владений, какими были дворцовые земли. Правда, в таком словосочетании содержится оттенок сеньориального характера.

Поземельные акты и челобитные крестьян, содержащие рассматриваемые формулировки, как правило, писали земские дьячки. Их ежегодно избирали крестьяне-общинники из своей среды и оплачивали работу из сборов на мирские нужды. Естественно, что дьячки не только были грамотными людьми, но и имели навыки составления подобных бумаг. Нередко документы оформлялись и утверждались (если не составлялись) в приказном учреждении, где к их форме предъявлялись определенные требования, вырабатывавшиеся на основе практики и государственно-правовых установлений. Конечно, на документы, выходившие из-под пера дьячков, влияло государственное делопроизводство. Однако при всей унификации формуляров актов и челобитных их содержание и смысловая нагрузка выражений были менее подвержены такому влиянию, ибо дьячки принадлежали к земским властям и были

сведущи в поземельно-хозяйственных делах общины и групп внутри нее. Уже одно это обстоятельство, думаю, не позволит усомниться в правомерности привлечения такого рода документов для изучения социальных представлений крестьян, хотя не исключает целесообразности постановки в исследовательской перспективе источниковедческого вопроса об адекватности отражения в соответствующих документах XV–XVII столетий, да и позже, проходивших на разных стадиях через государственные инстанции, широкого спектра крестьянских представлений.

Итак, разнообразные коллизии, засвидетельствованные актами, порождены поземельными отношениями крестьян, покоившимися на трудовом праве и вековых обычаях. Это как бы один уровень крестьянских взаимоотношений. В то же самое время хозяйствование крестьян на земле связывает их многими нитями через тягло-податные обязанности с феодальным государством. Это другой уровень отношений, но опять же связанных с землей. Оба уровня, а их следует воспринимать только как аналитико-исследовательское членение, обусловлены разными правовыми основаниями: государственным и обычно-правовым. Причем обычно-правовая традиция в жизни феодального крестьянина была фундаментальным компонентом в сплаве обычного и государственного права. Устойчивые понятия черносошных крестьян о земле («своей», «вотчине»), находившейся в их владении и одновременно принадлежавшей государю, были сформированы длительным бытийным опытом. Мировосприятие крестьян как осознание этого опыта синтезировало обычно-правовые порядки и государственные установления.⁷

²⁹ Термин в таком виде см.: Там же. Л. 68.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феодальное государство России XVII столетия изживало этап сословно-представительной организации власти и двигалось по пути неограниченного монархического правления. Этот процесс затронул органы политического строя от верховных до местных. Посвоему он сказывался и на сословных структурах российского общества, которые находились не только в противостоянии, но и во взаимодействии. В проделанном исследовании как раз и выяснялись взаимоотношения государства и одной из сословных категорий крестьян — черносошных.

Имущественные отношения крестьян, и поземельные как наиболее существенные из них, базировались на праве владения землей с вытекающим из него широким распоряжением. Владение крестьян землей, которая наследственно переходила к потомкам, подкреплялось вековым трудовым процессом на ней. Земледельческий труд в аграрном обществе — та реальность, которая питала обычаи и традиции в производственной сфере. Было выявлено разнообразие обычно-правовых норм, которых придерживались крестьяне. Эти нормы регулировали поземельно-имущественные отношения, гарантировали их порядок и, в конечном счете, обеспечивали непрерывность сельскохозяйственного производства.

Заключение поземельных сделок между крестьянами происходило без прямого контроля и вмешательства представителей государственной и общинной властей. Такая свобода распоряжения, с одной стороны, стимулировала хозяйственную инициативу, предприимчивость, социальную мобильность крестьян, с другой — оборачивалась явным имущественным неравенством. Однако эта свобода была ограничена статусом черной, тяглой земли, на которой жили и работали крестьяне. Отчуждение ее было возможно только при сохранении

тяглых обязательств, «лежавших» на земле. Непременность данного условия при поземельных сделках подчеркнута обычно-правовой нормой о переходе вместе с отчуждаемой землей платежей и повинностей к приобретателю участка. Тягло-фискальный компонент был ведущим в отношениях крестьян с государством, он же влиял на экономическое положение и имущественные отношения крестьян.

В русле поддержания крестьянской тяглоспособности как залога получения налогов и повинностей следует оценивать такие постоянные организационные приемы, как льготное и оброчное пользование землей, позволявшие государству гибко использовать имевшиеся в крестьянском хозяйстве ресурсы.

Регулярные податные платежи с черносошных крестьян концентрировались в Устюжской четверти как отделении государственной казны. Затем они перераспределялись между звеньями административного аппарата, шли на обеспечение военной службы дворян, содержание стрелецкого войска, дворцовые нужды. Такой перелив средств, далеко отстоящий от налогоплательщика, не должен затенять рентного характера поступлений с крестьянских земельных держаний.

Собственно, само обращение земли между крестьянами как хозяйственное мероприятие происходило у черносошных и других категорий крестьян без особых различий. В литературе отмечены факты распорядительных земельных сделок в XVII—XVIII вв. у крестьян монастырских, архиепископских, патриарших и светских феодалов¹. Частнофеодальные крестьяне совершали те же самые операции — передачу по наследству, разделы, обмен, куплю-продажу, что и черносошные. Распорядительные сделки, рассматриваемые в плоскости земельно-имущественных отношений крестьян, следует считать органичным элементом аграрного процесса при феодализме. Принципиальная разница между группами крестьян, распоряжающихся землей, явственно обнаруживается при взгляде на поземельные сделки с социально-правовой точки зрения.

¹ Шапиро А. Л. Крестьянская община в крупных вотчинах первой половины XVIII в. // Ученые записки Саратовского госуниверситета. Т. 1. Вып. 1. Саратов, 1939. С. 49; он же. Об имущественном неравенстве и социальном расслоении русского крестьянства в эпоху феодализма // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 47; Сахаров А. Н. Русская деревня XVII в. По материалам патриаршего хозяйства М., 1966. С. 146—147; Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. С. 178—179; Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л., 1981. С. 96, 102—108; Вдовина Л. Н. Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. М., 1988. С. 190; и др.

Распоряжение частнофеодалного крестьянина надельной землей ограничено рамками вотчины, и земля не могла быть отчуждена за ее пределы. Черносошный крестьянин Севера в XVI–XVII вв. реализовал свой участок внутри одной сословной группы (реже среди посадских людей), а также отчуждал землю представителям господствующего сословия (монастырям, Строгановым). В последнем случае сделки вторгались в сферу действия государственного тягла. Оно служило для черносошного крестьянина показателем его сословной дееспособности, мерил его участия в несении государственных налогов и повинностей. Наряду с этим тягло черносошного крестьянина выступало еще в одной роли, а именно регулятора при распорядительных сделках. Распорядительные права частнофеодалных крестьян в сравнении с правами черносошных резко сужены, лимитированы принадлежностью к конкретной феодальной вотчине.

Диапазон распорядительных прав черносошных крестьян несравненно шире, движение земли шло как по горизонтали — в одном сословии, так и по вертикали общественной структуры — к противостоявшему сословию.

Отмечая свободу распорядительной инициативы черносошных крестьян, нужно обратить внимание на следующее обстоятельство. При реализации участков земли крестьянам или посадским людям сменялись их конкретные владельцы, а массив обрабатываемой государственной земли оставался неизменным. Продажа или заклад крестьянского участка частному феодалу вели к вмешательству в фонд феодальной земельной собственности, что противоречило устремлениям государства централизованно перераспределять его. Прерогативой правительства была раздача черных и дворцовых земель в 10-х гг. XVII в. в вотчины и поместья. Уложение 1649 г. еще раз подтвердило, что дворцовые и черные земли — источник пополнения поместно-вотчинного массива, и правительству принадлежат законодательно установленная регламентация в отношении всех форм землевладения, включая поместную и вотчинную². Именно в силу этого права государственная администрация издавала запретительные указы об отчуждении черносошными крестьянами земель в руки феодалов и беломестцев, но указы не были нацелены на пресечение вообще поземельных сделок среди черносошных крестьян центрального и восточного Поморья. Закрепив частнофеодалных крестьян за их владельцами, государство нераз-

рывно связало производительную деятельность крестьянина с хозяйственным комплексом феодального владения.

В то же время по отношению к черносошным крестьянам государство через подчинение тяглу и его регуляторную функцию проводит линию на замыкание их хозяйственной деятельности внутрисословными рамками, пресекая отчуждение земли в руки частных феодалов, однако это направление правительственной политики сталкивается с обычно-правовыми действиями и традициями крестьян.

Сочетанием государственного и обычно-правового элементов была пронизана не только хозяйственно-трудовая деятельность крестьян. В общественной жизни совмещались порядки государственно-административные и мирского самоуправления. Во-первых, государство продолжало использовать мирской выборный аппарат в качестве низшего управленческого звена, а также частично содержать местную администрацию за счет общины. Для этой цели община собирала с крестьян деньги по «мирским разметам», что свидетельствует о не закончившейся еще к середине XVII в. централизации местной государственной власти, о привлечении сословных представителей в лице всеуездных земских властей к местному управлению. Во-вторых, воеводская власть, занимая посредствующее положение между органами мирского самоуправления и центральными учреждениями, подкармливалась общиной и потому была до некоторой степени зависима от нее. Попраirie интересов мира, общинной традиции кончалось для воеводы смещением с должности, что говорит о силе и живучести сословного крестьянского и посадского самоуправления.

Итак, выяснение взаимосвязей черносошных крестьян Севера России с феодальным государством в XVII в. убедило в сосуществовании, во-первых, в рамках государственного законодательства обычно-правовых норм, которыми руководствовались крестьяне в поземельно-имущественных отношениях и которые признавало правительство, во-вторых, в местном государственном управлении — общинно-выборного течения, от которого первое не могло полностью отказаться. Действенное обычное право крестьян и неизжитые почти до конца XVII в. элементы сословного представительства (особенно явные в первой половине столетия) были важнейшими чертами в характеристике черносошных крестьян как сословной группы; именно они формировали мировосприятие крестьян, осознание ими своего статуса «государевых», что выделяло их как категорию внутри крестьянского сословия. В совокупности с личной независимостью от частных феодалов эти черты, будучи системообразующими, когда-то породили, а в изучаемое время питали в обширном поморском регионе вариант феодализма, называемого «государственным».

² Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 60–65, 91–93.